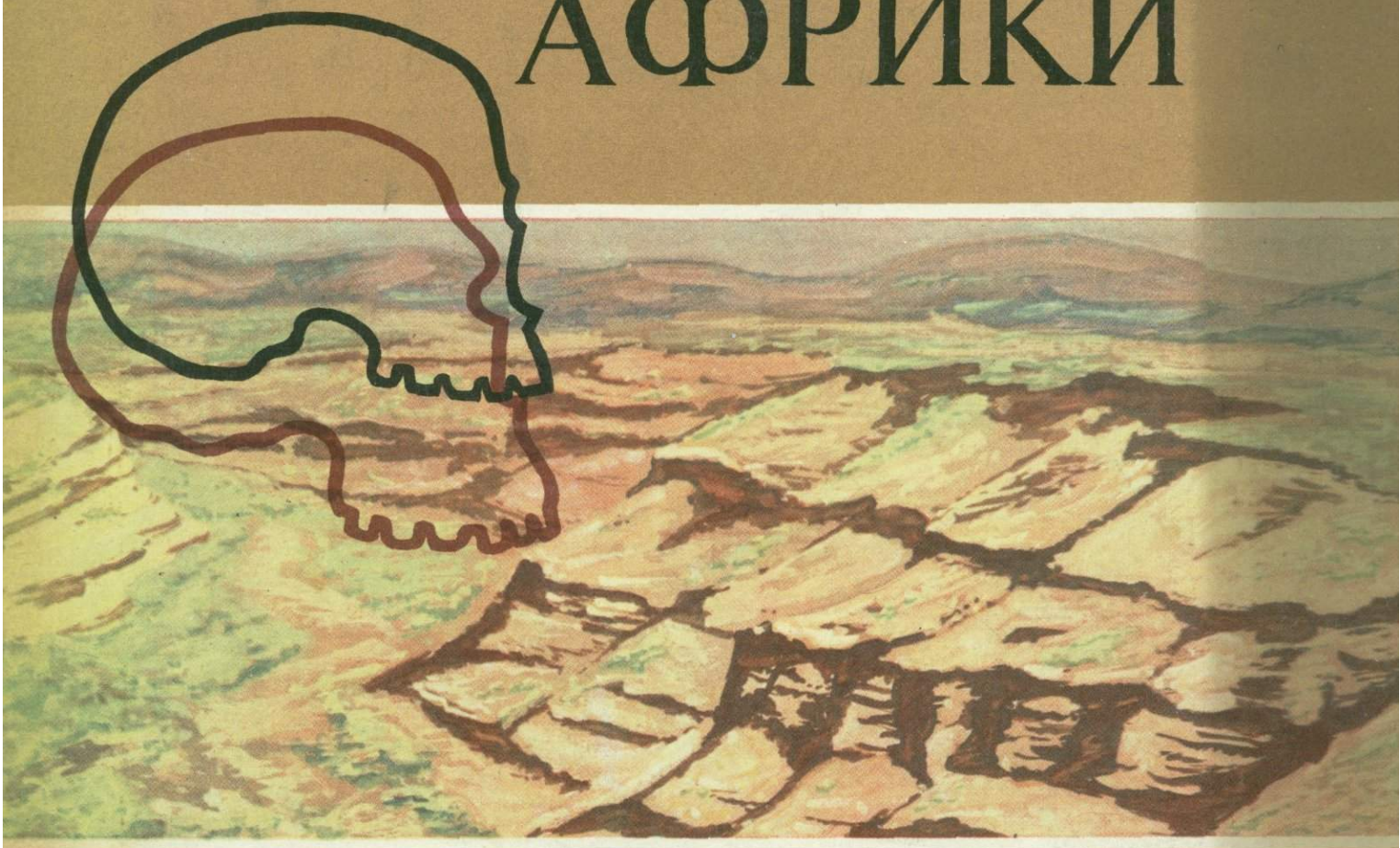
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
OF THE ORDER OF RED BANNER OF LABOUR

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1977

«NAUKA» PUBLISHING HOUSE
LENINGRAD SECTION
LENINGRAD

ПАЛЕОЛИТ МИРА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА

THE OLD STONE AGE OF THE WORLD

STUDIES IN THE PALAEOLITHIC CULTURES

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

551.79

ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ

THE ORIGIN OF SOCIETY

THE PALAEOLITHIC OF AFRICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

З. А. Абрамова,
П. И. Борисковский (отв. ред.),
Н. Н. Гурина

EDITORIAL BOARD:

Z. A. Abramova,
P. I. Boriskovsky (Editor-in-chief),
N. N. Gurina

В $\frac{10602\text{-}509}{042\,(02)\text{-}77}$ 96-76, Б3-49-76

© Издательство «Наука», 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том — первый из серии «Палеолит мира», выпускаемой Институтом археологии Академии наук СССР. В нем рассматриваются вопросы, связанные с возникновением человека, человеческого общества, и древний каменный век Африки.

Одной из особенностей материальной культуры такого далекого прошлого, как древний каменный век, является значительное ее сходство в пределах всего обитаемого тогда мира. При этом чем в большую древность мы опускаемся, тем ощутимее становятся черты сходства, но никогда это сходство не превращается в тождество. В результате всегда и везде палеолит изучали на широком фоне. Национальные школы исследования палеолита, ранее всего сложившиеся в Европе, опираясь в основном на европейский материал, всегда обращали внимание на палеолит колоний. Так, англичане изучали палеолит Индии, Уганды и Кении, а французы — палеолит Индокитая и Магриба. За рубежом были сделаны первые попытки обобщить материал палеолита всего мира, написаны либо руководства (Г. Мюллер-Карпе), либо краткие очерки (Ф. Борд). Советская школа изучения палеолита за прошедшие 50 с лишним лет тоже углубленно разрабатывала проблемы палеолита зарубежных стран. Интерес советских ученых к палеолиту мира всегда имел программный характер — он проистекал из стремления установить закономерности развития культуры человечества исходя из всей совокупности известного материала. Без такого широкого охвата невозможно ответить на более общие исторические вопросы, имеющие методологический характер, важные для всего материалистического мировоззрения.

Уже в выпущенной в 1925 г. книге В. А. Городцова «Археология» (т. I) каменный век нашей страны трактовался на фоне каменного века зарубежных стран, и фактически она была посвящена палеолиту мира. Вышедшие в 1934, 1938 и 1953 гг. три издания книги П. П. Ефименко «Первобытное общество» тоже охватывали палеолит всего мира. Очерком палеолита мира являются написанные А. П. Окладниковым первые две главы первого тома (1955) многотомной «Всемирной истории», изданной Академией наук СССР. Углубленные исследования советских археологов по палеолиту зарубежных стран нашли свое отражение и в ряде других монографий и статей. Работа над «Палеолитом мира», таким образом, закономерно вытекает из давних традиций советской школы изучения палеолита и подготовлена многолетними исследованиями советских специалистов.

Последние два десятилетия ознаменовались настоящим взрывом как в области накопления новых фактов по палеолиту, так и в области их интерпретации. Палеоантропологические и археологические открытия в Восточной Африке заставляют совершенно по-новому отвечать на вопрос о времени появления человека и древнейших палеолитических орудий. Впервые твердо установлен палеолит в Америке, в Австралии, в Японии, на Филиппинах и в Новой Гвинее, на крайнем севере и северо-востоке Сибири, на крайнем севере европейской части СССР и во многих других регионах. История палеолита, и древнего и позднего, рисуется теперь как история сложного переплетения и взаимодействия разнообразных палеолитических культур. Установлено, что не все эпохи

последовательного развития палеолитической культуры являются обязательными для любой части ойкумены. На некоторых материках определенные эпохи выпадали и развитие шло иным путем. Выработаны и широко применяются совершенно новые методы датировки, определения и изучения палеолитических памятников. В огромной степени обогатились наши представления об образе жизни, хозяйстве, жилищах и поселениях, искусстве, религиозных верованиях палеолитических людей на различных территориях. Остро дискутируются вопросы социального устройства на ранних этапах первобытной истории, соответствующих палеолиту.

В этих условиях настоятельно необходимо заново, на современном уровне науки, пересмотреть и обобщить весь материал по палеолиту мира, ставший известным к середине 70-х гг.

Публикуемое издание не представляет собой историю первобытного общества на ранних этапах его развития. С другой стороны, это и не свод или справочник по палеолитическим памятникам мира. Основа его — последовательное описание развития палеолитической техники, хозяйства и культуры на разных территориях, описание, анализ и интерпретация, как исторических источников, палеолитических памятников, палеолитических материалов и палеолитических культур в их связях и взаимоотношениях, в их движении.

Наше издание (в том числе данный том, посвященный возникновению человеческого общества и палеолиту Африки) направлено против буржуазного расизма, идеализма, против реакционных концепций об «избранности» одних народов и фатальной извечной отсталости других. На большом фактическом материале авторы стремятся показать ошибочность этих концепций, в частности, в применении к народам Африки. В основе публикуемого труда лежит представление о развитии техники, хозяйства, культуры и о вкладе, который внесло население всех уголков земного шара в этот процесс развития. В то же время авторы выступают против стадиального схематизма, оказавшего немалое влияние на советскую науку о палеолите, стремятся показать, как общее проявляется в особенном, основой своего изложения делают конкретные характеристики разных палеолитических общностей, разных палеолитических культур во всем их своеобразии.

Настоящий том состоит из двух частей. Первая, сравнительно небольшая, посвященная возникновению человеческого общества, написана П. И. Борисковским. Она является в значительной степени вводной, чем и объясняется ее сжатость, а также более популярная манера изложения. Цель этой части — дать читателю общее представление о возникновении человека и человеческой культуры, тогда как более специальное изложение некоторых относящихся сюда вопросов, с развернутой аргументацией, читатель найдет во второй части. Здесь кратко характеризуются также методы изучения памятников палеолита и при этом данные палеогеографии и палеоантропологии соединяются с археологическими сведениями, делая полной картину возникновения человека. Материалы этой части особенно наглядно показывают, какой огромный сдвиг пережила наука о палеолите за последние годы. Ведь еще два десятилетия назад считалось бесспорным зафиксированное во всех советских и зарубежных руководствах по палеолиту положение о том, что история человечества начинается с яванского питекантропа, жившего около 800 тыс. лет назад. Теперь же доказано, что древность человеческого рода превосходит 2 млн 600 тыс. лет и что историю человечества открывают многочисленные археологические и палеоантропологические находки в Африке. В первой части подробно рассматриваются эти находки и в связи с ними трактуется проблема перехода от обезьяны к человеку, проблема грани, отделяющей человека от обезьяны. Авторы книги не принадлежат к тем скептикам, которые отрицают человеческую природу олдувайского Homo habilis и сомневаются в достоверности найденных вместе с ним каменных орудий. Археологические критерии бесспорно свидетельствуют о намеренной обработке рукой человека камней, залегающих в самой нижней части отложений Олдувайского ущелья, о том, что перед нами действительно изготовленные человеком орудия. Далее формулируются основные теоретические положения о скачке, отделяющем человеческое общество от стада

животных, и дается краткая обобщенная характеристика самых начальных этапов развития первобытнообщинных отношений.

Вторая часть посвящена палеолиту Африки и написана Г. П. Григорьевым. Изложение здесь неравномерное. В то время как палеолитические памятники Олдувайского (Олдовайского) ущелья в Танзании, а также Нубии и Ливии проанализированы очень подробно, палеолит Сахары, Западной Африки, Конго характеризуется весьма бегло. Такая неравномерность в книге данного типа закономерна. Именно в Танзании, Нубии и Ливии всесторонне изучены большие группы палеолитических памятников с хорошо сохранившимся культурным слоем. Благодаря этому Танзания, Нубия, Ливия являются ключевыми для понимания всего палеолита Африки. А палеолит Сенегала и Конго представлен подъемным материалом или стоянками, раскопанными много десятков лет назад устаревшими методами.

В своем исследовании Г. П. Григорьев, оспаривая многие трактовки и построения зарубежных авторов, критически пересматривая публикуемый ими материал, создает свою концепцию развития палеолитических культур Африки. Следуя в известной степени за С. Н. Замятниным и Г. П. Сосновским, он выделяет в развитии палеолита всего мира две очень большие зоны: европейско-переднеазиатскую и афро-азиатскую. На территории Африки и значительной части Азии, в отличие от Европы и Ближнего Востока, не было сравнительно быстрой смены мустьерской культуры позднепалеолитической. Поздний (или верхний) палеолит здесь вообще отсутствовал. В позднепалеолитическое время существовало своеобразное постмустье, характеризовавшееся мустьерской техникой раскалывания, основанной на леваллуазском нуклеусе или на диске, и орудиями мустьерского облика в смешении с орудиями позднепалеолитических типов. На поздних стадиях этого постмустье появляются и микролиты. К постмустье относится атерская культура, распространенная на всех обширных пространствах Северной Африки, а также более молодая себильская культура Египта.

Сопоставление второй части данной книги с работой С. Н. Замятнина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» (1951) и П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1953), где также трактуются проблемы палеолита Африки, показывает, как далеко ушла наука о палеолите за последнюю четверть века. Ведь именно за этот период были всесторонне исследованы ключевые палеолитические памятники Восточной и Северной Африки, позволяющие создать целостное и достаточно хорошо аргументированное представление о палеолите этой части света.

Для современной науки о палеолите характерно наличие многих спорных положений. Ее развитие сопровождается оживленными дискуссиями. Было бы ошибкой делать вид, что расхождений не существует. Они налицо, в том числе и среди советских исследователей, стоящих на позициях марксизма-ленинизма. Многие проблемы палеолита не имеют единого решения. Исследователи дают на них неодинаковый ответ. Речь идет, разумеется, не о разногласиях между профессионалами и дилетантами, а о концепциях, которые, будучи спорными, вместе с тем допустимы на профессиональном научном уровне, которые имеют хождение на равных правах и годами обсуждаются советскими исследователями палеолита.

Есть подобные расхождения по отдельным вопросам и между авторами этой книги. Редакция не сочла целесообразным их приглаживать, превращая тем самым публикуемый труд в нечто безликое и обтекаемое. Столкнувшись на страницах одной книги с отдельными случаями разной трактовки тех или иных проблем, читатель лучше ознакомится с современным состоянием науки о палеолите, сможет ближе подойти к лаборатории исследователя. Это предостережет от узкого, догматичного подхода к проблемам палеолита, в которых еще многое предстоит исследовать и прояснить.

Пожалуй, основное расхождение касается африканского постмустье. Относящаяся сюда оригинальная концепция, созданная Г. П. Григорьевым, еще не получила широкой известности и признания, носит характер рабочей гипотезы. Поэтому она не нашла отражения в первой части книги. Такое отсутствие не означает отрицания. Просто в части, носящей вводный характер, автор (П. И. Борисковский) стре-

мился изложить по преимуществу устоявшиеся материалы. Из более конкретных моментов отметим, что в то время как во второй части подробно описывается сенсационная находка человеческого черепа 1470 в Кении, в первой в связи с трактовкой вопросов антропогенеза она вовсе не упоминается, так как не является достаточно проверенной и изученной; необходимо прежде всего время, чтобы этот вопрос стал до конца ясным. Некоторые расхождения имеются между авторами первой и второй частей также в трактовке австралопитековых, Homo habilis и самого процесса антропогенеза. Это отражает споры антропологов и археологов вокруг проблем, находящихся еще на стадии разработки.

Настоящее издание подготовлено в Секторе палеолита Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. В работе над книгой большую помощь авторам оказали коллектив Сектора, а также В. П. Алексеев, Д. А. Ольдерогге и М. И. Урысон.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

THE ORIGIN OF SOCIETY

P. I. BORISKOVSKY

Глава 1

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ЭПОХИ ЭОПЛЕЙСТОЦЕНА И ПЛЕЙСТОЦЕНА. ПРОБЛЕМА ДАТИРОВОК И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Четвертичный период (антропоген) — период, занимающий до 3—3.5 млн лет из примерно 4500 млн лет истории Земли. Он охватывает всю историю человечества от самого начала древнего палеолита и до наших дней.

В третичном периоде растительный, а также животный мир, в котором уже заняли господствующее положение млекопитающие, в основном приблизился к современному. Но климат, особенно в начале третичного периода, оставался значительно более теплым и более однообразным на всем земном шаре. На протяжении третичного периода (от палеоцена к плиоцену; см. схему),[1] как об этом свидетельствуют характер растительности, а также палеозоологические данные, во всех частях Земли происходило непрерывное похолодание. Совершался, кроме того, переход от сравнительно однородного на всей Земле климата, лишь с немногими климатическими поясами, к современным географическим поясам, распределение которых тоже в общем стало соответствовать современному (см. схему).

Четвертичный период	Голоцен	≈10 тыс. лет
	Плейстоцен	≈900 тыс. лет
	Эоплейстоцен	3—3.5 млн лет
Третичный период	Плиоцен	
	Миоцен	
	Олигоцен	
	Эоцен	
	Палеоцен	60—70 млн лет

[1] В геологических изданиях последнего времени палеоцен, эоцен и олигоцен обычно объединяются под одним названием — «палеоген», а миоцен и плиоцен — «неоген»; при этом понятие «третичный период» вообще не употребляется; палеоген и неоген наряду с антропогеном рассматриваются как непосредственные подразделения кайнозойской эры.

Для развития природной среды в четвертичном периоде характерна серия резких похолоданий, нашедших выражение в оледенениях, чередовавшихся с периодами сравнительного потепления (рис. 1). Оледенения и связанные с ними изменения природной среды наложили определенный отпечаток на жизнь палеолитических людей. Плейстоцен, эпоху чередовавшихся оледенений, эпоху существования ископаемого человека, иногда называют ледниковым периодом.

Сложным и дискуссионным является вопрос о нижней границе четвертичного периода и об основном расчленении последнего. Большинство современных исследователей полагает, что нижняя граница четвертичного периода совпадает с нижней границей континентальных нижневиллафранкских и морских калабрийских отложений. Таким образом, начальным этапом четвертичного периода является виллафранк. Эта точка зрения развивается и в обобщающем труде И. К. Ивановой (1965), за которой в вопросах геологической периодизации мы в основном будем следовать (см. также: Марков, Лазуков, Николаев, 1965; Марков, Величко, 1967; Марков и др., 1968; Butzer, 1971).

Подразделения четвертичного периода для ясности изложения целесообразно сопоставлять с подразделениями старой альпийской схемы (гюнц—миндель—рисс—вюрм); речь идет не о признании правильности последней, а о пользования ею как общеизвестной и потому удобной шкалой отрезков времени, располагающихся в определенной последовательности. Согласно периодизации, принимаемой И. К. Ивановой (сходные периодизации разработаны рядом других советских геологов), начальный этап четвертичного периода, эоплейстоцен, соответствует нижнему и верхнему виллафранку, двум первым периодам оледенения — дунаю и гюнцу (табл. 1). Он сменяется нижним плейстоценом, соответствующим гюнц—минделю и минделю. Средний плейстоцен соответствует миндель—риссу и риссу. Верхний плейстоцен — рисс—вюрму и вюрму. Плейстоцен сменяется

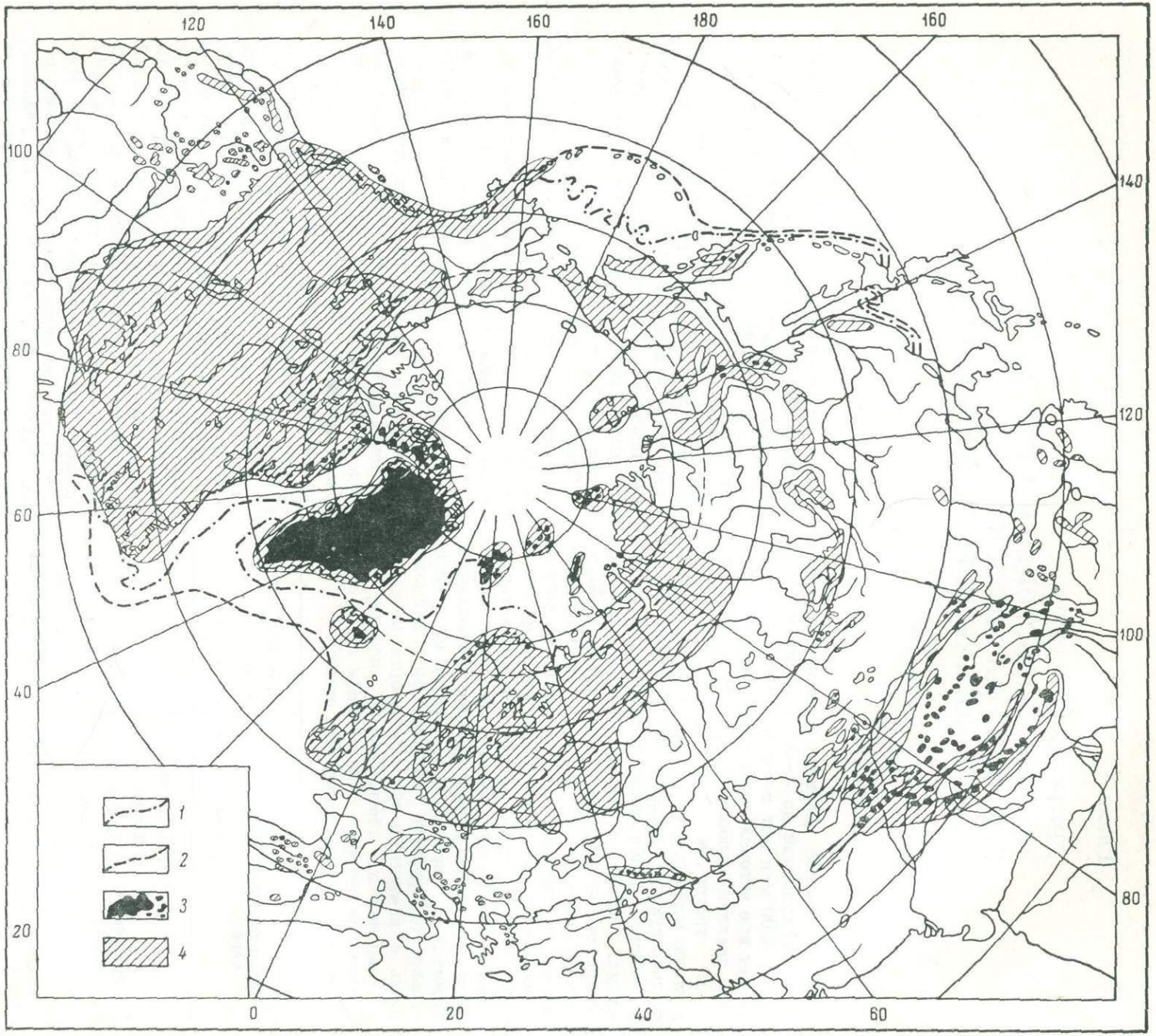

Рис. 1. Максимальное распространение льдов Северного полушария в плейстоцене. По К. К. Маркову.

1 — современная граница морских льдов; *2* — древняя граница морских льдов; *3* — современные наземные материковые льды; *4* — древнее наземное максимальное оледенение.

Таблица 1. Стратиграфическое расчленение четвертичного периода

Абсолютный возраст, тыс. лет	Эпохи четвертичного периода	Основные ступени по И. К. Ивановой (1965)	Основные ступени по К. П. Окли (Oakley, 1969)
10	Голоцен		
80	Вюрм	Верхний плейстоцен	Верхний плейстоцен
	Рисс—вюрм		
200	Рисс	Средний плейстоцен	
500	Миндель—рисс		Средний плейстоцен
600	Миндель	Нижний плейстоцен	
900	Гюнц—миндель		
1000—1400	Гюнц Верхний виллафранк	Верхний эоплейстоцен	Нижний плейстоцен
3000—3500	Дунай Нижний виллафранк	Нижний эоплейстоцен	

голоценом, послеледниковым временем, геологической современностью.

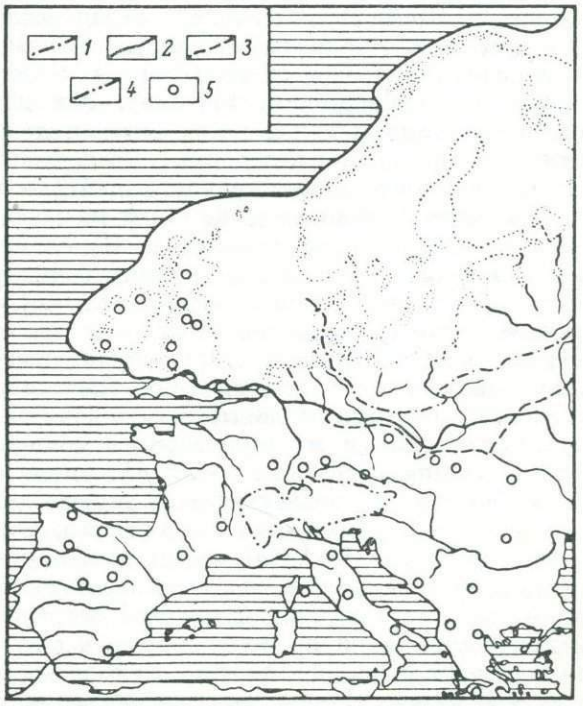
Эту периодизацию можно сопоставить с также пользующейся широкой известностью периодизацией, применяемой К. П. Окли (Oakley, 1969), согласно которой четвертичный период начинается с нижнего плейстоцена, соответствующего нижнему и верхнему виллафранку, дунаю и гюнцу, средний плейстоцен охватывает гюнц—миндель, миндель и миндель—рисс, а верхний плейстоцен — рисс, рисс—вюрм и вюрм (табл. 1).

В таких геологических рамках протекала история палеолитического человечества.

Мы кратко остановимся теперь на некоторых общих особенностях природной среды, окружавшей палеолитических людей. Начнем с территории Европы, Северной Азии и Северной Америки, плейстоцен которых характеризовался распространением ряда материковых оледенений, разделенных более теплыми межледниковыми периодами (рис. 1, 2). Начало четвертичного периода, время существования виллафранкской и сменившей ее мосбахской фауны, отмечено двумя фазами похолодания. Их связывают с двумя европейскими оледенениями — дунаем и гюнцем, которые были слабо выражены и, возможно, соответствовали тоже очень слабо выраженному небрасскому оледенению Северной Америки. Эта эпоха по своей продолжительности значительно превосходит весь плейстоцен. Трудно утверждать, что ледники дуная и гюнца были сколько-нибудь широко распространены. Скорее здесь речь идет не об оледенениях, а просто о некотором ухудшении климата (сравнительно незначительном), распространении степей и степной фауны, включавшем (между дунаем и гюнцем) фазу известного потепления (интерстадиал) и распространения лесной фауны. Лишь вслед за этим наступило значительное похолодание и первое настоящее оледенение Европы — миндельское (эльстерское), соответствовавшее канзасскому оледенению Северной Америки. Миндель был отделен от предшествовавшего ему гюнца весьма большим промежутком времени, сравнительно теплым межледниковым перио-

Рис. 2. Оледенение Центральной и Западной Европы (Марков и др., 1968).

1 — валдайское (вислинское, балтийское) оледенение, максимальное распространение; *2* — днепровское (среднепольское, заальское) оледенение; *3* — окское (краковское, эльстерское) оледенение; *4* — максимальное оледенение Альп; *5* — очаги горного оледенения.

дом. Следующая теплая межледниковая эпоха, миндель-рисская (гольштинская), отделяет миндельское оледенение от более позднего, рисского (заальского, днепровского), являвшегося максимальным и, вероятно, соответствовавшего самаровскому оледенению Западной Сибири и иллинойскому оледенению Северной Америки. Льдами рисского и одновременных ему оледенений была покрыта значительная часть Европы, Северо-Западной Сибири и Северной Америки (до 30% всей земной поверхности). В экстрагляциальных областях этих территорий была распространена хорошо выраженная холодолюбивая фауна. Затем следовало потепление, рисс-вюрмская (эемская) межледниковая эпоха, сменившаяся последним большим оледенением Европы — вюрмским (вислинским, валдайским), которое соответствовало висконсинскому оледенению Северной Америки. Это оледенение (следы его лучше всего сохранились до наших дней) в свою очередь подразделяется на ряд фаз, характеризовавшихся относительно более холодным или же несколько более теплым климатом. В целом распространение льдов последнего оледенения на всех его этапах было значительно меньшим, чем распространение рисских, самаровских и иллинойских льдов. Но волна холода в эту эпоху была самой сильной в плейстоцене. И фауна носила ярко выраженный холодолюбивый характер (так называемая мамонтовая фауна). Вообще на протяжении плейстоцена максимальное похолодание не обязательно соответствовало максимальному распространению ледников. Примерно 10 тыс. лет назад последнее оледенение закончилось, льды его стаяли и произошел переход от плейстоцена к геологической современности, голоцену. Эта дата, согласно взглядам большинства исследователей, отмечает и конец палеолита. Последующие эпохи выходят за рамки настоящей работы.

Палеолитические люди не жили на поверхности плейстоценовых ледников. Но влияние последних на их жизнь было весьма значительным. Смена оледенений и межледниковых периодов очень существенно отражалась на животном и растительном мире, поставлявшем пищу палеолитическому человеку. Льды образовывали барьеры, препятствовавшие людям заселять те или иные территории и создававшие изоляцию отдельных групп. Исчезновение этих барьеров в межледниковые эпохи благоприятствовало расселению человечества. В заселенных палеолитическими людьми обширных перигляциальных районах, примыкавших к районам, покрытым льдами, были распространены явления солифлюкции, приводившие к образованию жидкой грязи, разрушавшей первобытные поселения. В периоды господства холодного сухого климата ветры отлагали на перигляциальных пространствах мелкую пыль, погребавшую и сохранявшую остатки палеолитических стоянок. Скалы, под защитой которых жили люди, трескались от мороза, и щебень, падая вниз, сравнительно быстро покрывал палеолитические культурные остатки, тоже предохраняя их от разрушения.

Изучение фауны моллюсков четвертичных морских отложений показывает, что оледенениям соответствовали фазы регрессии (отступания, понижения уровня) океанов и морей, а межледниковым периодам — фазы трансгрессии (повышения уровня моря). С некоторым потеплением, имевшим место между дунаем и гюнцем, синхронизируется калабрийская трансгрессия Средиземного моря; с гюнц-миндельским межледниковым периодом — сицилийская трансгрессия; с миндель-рисским — тирренская трансгрессия; с рисс-вюрмским — монастирская трансгрессия. Соответствующие трансгрессии, разделенные регрессиями, переживали и другие водные бассейны. Это отражалось на очертаниях материков и морей, которые в разные эпохи четвертичного периода весьма существенно отличались от современных, что также сказывалось на истории палеолитического человечества. Существование, например, мостов суши, соединявших в определенные эпохи плейстоцена Британские острова с Европейским континентом, Японские острова и Малайский архипелаг с Азиатским континентом и т. д., создавало условия для расселения палеолитических людей.

Африка и юг Азии, так же как Австралия и Южная Америка, на протяжении четвертичного периода не были покрыты материковыми льдами. Оледенения сравнительно небольшого масштаба испытывали только районы высоких гор — Гималаев, Атласских, вулканов Экваториальной Африки, Анд и др. Твердо установленной, бесспорной синхронизации этих оледенений с материковыми оледенениями Европы, Сибири и Северной Америки не существует. В целом же южные страны испытывали в четвертичном периоде смену ряда плювиальных и межплювиальных эпох. Плювиальные знаменовались более сильным, чем в наши дни, выпадением дождей, большой влажностью, некоторым понижением температуры. Межплювиальные эпохи имели засушливый характер (аридный). Эти климатические перемены являлись менее значительными, чем те, которые происходили на севере и были связаны с оледенениями. Не наблюдалось здесь и таких, как на севере, резких смен фауны.

Единая схема чередования плювиальных и межплювиальных периодов, которая могла бы явиться шкалой, аналогичной альпийской

шкале оледенений, отсутствует. Разработаны лишь схемы для отдельных, сравнительно ограниченных районов, причем твердо увязать их между собой не удается. Лучше всего такая схема разработана для Восточной Африки, где выделены I — кагерский, II — камасский, III — канжерский и IV — гембльский плювиальные периоды, разделенные межплювиалами. Эта схема нередко используется как хронологическая шкала и для других частей Африки, но нельзя утверждать наличие там тех же периодов (Кригер, 1962; Oakley, 1969).

Еще сложнее обстоит дело с синхронизацией плювиальных периодов южных и оледенений северных стран. В общих чертах признается связь плювиалов с оледенениями, а межплювиалов с межледниковыми периодами. Более того, климатические изменения, происходившие в четвертичном периоде в разных частях Земли, при разной интенсивности их проявления в основном, видимо, были синхронными. Но, как справедливо отмечает Ф. Цейнер (1963, с. 308), предположение о строгой одновременности тропических оледенений и плювиалов с европейскими оледенениями, хотя и очень широко распространено, не является бесспорным. Таким образом, не представляется возможным связать климатические перемены в плейстоцене Африки и юга Азии с альпийской ледниковой схемой.

Охарактеризованная здесь последовательность геологических эпох в пределах четвертичного периода, последовательность ледниковых и плювиальных периодов помогает установить относительную хронологию и периодизацию палеолитических памятников, связанных с определенными геологическими отложениями. Непосредственно этой цели служит стратиграфия раскапываемых палеолитических стоянок и пещер, особенно тех из них, которые содержат несколько разновременных культурных слоев, при условии, если стратиграфия тщательно изучена и правильно понята. Связанный с палеолитическими культурными слоями палеозоологический (остатки ископаемых животных) и палеоботанический (пыльца растений) материал также является важнейшей опорой относительной хронологии и периодизации палеолита. Не меньшее значение для этих целей бесспорно имеют собственно археологические материалы — каменные и костяные изделия, их формы и техника изготовления, произведения искусства — тоже, разумеется, при правильном их использовании. Сравнение между собой археологических материалов палеолита с целью определения их древности будет плодотворно лишь при критическом учете конкретной среды, в которой возник данный археологический комплекс.

Все эти материалы и методы позволяют в основном выяснить лишь относительную хронологию и периодизацию палеолитических памятников. Остановимся теперь на абсолютной хронологии палеолита и на методах ее определения.

Одна из первых серьезных попыток установить абсолютную древность эпох плейстоцена была предпринята в 20—30-х гг. нашего века М. Миланковичем, исходившим из того, что количество принимаемой Землей солнечной радиации меняется в зависимости от циклических колебаний элементов земной орбиты. Точную продолжительность и древность последних можно определить астрономическими методами. Так были вычислены продолжительность и древность четырех периодов плейстоценовой истории Земли, когда количество принимаемой ею солнечной радиации было относительно меньшим. Эти периоды, отраженные известной кривой Миланковича, приурочены им к оледенениям альпийской схемы — гюнцу, минделю, риссу и вюрму; таким путем была получена абсолютная хронология основных подразделений плейстоцена. Концепция Миланковича и применение выработанных им методов к определению древности плейстоценовых оледенений получили широкую известность и поддерживались вплоть до последнего времени Ф. Цейнером (1963, гл. V). Однако подавляющее большинство современных исследователей, не оспаривая кривую Миланковича, скептически относится к возможностям увязки ее с оледенениями и использования для установления абсолютной хронологии эпох плейстоцена.

В настоящее время в основе определения абсолютной хронологии эпох четвертичного периода и палеолита лежат выработанные физиками изотопные (радиометрические) методы, широкое применение которых началось с 1949 г. и развертывается весьма успешно (Серебряный, 1965; Долуханов, 1972). Изотопные методы определения абсолютного возраста отложений основаны на изучении распада радиоактивных элементов, входящих в состав древних предметов органического происхождения, а также горных пород. Наиболее важный для археологии палеолита метод — радиоуглеродный, применимый к дереву, торфу, костям, углю, возраст которых до 60 тыс. лет. Датировка предметов, имеющих древность от 60 до 70 тыс. лет, дает большие ошибки, а для определения возраста более древних предметов радиоуглеродный метод пока еще не применим. Следует учесть, что радиоуглеродные даты всегда определяются с известной степенью приблизительности, допускающей отклонения каждой даты в сторону ее омоложения или удревнения на несколько десятков, а чаще всего — на

Таблица 2. Основные археологические подразделения палеолита и их сопоставление с подразделениями четвертичного периода

Эпохи четвертичного периода	Абсолютный возраст, тыс. лет		Периоды и эпохи палеолита	
Вюрм	10	10	Поздний палеолит	
		35		
Рисс—вюрм	≈80	≈100	Древний палеолит	мустье
Рисс	≈150			поздний и средний ашель
Миндель—рисс	≈200	≈400		
Миндель	≈500			древний ашель (аббевиль, шелль)
Гюнц—миндель	≈600			
Гюнц	≈900			олдувай (дошелль)
Дунай	1000—1400	≈2600		
Неоген	3000—3500			

несколько сотен лет. Кроме того, при применении радиоуглеродного метода возможны ошибки, и они не очень редки. Поэтому одна дата, полученная радиоуглеродным методом, не может явиться основой для серьезных историко-археологических выводов. Только проверка одних дат другими, полученными в разных лабораториях и на разных материалах, только наличие серий соответствующих друг другу радиоуглеродных дат, подкрепленных стратиграфией палеолитических памятников, позволяет считать (с большой долей вероятности) даты правильными и строить на их основе выводы общего характера.

Другой изотопный метод, калий-аргоновый, применимый главным образом к вулканическим породам, охватывает промежутки времени от 400 тыс. до нескольких миллионов лет назад. Датировка этим методом отложений, имеющих древность 100—400 тыс. лет, дает большие ошибки, а для отложений, возраст которых менее 100 тыс. лет, калий-аргоновый метод пока не применим. Использование калий-аргоновых дат требует той же осторожности, того же критического подхода, что и использование радиоуглеродных дат.

Радиоуглеродный метод в сочетании с калий-аргоновым позволяет, таким образом, определить продолжительность и древность не только основных подразделений четвертичного периода и палеолита, но и конца третичного периода, когда вызревали предпосылки возникновения палеолитического человечества. Эти методы поставляют практически все абсолютные даты, используемые исследователями палеолита (табл. 1, 2). Однако приходится считаться с тем, что между пределами применения того и другого метода в настоящее время еще существует большой хронологический разрыв, что оба метода не охватывают очень важные отрезки истории палеолитических людей (примерно от 400 до 60 тыс. лет назад). Новейшие исследования позволяют ожидать, что оба метода сомкнутся и разрыв между ними будет ликвидирован.

Из других методов определения абсолютной хронологии назовем еще выработанный Г. де Геером геохронологический метод изучения ленточных глин, отложенных талыми водами ледников в приледниковых озерах севера Европы в период отступления последнего, вюрмского, оледенения. Каждая прослойка таких отложений образовалась в течение одного года. Применение этого метода позволило получить абсолютные даты для самого конца позднего палеолита и верхнего плейстоцена,

а также для мезолита и раннего голоцена в пределах 8—15 тыс. лет назад. Делались попытки применить этот метод к аналогичным ленточным отложениям некоторых озер, расположенных в южных широтах. Однако даже использование его для исследования отложений Северной Америки не было успешным. В настоящее время этот метод признается точным. Но он в значительной мере вытеснен радиоуглеродным и используется главным образом для проверки дат, получаемых с помощью последнего.

Перечисленные подразделения четвертичного периода и цифры их абсолютной датировки являются в настоящей работе как бы рамками для археологической периодизации палеолита и помогают в то же время осветить развитие природной среды, природного окружения палеолитического человека. Что же касается общей археологической периодизации палеолита, то можно установить лишь несколько основных крупных подразделений, представленных во всех регионах, заселенных палеолитическими людьми, и имеющих общее значение. Более частные и детальные периодизации для разных территорий являются различными и не всегда увязываются между собой.

Палеолит, древний каменный век, подразделяется на два больших периода: древний (нижний, ранний) палеолит и поздний (верхний) палеолит (табл. 2).[2] Более дробные подразделения позднего палеолита имеют только местный характер; единые подразделения, которые были бы представлены повсюду, отсутствуют. Что же касается древнего палеолита, то в его пределах выделяют следующие эпохи (начиная с древнейших): олдувайская, или дошелльская, отмечающая собой самое начало истории человечества; древнеашельская, или аббевильская, или шелльская; средне- и позднеашельская; мустьерская.[3] Многие исследователи принимают не двухчленное, а трехчленное деление палеолита, обозначая мустьерскую эпоху как средний палеолит, а к древнему палеолиту относя все предшествующие эпохи. Трехчленное деление палеолита — не менее распространенное и не менее общепризнанное, чем двухчленное.

Такая периодизация палеолита, хотя и охватывает очень широкие территории, все же не является всеобщей. К палеолиту Южной Африки, так же как и к палеолиту Индии и Пакистана, она может быть применена лишь частично. Палеолит Китая, Японии, Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки тоже целиком не укладывается в ее деления; впрочем, тут причина, быть может, заключается (целиком или скорее частично) в недостаточной изученности палеолита этих стран и в недостаточной разработанности его периодизации.

---

[2] В этой таблице, как в табл. 3 (см. с. 30—31) и как в большинстве подобных таблиц (ср.: Leroi-Gourhan e. a., 1966; Grahmann, Müller-Beck, 1967; Bordes, 1968), не отражена спорность отдельных датировок и синхронизаций. В частности, ряд исследователей относит начало мустье к началу рисс—вюрма и даже к концу рисса. Нет в таблице также данных о сосуществовании и запаздывании отдельных явлений на разных территориях, правда имевших место в сравнительно ограниченных пределах. Но бóльшая часть подразделений таблицы отражает общепризнанные, устоявшиеся положения.

[3] Деление палеолита на эпохи шелльскую, сменяющую ее ашельскую, мустьерскую и т. д. было предложено еще во второй половине XIX в. Г. Мортилье и получило всеобщее признание. В настоящее время подавляющее большинство исследователей палеолита именует прежнюю шелльскую эпоху древнеашельской или аббевильской, относя к ней также то, что раньше относили к началу ашельской эпохи. Следующая эпоха объединяет бóльшую часть памятников, относимых раньше к ашельской эпохе, за исключением наиболее древних из них.

2009

Институт Геологических Наук АН СССР Библиотека

Глава 2

ИСКОПАЕМЫЕ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ НА ПУТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ В ЛЮДЕЙ

Восходящее еще к труду Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (1871) положение о том, что человек произошел от ископаемых человекообразных обезьян конца третичного периода, является общепризнанным в современном материалистическом естествознании (Нестурх, 1960, 1970; Рогинский, 1969; Алексеев, 1972а, 1972б). Бесспорно оно и для современных археологов, историков ископаемого человека.

Многие исследователи считают сравнительно близкими общими предками человека, гориллы и шимпанзе дриопитеков — ископаемых человекообразных обезьян, распространенных в миоцене на юге Азии, Европы и в Африке. Ближе других к людям, к гоминидам, стоит дарвиновский дриопитек, остатки которого обнаружены в среднемиоценовых отложениях Австрии. Еще более близкий предок человека, согласно взглядам ряда исследователей, — рамапитек, обломки челюстей которого найдены в нижнеплиоценовых отложениях Сиваликских холмов в Индостане.

Непосредственными же предшественниками и предками людей (среди ископаемых человекообразных обезьян) были существа, весьма близкие к австралопитековым (рис. 3, 4).

В настоящее время известны костные остатки до 400 особей австралопитековых (рис. 5). Подавляющее большинство их обнаружено в Южной Африке (австралопитек африканский из Таунга, австралопитек трансваальский, или плезиантроп, из Стеркфонтейна, парантроп массивный из Кромдрая, австралопитек прометеев из Макапансгата, парантроп крупнозубый из Сварткранса и др.). Остатки австралопитековых открыты и в Восточной Африке (зинджантроп бойсов из Олдувая и другие находки в Танзании, а также находки вокруг оз. Рудольф главным образом в Кении и в долине р. Омо на юге Эфиопии). Остатки близких к австралопитековым форм происходят и из Юго-Восточной Азии (гигантопитек блэков из Южного Китая и мегантроп древнеяванский из Сангирана на Яве).

В советской научной литературе материалы по австралопитековым наиболее обстоятельно обобщены В. П. Якимовым (1966) и Я. Я. Рогинским (1969). Мы будем следовать за названными антропологами. Австралопитековые были вполне наземными (не древесными) существами и передвигались на двух ногах в выпрямленном положении. Двуногая локомоция — важнейшее отличие австралопитековых приматов от всех обезьян (понгид). Однако стопа австралопитековых сохраняла структуру хватательных органов, она еще недостаточно сформировалась как орган опоры. Кисть австралопитековых отличалась от кисти человекообразных обезьян большим ее развитием как захватывающего и удерживающего органа — весьма сильно был противопоставлен большой палец. Но в структуре кисти имелось еще немало особенностей, характерных для человекообразных обезьян. Челюсти австралопитековых были очень крупными, но малые размеры клыков и отсутствие диастем (промежутка между клыком и резцом) резко отличают их от человекообразных обезьян и сближают с людьми. Средний объем мозга австралопитековых (522 см^3 при размахе колебаний от 435 до 600 см^3) превосходил средний объем мозга современных человекообразных обезьян (горилла — 498 см^3, шимпанзе — 394 см^3), но ненамного. Однако относительный вес мозга (по сравнению с весом тела) был у них значительно больше, чем у современных антропоидов. По степени сложности коры головного мозга (о последнем свидетельствуют эндокраны — слепки внутренней полости черепа) австралопитековые мало отличались от современных человекообразных обезьян. Отметим в связи с этим, что средний объем мозга архантропов (питекантропов и синантропов) 974 см^3, а современных людей 1300 см^3. Средний вес австралопитековых колебался от 36 до 55 кг.

Обращает на себя внимание то, что кости конечностей австралопитековых в большей степени напоминают кости конечностей людей, то-

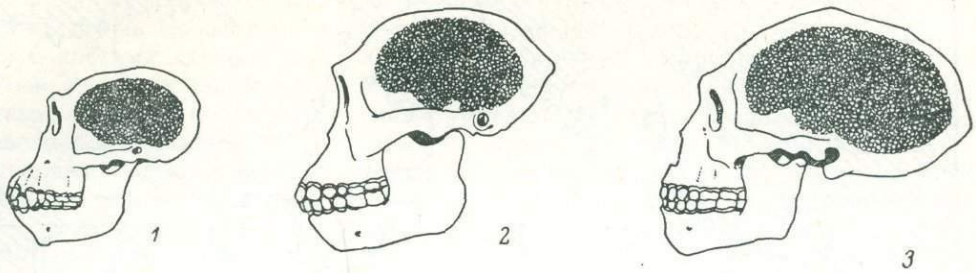

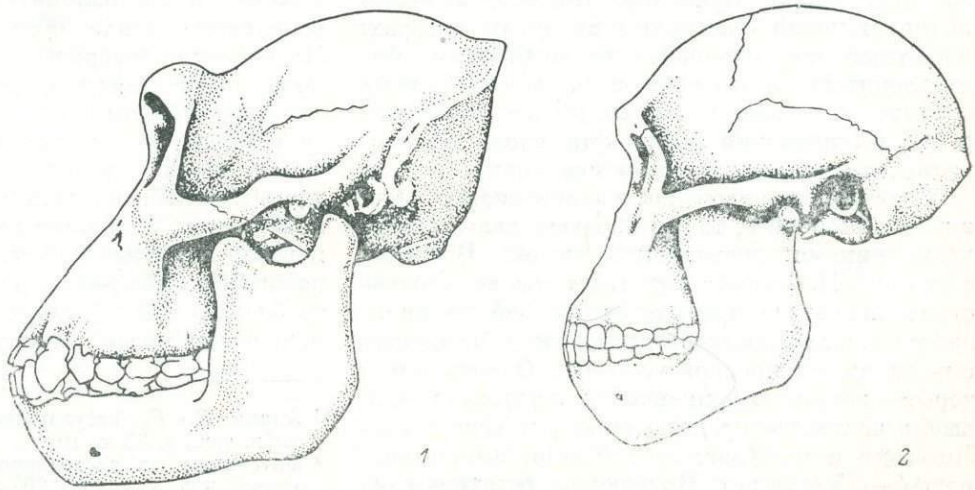
Рис. 3. Объем мозга шимпанзе (1), австралопитековых (2) и Homo erectus (3).

гда как их черепа, напротив, сильно отличаются от человеческих и больше напоминают черепа человекообразных обезьян.

С промежуточным положением австралопитековых связаны и оживленные споры вокруг их систематики. Многие исследователи относят их к семейству гоминид, выделяя в особое подсемейство, отдельные — рассматривают австралопитековых как подсемейство в семействе понгид. В любом случае следует подчеркнуть, что австралопитековые входили в мир животных, а не в мир людей, и величайший исторический скачок, отделяющий человека от животных, ими еще не был проделан. Но бесспорны, с другой стороны, существенные, принципиальные отличия австралопитековых от всех понгид, выражающиеся прежде всего в прямой походке. Убедительным поэтому представляется определение австралопитековых В. П. Якимовым не как антропоидных, а как гоминоидных приматов, двуногих, обладавших свободными от функции опоры верхними конечностями, относительно крупным и сложно построенным мозгом, а также некоторыми признаками в строении черепа, зубной системы и скелета, отражавшими сходство этих ископаемых форм с древними людьми в значительно большей степени, чем свойственно другим ископаемым и современным антропоидам, в том числе шимпанзе и горилле.

Геологически бóльшая часть южноафриканских австралопитековых относится к верхнему эоплейстоцену, к верхнему виллафранку (I кагерский плювиальный период Восточной Африки); некоторые датируются нижним плейстоценом (Иванова, 1965; Oakley, 1969). Их возраст предположительно от 2 до 3 млн лет (точные калий-аргоновые даты для австралопитековых Южной Африки отсутствуют). Восточноафриканские австралопитековые в большинстве своем древнее южноафриканских. Согласно калий-аргоновым определениям, их возраст от нескольких сот тысяч до 5.5 млн лет. В какой-то мере такая древность восточноафриканских особей связана с более благоприятными условиями сохранности находок. В Восточной Африке были распространены вулканы, частые извержения которых покрывали слои с остатками австралопитековых и одновременных им животных слоями туфов и лав; последние также представляют широкие возможности датировки калий-аргоновым методом. Однако можно, видимо, говорить и о более раннем появлении

Рис. 4. Череп самки гориллы (1) и Australopithecus africanus (2). По Ле Гро Кларку.

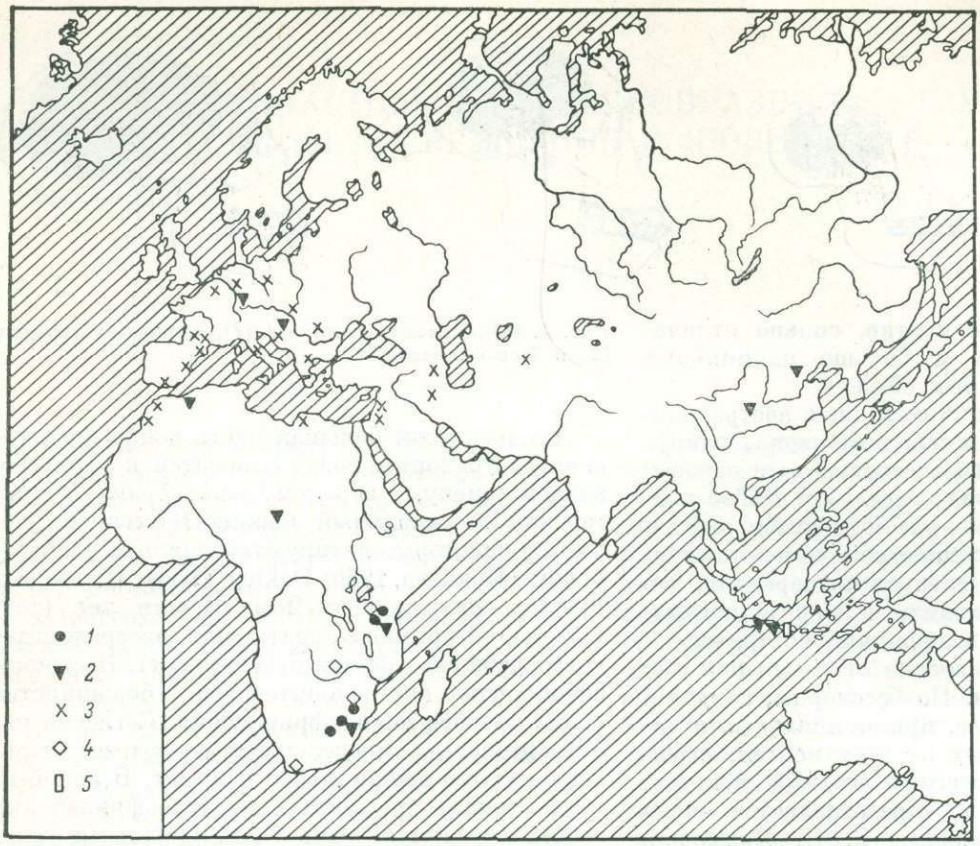

Рис. 5. Распространение важнейших находок остатков плейстоценовых гоминид.

1 — австралопитековые; *2* — Homo habilis и Homo erectus; *3* — неандертальцы; *4* — родезийцы; *5* — нгандонгцы.

австралопитековых в Восточной Африке по сравнению с Южной. Это, очевидно, было связано с тем, что природные условия на рубеже третичного и четвертичного периодов складывались в Восточной Африке гораздо благоприятнее для жизни приматов. Климат, в целом полупустынный, был более влажным в горах; животный мир отличался разнообразием. Австралопитековые и на юге, и на востоке Африки обитали в основном на открытых пространствах, в окружении ландшафта, сходного с современными африканскими саваннами.

Значительная часть австралопитековых жила в эоплейстоцене и, таким образом, являлась современниками древнейших людей. В связи с этим В. П. Якимов развивает мысль, что австралопитековые представляли собой не непосредственных наших предков, а как бы модель антропоидных предков человека. Однако некоторые восточноафриканские австралопитековые, в частности представленные находками из Лотегема и из Канапои в Кении, имеют возраст 4—5.5 млн лет. Находки их остатков свидетельствуют о том, что австралопитековых, во всяком случае часть их, обитавшую не только в Восточной, но и в Южной Африке, можно рассматривать как непосредственных предков древнейших людей.

Не исключена возможность, что австралопитековые уже начинали в отдельных случаях переходить к использованию и даже изготовлению простейших орудий. Представляется убедительным предложенное В. П. Якимовым применение к австралопитековым ленинского определения — стадо обезьян, берущих палки.[1] Но уверенно говорить о том, что австралопитековые изготовляли орудия или даже систематически их применяли, нет оснований.[2]

Наряду с переходом австралопитековых, единственных из всех человекообразных обезьян, к ходьбе на двух ногах в выпрямленном положении исключительное значение имеет переход их, тоже единственных из всех человекообразных обезьян, к довольно широкому употреблению мясной пищи. О том, что австралопитековые могли наряду с растительной пи-

[1] *Ленин В. И.* Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

[2] Материалы по австралопитековым см. также: настоящ. изд., с. 84—85, 90—93.

таться и мясной пищей, свидетельствует строение их зубов и нижних челюстей. Особенно же важны находки вместе с костями австралопитековых черепов павианов, носящих следы ударов какими-то предметами, и костей копытных, разломанных еще в свежем состоянии.

Итак, австралопитековые демонстрируют нам пример ископаемых человекообразных обезьян, у которых уже возникла прямая походка на двух ногах, которые уже начали питаться мясом и находились на пороге очеловечения.

Для освещения проблемы перехода от ископаемых человекообразных обезьян к древнейшим обезьяноподобным людям, архантропам, выдающееся значение имеют новейшие приматологические исследования, в частности наблюдения над поведением обезьян. Проведенные в этой области работы В. Келера, Р. Йеркса, Н. Н. Ладыгиной-Котс, И. П. Павлова, Н. Ю. Войтониса, Э. Г. Вацуро, Г. З. Рогинского, Н. А. Тих и других исследователей пользуются широкой известностью и признанием (см.: Тих, 1970). Но то были наблюдения за обезьянами, находившимися в неволе: в клетках, лабораториях, заповедниках. За последние же 15 лет ряд ученых перешел к очень длительному систематическому исследованию поведения обезьян, живущих стадом в естественных, природных условиях (Шаллер, 1971; Shaller, Emlen, 1963; Vore de, Washburn, 1963; Lawick-Goodall, 1968). Наблюдению подвергались павианы, гориллы и шимпанзе (все — в Африке). Оказалось, что тут особенно большую роль играет фактор времени. Д. ван Лауик-Гудол за первые 18 месяцев своих наблюдений над шимпанзе в Танзании не получила новых существенных результатов, которые заставили бы в какой-то мере изменить общеизвестные представления об этих животных. Чтобы провести действительно серьезные наблюдения, необходимо было не менее двух-трех лет работы. Выяснилось также, что генерализации, обобщения, касающиеся всех человекообразных обезьян (не говоря уж о всех приматах), нужно делать очень осторожно, так как поведение разных их представителей сильно различается.

Длительные наблюдения И. де Вора и С. Уошбарна за павианами, живущими на воле, показали, что, употребляя в основном растительную пищу, они все же изредка охотятся на зайцев, мартышек, очень молодых газелей и питаются их мясом. У отдельных групп павианов охота играет бóльшую роль, чем у других. Некоторые самцы регулярно убивают мартышек. Самки тоже охотятся, но реже, чем самцы. В целом мясо является составной частью, хотя и очень малой, пищи павианов.

Производившиеся в течение пяти лет систематические наблюдения Д. ван Лауик-Гудол за жизнью шимпанзе в природных условиях показали, что эти обезьяны в отдельных случаях также убивают животных и едят их мясо. Особенно же интересно, что шимпанзе используют палки для добывания термитов и муравьев. При этом они подбирают экземпляры подходящей длины, отрывают от них ветки и листья и порой несут с собой (по 10—12 штук) за несколько сот метров, чтобы пустить в дело, когда найдут гнездо термитов. Шимпанзе запасаются такими орудиями, еще не видя перед собой цели их использования, только отправляясь на ее поиски; если гнездо термитов не найдено, они бросают ставшие им ненужными палки.

Таким образом, шимпанзе не просто используют окружающие их предметы, а выбирают среди них и усовершенствуют то, что им нужно.

Гориллы в отличие от шимпанзе, как отмечает Д. Шаллер, длительное время наблюдавший за их жизнью в природных условиях, по своему строению способны к изготовлению простейших орудий и к переносу отдельных предметов на некоторое расстояние, но они никогда этого не делают. Объяснение такого явления Шаллер видит в том, что в лесу, где живут гориллы, растительная пища находится в изобилии и легко доступна, так что им нет нужды использовать орудия. Более суровая, негостеприимная среда стимулировала бы применение орудий.

Таким образом, случаи использования орудий человекообразными обезьянами, живущими на воле, исключительно редки, наблюдаются только у отдельных шимпанзе. Между тем человекообразные обезьяны, живущие в неволе — в клетках, лабораториях и т. д., доставили немало примеров такого использования. Как отмечает К. Холл (Hall, 1963), налицо потенциальная возможность пользоваться орудиями, которая не находит выхода у человекообразных обезьян, живущих на воле. Эта потенциальная возможность, равно как и избыток манипуляционной энергии, констатируемый у особей, находящихся в диком состоянии, являлись для наших предков, ископаемых антропоидов, важными предпосылками перехода к изготовлению орудий и очеловечения.

Наблюдения современной приматологии свидетельствуют также о наличии в стадах приматов взаимопомощи, благодаря которой отдельные покалеченные животные имеют некоторые шансы выжить. Заслуживает внимания и вывод таких серьезных исследователей, как И. де Вор и С. Уошбарн, что обезьяны избегают падали и не питаются объедками добычи крупных хищников. Этот вывод опровергает гипотезу об

использовании обезьянами и древнейшими людьми в пищу падали.

Можно ли на основании наблюдений современных приматологов делать вывод о неточности основных теоретических положений, касающихся антропогенеза? Действительно ли труд, изготовление орудий уже нельзя признать главным отличием человека от обезьян, а переход к потреблению мяса наряду с растительной пищей — важным шагом на пути к превращению обезьяны в человека? Никоим образом. Ведь речь идет об единичных фактах, да и то не изготовления орудий, а лишь зарождения этих процессов, о предвестниках, о первых элементах нового в старом. Существование шимпанзе, в отличие от существования человека, не зависит от пользования орудиями. В рамках старого качества длительно и сложно вызревают элементы нового. Переход от стада обезьян к человеческому обществу нельзя представлять схематически, упрощенно. Это был сложный, диалектический процесс. В стадах обезьян постепенно зарождались отдельные элементы человеческого общества. А с другой стороны, у древнейших людей, архантропов, еще долгое время переживали отдельные элементы, характерные не для людей, а для обезьян.

В заключение характеристики ископаемых человекообразных обезьян, находившихся на пути превращения в людей, остановимся на вопросе о прародине человечества, о границах той территории, где совершилось выделение человека из животного состояния. Эта проблема детально рассматривается в трудах Г. Ф. Дебеца (1952), М. Ф. Нестурха (1964), М. И. Урысона (1970), Ф. Борда (Bordes, 1968), Г. Кенигсвальда (Koenigswald, 1966) и многих других антропологов и археологов.

В настоящее время имеется мало сторонников гипотезы о том, что родиной человечества были открытые гористые районы Центральной Азии. Среди весьма многочисленного палеонтологического материала, добытого в Центральной Азии, совершенно отсутствуют остатки ископаемых человекообразных обезьян. Это обстоятельство лишает данную гипотезу серьезной основы. Не приходится говорить и об отнесении родины человечества в Австралию или Америку. Главные споры идут в настоящее время между сторонниками африканской и южноазиатской прародины. Гипотеза об африканской прародине, восходящая к Ч. Дарвину, подтверждается многочисленными находками на юге и востоке Африки остатков австралопитековых, в том числе и имеющих возраст до 5.5 млн лет. Об этом же свидетельствуют находки в Танзании и в Республике Чад остатков тесно примыкающих к австралопитековым приматам древнейших архантропов, представителей Homo habilis, уже изготовлявших каменные орудия и имевших возраст не менее 1.75 млн лет, а в Кении (Кооби-Фора) — каменных орудий, датированных 2.6 млн лет. В Северной Африке неизвестны остатки столь древних ископаемых антропоидов и гоминид, но залегающие в четких геологических условиях дошелльские орудия (культура оббитых галек) атлантического побережья Марокко относятся к эоплейстоцену (табл. 3) и, таким образом, примерно одновременны Homo habilis из Танзании. Наконец, в пользу африканской прародины говорит и тот факт (на него обращал внимание еще Дарвин), что в Африке обитают наиболее близкие к человеку антропоиды — шимпанзе и горилла.

Если перейти к вопросу об азиатской прародине, то в Южной и Юго-Восточной Азии отсутствуют остатки архантропов и их культуры, имеющие столь древние абсолютные даты. Но Г. Кенигсвальд убедительно связывает это с отсутствием вулканических отложений, которые можно было бы датировать калий-аргоновым методом. Что же касается Индонезии, где такие породы имеются, то в последнее время для наиболее древнего, моджокертского питекантропа (см. ниже, с. 32) на Яве получены калий-аргоновые даты — 1.5—1.9 млн лет назад. Эти даты мало уступают восточноафриканским. Вместе с тем на Яве обнаружены остатки эоплейстоценового мегантропа, близкого к австралопитековым, и нижнеплейстоценовых питекантропов, датируемых по калий-аргоновому методу 0.5—1 млн лет назад. В Южном и Центральном Китае найдены остатки австралопитековых, а также ланьтяньского синантропа, датируемого нижним плейстоценом. Сиваликские холмы Индии и Пакистана доставили остатки миоценовых и плиоценовых дриопитека, рамапитека и гигантопитека. Таким образом, Южная и Юго-Восточная Азия, хотя и уступает значительно Восточной Африке в отношении абсолютных дат, доставила как остатки верхнетретичных и эоплейстоценовых ископаемых человекообразных обезьян, находившихся на пути превращения в людей, так и остатки эоплейстоценовых и нижнеплейстоценовых архантропов. Все это дает важные аргументы в пользу включения Южной и Юго-Восточной Азии в границы родины человечества. Но нельзя сбрасывать со счетов и Европу. Еще Дарвин допускал, что она могла быть прародиной человечества. Находка в Вертешсёллеше, в Венгрии, остатков архантропа миндельского времени, находка в гроте Валлоне, на юго-востоке Франции, остатков охотничьего лагеря, датируемых верхним эоплейстоценом, в сопоставлении со старой находкой принадлежащей архантропу гей-

дельбергской челюсти (юг ФРГ) — все это свидетельствует в пользу включения и юга Европы в границы прародины человечества. Показательно, что Ф. Борд не отдает ни одному из трех материков (Африка, Азия, Европа) предпочтения в качестве вероятной родины человечества. Интересны положения Г. Кенигсвальда о том, что понятие «колыбель человечества» является иллюзией и что едва ли развитие от дриопитека к австралопитеку, затем к питекантропу, неандертальцу и к Homo sapiens происходило в одном и том же районе или даже на одном и том же материке.

Понимая дискуссионность проблемы прародины человечества, неизбежность споров между сторонниками африканской и азиатской прародины, необходимо в то же время отметить убедительность взглядов П. П. Ефименко (1953), В. П. Любина (1960), В. П. Якимова (1966), а также Д. Кларка (Clark, 1970), Г. Айзека (Isaac, 1969), Г. Хьюза (Hewes, 1970) и многих других археологов и антропологов, которые считают, что превращение человекообразных обезьян в людей происходило в процессе их активного приспособления к самым разным и меняющимся условиям внешней среды. Разумеется, было бы ошибочным защищать гипотезу панойкуменного процесса выделения человека из животного мира, утверждать, что очеловечивание высших обезьян происходило повсеместно, где они существовали. Но многочисленные палеоантропологические и археологические открытия служат свидетельством против ограничения прародины человека чрезмерно узкой территорией.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ. ДРЕВНЕЙШИЕ ОРУДИЯ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Грань, отделяющая человека от обезьяны. Археологические и антропологические критерии

Превращение ископаемых человекообразных обезьян в древнейших обезьяноподобных людей типа Homo habilis, превращение стада обезьян в человеческое общество — очень длительный, сложный, противоречивый процесс, занявший миллионы лет и захвативший в той или иной форме обширные территории. В конце третичного периода и в начале эоплейстоцена в Африке, на юге Европы и на юге Азии жило много различных видов ископаемых человекообразных обезьян, физическое строение которых, а в известной мере и образ жизни обнаруживали некоторые предпосылки превращения в людей. Они в большей или меньшей степени приближались к пути, который вел к древнейшим людям. Среди таких обезьян, помимо уже упоминавшихся дриопитека и рамапитека, следует назвать гареджинского удабнопитека, остатки которого найдены на Кавказе, гигантопитека (Южный Китай), мегантропа (Ява) и, наконец, разнообразных австралопитековых. Подавляющее большинство их вымерло, не дав потомков, было сметено с лица земли процессом отбора, не смогло приспособиться к новым, изменившимся условиям жизни. Это была настоящая эволюционная мельница. Так, развитие гигантопитеков в направлении увеличения размеров тела лишило их пластичности и в конечном счете послужило причиной вымирания при относительно быстрых изменениях окружающей среды. Сходная судьба постигла других антропоидов. Некоторые из ископаемых человекообразных обезьян той же эпохи развились в современных человекообразных обезьян: гиббонов, шимпанзе, горилл и орангутанов. И лишь небольшая часть ископаемых человекообразных обезьян третичного периода, близко напоминавшая австралопитековых, остатки которых дошли до нас, постепенно закрепила у себя двуногое хождение, трудовые навыки и перешла к систематическому изготовлению орудий, стала широко заниматься охотой и употреблять в пищу мясо, одним словом, постепенно превратилась в людей. Очень метким является замечание Ф. Энгельса, что «после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка ... человек отделился от обезьяны».[1]

Но как наметить грань, разделяющую, с одной стороны, человека, а с другой — гоминоидных приматов, человекообразных обезьян, находившихся на пути очеловечения? Каковы критерии, позволяющие отделить те или иные палеоантропологические, палеозоологические остатки, принадлежавшие древнейшим обезьяноподобным людям, от таких же остатков, принадлежавших ископаемым человекообразным обезьянам, находившимся на пути превращения в людей?

Основное отличие человека от всех животных, даже самых высокоорганизованных, это труд, изготовление орудий труда. Данный критерий, впервые скорее как догадка сформулированный еще в XVIII в. Б. Франклином и теоретически, философски обобщенный Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»,[2] стал в настоящее время в результате поступательного развития антропологии и археологии палеолита общепризнанным не только среди советских, но и среди зарубежных исследователей. Разумеется, речь идет о систематическом, целеустремленном труде, от которого зависит человеческое существование, об изготовлении орудий с помощью определенных посредников (обычно — каменных отбойников), а не о случайном использовании камней и отломанных или подобранных

---

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 357.

[2] Там же, с. 486—499.

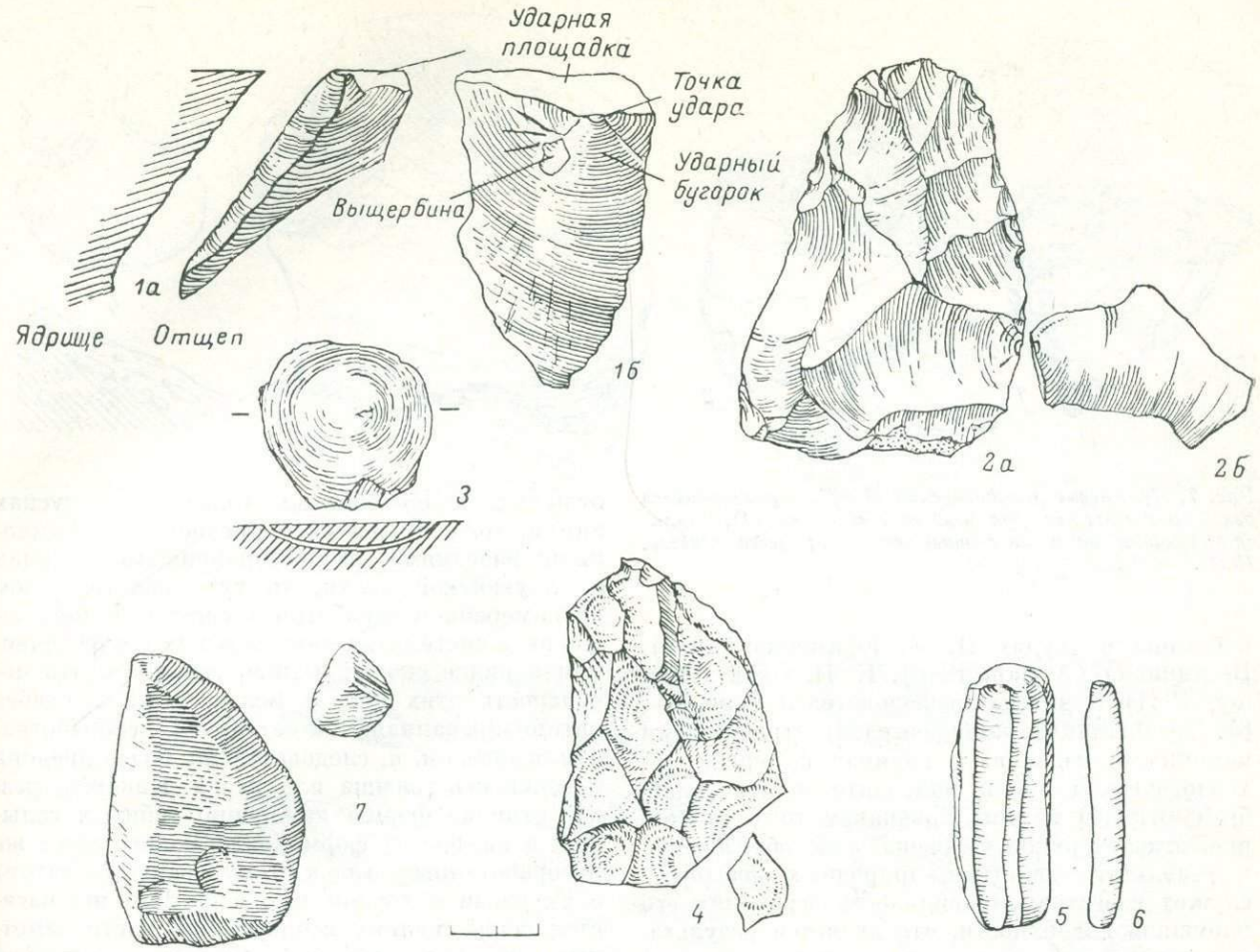

Рис. 6. Естественные свойства кремня и его раскалывание (Oakley, 1961).

1а, 1б — отщеп кремня, отколотый рукой человека; *2а* — кремневое рубило; *2б* — один из отколотых от него отщепов; *3* — осколок, отколовшийся от желвака кремня без вмешательства рук человека, в результате действия мороза; *4* — желвак кремня со следами осколков, отделившихся без вмешательства рук человека, в результате действия мороза; *5* — призматический нуклеус из обсидиана, от которого откалывались пластинки; *6* — пластинка, отколотая от призматического нуклеуса; *7* — трехгранные, не обработанные человеком гальки со следами воздействия ветра.

сучьев, что могло иметь место у австралопитековых и что эпизодически наблюдается даже у отдельных современных антропоидов. При случайном использовании камней и сучьев существование ископаемых и современных антропоидов не находится в зависимости от этих зарождающихся предпосылок трудовой деятельности. Лишь открытие вместе с костными остатками человекоподобного существа или в культурном слое значительного количества каменных изделий (артефактов), даже не «похожих на орудия» и не «могущих служить орудиями», а обнаруживающих устойчивые признаки намеренной, целеустремленной оббивки, позволяет говорить о наличии следов человеческой деятельности, следов человека и его культуры.

Возникает вопрос, дает ли археология палеолита возможность отличить древнейшие намеренно обработанные каменные орудия от камней, никогда не находившихся в руках первобытного человека, но напоминающих по своей форме примитивные орудия. Такую грань провести очень трудно. Необходимо учесть, что древнейшие орудия были крайне бесформенны и примитивны, что их появлению предшествовал длительный период использования нашими предками, австралопитековыми, необработанных камней подходящей формы, наконец, что естественные факторы (перемены температуры, удары камня о камень в русле быстротекущей реки, осыпи, обвалы, смещение слоев) нередко являлись причиной образования псевдоорудий, близко напоминающих древнейшие подлинные орудия. Все же современная археология палеолита располагает некоторыми критериями, позволяющими отделить даже самое бесформенное древнейшее каменное орудие, обработанное человеком, от псевдоорудия. Такие критерии раз-

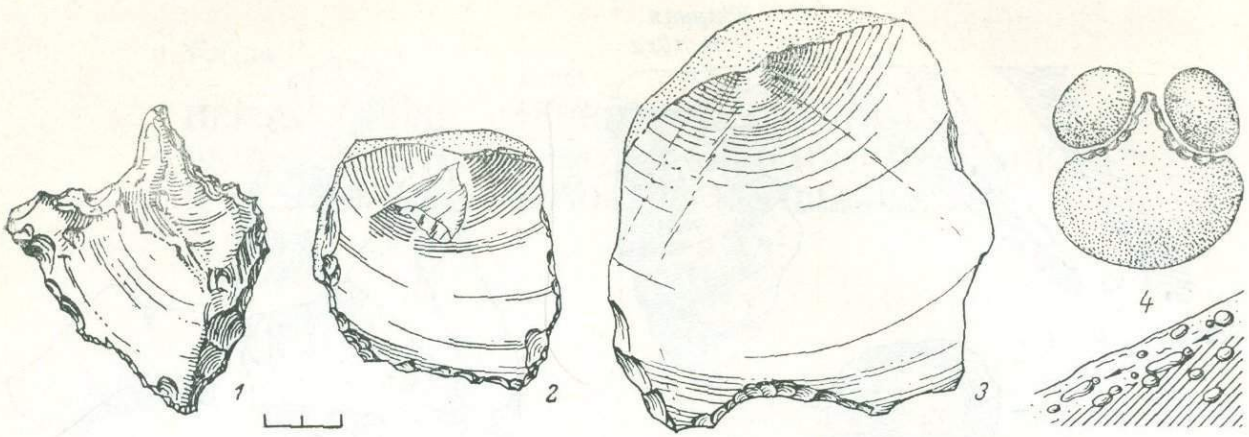

Рис. 7. Кремневые псевдоизделия (1—3), образовавшиеся без вмешательства рук человека, и схема (4), иллюстрирующая один из случаев этого процесса (Oakley, 1961).

работаны в трудах П. П. Ефименко (1953), В. Адриана (Adrian, 1948), К. П. Окли (Oakley, 1961) и других исследователей (рис. 6—8). Древнейшими наиболее распространенными каменными изделиями, начиная с первой археологической эпохи палеолита, олдувайской, были отщепы камня. Признаком того, что отщеп отколот рукой человека, а не образовался в результате действия природных факторов, служит известная правильность огранения его наружной поверхности, что является результатом последовательных сколов с одного и того же куска кремня, производимых с целью выравнивания этого куска и удаления покрывающей его корки. Одним из признаков искусственного отделения отщепа от желвака является, кроме того, характер отбивной поверхности, нижней поверхности откола. У отщепа, отколотого человеком, эта поверхность имеет примыкающую к точке удара выпуклость — ударный бугорок, а от него расходится своеобразная волнистость (раковистый излом). В свою очередь на поверхности ударного бугорка нередко находится небольшая выщербина или изъян — следы выкрашивания одной или нескольких мелких чешуек кремня; такая выщербина обычно заметна на ударном бугорке отщепов, отколотых резким, сильным ударом, и тоже может рассматриваться как один из признаков намеренного откола отщепа рукой человека. Ударная площадка у отщепов, отделившихся без вмешательства рук человека, имеет случайный характер; нередко она бывает непропорционально велика по отношению к самому отщепу. У отщепов, отколотых человеком, размеры ударной площадки во многих случаях значительно меньшие. Когда же речь идет не об отщепах, а об оббитых голышах и кусках камня, тоже являвшихся древнейшими каменными изделиями, распространенными начиная с олдувайской эпохи, то тут свидетельством их намеренной обработки служит наличие следов ряда систематических, идущих в определенном порядке сколов. Важно также то, что поверхность этих сколов более светлая, слабее патинизированная, чем остальная, необработанная человеком, и, следовательно, более древняя поверхность голыша или куска. Наконец, резкое отличие формы намеренно оббитых голышей и камней от формы залегающих здесь же необработанных галек тоже свидетельствует о их связи с трудом человека. Что же касается серий мелких выщербинок, часто заметных по краям кусков, осколков и отщепов камня и иногда рассматриваемых как следы вторичной обработки, подправки, ретуши, то, пытаясь связать их с человеческой деятельностью, необходимо быть особенно осторожным. Во многих случаях подобная псевдоретушь образовывалась без вмешательства рук человека, в результате давления или удара камня о камень в природных условиях. Ее можно уверенно приписать человеку лишь в том случае, когда на этом же камне наблюдаются другие признаки намеренной обработки или если речь идет о находке, сделанной в палеолитическом культурном слое.

Критерии искусственной обработки древнейших каменных изделий малоприменимы при определении единичных предметов. Нужна массовость, серийность материала. Если на целой серии отщепов, галек или кусков камня наблюдаются охарактеризованные выше признаки, отделяющие в то же время эту группу от группы камней, подобных признаков не имеющих, можно уверенно говорить о том, что перед нами не псевдоорудия, не так называемые эолиты, а примитивные каменные изделия, как бы грубы и бесформенны они не были.

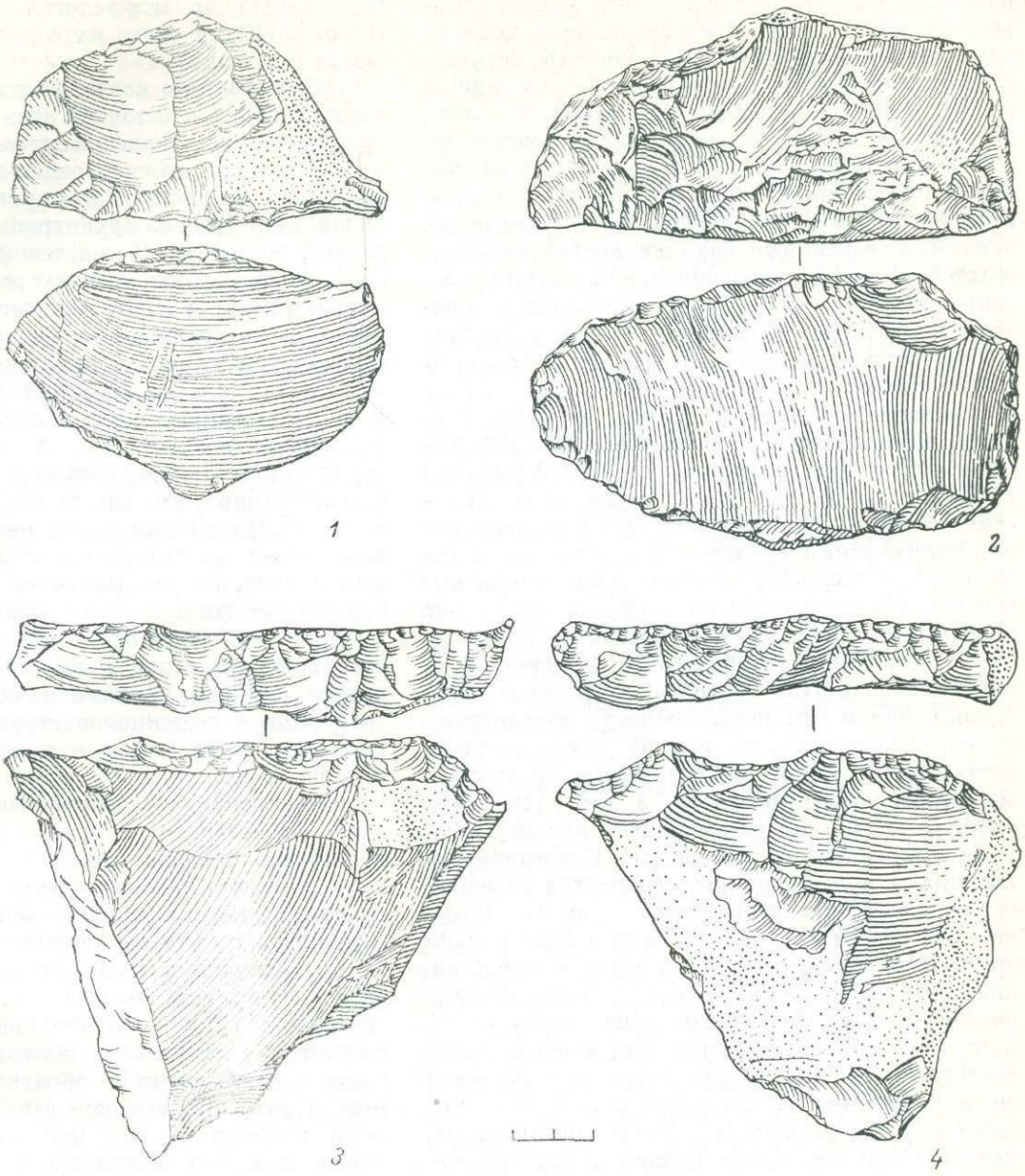

Рис. 8. Кремневые псевдоизделия (1—4), образовавшиеся без вмешательства рук человека (Oakley, 1961).

Многое зависит и от условий обнаружения. Если отщепы, гальки, куски найдены в древнепалеолитическом слое вместе с другими культурными остатками (обломки костей, угли и т. д.), если речь идет об образцах породы камня, принесенных издалека, мы с гораздо большей уверенностью можем говорить об их связи с человеческой деятельностью, чем если перед нами находки, собранные на поверхности земли или обнаруженные в перемытых аллювиальных отложениях. В последних случаях исследователь должен особенно придирчиво искать и рассматривать признаки искусственной обработки камня, чтобы не принять псевдоорудия за изделия человеческих рук. Тут бывает немало спорного.

Таким образом, при всех оговорках, существует археологический критерий, который, если он твердо, квалифицированно установлен, позволяет утверждать наличие в местонахождении следов человека и его культуры.

Перейдем теперь к физическому строению наших предков. Возникает вопрос, существуют ли морфологические критерии, позволяющие отделить древнейших людей от животных;

позволяет ли физическое строение наших предков, их морфология, представление о которой дают сохранившиеся в земле костные остатки, сделать вывод о принадлежности определенных костей ископаемой человекообразной обезьяне, находившейся на пути превращения в человека, или же человеку, едва выделившемуся из животного состояния. Ответить на этот вопрос важно и потому, что нередко позднетретичные и раннечетвертичные находки костей ископаемых обезьяно- и человекоподобных существ не сопровождаются каменными изделиями. Различные взгляды по данному вопросу обстоятельно рассмотрены в книге Я. Я. Рогинского (1969; см. также: Якимов, 1967).

Согласно одной точке зрения, подробно развитой французским нейроморфологом Ж. Антони и советским антропологом М. И. Урысоном (1970), в настоящее время наука не располагает, да и вряд ли когда-либо будет располагать морфологическим критерием, с помощью которого можно было бы отделить ископаемую высокоразвитую человекообразую обезьяну от древнейшего человека, находившегося на самом начальном этапе гоминизации. Между той и другим невозможно провести морфологическую грань, причем эта невозможность обусловлена не отсутствием в современной науке соответствующих методов, позволяющих установить морфологические различия, а тем, что такие формы почти не различались между собой в морфологическом отношении. Единственным надежным критерием «человечности» ископаемого высокоорганизованного примата могут служить следы его деятельности в виде орудий труда. Эта точка зрения во многом представляется убедительной. Процесс гоминизации, очеловечивания, был весьма длительным, сложным, многообразным. Такая характерная человеческая особенность, как двуногая походка и соответствующее ей строение таза и ног, уже была хорошо выражена у австралопитековых, которые тем не менее являлись животными, а не людьми. Показательно, что когда в 1959 г. Л. Лики открыл в древнейших слоях (пачка I) Олдувайского ущелья череп австралопитекового вместе с очень примитивными, но бесспорными каменными изделиями, то этот австралопитек был определен как древнейший человек и получил название зинджантропа. Последующие находки в этом же слое остатков морфологически более развитого Homo habilis привели к тому, что орудия были отнесены к Homo habilis, являвшемуся древнейшим обезьяноподобным человеком, а зинджантроп переоценен уже как австралопитековая обезьяна, служившая охотничьей добычей Homo habilis. Таким образом, в этой исключительно важной, имеющей принципиальное значение ситуации вопрос решала не морфология зинджантропа и Homo habilis, а связь их с древнепалеолитическими орудиями.

Однако многие исследователи все же не соглашаются с такой точкой зрения и утверждают существование морфологических критериев, позволяющих в каждом отдельном случае независимо от сопутствующих археологических находок отграничить архантропа от человекообразной обезьяны. В советской антропологической литературе эти взгляды развиты В. П. Якимовым (1966) и В. И. Кочетковой (1973). Высказывается положение о «мозговом рубиконе», отделяющем людей от животных и проходящем в пределах класса 700—800 см³, с естественным захождением индивидуальных вариаций. Все же, видимо, прав А. А. Зубов (1973), не отрицающий морфологических критериев, но утверждающий, что признание «мозгового рубикана» (750 см³) как грани между человеком и животными характеризует слишком упрощенный подход, не учитывающий индивидуальной вариабельности объема мозга у приматов, а также относительной значимости развития отдельных участков коры мозга. Главное не цифры, которые являются весьма приблизительными, а усложнение структуры мозга при переходе от обезьяны к человеку, появление в коре мозга, как об этом свидетельствуют слепки эндокранов, специфически человеческих черт. Рассматривая вопрос о морфологических критериях, которые позволяют отнести ту или иную неясную находку костных остатков к человеку, а не к обезьяне, Зубов справедливо подчеркивает, что решающим должно быть не только наличие и количество признаков сходства с человеком, но и то, в какой мере они связаны с самой существенной особенностью гоминид, с трудовой деятельностью. Здесь прежде всего следует обратить внимание на мозг и руку, на высокое развитие и сложную дифференциацию ведущей системы органов труда, т. е. рук и головного мозга. С другой стороны, нельзя забывать, что первые существа, только что перешедшие к трудовой деятельности, ничем еще морфологически не отличались от своих предшественников. Морфологические показатели трудовой деятельности появились лишь спустя очень большой промежуток времени, накопившись через многие поколения. Все это говорит о том, что определение грани между человеком и животным нуждается в диалектическом подходе.

Таким образом, было бы неправильно вовсе отбрасывать морфологические критерии разграничения человека и обезьяны. Но к выделению и оценке этих критериев нельзя подходить упрощенно и схематически. Э. Майр (1968) отмечает, что эволюция гоминид представляет со-

бой едва ли не классический вид мозаичной эволюции, характерной вообще для всех типов, переходящих в новые адаптивные зоны. Каждый орган и каждая система органов обладают собственным типом и скоростью эволюции. Сначала (это отчетливо демонстрируют австралопитековые) возникли прямохождение и использование рук; вызванная этим перестройка таза и конечностей была практически завершена к тому времени, когда перестройка черепа и увеличение мозга только начинались. Вот почему неправильно воссоздавать недостающее звено в виде формы, которая по всем параметрам была бы строго промежуточной между современным человеком и шимпанзе.

Определяя грань, отделяющую человека от животных, пользуясь при этом как археологическими, так и морфологическими критериями, необходимо, разумеется, иметь в виду, что сочетание тех и других критериев, находка примитивных каменных изделий вместе с костными остатками, демонстрирующими известные прогрессивные морфологические признаки, является наиболее веским аргументом в пользу отнесения данных остатков к людям, а не к животным. Но, как мы видели, археологические и морфологические критерии, даже взятые порознь, в отдельных случаях могут оказаться достаточными.

Первые люди

Для характеристики древнейших людей, уже выделившихся из животного состояния, а также их отношения к австралопитековым, с одной стороны, и к питекантропам ашельской эпохи — с другой, первостепенное значение имеют находки, сделанные Л. Лики в Олдувайском ущелье на севере Танзании (Иванова, 1965; Урысон, 1970; Clark, 1970; Leakey M., 1971).

Стратиграфия Олдувайского ущелья и археологические находки, связанные с ним, подробно описаны ниже (с. 66—78) Г. П. Григорьевым. Мы остановимся главным образом на палеоантропологических материалах Олдувайского ущелья и на их значении для проблемы антропогенеза.

Первая палеоантропологическая находка, имеющая непосредственное отношение к проблемам происхождения человека, сделана Л. Лики в 1959 г. в пачке I отложений Олдувайского ущелья. Здесь был открыт неполный череп взрослой особи обезьяноподобного существа. По строению он не отличался от австралопитековых, особенно близко напоминая череп парантропа. Объем мозга (530 см^3) тоже не превосходил средний объем мозга ископаемых и современных человекообразных обезьян. Но залегание в том же горизонте примитивных олдувайских каменных орудий позволило предположить связь последних с черепом и отнести череп к древнейшему, более раннему, чем питекантроп, обезьяноподобному человеку, получившему название зинджантропа. Однако в 1960 г. и в последующие годы в пачке I были найдены кости существа, гораздо более развитого, чем зинджантроп. Первая находка его остатков сделана на несколько большей глубине, чем та, на которой найден череп зинджантропа. Поэтому он получил первоначально название «презинджантроп». Последующие находки сделаны на разных глубинах: на уровне черепа зинджантропа и несколько выше. Всего в настоящее время в пачке I добыты остатки не менее пяти особей этого существа, с которым теперь и связывают залегающие в пачке I олдувайские каменные орудия. Оно получило название Homo habilis и большинством исследователей рассматривается как древнейший из ныне известных обезьяноподобных людей, гораздо более древний и примитивный, чем яванский питекантроп. Что же касается зинджантропа, являющегося одним из представителей австралопитековых, то он рассматривается как охотничья добыча Homo habilis, подобно ряду других виллафранкских животных, разбитые кости которых залегают в том же слое. Калий-аргоновые даты Homo habilis — 1.75—1.85 млн лет назад.

Тогда же, в начале 60-х гг., над остатками Homo habilis в средней и верхней частях пачки II были найдены кости нескольких особей так называемого олдувайского питекантропа, близко напоминавшего яванского питекантропа. Его калий-аргоновая дата — 490 тыс. лет назад, но она, как и другие абсолютные даты для находок из пачки II, единична, не подкреплена другими датами и не может считаться достоверной (Leakey M., 1971). Не установлена твердо и связь олдувайского питекантропа с археологическими остатками определенной эпохи. Все же эта находка исключительно важна, так как документирует более позднее положение питекантропа по сравнению с Homo habilis. В нижней части пачки II вместе с олдувайскими каменными орудиями найдены также остатки нескольких особей, причисляемых рядом исследователей к Homo habilis; но значительная часть специалистов относит их к примитивным питекантропам. В пачке II на разных глубинах встречены и остатки австралопитековых (парантропов), сосуществовавших с людьми и, вероятно, являвшихся их охотничьей добычей.

Вернемся теперь к древнейшему обезьяноподобному человеку, к олдувайскому Homo ha-

Таблица 3. Хронологическое положение виллафранкских гоминид и местонахождений культуры оббитых галек (по:

Абсолютный возраст, тыс. лет	Хронология		Морской квартер	Гоминиды			
				Омо (Эфиопия)	Олдувай		
500	Верхний виллафранк		Сицилийская трансгрессия		Пачка II	BK II	Homo erectus парантроп
						LLK II	Homo erectus
		гюнц II	Верхнекалабрийская регрессия			MNK II	Homo erectus парантроп
1000						FLK-N II-BK II	Homo erectus
		гюнц I					
1500	Средний виллафранк	дунай—гюнц	Верхнекалабрийская трансгрессия		Пачка I	FLK-N I	
						FLK I	австралопитек парантроп
		дунай III				FLK-NN I	австралопитек
2000		дунай II	Нижнекалабрийская регрессия			DK I, MK I	австралопитек
2500	Древний виллафранк						
3000		дунай I					
3500		предунай—дунай	Нижнекалабрийская трансгрессия	Австралопитек Параавстралопитек			
4000		предунай (бибер)	Прекалабрий				

Шелль—ашель

Олдувайская

Примечание. Латинскими буквами в графе «Олдувай» обозначены пункты отдельных находок в пачках I и II. Homo ha

bilis. Объем его мозга, по Ф. Тобайэсу — 675—680 см³ (в более поздней работе Тобайэс дал иную цифру — 657 см³), т. е. больше, чем у австралопитековых, но меньше, чем у питекантропов (см.: Урысон, 1970). Верхняя и нижняя челюсти меньше по размерам, чем у австралопитековых, но в пределах вариаций челюстей питекантропа и современного человека. Кости кисти демонстрируют сочетание очень примитивных особенностей, резко отличающих их от таковых у современного человека, с признаками, характерными для современного человека. Кости стопы по большинству особенностей находятся в пределах их вариаций у современного человека. Homo habilis несомненно обладал вполне развитым прямохождением.

Таким образом, морфологически Homo habilis занимал промежуточное положение между австралопитековыми обезьянами и питекантропами; этому соответствуют его стратиграфическое место и абсолютные даты.

Приведенная нами характеристика и интерпретация остатков Homo habilis и его культуры, хотя и разделяется большинством антропологов и археологов, не является бесспорной. Нет оснований сомневаться в намеренной обработке найденных в пачке I Олдувайского ущелья каменных изделий. Но отдельные исследователи, например В. П. Якимов и В. И. Кочеткова, считают, что они еще не представляли собой настоящих человеческих орудий и что изготовлявший их Homo habilis еще не был человеком в собственном смысле слова, а лишь стоял на пороге очеловечивания. Такой скепсис вызван весьма примитивным строением Homo habilis, тем, что он по своей морфологии тесно

Lumley de, 1969)

Гоминиды		Культуры оббитых галек		
Южная Африка	Европа	Франция	Италия, Румыния, Чехословакия	атлантическое побережье Марокко
				Стадия IV галечной культуры
Парантроп из Кромдрая		Ла-Лабанер (Руссильон)	Странска-Скала (Чехословакия), Монте-Палья (Тоскана)	
Парантроп и австралопитек из Сварткранса	Пржезлетице (Чехословакия)	Очень высокая терраса Монтьер		
	Гейдельбергский человек		Буджулешти (Румыния)	Стадия III галечной культуры
		Валлоне		
Австралопитек из Стеркфонтейна		Корреш (Руссильон)		
		Мас-Ферреоль (Руссильон)		Стадия II галечной культуры
Австралопитек из Макапансгата				
Австралопитек из Таунга				
				Стадия I галечной культуры (?)

bilis именуется А. Люмлеем австралопитеком, зинджантроп — парантропом, а «олдувайский питекантроп» — Homo erectus.

примыкает к австралопитековым. Эти исследователи относят Homo habilis к австралопитековым. С другой стороны, и среди исследователей, признающих Homo habilis человеком, часть рассматривает его как древнейшего архантропа, более примитивного, чем также относящиеся к архантропам питекантроп и синантроп. Многие же исследователи выделяют Homo habilis в особый вид, предшествующий Homo erectus; к последнему они относят яванского и олдувайского питекантропов, синантропа, атлантропа и др.

Для того чтобы подытожить приведенные здесь материалы по австралопитековым Южной Африки (см. выше, с. 18—20) и по олдувайским находкам (с. 29—30), мы приводим составленную А. Люмлеем (*Lumley de, 1969*) хронологическую таблицу (табл. 3). Отдельные положения ее (датировка первой стадии культуры оббитых галек 3.5—4 млн лет назад, отнесение Homo habilis к австралопитековым и др.) являются спорными и расходятся с положениями, развиваемыми в настоящей книге, но это обстоятельство демонстрирует большую сложность и дискуссионность ряда проблем возникновения древнейших людей, нерешенность многих из них.

Homo habilis, как и более поздние архантропы, очевидно, был распространен весьма широко (Урысон, 1966а; Pilbeam, 1972; Howells, 1973). Свидетельством этого является находка в 1961 г. в виллафранкских отложениях Республики Чад в 600 км к северо-востоку от Нджамены обломка черепа чадантропа. Он *имел, судя по сопровождающим фаунистическим* остаткам, возраст примерно 1 млн лет.

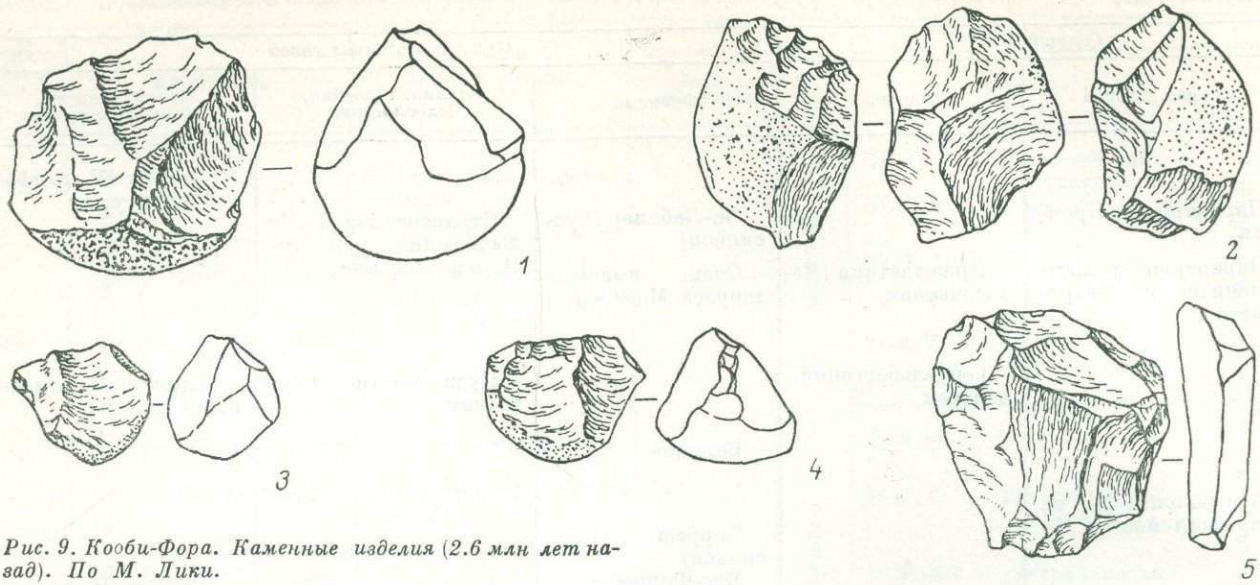

Рис. 9. Кооби-Фора. Каменные изделия (2.6 млн лет назад). По М. Лики.

1—4 — чоппинги; *5* — отщеп.

Его физическое строение обнаруживало признаки как австралопитековых, так и питекантропов. С ним не найдено каменных орудий, но олдувайские изделия встречаются в этом районе.

Выдающиеся палеоантропологические и археологические открытия, сделанные в начале 60-х гг. в Олдувайском ущелье, послужили толчком для развертывания на рубеже 60—70-х гг. разведок и раскопок к северу от Танзании: в Кении и в Эфиопии. Из сделанных там открытий упомянем находку в 1970 г. на восточном берегу оз. Рудольф в Кении, в местонахождении Кооби-Фора, культурного слоя, содержавшего несколько десятков каменных изделий олдувайской эпохи и разбитые людьми кости животных (рис. 9; ср. рис. 10). Слой имеет калий-аргоновую дату 2.6 млн лет. Это древнейшие из известных человеческих орудий. Их обнаружение позволяет утверждать, что люди выделились из животного состояния около 3 млн лет назад, если не раньше.

Обращает на себя внимание то, что за измеряемый сотнями тысячелетий огромный промежуток времени, в течение которого существовали представители Homo habilis, их физическое строение почти не изменилось, они не подверглись сколько-нибудь существенным морфологическим изменениям. Это создает контраст по сравнению с более быстрыми изменениями морфологии питекантропов, синантропов и неандертальцев и может рассматриваться как специфическая особенность самого начального этапа развития гоминид, особенность, напоминающая развитие австралопитековых.

К несколько более поздним архантропам принадлежат яванский и олдувайский питекантропы, синантроп и близкие к ним формы.

Е. Дюбуа, а затем Г. Кенигсвальдом в результате поисков, предпринятых на о-ве Ява (Индонезия) в 1890—1941 гг., обнаружены остатки четырех черепов взрослых питекантропов (питекантропы I—IV), один детский череп питекантропа (Моджокерто), а также шесть бедренных костей и три нижние челюсти тех же существ, не связанные с названными черепами (рис. 11). Индонезийскими исследователями в 1961—1972 гг. (Sartono, 1973; Jacob, 1972, 1973) на Яве обнаружены еще две нижние челюсти и четыре черепа (питекантропы V—VIII; детский череп из Моджокерто — без номера). Остатков палеолитической культуры (каменные орудия, угли, раздробленные кости животных и т. д.) вместе с костями питекантропов не найдено. Наиболее древние остатки питекантропов (питекантроп IV и ребенок из Моджокерто) связаны с яванской фауной джетис, относятся к эоплейстоцену и, судя по новейшим калий-аргоновым датировкам, имеют возраст 1.5—1.9 млн лет. Большая же часть яванских питекантропов относится к нижнему плейстоцену и связана с тринильской фауной. На основании калий-аргоновых определений получили их даты — 0.5—1 млн лет назад. Во всяком случае бесспорно, что они жили гораздо позднее, чем олдувайский Homo habilis, и были примерно одновременны олдувайскому питекантропу из пачки II Олдувайского ущелья. Этому соответствует и их физическое строение, более развитое и прогрессивное, чем у Homo habilis.

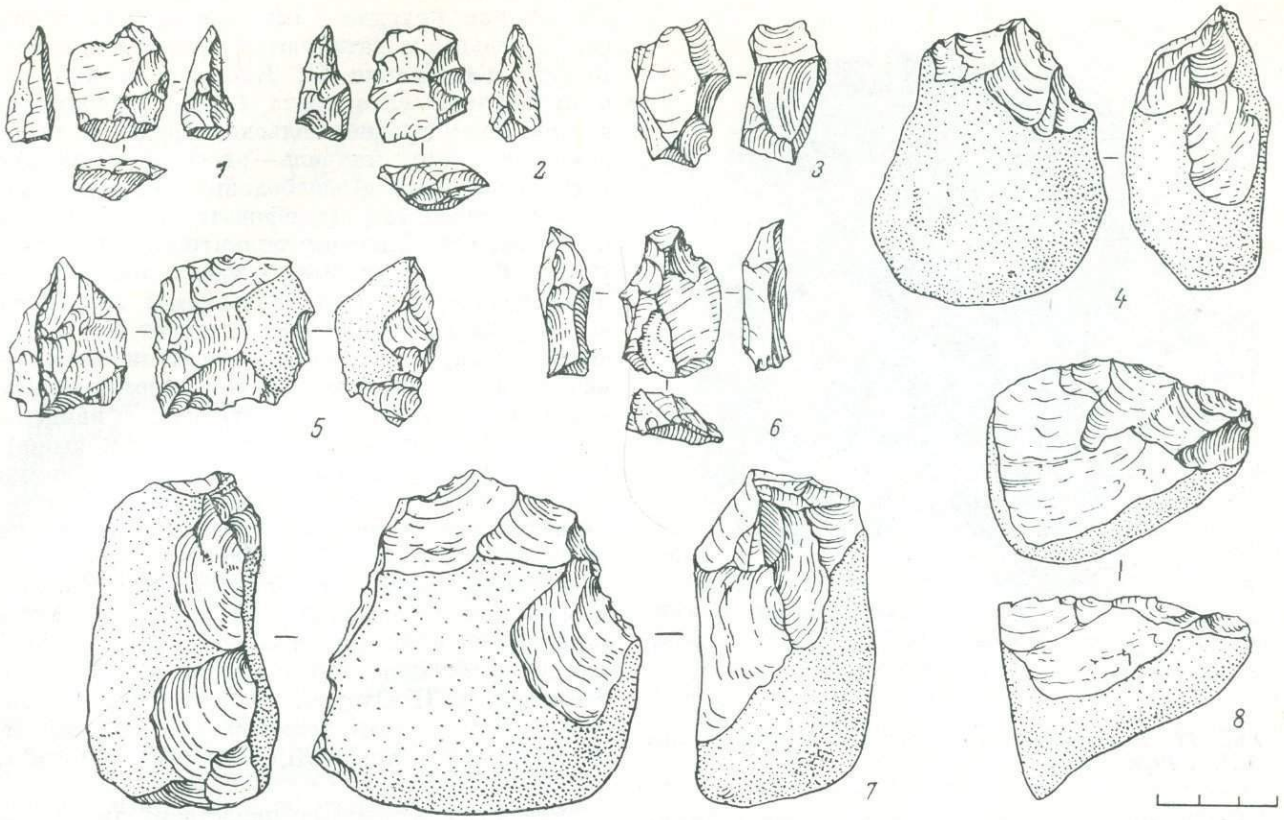

Рис. 10. Первая пачка отложений Олдувайского ущелья. Каменные изделия (Clark, 1970).

1, 2 — отщепы с ретушью; *3* — осколок; *4, 5* — чоппинги; *6* — скребло; *7* — проторубило; *8* — чоппер.

В 1927—1937 и 1949—1966 гг. в Чжоукоудяне, на севере Китая, в результате планомерных раскопок местонахождения I (локус I) Пэй Вень-чжуном, Ян Чжун-цзяном, Цзя Лань-по, Д. Блэком и другими исследователями найдены костные остатки более чем 40 синантропов. Вместе с ними обнаружены многочисленные культурные остатки первобытного охотничьего лагеря: каменные изделия, остатки костров, раздробленные и обожженные кости мелких и крупных животных. Они безусловно более многообразны, развиты и сложны, чем культурные остатки Homo habilis, и в то же время более примитивны, чем культурные остатки неандертальцев мустьерской эпохи. Физическое строение синантропа близко физическому строению питекантропа, но первый немного более развит. Часть исследователей относит синантропа ко второй половине минделя и датирует его до 0.5 млн лет назад. Другие же относят его к миндель—риссу (примерно 0.2—0.3 млн лет назад). Имеется только одна сравнительно недавно полученная (Howells, 1973) и недостаточно проверенная абсолютная дата для местонахождения Чжоукоудянь — 0.3 млн лет назад. Представляется убедительной трактовка синантропа как одного из видов внутри рода питекантропов, под названием «питекантропа пекинского».

Остатки архантропа, несколько более примитивного по своему физическому строению и более древнего, чем синантроп, сближаемого с древнейшими питекантропами, сопровождающимися фауной джетис, найдены китайскими археологами в 1963—1964 гг. в Ланьтяне, примерно в 900 км к юго-востоку от Пекина. Это так называемый ланьтяньский синантроп, относимый китайскими исследователями к началу среднего плейстоцена (по схеме Окли). Дата его, по их мнению, 0.5—0.6 млн лет.

В Европе костные остатки архантропов, близких по времени поздним яванским питекантропам, а также синантропам из Ланьтяня и из Чжоукоудяня, найдены в трех местах. Недалеко от г. Гейдельберга, у д. Мауэр (ФРГ), в 1907 г. обнаружена не сопровождающаяся достоверными археологическими остатками гейдельбергская нижняя челюсть. Одни исследователи относят ее к гюнц-миндельскому времени и считают, что ее древность превышает 0.5 млн лет; часть же исследователей причисляет ее к минделю. В Венгрии, на древнепалеолитической стоянке Вертешсёллеш, дати-

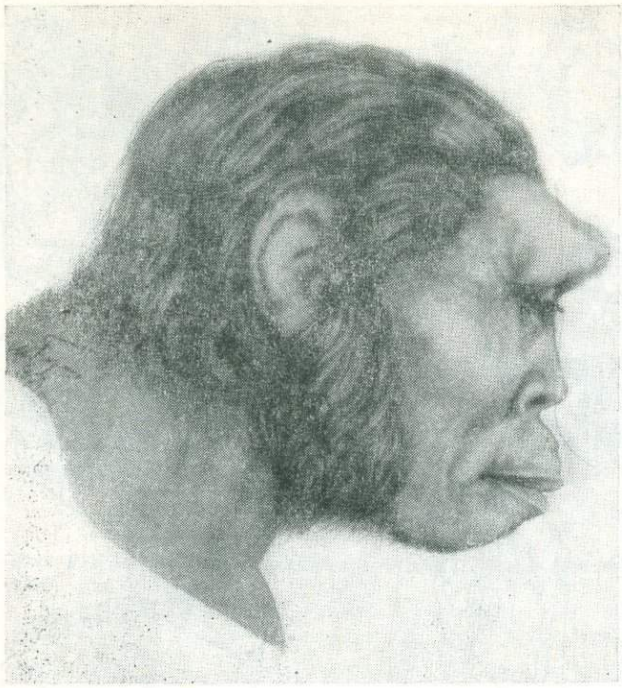

Рис. 11. Яванский питекантроп IV. Реконструкция М. М. Герасимова.

руемой миндельским временем (около 0.5 млн лет назад), Л. Вертеш обнаружил в 1965 г. обломки черепа архантропа, сближаемого с синантропом. В культурном слое найдены также многочисленные кости животных, убитых человеком, остатки костров и большое число каменных изделий: чопперов, чоппингов, отщепов. Некоторые исследователи (Ф. Хауэлл) сближают эти изделия с позднеолдувайскими каменными орудиями из нижней части пачки II Олдувайского ущелья, хотя стоянка Вертешсёллеш относится все же к более позднему времени. Обломок человеческого зуба, также, вероятно, принадлежавший архантропу и датируемый примерно тем же временем, что и архантропы из Гейдельберга и из Вертешсёллеша (миндель или древнее), найден вместе с остатками ископаемой фауны и с несколькими примитивными каменными орудиями в Пржезлетице, недалеко от Праги (Чехословакия).

Значительное количество костных остатков архантропов доставила Северная и Восточная Африка. В Северной Африке это находки у Тернифина (Алжир) и близ Касабланки (Марокко). У Тернифина в 1954—1955 гг. К. Арамбур обнаружил три нижние челюсти и обломок черепа весьма близкого к питекантропу и синантропу тернифинского человека, или так называемого атлантропа мавританского. Его причисляют к раннему минделю. Сопровождающие находки каменные орудия очень выразительны и датируются древним ашелем. Вблизи Касабланки П. Биберсон в 1954 г. в культурном слое грота Сиди-Абдеррахман, содержавшем среднеашельские орудия и относимом к концу миндель—рисса и к началу рисса, обнаружил два небольших обломка нижней челюсти. Часть исследователей относит их к архантропу, близкому атлантропу мавританскому, часть же связывает уже с палеоантропом (неандертальским человеком); последней интерпретации больше соответствует и геологическая датировка. Наконец, остатки нескольких архантропов, тоже близко напоминающих питекантропов и синантропов, найдены в пачке II Олдувайского ущелья (см. выше). Что же касается телантропа капского, обломки двух нижних челюстей, верхней челюсти и черепа которого открыты в пещере Сварткранс (Южно-Африканская Республика), доставившей также кости австралопитековых (парантропов), то значительная часть специалистов относит его к архантропам, сближая с находками примитивных питекантропов в нижней части пачки II Олдувайского ущелья, некоторые же причисляют телантропа к австралопитековым приматам (Pilbeam, 1972; Howells, 1973).

Все вышеназванные представители архантропов (рис. 12) многими исследователями убедительно причисляются к одному виду (реже — к одному роду) питекантропов — Homo erectus.[3] Между ними существует ряд морфологических различий. В отдельных случаях эти различия выражаются разной степенью примитивности. Homo habilis, возможно, являлся представителем наиболее ранней и примитивной стадии развития того же вида (рода). К несколько более позднему этапу этого развития, вероятно, относятся находки в нижней части пачки II Олдувайского ущелья, моджокертские питекантропы и ланьтяньский синантроп. Синантропы же из Чжоукоудяня и особенно архантроп из Вертешсёллеша характеризуют самую позднюю стадию. Емкость мозговой коробки синантропов в среднем на 150 см^3 больше, чем у яванских питекантропов, лоб у них менее наклонен, чем у питекантропов, нижняя челюсть менее массивна и т. п.

В работах М. И. Урысона (1966а, 1966б), а также В. П. Якимова (1967) и В. И. Кочетковой (1966) дана обстоятельная обобщенная характеристика физического строения питекантропов, синантропов и близких к ним видов

[3] Единая общепризнанная систематика ископаемых гоминид и австралопитековых отсутствует. Обзор разных схем в этой области содержится в работе В. В. Бунака (1966).

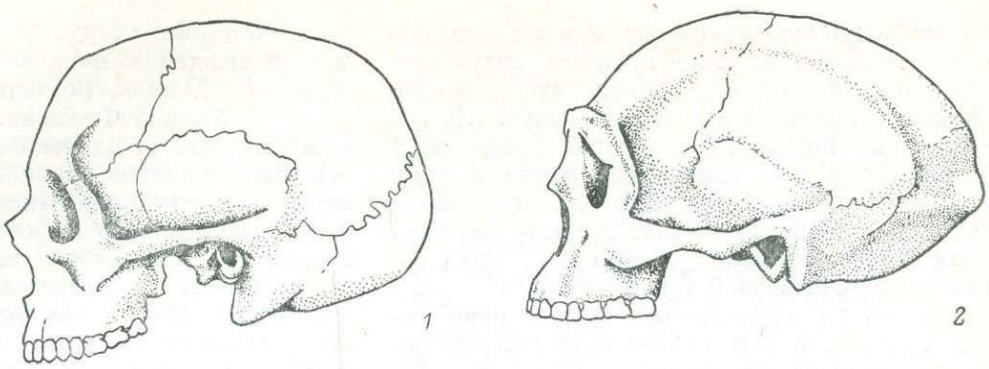

Рис. 12. Череп Homo sapiens (1) и Homo erectus (2). По Ле Гро_Кларку.

архантропов (физическое строение Homo habilis было охарактеризовано выше). Объем их черепа колеблется от 775—780 (питекантроп I, ланьтяньский синантроп) до 1225 см³ (синантроп из Чжоукоудяня) при среднем объеме 974 см³, что значительно выше объема мозга не только австралопитековых (в среднем 522 см³), но и Homo habilis. Обращает на себя внимание наряду с общим увеличением черепной коробки (по сравнению с понгидами) увеличение высоты ее свода. Эндокранные слепки свидетельствуют не только о значительном увеличении объема мозга, а следовательно, о существенном прибавлении новой коры головного мозга, но и об усложнении его структуры (Шевченко, 1971; Кочеткова, 1973). Разрастание коры больших полушарий шло неравномерно по областям. Некоторые ее участки развивались особенно быстро: они расположены в теменной области, в нижнелобной и в верхней задней части лобной доли, т. е. в зонах коры, связанных со специфически человеческими функциями труда и речевого общения. Произошла, таким образом, качественная перестройка коры головного мозга.

Череп архантропов характеризуется наличием сплошного, очень массивного надглазничного валика. Стенки черепа толстые. Нижняя челюсть массивная и широкая. Подбородочный выступ отсутствует. Зубы крупные. В общем еще сравнительно примитивный обезьяноподобный череп сочетается у архантропов с костями конечностей современного человеческого типа. Успехи в овладении двуногой походкой, достигнутые Homo habilis, были закреплены питекантропами и синантропами, руки которых уже целиком сосредоточены на трудовых процессах.

Движущие силы процесса очеловечения обезьян

Движущие силы процесса очеловечения обезьян вскрыты в трудах основоположников марксизма-ленинизма, особенно в произведениях Ф. Энгельса. Переход от животного к человеку, хотя и занял огромный промежуток времени, миллионы лет, был вместе с тем одним из величайших поворотов, скачков в развитии природы. Разумеется, мы говорим о скачке в философском смысле этого слова. Речь идет о появлении совершенно нового качества, совершенно новой формы движения — человеческого общества. На смену биологическим закономерностям приходят закономерности социальные. Но этот скачок был подготовлен миллионами лет развития австралопитековых приматов, когда обезьяны постепенно начали усваивать все более и более прямую походку на двух ногах, сделав этим решающий шаг для перехода к человеку. Вслед за тем и взаимосвязанно с тем австралопитековые приматы постепенно стали переходить к труду. А с другой стороны, на начальном этапе развития первобытного общества сохранялось еще немало лишь очень медленно преодолеваемых пережитков животного состояния.

Возникновение нового качества — человеческого общества — нельзя объяснить исходя только из законов биологии. «Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*. Уже одно это — единственное, но фундаментальное — различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных обществ на человеческое общество», — писал Ф. Энгельс П. Лаврову в 1875 г.[4] В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», написанной, по-видимому, в 1876 г., Энгельс, подытоживая в значительной степени свои и К. Маркса исследования в области становления человека,

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 137.

дал марксистскую трактовку причин очеловечения обезьяны и всего процесса антропогенеза.[5] Ф. Энгельс подчеркнул, что основное отличие человека от животных — труд. Животное только пользуется внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия. В отличие от этого человек с помощью труда заставляет природу служить своим целям, господствует над ней. Труд создал самого человека. В процессе труда сосредоточивались на изготовлении орудий руки наших предков, и тем самым закреплялась их прямая походка на двух ногах. В процессе труда руки достигали все большего и большего развития, а взаимосвязанно с этим развивались физическое строение древнейших людей, их головной мозг. Овладение трудовыми процессами постепенно компенсировало биологическую невооруженность и давало им заметное преимущество в борьбе с окружающей природой.

Люди произошли от стадных антропоидов, труд их с самого начала был общественным, производившимся в коллективе, а сами они жили стадами. Развитие труда способствовало их более тесному сплочению.

К. Маркс в первом томе «Капитала» отмечал, что в любую историческую эпоху при самых разнообразных формах труда всегда присутствуют три основных момента: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.[6] Развивая это положение, Маркс указывал, что употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда.[7] Это же подчеркивал Ф. Энгельс, отмечая, что труд начинается с изготовления орудий.[8] Выше мы уже указывали, что если зародышевые формы случайных, несистематических трудовых действий встречались и встречаются у отдельных антропоидов, то труд, систематическое изготовление орудий труда возникает только у древнейших людей олдувайской археологической эпохи, начиная с Homo habilis. Мы охарактеризовали и археологические критерии, позволяющие отделить эти древнейшие изготовленные людьми олдувайские орудия от камней, не бывших в руках человека. Открывающая собой развитие первобытного человечества олдувайская археологическая эпоха характеризуется крайне грубыми и примитивными каменными орудиями, обнаруженными в ряде местонахождений, древность которых твердо документирована. Эти местонахождения пока установлены главным образом в Южной, Восточной и Северной Африке и в Южной Франции. Типичными каменными изделиями олдувайской эпохи являются отщепы с широкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом к нижней поверхности раскола и со следами немногих грубых предварительных сколов на наружной поверхности; иногда же наружная поверхность целиком сохраняла желвачную корку. Такие отщепы часто имеют следы более мелких грубых сколов, подправляющих их края. Наряду с ними распространены толстые голыши (булыжники) и куски камня, оббитые на одном конце несколькими крупными грубыми сколами, идущими в одном направлении с одной поверхности (примитивный чоппер — chopper) или в двух направлениях с обеих поверхностей (примитивный чоппинг — chopping-tool). Орудия из голышей и кусков камня служили для рубки, нанесения ударов, являясь в то же время примитивными ядрищами, нуклеусами, употреблявшимися для откалывания от них отщепов, которые затем превращались в режущие, скоблящие, прокалывающие изделия. Ручные рубила и кливеры еще отсутствуют. Эта техника, наиболее детально изученная Л. и М. Лики в пачке I Олдувайского ущелья и П. Биберсоном в нижних слоях древнепалеолитических местонахождений атлантического побережья Марокко, характеризуется не только исключительной примитивностью, но и застойностью. Изменения в технике и составе каменных изделий, которые отмечены примерно за 500 тыс. лет — от самых нижних до самых верхних прослоек пачки I Олдувайского ущелья, очень незначительны, радикальных трансформаций не происходило, только в верхней части пачки I появились проторубила, представлявшие собой промежуточную форму между чоппером и настоящим шелльским рубилом, а также шаровидные камни или нуклеусы с гранями, смятыми ударами. Это вполне естественно для самых первых этапов трудовой деятельности архантропов, едва выделившихся из животного состояния. На более поздних этапах развития древнепалеолитической культуры техника обработки камня прогрессировала быстрее.

Столь медленное, почти незаметное развитие техники на самом начальном этапе развития человечества вполне гармонирует со столь же медленным, почти незаметным развитием физического строения самого Homo habilis, на что мы уже обращали внимание; и тут, как и в технике, налицо такой же контраст с несколько более поздними этапами развития.

---

[5] Там же, т. 20, с. 486—499.
[6] Там же, т. 23, с. 189.
[7] Там же, с. 190—191.
[8] Там же, т. 20, с. 491.

Ни в пачке I Олдувайского ущелья, ни в других олдувайских местонахождениях не найдено следов костров, угольков, обожженных костей и камней. Огонь, сыгравший такую большую роль в истории человеческой культуры, огонь, освоение которого, — по словам Ф. Энгельса, — окончательно отделило человека от животного царства,[9] был, очевидно, покорен людьми не сразу. Следы огня и костров распространяются только на стоянках конца шелльской (аббевильской, древнеашельской) эпохи.

Говоря о движущих силах очеловечения обезьяны, Ф. Энгельс отмечает большую роль речи. «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу».[10] «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству».[11] Эти положения конкретизированы исследованиями черепов и эндокранных слепков, проведенными В. В. Бунаком (1959), В. И. Кочетковой (1973), Ю. Г. Шевченко (1971) и др. Они показали, что в процессе эволюции архантропов и сменивших их палеоантропов особенно быстро развивались участки коры головного мозга, связанные со специфически человеческими функциями труда и речи.

Ф. Энгельс, наконец, подчеркивает важную роль мясной пищи в процессе очеловечения обезьян.[12] Мы уже убедились в том, что спорадическое употребление мясной пищи отмечено у отдельных человекообразных обезьян, а в хозяйстве архантропов из пачки I Олдувайского ущелья охота, в том числе и на крупных животных, играла важную роль. Новейшие археологические открытия, таким образом, целиком подтверждают положение Энгельса о том, что человек не мог стать человеком без мясной пищи. К. П. Окли (Oakley, 1961) справедливо указывает, что для получения определенного объема энергии хищнику надо меньше пищи, чем травоядному. Вместо того чтобы есть почти непрерывно, как их предки, архантропы тратили большую часть своего времени на охоту. В результате этого нового образа жизни развивались новые навыки и сноровка, человек начинал в меньшей степени зависеть от окружающей среды, стал наиболее адаптирующимся из всех живых существ, способным распространиться во всех климатических поясах. Именно охота в несравненно большей степени, нежели собирание растительной пищи и ловля мелких зверьков (чем древнейшие люди несомненно широко занимались и что доставляло им, вероятно, значительную часть пищи), требовала сплочения человеческой группы, требовала коллективного труда. Охота была ведущей формой хозяйства на начальных этапах развития первобытного общества, и охотничий образ жизни определял все существование древнейшего человечества.

[9] Там же, с. 116—117.
[10] Там же, с. 489.
[11] Там же, с. 490.
[12] Там же, с. 492.

Начальные этапы первобытного общества

Что можно сказать об общественных отношениях древнейших людей, только начавших изготовлять орудия, только выделившихся из животного состояния? При трактовке этого вопроса мы исходим, разумеется, из теории исторического материализма, из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, закономерно сменявших друг друга. Первой эпохой человеческой истории была эпоха первобытнообщинного строя. Возникновение в результате величайшего исторического скачка человеческого общества из стада обезьян, находившихся на пути превращения в людей, явилось вместе с тем возникновением первобытнообщинного строя. История первобытнообщинного строя охватывает более 2 млн лет. Первобытное общество прошло через ряд этапов, ряд периодов, существенно различающихся между собой. Здесь мы остановимся главным образом на самом начальном этапе развития первобытных общественных отношений, соответствующем эпохе возникновения первобытнообщинного строя и сменяющем этап стада обезьян, берущих палки, который относится еще к царству животных. Однако мы кратко рассмотрим и проблему общественных отношений более поздних эпох палеолита. Эта проблема, помимо своей неясности и недостаточной разработанности, является исключительно спорной. Острые споры по поводу социологической расшифровки отдельных эпох палеолита и различных палеолитических памятников (например, разнообразных палеолитических жилищ и поселков, произведений палеолитического искусства и т. д.), по поводу приурочивания тех или иных эпох палеолита и палеолитических культур к определенным этапам развития первобытнообщинного строя ведутся, в частности, между советскими исследователями. И, конечно, наша трактовка этих вопросов не единственно возможная.

В трудах основоположников марксизма-ленинизма отчетливо определен древнейший период первобытной истории как эпоха первобытного стада. Это в значительной мере теоретическое положение ни в какой мере не опровергается новыми археологическими, палеоантропологическими и этнографическими материалами, ставшими известными за последние полвека. Эпоха первобытного стада — начальный этап истории первобытнообщинного строя.

Характеристика общественных отношений первобытного стада очень трудна. Археологические и палеоантропологические остатки скудны и отрывочны, а среди примитивных племен недавнего времени неизвестно ни одного, находившегося на этой ступени развития. Эпоха первобытного стада — глубоко своеобразный начальный этап развития первобытнообщинного строя, резко качественно отличный от всех последующих. Здесь еще не оформились древнейшие, сколько-нибудь стабилизировавшиеся общественные образования — род и племя, только вызревают предпосылки данного явления. Можно думать, что именно из-за глубокого качественного своеобразия этого периода основоположники марксизма-ленинизма применяли к нему термин, связанный в значительной степени с животным миром, — «первобытное стадо». Своеобразие эпохи первобытного стада ярче всего, по нашему мнению, выражается в том, что тогда (в отличие как от всех последующих этапов развития первобытного общества, так и вообще от всех последующих эпох человеческой истории) развивались не только орудия, хозяйство, общественные отношения, но и сам физический тип человека (причем весьма существенно). При этом в отличие от всех последующих эпох в формировании физического облика человека большую роль играли биологические факторы — приспособление к среде и отбор, содействовавший этому приспособлению.

Труд, возникший в эпоху первобытного стада и представлявший собой важнейшее отличие древнейших людей от стада животных, тоже был очень примитивен и своеобразен. «Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом».[13] Крайне медленный, почти незаметный процесс развития олдувайской техники обработки камня на протяжении сотен тысяч лет хорошо иллюстрирует это положение К. Маркса о примитивном, животнообразном характере древнейшего труда.

Но есть и другая сторона вопроса. Было бы ошибочно преуменьшать принципиальные отличия архантропов от антропоидов. В то время как антропоиды пасутся всегда на очень ограниченной территории, но вместе с тем не имеют постоянных стойбищ, ночуют каждый раз на новом месте, архантропы эпохи первобытного стада бродили в поисках охотничьей добычи и растительной пищи на более обширных территориях, но часто возвращались на свои стойбища и приносили туда свою охотничью добычу.

О более обширных районах перекочевок архантропов по сравнению с антропоидами свидетельствуют находки в олдувайских местонахождениях камней, принесенных за несколько десятков километров. О том, что они возвращались на свои стойбища, говорят остатки олдувайских стоянок, подобные раскопанным в нижней пачке Олдувайского ущелья. По убедительному предположению С. Уошбарна, расширению ареалов перекочевок архантропов в значительной степени способствовало возникновение и распространение у них охотничьего хозяйства. Необходимость участия в охоте, становившейся постоянным элементом хозяйства древнейших людей, вынуждала их, преследуя дичь, выходить за первоначальные границы районов своих перекочевок. Таким образом, архантропы олдувайской эпохи отличались от человекообразных обезьян не только физическим строением, не только тем, что они изготовляли орудия и регулярно питались наряду с растительной пищей мясом, но и всем своим образом жизни, всем своим поведением. Группы архантропов эпохи первобытного стада, вероятно, насчитывали по 10—30 человек. Эпоху первобытного стада характеризует аморфность, недифференцированность общественных отношений, отсутствие общинного домашнего хозяйства, яркими памятниками которого являются позднепалеолитические общинные зимние жилища с их сложной планировкой. В первобытном стаде, видимо, только начинали возникать некоторые запреты брачных отношений, вовсе отсутствовавшие в стаде обезьян.

Даваемая здесь характеристика первобытного стада в значительной степение негативна — аморфность, недифференцированность, отсутствие. Но люди этой эпохи обладали трудом и речью, изготовляли каменные и деревянные орудия, коллективно охотились на разнообразных животных, имели стойбища, на которые периодически возвращались. Они крайне медленно, постепенно совершенствовали свои ору-

[13] Там же, т. 23, с. 189.

дия, способы добывания пищи, поселения, начинали подходить к освоению огня. За этим процессом скрывается длительный процесс развития первобытного общества, переход к более сложным формам первобытнообщинных отношений.

Возникает вопрос, какие археологические эпохи соответствуют в основном эпохе первобытного стада и когда, каким путем совершился переход от первобытного стада к следующему этапу развития первобытнообщинного строя. С этим связан и вопрос о характере и особенностях этапа первобытного общества, сменившего этап первобытного стада, а также об его археологической синхронизации. Здесь прежде всего следует остановиться на теории двух скачков, создателями и сторонниками которой являются советские антропологи и философы: Я. Я. Рогинский (1969), В. П. Якимов (1967), Ю. И. Семенов (1966) и др. Согласно этой теории, в эволюции человека необходимо выделить два узловых пункта, два переломных момента. Первый скачок, отмеченный началом изготовления орудий, соответствует переходу от предшественников гоминид к древнейшим людям. Второй скачок, гораздо меньшего значения, соответствует переходу от неандертальцев, палеоантропов, к людям современного вида, к Homo sapiens. Этот скачок произошел на грани древнего и позднего палеолита. Социальные закономерности, появившиеся в зачаточном виде вместе с древнейшими людьми, приобрели действительно господствующее значение в жизни человеческих коллективов только на стадии Homo sapiens. Таким образом, стадия питекантропов и неандертальцев, древний палеолит, эпоха первобытного стада — это период формирования человека и человеческого общества. С переходом к позднему палеолиту и к Homo sapiens начался продолжающийся до настоящего времени период готового, сложившегося человеческого общества. Только тогда возникла первая в человеческой истории общественно-экономическая формация — первобытнообщинный строй. Первобытное же стадо, по мнению некоторых из сторонников теории двух скачков, предшествовало этой формации.

Одним из важнейших аргументов в пользу отделения эпохи становления человека и человеческого общества, эпохи первобытного стада, от всей последующей истории сторонники теории двух скачков считают то, что до появления Homo sapiens относительно небольшие прогрессивные изменения в культуре сопровождались чрезвычайно значительными переменами морфологической структуры ее создателей — архантропов и палеоантропов. Таким образом, в развитии последних велика еще роль естественного отбора, вообще биологических закономерностей. После появления Homo sapiens наблюдается противоположная картина — гигантский по своим масштабам культурный прогресс при относительной устойчивости строения организма самих людей. Видимо, теперь определяющее значение получили социальные законы развития людей. Согласно взглядам некоторых сторонников теории двух скачков, качественная грань, отделяющая первобытное стадо от первобытнообщинного строя, не только не менее глубока, чем рубежи между общественно-экономическими формациями, но, наоборот, несравненно более значительна, ибо она отделяет формирующееся общество от готового.

Советские исследователи единодушны в трактовке (вслед за основоположниками марксизма-ленинизма) перехода от животного к человеку, от стада животных к человеческому обществу как величайшего скачка, разделяющего два качественно различных состояния. Но в трактовке самого начального периода человеческой истории среди советских исследователей нет единства. Мы не будем приводить здесь обзор всех советских концепций становления первобытного общества. Такой обзор содержится в книгах Ю. И. Семенова (1966, 1974) и Я. Я. Рогинского (1969). Отметим лишь, что имеющая ряд авторитетных сторонников теория двух скачков в то же время энергично оспаривается многими исследователями. Автор настоящих строк (см.: Борисковской, 1970) согласен с Рогинским, Якимовым, Семеновым, когда они синхронизируют этап первобытного стада с древним палеолитом, подчеркивают глубокое качественное своеобразие этого начального этапа первобытного общества и трактуют переход от древнего к позднему палеолиту, от первобытного стада к материнской родовой общине как скачок. Но, исходя главным образом из принципиальных теоретических соображений, он не считает возможным выделять какую-то получеловеческую, полуживотную эпоху, предшествующую первой общественно-экономической формации, первобытнообщинному строю, и вместе с тем уже не относящуюся к миру животных. Констатируя глубокое своеобразие эпохи первобытного стада, автор рассматривает ее как начальный, качественно своеобразный этап развития первобытнообщинного строя. С появлением Homo habilis и олдувайской техники начинается история человеческого общества, первый этап первобытнообщинной общественно-экономической формации — эпоха первобытного стада. Таким образом, речь идет не столько о расхождениях в интерпретации конкретного археологического и палеоантропологического материала, сколько

о расхождениях по общим теоретическим и методологическим вопросам.

В то же время многие советские исследователи критикуют теорию двух скачков с других позиций, отрицая вообще наличие качественного сдвига, скачка, разделяющего первобытное стадо и материнскую родовую общину, отрицая глубокое своеобразие первобытного стада, резко отделяющее его от всех последующих этапов первобытной истории.

Но более существенно в этой связи другое. Новейшие археологические открытия значительно изменили наши представления о древнем палеолите, особенно о технике, образе жизни, хозяйстве людей средне-, позднеашельской и мустьерской эпох. Оказалось, что уровень развития их культуры был гораздо более высоким, чем представляли раньше. В связи с этими новыми открытиями и новыми представлениями большинство видных советских археологов, специально занимающихся проблемами древнего палеолита — В. П. Любин (1970), А. П. Черныш (1971) и др., считают невозможным говорить о первобытном стаде в применении к мустье и даже к позднему и среднему ашелю. Они признают необходимым опустить верхнюю границу первобытного стада в древнее мустье и даже в древний ашель. Действительно, распространение в позднеашельскую эпоху леваллуазской техники обработки камня явилось, как отмечает Любин, крупнейшей технической революцией древнего палеолита и сделало возможным массовое изготовление весьма стереотипных, «стандартизированных» заготовок для каменных орудий. В позднем ашеле и в мустье появилась оседлость и распространились долговременные общинные жилища, сооружавшиеся с использованием камней и крупных костей мамонта (ранее считалось, что такие жилища возникли лишь в позднем палеолите). Ряд других археологических фактов тоже свидетельствует о достаточной сложности и развитости культуры и хозяйства в среднем и позднем ашеле и в мустье, что несомненно связано с усложнением социальной организации общества. Было бы ошибкой закрывать глаза на эти факты.

Но вместе с тем по-прежнему остается бесспорным, что только в течение древнего палеолита, в отличие от всех последующих эпох, происходили значительные изменения морфологической структуры самого человека; это, по мнению автора настоящих строк, говорит все-таки в пользу расшифровки древнего палеолита как особой, качественно своеобразной эпохи первобытной истории.

Таким образом, мы исходим из предположения, что древний палеолит в основном соответствует начальному этапу истории первобытнообщинного строя, эпохе первобытного стада. Поздний палеолит относится уже к следующему этапу истории первобытнообщинного строя. Каков же был этот следующий этап? В рамках настоящего труда, специально посвященного археологии палеолита, мы сможем лишь очень кратко остановиться на данном вопросе, связанном в значительной степени с интерпретацией этнографических источников.

В советской исторической, этнографической и археологической литературе уже давно твердо установился взгляд, что первобытное стадо закономерно сменяется материнской родовой общиной. Этот взгляд исходит из основных положений о возникновении и развитии родового строя, обоснованных в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», базирующемся в свою очередь в значительной степени на книге Л. Г. Моргана «Древнее общество». За 80—90 лет, прошедших с того времени, когда Энгельс писал свою книгу и перерабатывал ее для новых изданий, накоплен огромный новый материал по истории первобытного общества. Жизнь людей древнего каменного века мы представляем сейчас совсем иначе, чем она рисовалась тогда. Но сформулированные Энгельсом принципиальные положения, касающиеся условий возникновения материнской родовой общины, как мы полагаем, не поколеблены. Речь идет о коллективном, общинном домашнем хозяйстве, которое было основой высокого общественного положения женщин на ранних этапах первобытной истории. Речь идет в связи с этим о коренном отличии парной семьи эпохи материнской родовой общины от моногамной семьи, возникшей уже в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Речь идет о групповом браке, создававшем особенно тесные связи детей именно с их матерью и, таким образом, выработавшем предпосылки для возникновения счета происхождения и родства по материнской линии и для возникновения материнского рода, продолжавшего, впрочем, также существовать после смены группового брака парной семьей.

Итак, поздний палеолит правильнее всего будет расшифровывать как эпоху существования материнской родовой общины на ранних этапах ее развития.

Одним из важнейших источников воссоздания общественного строя позднепалеолитических людей являются позднепалеолитические жилища и поселения. Такая роль этих археологических памятников была впервые всесторонне показана советскими исследователями палеолита свыше 40 лет тому назад. Правда,

следует оговориться. Теперь мы уже не считаем, что долговременные жилища впервые появились только в начале позднего палеолита. Существование таких жилищ твердо доказано и для мустьерской эпохи, а за последние годы наличие остатков жилищ установлено даже на некоторых древнеашельских стоянках (Терра-Амата). Однако лишь в позднем палеолите широко распространились сложные и в то же время гармоничные жилища типа Костенок I, Тельманской стоянки, Межиричей, Мальты и др., с разнообразными очагами, с многочисленными ямами разного назначения, со сложными и в то же время четкими конструкциями из бивней, челюстей мамонта, из плиток камня и т. д. Лишь в позднем палеолите распространились поселки из групп таких сложных жилищ.

Показателем каких социальных отношений является устройство позднепалеолитических жилищ? За последнее время отдельные археологи выступили с утверждениями, что в палеолите отсутствовали большие общинные жилища, что длинные дома с несколькими очагами типа Костенок IV, Пушкарей I в действительности представляли собой группы маленьких хижин, тесно примыкавших друг к другу; каждая постройка имела один очаг. Это утверждение не выдерживает критики и отвергается подавляющим большинством исследователей палеолита. Существование длинных жилищ площадью 50—200 м², с несколькими очагами, расположенными по их длинной оси, как и жилищ площадью свыше 100 м², с несколькими очагами, разбросанными в беспорядке, типа жилища, открытого в Дольни-Вестонице (Чехословакия), — твердо установленный факт. Следует также учитывать, что среди округлых или овальных в плане позднепалеолитических жилищ с одним очагом встречаются и довольно крупные, площадью около 50 м² (Костенки II), служившие, вероятно, местом обитания весьма большой группы людей. Было бы ошибкой относить эти жилища к группе маленьких хижин.

Но бесспорно, что в позднем палеолите наряду и одновременно с крупными общинными жилищами площадью от 40—50 до 100—200 м² были распространены маленькие хижины площадью 20—30 м² (Гагарино, Тельманская, Мезин и др.). Однако нельзя противопоставлять эти маленькие хижины крупным жилищам. Характерно, что большинство длинных многоочажных палеолитических жилищ — это как бы слившиеся маленькие хижины; последнее особенно четко прослеживается на планах длинных домов Пушкарей I и Костенок IV. Осуществление такого слияния говорит, по нашему мнению, о том, что хозяйственно, экономически малые одноочажные хижины и длинные многоочажные жилища не представляли собой нечто противоположное друг другу, резко различавшееся; они не были разделены резкой гранью, достаточно легко сливались.

Большие общинные жилища, как одноочажные, так особенно многоочажные, площадью свыше 40 м², безусловно, свидетельствуют о коллективном домашнем хозяйстве. В таких жилищах обитали большие группы первобытных людей, сообща трудившиеся и сообща присваивавшие продукты охоты и собирательства, сообща приготовлявшие и распределявшие пищу. Домашний труд женщин, живших в таких домах, носил общественный характер, интересовал всю первобытную общину. Но возникает вопрос: являются ли маленькие хижины, также широко распространенные в позднем палеолите, доказательством обратного. Полагаем, что нет. Отмеченная выше невозможность противопоставления маленьких хижин большим говорит о том, что группы маленьких хижин, как слившихся, так и образовывавших поселок типа Бурети или Петржковице, представляли собой хозяйственное целое, связанное общим домашним хозяйством. В противном случае слияние их воедино не осуществлялось бы так легко. Это слияние, демонстрируемое нам примерами Костенок IV и Пушкарей I, свидетельствует о социальном сходстве того и другого, об общем домашнем хозяйстве в обоих случаях.

Едва ли устройство известных нам позднепалеолитических жилищ может дать ответ на вопрос, какая форма семьи — групповой брак или парная семья — этим жилищам соответствовала, были ли последние местом обитания целой общины или группы парных семей. Бесспорно лишь, что если в позднепалеолитических жилищах и жили парные семьи, то эти парные семьи принципиально отличались от моногамных семей классового общества. Отдельная позднепалеолитическая парная семья (если допустить, что здесь уже отошел в прошлое групповой брак) могла выполнять лишь некоторые второстепенные хозяйственные функции. Большие позднепалеолитические жилища четко свидетельствуют о том, что основное хозяйство велось коллективно, целыми общинами, состоявшими из групп парных семей. Разумеется, такое общинное домашнее хозяйство не нужно представлять себе схематически, упрощенно. На отдельном очаге могла в ряде случаев приготовлять пищу и небольшая группа из среды обитателей общинного дома. Но в позднепалеолитическом общинном доме или в группе хижин, образовывавших хозяйственное целое, не могло случиться так, что у од-

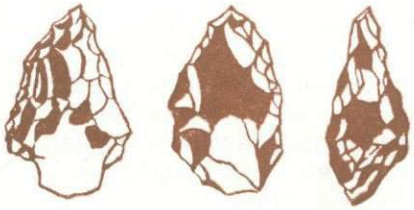
ного очага было изобилие пищи, а у другого люди голодали.

Мы полагаем, таким образом, что материалы по позднепалеолитическим жилищам не только являются свидетельством характерных для первобытнообщинного строя общего труда и общей собственности на средства и продукты производства, но и говорят об общинном домашнем хозяйстве, об общественном характере женского домашнего труда, что было одной из важнейших предпосылок существования материнской родовой общины.

Мы полагаем, что и очень широко распространенные в позднем палеолите изображения обнаженных женщин с подчеркнутыми в большинстве случаев признаками женщины-матери (этим они отличаются от многих женских изображений позднейших эпох) являются свидетельством существования материнской родовой общины. Как бы конкретно ни расшифровывать эти изображения, связывая их с культом женщин-прародительниц, с ролью женщин в обрядах охотничьей магии, с культом духов-владычиц, с культом хранительниц домашнего очага, мы попадаем в круг представлений и обрядов, характерных для материнской родовой общины или для ее пережитков.

ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ

Г. П. ГРИГОРЬЕВ

THE PALAEOLITHIC OF AFRICA

G. P. GRIGOR'EV

Глава 1

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПАЛЕОЛИТА АФРИКИ

Единство африканских памятников древнего каменного века ни у кого не вызывает сомнений, и вместе с тем пока никому не удалось определенно сформулировать общие признаки всех африканских культур палеолита, указать особенности его развития по сравнению с палеолитом Европы или Ближнего Востока, указать общие для всей Африки (и отличные от Европы) ступени развития палеолита. Отчасти это объясняется молодостью науки о палеолите в Африке, а отчасти тем, что, например, английские исследователи ограничивали себя изучением палеолита английских колоний, французские — палеолита французских колоний, а те и другие мало интересовались общими чертами между палеолитом Танганьики и Алжира. Взаимное проникновение взглядов одной и другой школы исследователей началось лишь в 50-х гг., а если это и имело место ранее, то по случайным обстоятельствам (например, поездка А. Брейля по Африке в меридиональном направлении во время второй мировой войны). Лишь специальные усилия исследователей (Д. Кларк, Л. Лики, Ф. Хауэлл, П. Биберсон), соединившихся на основе финансовой помощи фонда А. Веннер-Грена, привели к новым и во многом плодотворным шагам по пути объединения тех, кто занимается палеолитом Африки. Отметим прежде всего конгрессы по археологии Африки[1] и симпозиумы по ее палеолиту под эгидой Общества Веннер-Грена. Как итоги работы этих симпозиумов вышли два тома: один — в 1963 г. — «Экология Африки и эволюция человека» (African ecology and human evolution), другой в 1967 г. — «Основы эволюции в Африке» (Background to evolution in Africa). Кроме того, был проведен Международный симпозиум по четвертичным отложениям в Средиземноморье, естественно, касавшийся и геологии Африки, но преимущественно Северной (см.: Quaternaria, 1961, vol. 5). Отметим особенную важность рекомендаций международных совещаний по позднетретичному и четвертичному периодам (Bishop, Clark, 1967) и по терминологии. На первые решения африканских археологов по терминологии обратил в свое время внимание С. Н. Замятнин (1951). Теперь терминологические и типологические вопросы обсуждаются в более широкой аудитории и на более высоком профессиональном уровне. Например, вопрос, каковы должны быть обозначения для наиболее широких классификационных категорий каменного века.

Для авторов резолюции по этому вопросу наиболее широким понятием является «индустриальный комплекс» (Clark e. a., 1966), и этот термин, кажется, соответствует тому, что далее предлагается называть эпохой. Однако среди индустриальных комплексов есть и понятия меньшего масштаба, чем эпоха (мадлен, каписий). В качестве категории следующего, низшего таксономического ранга предлагается термин «индустрия», но он не находит точных соответствий в нашей шкале, предлагаемой далее, поскольку оказывается, что к числу таких понятий с равным правом относят и культуру (например, мустье с ашельской традицией), и хронологическое подразделение культуры (шестая ступень мадлена во Франции).

Оценивая источники по каменному веку Африки, приходится вступать в некоторое противоречие с общепринятым представлением о богатстве этого материка палеолитическими памятниками. Популярность африканских памятников палеолита (южноафриканских пещер с находками австралопитековых и Олдувая), шум, часто незаслуженно поднимаемый вокруг неясных даже для специалистов памятников (таких, как черепа палеоантропов из бассейна р. Омо или австралопитековых с берега оз. Рудольф) — все это искажает перспективу, порождает представление о большем богатстве Аф-

[1] Всего было семь панафриканских конгрессов по доистории и четвертичному периоду: 1947 г. — Найроби; 1952 г. — Алжир; 1955 г. — Ливингстон; 1959 г. — Леопольдвиль (совр. Киншаса); 1963 г. — Тенерифе; 1967 г.— Дакар; 1971 г. — Аддис-Абеба.

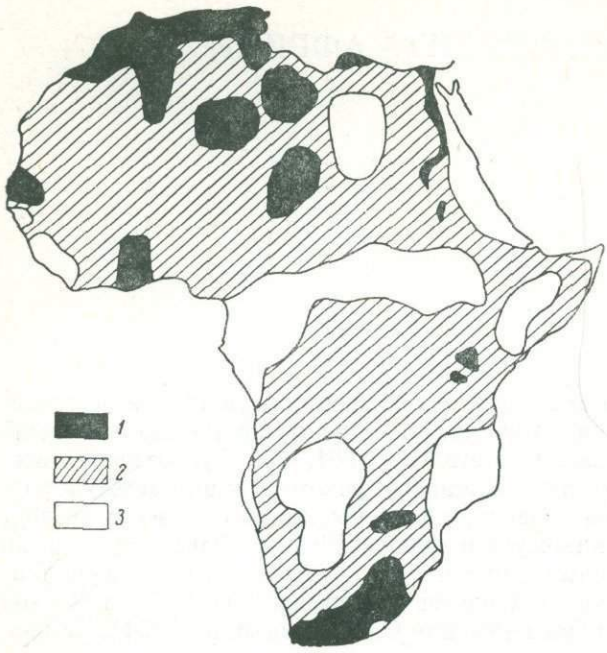

Рис. 13. Степень изученности Африки. По Д. Кларку.

1 — наиболее изученные территории; *2* — территории, где изучение началось; *3* — неизученные территории.

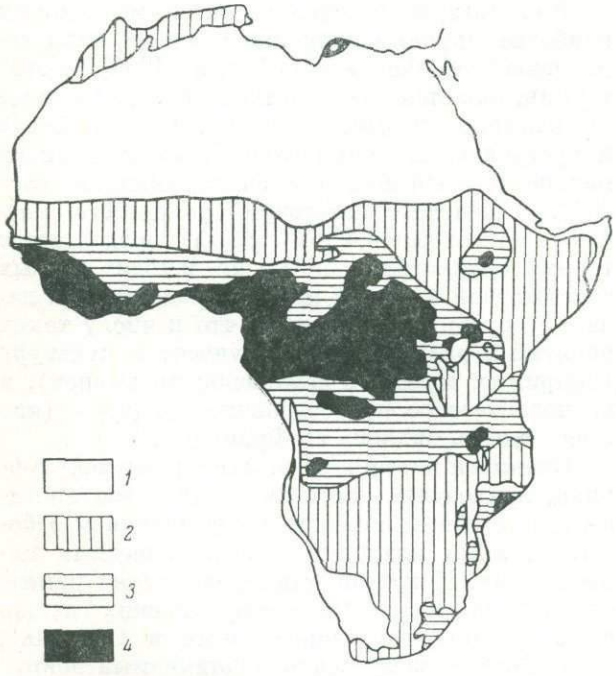

Рис. 14. Количество осадков в Африке. По Д. Кларку.

1 — меньше 30 см; *2* — 60—120 см; *3* — 120—180 см; *4* — более 180 см.

рики археологическими памятниками, чем это есть на самом деле (Bishop, Clark, 1967; рис. 13, ср. рис. 14, 15).

Действительно, в Танзании раскопан замечательный памятник — группа стоянок в Олдувайском ущелье. Значение его для всего каменного века еще вряд ли целиком понятно. Но ведь до недавнего времени более или менее подробные сведения о нем не были доступны никому, он не был освещен в печати в самой важной для нас части — в археологической.[2] Многочисленные костные остатки человека, кроме одной из первых находок — так называемого зинджантропа, пока неизвестны. Несмотря на большую важность находок олдувайского времени, они ограничиваются (помимо находок в Олдувайском ущелье) неопубликованными подъемными материалами Марокко, единственным памятником в Алжире (Айн-Ханеш) и неопубликованными же материалами бассейна р. Омо (рис. 16). Таким образом, полностью изданных памятников олдувайского времени (включая геологию, антропологию и археологию) и сейчас еще нет. Памятников же, о которых имеются предварительные сообщения в научных статьях (а не в популярных журналах, где печатаются только краткие заметки), не так уж и много. Ашельские памятники в Африке более многочисленны, но они с трудом распределяются во времени, а в типологическом отношении гораздо в меньшей степени различаются между собой, чем европейские. В итоге оценить перспективу развития ашельской эпохи — существование или отсутствие резких перемен в типологии каменных орудий, направление эволюции, разнообразие памятников — для территории Африки пока невозможно, в то время как на других материках такие вопросы уже встали и на них дан ответ. Хотя в Европе давно не было сенсационных находок и развитие науки о палеолите идет спокойно, скорее даже замедленно, но именно Европа сейчас столь богата памятниками ашеля и в еще большей степени — мустье, что новые веяния идут именно оттуда, а не из Африки. И в Европе были порождены те представления,[3] которые, будучи основаны на европейских материалах, с трудом преодолеваются благодаря углубленному изучению африканских памятников. Под

---

[2] Правда, раскопки в Олдувае посетило множество специалистов, и Лики охотно рассылали муляжи своих антропологических находок.

[3] Работы советских авторов по африканскому палеолиту в довоенные годы ограничивались более традиционным материалом Северной Африки. Советскому читателю стали известны материалы капсийской и атерийской культур из работ С. Н. Замятнина (1951) и П. П. Ефименко (1953). Этой тематики касались также А. А. Формозов (1959)

новыми веяниями мы имеем в виду ряд новых общих положений, разработанных в европейской археологии палеолита: уточнение границы между мустье и ашелем на европейских материалах, что еще не сделано для Африки; введение нового понятия «мустьерский комплекс» вместо прежнего понятия единой мустьерской культуры, состоящей из типичного мустье со скреблами и остроконечниками, зубчатого мустье с совокупностью зубчатых и выемчатых орудий, мустье с «рубильцами» — ножами типа прондник или клаузен, мустье понтийского типа — с орудиями из так называемых апельсиновых долек или из галек. В Европе же впервые был поставлен ряд теоретических положений, имеющих общеметодическое значение: синхронность выделяемых археологами палеолита эпох; синхронность подразделений внутри таких эпох (внутри верхнего палеолита, например); вопрос соотношения между археологическими культурами и эпохами и т. д.

Особенности палеолита

Своеобразие культуры какого-либо материка может простираться столь далеко, что в его пределах невозможно выделить те же эпохи археологической периодизации, что на соседнем континенте. В других случаях культура одного материка может отличаться от культуры соседнего, но в меньшей степени, т. е. настолько, что она может быть описана через одни и те же эпохи. Если под этим углом зрения рассмотреть археологические памятники Африки и Европы, то окажется, что олдувай представлен только в Африке или почти только в Африке, ашель — и в Европе, и в Африке, а что касается последующих эпох, то они, по нашему мнению, не сопоставимы. В Африке почти нет в чистом виде мустьерских памятников, как нет и верхнего палеолита.

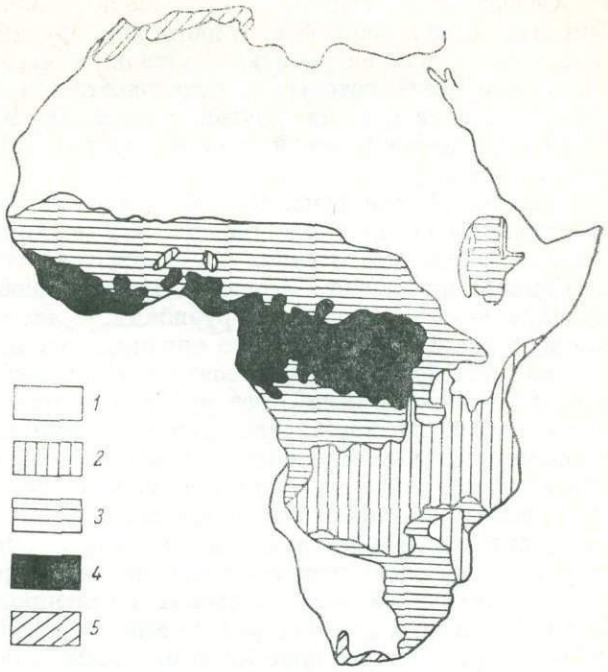

Рис. 15. Растительность Африки. По Д. Кларку.

1 — степи и пустыни; *2* — леса; *3* — саванны; *4* — тропические влажные леса; *5* — растительность средиземноморского типа.

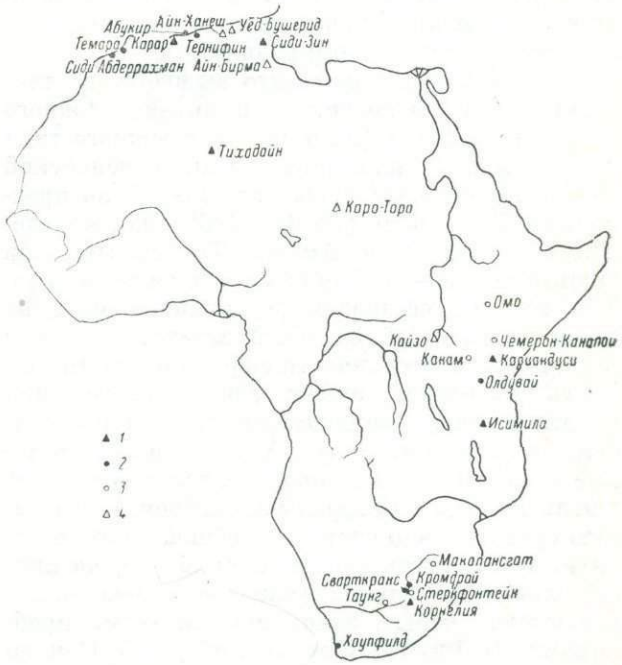

Рис. 16. Памятники ашеля, олдувая. Местонахождения фауны и ископаемого человека. По Д. Кларку.

1 — стоянки и местонахождения среднего плейстоцена; *2* — находки остатков человека среднего плейстоцена; *3* — находки остатков человека нижнего плейстоцена; *4* — стоянки и местонахождения нижнего плейстоцена.

и Н. О. Бадер (1965). Более частными вопросами в последние годы занимались В. П. Любин и В. А. Ранов. В. П. Любин обработал нижнепалеолитическую коллекцию из Нубии, собранную участниками Нубийской экспедиции во главе с Б. Б. Пиотровским, в основном занимавшейся памятниками более поздних эпох (см.: Любин, 1964); себильские находки были обработаны А. В. Виноградовым (Виноградов, 1964). В. А. Ранов обработал сборы советского геолога В. И. Буданова в Аравийской пустыне на востоке Египта, содержащие разновременные изделия — от ашеля до конца палеолита (Ранов, Буданов, 1973). Другой советский геолог — В. В. Соловьев — собрал каменные изделия в Республике Гвинее на плато Фута-Джалон (Борисковский, Соловьев, 1975). Поскольку материалы, положенные в основу этих работ, по полноте значительно уступают другим материалам по палеолиту Африки, то на них мы особо не останавливаемся.

Особенности африканского ашеля можно описать через присутствие особого рода орудий, нетипичных для европейского ашеля, и через сочетание типов, которые по отдельности могут быть встречены и на других материках, но в таком сочетании свойственны именно Африке.

Ашель Африки (рис. 16) отличается от соответствующей эпохи в Европе или в Азии (кроме Ближнего Востока и Индии). Почти все памятники ашеля в Африке относятся к собственно ашелю — ашелю с рубилами, с колунами и чопперами (вместе с орудиями из отщепов). В Африке нет или почти нет памятников клектонского типа — без рубил и колунов, с чопперами и многочисленными орудиями из отщепов, по-видимому представляющими собой продолжение олдувая. Если в Европе существует разделение памятников ашельской эпохи на клектонские — без рубил и колунов, с чопперами — и на собственно ашельские, то в Африке практически нет ашельских памятников без рубил и колунов, олдувай не имеет продолжения в неизменном виде на памятниках, аналогичных Клектону в Англии или Вертешсёллешу в Венгрии. В Европе и Азии известны многочисленные ашельские памятники, где нет ни колунов, ни рубил, а основное место занимают чопперы. Параллельно возникают там многочисленные орудия из отщепов, развивается техника получения отщепов как заготовок для изготовления такого рода орудий.

Теперь уже общепринято выделять на территории Европы ашельские памятники южного типа. Это деление (на памятники южного типа и на обычный, или нормальный, европейский ашель, иначе — «северный ашель») было предложено Ф. Бордом (Bordes, 1968) для определения ашеля Терра-Аматы. Так называемый южный ашель — это ашель африканского типа. Сам того не осознавая, по крайней мере не ставя перед собой подобной задачи, Борд тем самым описал особенности африканского ашеля. Честь выделения ашеля африканского типа в равной мере принадлежит и тем американским исследователям (Ф. Хауэллу и др.), которые описали (пока в предварительной форме) ашель Испании (Торральба, Амброна). На такую сравнительно частную в общей системе понятий особенность ашеля Африки, как на присутствие там колунов (кливеров), уже давно указывали ученые, занимавшиеся этими проблемами (К. Рит ван Лоу, П. Биберсон). Однако они не ставили себе цель описать особенности ашеля Африки, его отличие от ашеля Европы или тем более от ашеля Азии. Наиболее остро проблема различения ашеля Африки и ашеля других стран встала именно на Европейском материке, поскольку там соединяются и памятники африканского типа (южный ашель), и памятники европейского типа (северный ашель).

Колуны (cleavers; рис. 29; 36, *1*; 37, *8*), признанные особенностью африканского ашеля, носят одинаковое название с орудиями европейского типа, которые на них совсем непохожи. Тем не менее изменить что-либо уже невозможно, приходится лишь оговариваться, что, например, в Англии этим же термином (cleaver) именуют изделия, непохожие на африканские. Мы говорим о рубилах с поперечными лезвиями (tranchet-blow), свойственных в основном ашелю Англии, но в редких случаях встречающихся и в ашеле севера Франции (Wymer, 1968). Поэтому для описания африканских орудий мы будем использовать слово «колун», а для европейских изделий — переводной термин «кливер».

Что же касается различий между каменным веком Африки и Европы в последующие времена, то там налицо отличия большего таксономического ранга: в Европе нет такой эпохи, которая бы соответствовала постмустье Африки. Подобное соответствие на уровне эпох для каменного века Африки можно найти только в Азии (без Ближнего Востока) и в Австралии. Развитие же Американского континента имеет особые черты по сравнению с любым материком — Азию ли, Африку или Европу мы возьмем.

Палеолит Африки наиболее богат материалами времени существования верхнего палеолита Европы (средний каменный век Африки; рис. 17, 18). Специфически африканские культуры — санго, лупемба, форсмит, атер — известны лучше всего и притом на значительных территориях. Существенной чертой этих памятников является наличие особых типов каменных изделий, несвойственных палеолиту Европы, таких как пикообразные орудия и листовидные острия санго (picks, core-axe; рис. 63, *3*, *6*), листовидные орудия культуры питерсбург (рис. 71, *16—18*), атерийские наконечники с черешком (рис. 39, *8—11*), острия типа себильских (рис. 55, *1*, *2*, *4*, *5*). Общая черта этих разных культур — плавный переход от ашеля к мустье и к постмустье. Строго подходя, ни одна из них не может быть отнесена к верхнему палеолиту, хотя элементы, характерные для верхнего палеолита Европы, есть в большинстве этих культур. Лишь самые поздние памятники и культуры (например, эпипалеолит Марокко, культура дабба или хальфа) имеют при сохранении леваллуазских традиций в технике раскалывания довольно полный набор верхнепалеолитических элементов.

Кажется полезным предварить дальнейшее изложение особенностей африканского палео-

лита указанием на общие типологические группы, более широкие, чем типы, но типологические по способу выделения, по признакам, на которых они основываются. Эти группы составляют специфику эпохи постмустье, хотя некоторые из них возникли и раньше, в памятниках, относимых одними исследователями к концу ашеля, а другими — к среднему каменному веку (например, санго, форсмит).

Для памятников большинства африканских территорий, будь-то север или юг, такими группами будут ядрища, промежуточные между леваллуазскими (одноплощадочные, с одной плоскостью раскалывания) и призматическими (с плоскостью раскалывания в виде цилиндра или его части; см.: Сулейманов, 1972). Мелкие и средних размеров ядрища среднего каменного века Африки (постмустьерские), будучи одноплощадочными и имея одну плоскость раскалывания, тем не менее включают в число своих разновидностей не треугольные или овальные экземпляры (ядрища для острий и овальных отщепов), а только прямоугольные (для получения пластин). Негативы отщепов на таких ядрищах отличаются большой правильностью, а пропорции этих негативов — узкие, что сближает их с негативами пластин, скалываемых с призматических ядрищ.

Для двусторонне обработанных орудий среднего каменного века Африки характерно присутствие так называемых пикообразных орудий (рис. 63, *3, 6*). Эти орудия по пропорциям напоминают рубила, поскольку обработаны с двух сторон и сужаются кверху. Но в отличие от рубил, более или менее симметричных в сечении, пикообразные орудия в сечении плосковыпуклые. Края их либо слабо выпуклые, либо вогнутые, конец чаще заострен, но может быть закругленным. Другая разновидность двусторонних орудий, свойственных Африке,— это долотообразные орудия (core-axes). Двухконечные, с овально оформленными концами, уплощенные, они сразу наводят на мысль об их использовании в качестве долота. Края этих орудий, как правило, прямые и параллельные. И та и другая разновидность типична для среднего каменного века Экваториальной Африки — для культур санго и лупемба (рис. 63, *2*; 64, *5*).

Вместе с такого рода двусторонними орудиями, находящими аналогии в Европе, в культурах Экваториальной Африки встречаются и листовидные острия, разновидности которых известны в Европе. Но в Африке некоторые из них приобретают очень вытянутые пропорции, несвойственные европейским остриям.

Памятники Северной Африки поражают воображение не только удлиненными пропорциями листовидных острий, но и черешковыми формами. Атерийские наконечники с черешком,

Рис. 17. Памятники среднего каменного века. По Д. Кларку.

1 — леваллуа—мустье, мустье, атер (Северная Африка); *2* — форсмит, леваллуа (Восточная и Южная Африка); *3* — санго.

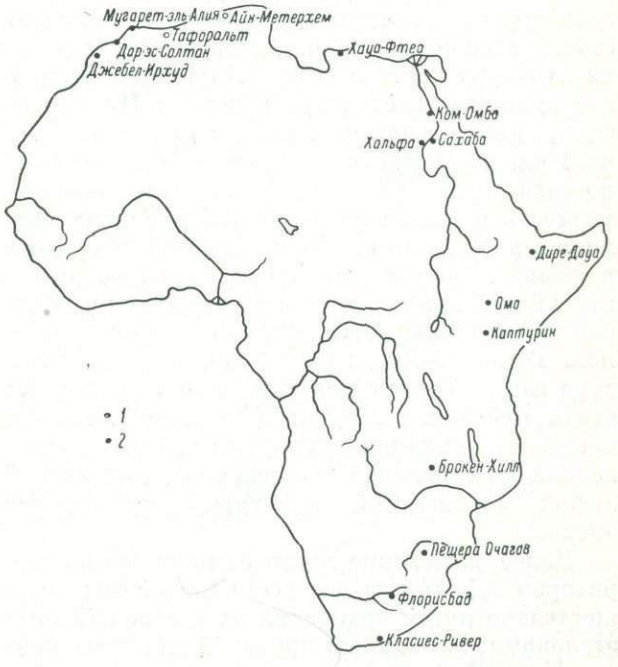

Рис. 18. Находки костных остатков человека времени мустье—постмустье. По Д. Кларку.

распространенные очень широко, дополняются скреблами и скребками с черешком. Себильская культура приносит в список форм, специфичных для Африки, острие себильского типа — скошенное, из леваллуазского острия или отщепа, иногда — с ретушью основания.

На памятниках Южной Африки встречаются острия, изготовленные из леваллуазских заготовок. Они не редкость и в Европе, но в Южной Африке они представлены особенными разновидностями. У одних обработаны продольные края с обеих сторон — со спинки и с брюшка, а основание оставлено не обработанным, у других же, напротив, двусторонне обработано основание, которому придана овальная форма.

Географическое деление

Приняв, что памятники древнего каменного века Африки едины, для удобства описания можно предложить их подразделение по территориальному признаку. В качестве предисловия к такому делению следует сказать следующее.

Археологические культуры Африки занимают большие территории, чем аналогичные им археологические культуры Европы или Ближнего Востока. Примером могут служить хорошо известные африканские культуры санго и атер, хотя другие культуры ограничены по площади своего распространения. Достаточно сослаться на культуру харга в оазисе Харга или на многие культуры постмустье в долине Нила — себиль, хальфа, сильсиль. Если в некоторых случаях однокультурность памятников может быть поставлена под сомнение (например, однокультурность памятников форсмита в Южной Африке и в Эфиопии или тождественность стилбея в разных частях Африки), то однородность атерийской культуры на всей территории, которая ей приписывается, совершенно определенная. То же можно, кажется, сказать и о культуре санго. Территория Западной и некоторых стран Восточной Африки (Танзании), где существуют памятники культуры санго, слишком велика по сравнению с площадью, занимаемой *любой европейской культурой мустьерской* эпохи.

Далее, выделение групп памятников на территории Африки лучше всего может быть осуществлено путем сравнения их с европейскими эталонами; это единый критерий для всего континента. *Поскольку европейские культуры* — единицы одного таксономического ранга, то такой критерий однозначен и приемлем на все случаи. Можно было бы пользоваться и археологическими культурами Ближнего Востока как единицей, поскольку они тождественны культурам Европы. Культуры, которые сходны с европейскими, но широко распространены по территории Африки, приходится признать свойственными Африке и рассматривать их как африканские, имея в виду, что есть памятники типично африканские и есть памятники без специфических признаков, характерных только для одного материка и придающих своеобразие всему африканскому палеолиту. Памятники Киренаики (Ливия) относятся как раз к числу таких, которые почти не несут признаков, свойственных только палеолиту одной Африки. Ниже, при описании памятников Западной и Восточной Африки, мы еще коснемся своеобразия африканских памятников, поскольку именно там оно выражено лучше всего. Надо отметить, предваряя последующее изложение, что культуры, обладающие *чисто африканскими особенностями, и культуры* более общего облика распределены по территории Африки довольно равномерно. Нельзя сказать, чтобы такое своеобразие нарастало, например, к югу по мере удаления от Европы. И на крайнем юге Африки есть памятники, которые многим исследователям кажутся сходными с европейскими, например питерсбургская культура. Листовидные острия (треугольные), ретушированные по краям со спинки либо с брюшка, вместе с продольными скреблами из леваллуазских пластин найдут параллели в памятниках северофранцузского мустье с леваллуазскими орудиями или в мустье Греции.

Итак, начнем с Северной Африки, или Африки к северу от Сахары, которую многие исследователи (например: Müller-Karpe, 1966) соединяют с Европой, поскольку там есть «комплекс остроконечника и скребла». Как нечто единое с европейским мустье рассматривал Ф. Борд типичный памятник мустье (или атерийской культуры, что более вероятно) Африки — Айн-Метерхем. Никаких сомнений в тождестве палеолита Хауа-Фтеа с мустьерскими памятниками Передней Азии не высказал Ч. Мак-Бёрни. Вместе с тем некоторые французские исследователи придерживались иной точки зрения применительно к атерийской культуре. *Они полагали, что она* — специфически африканское явление и должна быть отличаема от мустье Франции или любой другой страны Европы (Balout, 1955). Основанием для утверждения первого рода служит упрощенное представление о мустье Европы как о «*комплексе остроконечника и скребла*». *На самом* деле это утверждение было справедливо лишь на уровне 30-х гг., когда мустье рассматривалось как единое целое и не сформировалось еще понятие «мустьерский комплекс», когда не

признавалось существование различных мустьерских культур, составляющих такой комплекс. В действительности палеолиту Европы не в меньшей степени, а может быть и в большей, свойственны памятники без остроконечников и с малым числом скребел, памятники зубчатого мустье, зубчатого пути развития мустьерской культуры. В памятниках этого варианта мустьерской культуры нет остроконечников, скребла же составляют меньшую часть группы орудий и представлены очень небольшим количеством вариантов. Мустье с понтийским раскалыванием — получением заготовок — характерно для многих частей Европы и заметно отличается от типичного мустье — «мустье остроконечника и скребла». Мустьерские памятники Европы с двусторонними формами (помимо рубил) — пронднцкая культура, вариант мустье с ножами типа клаузен — не содержат ни остроконечников, ни скребел, а тем не менее должны считаться столь же типичными представителями европейского мустье, как и само типичное мустье, по площади, занимаемой указанными культурами. Отсюда необходимость сравнить Европу с Африкой, определить, что же такое мустье Европы. Это теперь значительно более сложная задача, чем прежде, поскольку понятие «мустье Европы» усложнилось по сравнению с предшествовавшим периодом.

Для полноты картины сравнения важно не только наличие в Африке памятников, не имеющих соответствия в Европе, но и отсутствие в ней памятников, свойственных Европе. Так, в Африке нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало пронднцкие памятники или памятники типа клаузеннише. Они — столь же своеобразная группа для палеолита Европы, как, скажем, санго для Африки, хотя в палеолите Африки есть не только культуры санго или бамбата.

Северная Африка — это регион, занятый многими культурами, соединенными, как нам кажется, только по географическому признаку. В данный регион входят атер, культуры Египта и Судана, весьма близкие между собой, и культуры Киренаики (Хауа-Фтеа и Хай-Крейем). Существует и иной взгляд, согласно которому Северная Африка — это территория, где культуры эпохи мустье имеют европейский облик. Однако такая точка зрения в какой-то степени может быть доказана (отнюдь не полностью) применительно к территории Магриба, но не всей Северной Африки.

Кажется, что точка зрения, согласно которой культуры Северной Африки близки к кругу мустьерских культур Европы, сильно упрощает отношения между материками. Действительно, памятники атерийской культуры и памятники так называемого мустье Магриба (Айн-Метерхем, Джебел-Ирхуд) и Киренаики в какой-то мере близки мустье Франции. Но надо иметь при этом в виду, что атерийская культура решительно отличается от мустье Европы в любом варианте по двум пунктам: во-первых, по наличию листовидных наконечников, наконечников, скребков и скребел с черешком и, во-вторых, по такому существенному компоненту, как верхнепалеолитическая группа орудий. Как известно, все атерийские памятники имеют в своем составе скребки вполне совершенного облика, не мустьерские, характерные для мустье Франции или Италии, а верхнепалеолитические. Атерийской культуре Африки свойственны и резцы, которые не встречаются на памятниках мустье Европы, какой бы вариант мы ни взяли. При этом для резцов опять-таки необходимо сделать ту же самую оговорку, что и для скребков, — это настоящие верхнепалеолитические резцы, а не орудия с плоским резцовым сколом, регулярно встречаемые на стоянках мустье Европы. Кроме того, нужно особо отметить, что положение леваллуазской техники раскалывания относительно типичного набора орудий ставит атерийскую культуру вне круга европейских памятников, ведь типичные французские памятники не имеют одновременно и леваллуазской техники раскалывания, и типичного набора орудий. Единственной европейской чертой мустьерских культур Северной Африки (кроме памятников харга и себиля) следует считать существование резкой грани, отделяющей эти культуры постмустьерской эпохи от предшествующей — ашельской.

Наиболее сходные с европейскими культуры Северной Африки, на наш взгляд, да и по мнению некоторых французских исследователей (Л. Балу), являются в действительности специфически африканскими. Что же касается памятников Египта, а также Судана, то их африканский облик не вызывает сомнений. Для себильской культуры равно свойственно и соединение черт верхнего палеолита с мустьерскими, и такой специфический тип, как себильское острие, асимметричное острие из леваллуазского отщепа. Памятники культур хальфа, хормуса и др., выделенных теперь американскими исследователями (Wendorf, 1968), указывают на африканские черты и этой территории. Памятники Киренаики несут в себе порой наиболее хорошо выраженные европейские черты. Здесь — в культуре дабба — раньше, чем в других регионах, появляется значительное число верхнепалеолитических элементов. Но надо иметь в виду не одно только такое понимание этих памятников их исследователем — Ч. Мак-Бёрни, но и несколько отличное истолкование культуры дабба, предлагаемое нами ниже, где отмечаются ее типично африканские

черты. Что же касается мустьерских памятников в их разнообразии, как они представлены в Киренаике, то в совокупности они могут быть отнесены к единому целому с мустье Переднего Востока и Европы (соединение типологии с техникой раскалывания, приемлемое и для Африки, и для Европы, а также и сама типология).

Наиболее специфически африканскими могут считаться памятники типа санго—бамбата, как памятники с особого рода переживанием двусторонней обработки, неизвестной в Европе, а также памятники с леваллуазской техникой и микролитами, такие, как культуры хальфа или оранская. Не столь типично африканские — памятники с леваллуазской техникой раскалывания и разного рода треугольными изделиями из леваллуазских заготовок — остриями разных видов (питерсбургская культура). Обычно принято называть леваллуазскую технику европейским признаком. Леваллуазская техника раскалывания действительно свойственна европейским памятникам, но только для мустьерской эпохи. В Африке же (как, впрочем, и в Азии, особенно в Юго-Восточной) леваллуазская техника и по сию пору используется вообще некоторыми группами охотников. Сводка Б. Олчин показывает, что принципы раскалывания камня у ряда современных охотников Африки и Индии, а также техника обработки камня на Австралийском материке исходят из леваллуазских традиций. Леваллуазские приемы раскалывания камня существовали здесь много дольше, чем в Европе (Allchin, 1966). В отличие от Европы, где леваллуазские заготовки употреблялись только для изготовления остроконечников и скребел, здесь леваллуазские заготовки благополучно сосуществовали с резцами, пластинами с притупленным краем и скребками. Леваллуазская техника раскалывания была освоена в Африке много полнее, из нее выжали все, что можно. Отсюда есть основания считать и культуры типа питерсбург проявлениями сугубо местного характера, хотя техника раскалывания здесь имеет много общего с европейскими памятниками. Палеолиту Африки свойственны не только треугольные остроконечники, утонченные с основания (эти орудия встречаются, хотя и редко, и на некоторых европейских памятниках). Более существенно, что в Африке подобные орудия составляют основу памятников, а отнюдь не примесь к ведущим категориям изделий, как на некоторых европейских стоянках. Естественно, что такие памятники, как себиль, уже по одному только органичному сочетанию микролитов и леваллуазских заготовок для их изготовления следует считать типично африканскими. К подобным глубоко своеобразным, собственно африканским явлениям следует отнести и культуру харга (с короткими леваллуазскими отщепами).

На юге Африки, с обычной точки зрения, наблюдается даже усиление черт, которые принимаются за европейские, т. е. увеличение признаков «комплекса остроконечника и скребла». И скребла, и остроконечники отмечаются в очень большом отдалении от Европы, отнюдь не в той части Африки, которую с известной натяжкой можно было бы признать и за периферию какого-то афро-европейского единства. Притом сходство это столь бросается в глаза, что один из африканских археологов его реконструировал как миграцию одной европейской культуры в Африку. Подобное распределение памятников, близких, как кажется, европейскому мустье и в то же время удаленных от него территориально, показывает, что сам по себе такой признак, как наличие остроконечника и скребла, не доказывает ни единства Европы и Африки в определенное время, ни принадлежности Северной Африки и Европы к одной культурной общности. Напротив, он показывает, сколь един был палеолит вообще и что, в частности, в разных местах земного шара самостоятельно возникают определенные признаки палеолитической культуры, которые, взятые сами по себе, могут показаться и доказательством единства содержащих их памятников. На самом деле — это общемустьерские признаки для Европы и Ближнего Востока, а также признаки, соединяющие типологически постмустье и мустье Европы. Они являются солидным основанием для определения африканских памятников этого времени как постмустьерских, для увязки их ни с какой-либо другой эпохой, а только с мустье.

Для памятников Южной Африки характерно широкое использование леваллуазской техники раскалывания, изготовление из леваллуазских заготовок разного рода острий, то коротких, то более вытянутых, то ретушированных с брюшка, то — только со спинки. Они сопровождаются, как это свойственно всей Африке, большим или меньшим количеством верхнепалеолитических типов.

Таким образом, существует эпоха, которую мы предлагаем называть эпохой мустье—постмустье. Она представлена в каждом из описываемых регионов несколькими археологическими культурами. Но, как нам кажется, разные археологические культуры внутри таких регионов не обладают специфическими, свойственными только данному региону признаками. Если и есть какие-то особенные типы или приемы обработки, то они характерны для археологической культуры, а не для целого региона — для всего Магриба или для всего экваториального района Африки. Общие же признаки двух археологических культур суть всегда признаки

постмустье вообще, африканские признаки этой эпохи. Невозможно отыскать такие признаки мустьерской-постмустьерской эпохи в Северной Африке, которые отсутствовали бы в Южной или Восточной Африке. Сравнивая себиль и атер (соседние культуры, расположенные в пределах Северной Африки), нельзя найти у них такие общие черты, которые бы не встречались и в остальных частях Африки. Себильская культура, напротив, сопоставима как с близкой ей по времени культурой лупемба, так и с магозийской культурой Южной Африки. Сближавшие их признаки — общие признаки африканского постмустье. Предлагаемое деление на районы поэтому преследует только цели удобства описания.

Периодизация палеолита

Изучение палеолита Африки началось позже, чем палеолита Европы. Это обстоятельство имело своим следствием, во-первых, попытку скопировать хотя бы внешне схему развития каменного века Европы, которая к этому времени уже существовала и, естественно, влияла на исследователей. Создателями первой периодизации каменного века Африки были европейские ученые, в частности англичане. Французские исследователи предложили свою терминологию для палеолита территории к югу от Сахары, но она появилась позднее и оказалась менее полной и действенной. Английские исследователи выдвинули классификацию, делившую каменный век Африки на три хронологические ступени: ранний каменный век (Early Stone Age; далее — ESA), средний каменный век (Middle Stone Age — MSA) и поздний каменный век (Late Stone Age — LSA). В отличие от этого французские исследователи предложили термины для местных археологических культур (атер, капсий, оран), а не для общих ступеней каменного века Африки.

Автором самого первого наброска ступеней каменного века Африки считают археолога из Южной Африки А. Гудвина (Goodwin, 1929). Он, собственно, только заменил ранее существовавшую (и неудовлетворительную) классификацию — двучленную — на трехчленную. К этому времени — 1929 г. — были известны памятники разных подразделений каменного века Африки; например, те, которые теперь относят к стилбею или уилтону. Правда, как и сейчас, основная масса материала состояла из находок на поверхности. Для раннего каменного века Африки с его изобилием рубил достаточным признаком (по тем временам) было присутствие последних. Поздний каменный век (LSA) определялся по заготовкам прямоугольных очертаний, а для среднего каменного века с его чаще всего леваллуазской или основанной на дисковидном ядрище техникой раскалывания таким признаком Гудвин избрал треугольную форму отщепа. Теперь очевидно методическое несовершенство его периодизации, но тогда подобное определение было вполне подходящим, поскольку позволяло в пределах Южной Африки по крайней мере определить в самом грубом виде принадлежность памятника к той или иной эпохе.

Как и обычно для других стран, помимо крупных подразделений, соответствующих эпохам, существовали менее крупные подразделения. Так, для юга Африки давно пользовались терминами локального размаха. Ашель и шелль здесь определяли как стелленбош со ступенями I—V (Riet van Lowe, 1952). За стелленбошем следовал самый поздний ашель, который называли форсмитом (Fauresmith), а далее — подразделения среднего каменного века — стилбей, хангенштадт — и позднего каменного века — магози, смитфилд, уилтон и т. д.

Подобные локальные термины были введены и на территории Восточной Африки. Там, кроме шелль—ашеля, существовали санго, лупемба, леваллуа и т. д. Север Африки, исследуемый французскими учеными, как известно, дал основания для выделения наиболее популярной в отечественной литературе капсийской культуры и не менее популярного атера. В Африке же, но не на юге и не на севере, а в Уганде, была впервые отмечена дошелльская ступень развития, или эпоха кафу.

Если в согласии с А. Брейлем все исследователи полагали, что Средиземноморье — в известной степени район особого развития культуры в эпоху верхнего палеолита (здесь отсутствуют некоторые ступени верхнего палеолита — солютре, хотя представлен ориньяк — капсийская культура в тогдашнем понимании), то более ранние эпохи — ашель и мустье — считались едиными для всей ойкумены (Breuil, 1912). Человечество, как казалось, проходило одинаковые ступени — эпохи археологической периодизации. Однако примитивность столь древних ступеней культуры не давала оснований для варьирования культуры — форм каменных орудий. Отсюда и существование общих для Европы и Африки ступеней развития культуры, общих подразделений периодизации каменного века. Но признание такого рода однородности развития каменных орудий предполагало возможность выделить в Африке те же ступени, что и в Европе. Именно эта задача и представляла всегда наибольшие трудности. Тем более что в Африке к югу от Сахары довольно рано установились представления о ступенях каменного века, не соотноси-

мых со ступенями палеолита Европы. Что касается ашеля, то его соответствие ашелю Европы довольно долго не вызывало сомнений, хотя теперь оказалось, что ашель в Африке заходит весьма далеко в пределы хронологического интервала, соответствующего последнему оледенению (мустье) в Европе. Стало быть, он существовал позже, чем ашель в Европе (Clark, 1954). Во всяком случае наличие такой ступени не вызывает сомнения, речь идет лишь о несоответствии верхней хронологической границы. Кажется, что такое отклонение не бросает тени на всю попытку установить соответствие с каменным веком Европы, а тем самым обнаружить общие этапы развития каменных орудий в пределах ойкумены. К этому, естественно, нужно добавить, что именно африканские находки заставляют отказаться от выделения шелльской эпохи. На материалах Африканского материка шелль оказался не столь отличным от ашеля, чтобы выделить его в качестве особой эпохи, равнозначной ашелю или мустье. В качестве раннего ашеля он занимает свое место в периодизации, как например Тернифин (Biberson, 1961).

Гораздо труднее положение с памятниками среднего каменного века в Южной Африке (MSA) и с вопросом о их соответствии памятникам других частей этого материка. Ярким примером является атерийская культура Магриба. Она вначале не воспринималась как аналог среднего каменного века, поскольку выделялась французскими, а не английскими исследователями, чуждыми такого рода периодизации. Да и теперь никто не называет атерийскую культуру средним каменным веком, поскольку проще (из-за соседства с Францией, может быть, и по их типологическому облику) сопоставлять ее с мустьерской эпохой Европы. Но примечательно — с атером связана та же проблематика, что и со средним каменным веком Восточной или Южной Африки, — это проблема его соответствия памятникам Европы (соответствуют ли они мустье или верхнему палеолиту).

Нынешнее положение дел можно обрисовать следующим образом. Почти все согласны, что по времени памятники среднего каменного века соответствуют скорее всего верхнему палеолиту Европы (Д. Кларк, Ф. Борд, Л. Балу, Ф. Смит). Это с неизбежностью следует из того факта, что ашель в Африке запаздывает настолько, что хронологически совпадает с первой половиной европейского мустье. В самое последнее время и французские, и английские, и американские исследователи пытаются показать, что памятники атерийской культуры, или среднего каменного века, в Африке древнее, чем верхний палеолит Европы (Klein, 1970; Descamps, 1970). Действительно, в некоторых случаях древность, скажем, культуры санго (MSA) превышает древность верхнего палеолита. Но существенно не то, что нижняя граница санго лежит глубже, чем нижняя граница верхнего палеолита Европы, а то, что в Африке нет такого этапа (археологической эпохи), который бы соответствовал верхнему палеолиту Европы. В Африке границы проходили по другим рубежам. Точно так же можно утверждать, что некоторые памятники атерийской культуры древнее 35 тыс. лет, но отсутствие каких-либо памятников между марокканским эпипалеолитом (12 тыс. лет) и атерийской культурой доказывает, что развитие атера длилось очень долго, занимало время верхнего палеолита. И исследователи, которые ранее соглашались с соответствием атерийской культуры верхнему палеолиту, по существу хотели, чтобы атер был таким же этапом, как верхний палеолит, но только в ином воплощении. Отсюда и попытки рассматривать его как африканский верхний палеолит (Bordes, 1968). Однако на самом деле это не этап, синхронный верхнему палеолиту, а особый этап с особыми хронологическими рамками, не совпадающими с рамками верхнего палеолита. Не совпадают эти этапы и типологически. Данное обстоятельство также приходится обходить тем, кто ищет в Африке те же этапы, что и в Европе. Отсюда у исследователей, принадлежащих к этому направлению, желание видеть в атерийской культуре верхний палеолит с мустьерскими пережитками (Ф. Борд, Д. Кларк) или этап мустье, соответствующий такому же этапу в Европе (Ж. Тиксье).

Аналогичная тенденция наметилась не только применительно к атеру, но и по отношению ко всем памятникам и культурам среднего каменного века. Например, Д. Кларк, известный исследователь каменного века Африки, заменяет термин «средний каменный век» другими более удобными для него — «верхнеплейстоценовый набор орудий», «верхнеплейстоценовые культуры». Он рассматривает верхнеплейстоценовые памятники ашельского типа как переживание старых традиций, обусловленное скорее всего тем же природным окружением (саванного типа), что и в ашельское время. Там же, где природное окружение (а точнее — растительность) было более разнообразным, Кларк видит весьма рано возникшие памятники иного типа. Прямо с верхним палеолитом эти культуры не отождествляются. Но Кларк не выступает за прямое сопоставление среднего каменного века Африки с верхним палеолитом Европы. Он настойчиво подчеркивает соответствие развития культуры еще в одном: начало культур и в Африке, и в Европе

связано с сильным похолоданием, с последним оледенением. Для Кларка, исследователя, придающего больше, чем другие, значения природному окружению, это очень сильный аргумент. События на Африканском континенте кажутся Кларку сходными в общих чертах с европейскими (Clark, 1970). Происходит усложнение форм хозяйства, они становятся более разнообразными, а приспособление к окружающей среде более совершенным. Появляется даже специализация. Появляется и человек современного физического типа. Казалось бы, есть подобие и в развитии культуры на обоих материках. Но в Африке нет верхнего палеолита европейского облика. И Кларк утверждает лишь частичное сходство памятников Африки с верхним палеолитом.

Из синхронистической таблицы африканского палеолита (Clark, 1970, p. 18) как будто вытекает, что палеолит Африки, развиваясь, проходит те же ступени, что и европейский. Но Д. Кларк прямо не отождествляет с верхним палеолитом ни одну из археологических культур среднего каменного века Африки, а называет их верхнеплейстоценовыми. Нет также сведений, которые бы говорили о столь тесных связях памятников среднего каменного века с людьми современного физического типа, как это имеет место в Европе и на Ближнем Востоке. Однако на самом деле с остатками, которые относятся к постмустье или среднему каменному веку, бывают связаны находки и неандерталоидов, и сапиентных людей. Так, все фрагментарные остатки человека из Южной Африки (кроме Флорисбада) относятся к Homo sapiens, а костные отстатки человека из Дире-Дауа и Синги принадлежат неандерталоидам.

В Африке трудно найти границу между ашельской и мустьерской эпохами. Не случайно сам Кларк предпочитает соединять в одно целое под названием «культуры верхнего плейстоцена» и ашель, и форсмит, и санго, и лупемба. Это отражает действительные трудности нахождения границ между эпохами африканского палеолита, столь ясно выделяемыми по морфологии каменных изделий в Европе и на Ближнем Востоке. Стало быть, разумнее, по нашему мнению, будет не переносить деление, выработанное в европейско-переднеазиатском регионе, на всю остальную часть ойкумены, в частности на Африку.[4]

Другой исследователь, специально обращавшийся к среднему каменному веку Африки и знакомый с самыми последними материалами, пока еще неопубликованными, Р. Клейн (Klein, 1970), предложил иное решение вопроса. Основываясь на появлении значительного количества новых определений абсолютного возраста памятников среднего каменного века радиоуглеродным методом, он приходит к выводу, что памятники среднего каменного века Африки соответствуют по времени не верхнему палеолиту Европы, а мустье Европы. Такой вывод устраняет некоторые сложности, но зато порождает новые. В частности, если средний каменный век действительно синхронен последнему межледниковью в Европе и кончается ранее 40 тыс. лет назад, то как связать с этим морфологический облик памятников среднего каменного века? Ведь они, самое большее, напоминают мустьерские по уровню своего развития, а во многих из них представлено достаточное количество верхнепалеолитических форм. Леваллуазская техника раскалывания (конечно, в Европе) относится к вюрму, но никак не древнее его. Маловероятно, чтобы в Африке леваллуа было более ранним. Если это так, то ашель с леваллуазской техникой раскалывания придется отнести к рисс—вюрму, а средний каменный век будет еще более поздним, вопреки предположению Клейна. Утверждение Клейна в пределах тех данных, которыми он пользуется, уязвимо. Не пытаясь установить категорию африканских памятников, соответствующих верхнему палеолиту Европы (что, по нашему мнению, невозможно), он отделяет некоторые культуры, которые располагаются у него после среднего каменного века, но и не попадают в поздний каменный век (не соответствуют верхнему палеолиту). Однако есть ли основания для их исключения из среднего каменного века? Сам Клейн таких оснований не приводит. А рассмотрение материалов, на которые он ссылается (его статья ограничена только частью Южной Африки), показывает, что памятники, исключаемые им из рассмотрения, для того чтобы доказать, будто средний каменный век кончается раньше 40 тыс. лет, по морфологии относятся как раз к среднему каменному веку. Их отличительная особенность в том, что они были обнаружены позднее, чем те, которые, безусловно, нельзя исключить из понятия «средний каменный век», и они были отнесены туда А. Гудвином (Goodwin, 1929). Нельзя исключить из рассмотрения такие группы памятников, как лупемба, поздние хронологические подразделения питерсбургской культуры, атер, памятники Сомали типа пещеры Дикобраза и др. А для них (при всей неточности хронологии) трудно предположить столь

[4] Далее в тексте мы иногда пользуемся, особенно излагая мнения других исследователей, термином «средний каменный век» и в меньшей степени — французской схемой, предполагающей существование верхнего палеолита (каковым называется атерийская и капсийская культуры). При этом мы имеем в виду, что термин «средний каменный век» в какой-то степени совпадает с нашим термином «постмустье».

древний возраст, как последнее межледниковье. Что же касается памятников самой Южной Африки, о которых, собственно, и пишет Клейн, то не исключена возможность, что они весьма древние, однако в этом случае придется допустить разновременность исчезновения ашеля в разных частях Африки (памятников *ашельского пути развития, или ашеля в широком* смысле слова, как говорят обычно сами африканские исследователи) и сосуществование ашеля, или памятников с рубилами, с памятниками без рубил, со средним каменным веком, что, например, Кларк не считает исключенным.

АФРИКА	ЕВРОПА
	10 тыс. лет
	Верхний палеолит
Мустье—постмустье	33—35 тыс. лет
	Мустье
	80—100 тыс. лет
Ашель	Ашель
	≈1 млн лет
Олдувай	>2 млн лет

Итак, оказывается, что рассмотрение вопроса периодизации африканского палеолита на старой основе, предполагавшей существование одинаковых ступеней развития на всех материках, не приводит к удовлетворительному результату. *Стало быть, необходима ревизия этого* принципа, важнейшего в вопросах периодизации. Первая эпоха развития каменного века Африки включает в себя памятники олдувайского типа (см. схему). Как известно, данный этап развития каменного века своеобразен постольку, поскольку практически можно считать его представленным только на Африканском материке. Ашельский этап развития каменного века начинается с появления рубил. Ограниченное количество памятников ашеля (притом раннего) вполне можно отличить от олдувайских только по наличию рубил, хотя в иных условиях критерий был бы явно недостаточен. Второй признак нового этапа каменного века Африки — появление колунов, или кливеров (cleavers).[5] Что касается остальных типов или групповых категорий каменного инвентаря, таких как чопперы, зубчатые, выемчатые орудия, то, как это следует с достаточной ясностью из последних публикаций по Олдувайскому ущелью, они появились весьма рано и мало менялись впоследствии. Техника раскалывания и после работ М. Лики остается плохо известной.[6] Скребла и острия (но не остроконечники) *известны равно и в олдувайское время, и в более* поздних памятниках — ашельских. Ашель — очень длительная эпоха. Ее верхняя граница для территории Африки простирается практически до середины верхнего плейстоцена, тогда как нижняя находится, надо полагать, в самом начале среднего плейстоцена. Действительно, как это было замечено некоторыми исследователями, ашель — самая африканская эпоха палеолита. Именно в Африке чаще всего находят памятники с рубилами и колунами. Ашель африканского типа распространился на территорию Европы и сохранял свой африканский облик довольно долго. Оттуда же, из Африки, прибыли, вероятно, и первые поселенцы Азии.

Определение верхней границы ашельской *эпохи представляет для территории Африки* существенные трудности. Никто из авторов не занимался на современном уровне исследований этим вопросом. В самом деле, ведь так называемые форсмитские памятники можно относить или к ашельской эпохе, как это и делает бессознательно большинство исследователей (поскольку они не предлагают никаких критериев различения ашеля и мустье), или к мустье *с ашельской традицией, как делают другие.* Выходом из положения является локальная категория среднего каменного века (MSA), применяемая к территории Восточной и Южной Африки, но не к Западной Африке и не к Сомали или к Нилу, а тем более — к территории Магриба, к памятникам атерийского типа. На известной карте Кларка есть отдельное обозначение для мустье и леваллуа, а для остальной территории даются совсем другие категории — санго, лупемба, стилбей, т. е. термины не эпохальные, как мустье, а локальные. И все это осложняется еще и тем, что категории локального характера не являются обозначениями для местных культур в строгом смысле слова. Так, стилбей как будто локальная культура, расположенная *в пределах Южной Африки, но наряду с ним* есть еще и памятники Кении и Замбии, которые относятся их исследователями к стилбею (Бамбата). Мы полагаем, что для памятников

[5] Г. Айзек (Isaac, 1969) придает особое значение появлению массивных отщепов, что позволило изготовлять и рубила, и кливеры из отщепов.

[6] Иллюстрации к монографии М. Лики (Leakey M., 1971) дают основания полагать, что среди прочих орудий в нижних слоях Олдувайского ущелья есть и ядрища — дисковидные и одноплощадочные, но *она отнесла их (ошибочно, по нашему мнению)* к полиэдрам и чопперам.

Африки следует применять те же критерии их деления на эпохи, что и для отделения ашеля от мустье на территории Европы. Таким критерием будет обилие разнообразных орудий (остроконечников и скребел) из отщепов и появление леваллуазских орудий. В этом случае, например, форсмит придется отнести к среднему каменному веку, вопреки традиции, согласно которой из-за обилия рубил памятники типа форсмита относят к ашелю. Ведь хотя в санго и встречаются рубила, правда в своеобразном варианте, тем не менее и Кларк, и другие ученые единодушно относят его к среднему каменному веку. Так что наши суждения отнюдь не представляют разрыва с традициями африканской археологии каменного века. Но при настоящей степени исследованности и, главное, опубликованности палеолита Африки нельзя по публикациям составить точное представление о роли орудий из отщепов в составе наборов каменных орудий разных культур. Напротив, все наши суждения по данному поводу кажутся как раз наиболее неопределенными. Поэтому и деление на мустьерскую и ашельскую эпохи в Африке пока сможет проводиться как предварительное. А следовательно, частные определения — указания на культурную принадлежность в пределах данного региона (стилбей, санго) — представляются наиболее приемлемыми и должны сохраняться, порой замещая определения принадлежности к эпохе археологической периодизации.

Что же касается верхнего палеолита, то мы ставим вопрос следующим образом: в Африке нет эпохи верхнего палеолита, а это время заполнено памятниками особого типа, особой эпохи — постмустье. Именно на территории Африки есть все основания для выделения такой эпохи. Ашель в Африке представлен — это если не те же самые культуры, что и в Европе, не те же самые пути развития, то во всяком случае тот же этап или та же эпоха в развитии каменного века. Что же касается африканского постмустье, то эта эпоха не имеет соответствия в Европе. По общему мнению, памятники Африки, по времени соответствующие верхнему палеолиту Европы, основаны на той технике раскалывания, которая свойственна мустье Европы или постмустье Азии, — технике дисковидного или леваллуазского ядрища. Эта техника типична для ашеля или мустье Африки. Характерна она не только для постмустьерской эпохи, а, как известно, существует и позже. Однако Африка не может рассматриваться как совершенно однородная область с точки зрения способов получения заготовок для изготовления каменных орудий. Напротив, в различных концах материка есть отход от старой техники, выражавшийся, правда, по-разному. В одном случае, в памятниках Южной Африки (точнее — пров. Оранжевая ЮАР, Оренджия I и Зеекогат), обнаруживается переход к призматическим ядрищам. На другом конце континента, в долине Нила, в Судане, плоское леваллуазское ядрище, сохраняя свой плоский профиль, становится более правильным, с него скалывают такие заготовки, которые используются для изготовления геометрических микролитов.

Каменные орудия, служащие столь же важным, как и техника раскалывания, показателем характера культуры, показателем принадлежности к определенной эпохе, также на протяжении постмустье сохраняют свой мустьерский, а в некоторых случаях даже и более ранний облик. Так, в памятниках типа санго продолжают существовать рубила, пикообразные орудия, изготовленные оббивкой.

Поскольку указанное соединение ашельских (чопперы, рубила), мустьерских (острия, скребла) и верхнепалеолитических групповых категорий не является механической смесью, то возникает вопрос, как описать такое явление — в старых терминах или предложить новые. Чаще всего пользуются старыми терминами. Например, атерийскую культуру относят к мустьерским памятникам (Ф. Борд), а памятники Судана — к верхнему палеолиту (Ф. Смит). Другая возможность создать периодизацию памятников Африки — объявить их результатом перехода к эпохе верхнего палеолита и считать верхнепалеолитическими, но с элементами (пережитками) архаичной техники. Так рассматриваются памятники Сибири на нашей территории, так рассматривают американские исследователи памятники Судана (Wendorf, 1968). Но объяснять все переходом к верхнему палеолиту, переживанием старых элементов нельзя, поскольку в Африке вообще нет чисто верхнепалеолитических памятников, нет стадии, которая могла бы быть обозначена как верхний палеолит. В этом случае следовало бы считать те памятники, которые мы предлагаем называть постмустьерскими, переходными к мезолиту, а никак не к верхнему палеолиту.

Как нам думается, единственно возможный выход, который был бы непротиворечивым,— отказаться от выделения для Африки верхнего палеолита и считать, что какая-то не очень ясная граница отделяет здесь ашель от мустье. Далее плавно, без резких переходов, хорошо известных нам по смене верхнего палеолита мезолитом или по смене мустье верхним палеолитом (на территории Европы), мустье в Африке переходит в постмустье. Нам кажется резонным для территории Африки то, что здесь не отделяют палеолит от мезолита и тем более не выделяют неолит (исключая Египет), по-

скольку плавный переход между плейстоценовыми и постплейстоценовыми памятниками в Африке нельзя сравнивать с синхронным резким переходом на территории Европы или Ближнего Востока. Поэтому мы пользуемся в применении к Африке терминами «средний каменный век» и «поздний каменный век».

Мы стремились к систематичности в изложении материала, тем не менее читатель увидит существенные отклонения от этого правила. Поскольку приходилось основываться на опубликованных материалах,[7] то изложение становится более подробным там, где базируется на большем количестве иллюстраций (оазис Харга, нубийский палеолит, атерийская культура, культура дабба). Вместе с тем очень много внимания уделено антропологическим находкам и археологии олдувайской эпохи, поскольку эти сведения, к тому же сейчас полно изданные для Олдувайского ущелья, имеют принципиальное значение для вопросов антропогенеза и возникновения человеческого общества. Столь же детально излагаются сведения о находках Р. Лики на восточном берегу оз. Рудольф, ибо они важнее всех известных нам материалов и позволяют оценить относительную хронологию находок из Олдувайского ущелья. Находкам, хотя бы и многочисленным, ашельского времени из Заира или из Ганы уделено совсем мало внимания, так как они разрознены, лишены контекста и не могут быть оценены под углом зрения их отношения к находкам в соседних странах.

[7] Использована в основном литература, вышедшая до 1972 г.

Глава 2

ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

Один из основных вопросов в общей широкой проблеме природных условий Африки *в плейстоцене — это вопрос о механизмах* потепления или увлажнения. Общепринято, что в Европе причинами колебания климата было движение материковых льдов, а в целом — оледенение. Поэтому основными терминами для описания колебаний климата служат ледниковые периоды и межледниковья, стадиалы и межстадиалы. В Африке влияния материковых оледенений почти не чувствовалось и колебания климата от более холодного к более теплому не были главным моментом. Эти колебания в Африке определялись как изменения влажности, равные по длительности оледенениям Европы, носившие, однако, другой характер. В пределах плейстоцена Африки исследователи считали возможным выделять четыре плювиала и три разделявшие их межплювиальные эпохи. Эта система была соблазнительна тем, что позволяла легко сопоставлять события естественной истории на Африканском материке с течением событий в Европе. Правда, обоснованность именно такого рода развития климата Африки была недостаточной, и по этой причине данная схема сейчас подвергается критике за умозрительность (Flint, 1957). Однако и опровергнуть эту схему очень сложно. До сих пор ею пользуются многие исследователи, тем более что она приобрела некоторую долю обоснованности для времени последнего оледенения. Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста позволил проверить хронологическое соответствие между изменениями климата в пределах последнего оледенения — вюрмского — и последнего плювиала, как он определен в Восточной Африке (Clark, 1954). Возможны также сопоставления и на противоположных берегах Средиземного моря — на африканском и европейском — по линиям колебания морских уровней (Biberson, 1961).

Проверка соответствия малых колебаний климата в Африке таким же колебаниям климата в Европе была проведена в Северной и в Восточной Африке (Исимила, см ниже, с. 103), и в обоих случаях она показала соответствие между климатическими событиями на этих материках (Clark, 1954). Для всей проблемы корреляции климатических событий важно также и соотношение более крупных климатических подразделений, равных по рангу оледенениям Европы. Однако возможностей проверки соответствия камасского плювиала рисскому оледенению пока нет. Не менее существенно и само утверждение плювиального характера климатической истории Африки. То, что происходили колебания климата, значительные по амплитуде, находится вне всякого сомнения.

На примере истолкования данных по фауне, литологии и стратиграфии Олдувайского ущелья, описываемых ниже подробно, можно видеть, как важны эти общие предпосылки для решения более частных вопросов климата и корреляции олдувайских материалов с находками в остальной Африке.

Основным материалом для заключений по природному окружению в районе Сахары и к северу от нее служат данные геоморфологии, пыльцевого анализа и изучения крупной фауны в районе оз. Чад (в Сахаре кости животных, как правило, в разрезах не сохраняются). Древний плейстоцен, соответствующий виллафранку, представлен в Сахаре (ее северо-восток) двумя циклами — айдьенским и мазерийским. Это время существования олдувайского типа памятников. Для растительности Сахары столь древнего периода характерно переживание древесных форм, унаследованных с третичных времен. Сосуществуют формы, свойственные тропикам, и формы, типичные для растительности средиземноморского типа. Пыльца травянистых, однако, преобладает. Такая флора обычна и для последующих циклов, представляющих уже средний плейстоцен: тауриртийского и угартийского. Атерийские памятники приурочены к основанию отложений саурийского возраста. Для этого отрезка вре-

мени получены даты 16, 33 и 34 тыс. лет. На основании литологии исследователи предполагают значительную изменчивость характера растительности в пределах различных частей Сахары — от тропического типа до средиземноморского. Предполагают также, что в то время как на севере Сахары были плювиальные условия, в более южных частях этого огромного района царили аридные условия. Особого внимания заслуживает район Хоггара, где работы палеоботаников выявили присутствие азиатско-иранских элементов для периода виллафранка — Zelkova, Pterocarya, Ostrya. Здесь также в начале плейстоцена существовала густая растительность, приводившая к укреплению склонов. Их эрозия относится к более позднему времени. Образовывались почвы, сохранившиеся до наших дней в ископаемом виде. Фазы стабильности отложений чередовались с более холодными периодами, при охлаждении климата происходило существенное разрушение склонов и формирование нового рельефа.

Для территории Республики Чад особенное значение приобретает фауна. Древнейшие комплексы фауны — с Loxodonta africana и Elephas recki — относятся к началу четвертичного времени, к виллафранку, что соответствует нижним слоям (пачке I) Олдувая. В диатомовых прослеживается преемственность форм с плиоцена. К этому времени относится и вулканическая деятельность. Средний плейстоцен представлен двумя циклами, каждый из которых включает эрозию, накопление отложений и покрытие их коркой, как правило железистой. Материалы по Эфиопии (хотя работы исследователями еще не закончены) дают уже основания для некоторых заключений: флора виллафранкского времени и здесь была довольно близкой к тропической, но травянистые позволяют думать о большей сухости, чем это свойственно тропикам в настоящее время. Для олдувайских слоев известного памятника Мелка-Контуре (в 50 км от Аддис-Абебы) получена фауна, аналогичная виллафранкской фауне других областей Африки (Butzer, 1971).

Геологи-четвертичники Франции рассматривают четвертичную историю Африки как смену плювиалов и межплювиалов. Правда, строго говоря, они нашли не доказательства существования плювиалов, а только эрозионные циклы и циклы седиментации, которые предпочитают связывать именно с климатическими колебаниями. Главным образом это касается исследований в Северо-Западной Сахаре, проводившихся А. Алимен и Ж. Шавайоном (Chavaillon, 1964).

В Восточной Африке на значительно большую влажность как будто указывает повышение уровня озер, отмеченное отложениями, залегающими много выше, чем теперь. Так, для оз. Рудольф установлено, что озерные отложения четвертичного времени поднимаются выше его нынешнего уровня на 470 м, что уже является уровнем водораздела Нила и р. Омо, питающей озеро. Это может объясняться двумя причинами: либо уменьшением испарения в оз. Рудольф, либо ускоренным накоплением осадков в районе Эфиопии (эфиопский район накопления осадков в атмосфере), откуда поступает 90% всех тех осадков, которые потом выпадают над оз. Рудольф (Butzer, 1971). Такого же рода повышение уровня зафиксировано для озера, на берегах которого жили обитатели олдувайских стоянок. В последнее время колебание уровня озер Восточной Африки было детально изучено с разных точек зрения (Butzer, Isaac, 1972). Но исследователи озерных отложений в районе ущелья Олдувай предполагают иные причины для повышения уровня, чем увеличение влажности. В частности, отмечается возможность воздействия тектонических сдвигов. Противником существования плювиалов является один из самых активных исследователей плейстоцена Африки и Средиземноморья К. Бутцер (Butzer, 1971). Им был изучен район бассейна р. Омо и оз. Рудольф. Выделив стратиграфические подразделения плейстоцена этого района, он пришел к выводу, что периодические колебания уровня и реки, и озера могут быть следствием изменений засушливого и полупустынного климата, близкого нынешнему, а отнюдь не колебаний от сухого климата к влажному, плювиальному. Он также уверенно заключает, что ни одно увлажнение климата Африки не совпадает с ледниковыми периодами Европы. Это заключение кажется преждевременным, поскольку именно хронологические границы стратиграфических подразделений плейстоцена в бассейне Омо являются самым слабым местом его схемы. Так, дата его первого стратиграфического подразделения — самого древнего — ранее была около 130 тыс. лет, а теперь общепризнанная дата для черепов Омо, происходящих из этих отложений, примерно в пределах последнего оледенения, где-то не более 30 тыс. лет, во всяком случае не древнее верхнего плейстоцена. Второе подразделение его вовсе не имеет датировки, оно лишь моложе более древнего подразделения и старше более позднего. Это третье подразделение датируется по радиоуглеродному методу более 37 тыс. лет, а по торий-урановому около 30 тыс. лет. Естественно, такие приблизительные даты недостаточны для решения вопроса, синхронны ли эти подразделения европейским оледенениям и стадиалам (Butzer, Brown, Thurber, 1969).

Одним из самых неожиданных результатов исследования восточноафриканских озер было установление голоценового возраста отложений, которые ранее были приняты за стратотип гембльских, синхронизировавшихся с последним оледенением Европы (Butzer, Isaac, 1972).

Таким образом, основной тенденцией в понимании климатической истории Африки является уменьшение предполагавшегося ранее размаха колебаний климата от более сухого к более влажному. Многие авторы считают теперь, что климат в пределах четвертичного периода если и колебался, то в малой степени и условия саванн сохранялись на большей части территории Африки. Пустынные условия в Сахаре и Калахари — относительно позднее явление — голоценового времени, причем не самого его начала.

Направленного изменения климата (например, ухудшение его — большая сухость и холодность для Европы) для Африки до сих пор не отмечено. Поскольку основные подразделения климатической истории не могут считаться установленными, то и подразделения — нижний, средний и верхний плейстоцен — сейчас многим авторам представляются условностью, скорее хронологическим понятием, чем отражением существенных этапов изменения климата. Естественно, что и сопоставление таких крупных подразделений климата с европейскими — нерешенная задача. Хотя для средиземноморского побережья и выработана шкала колебаний уровня моря, видимо, причинно связанная с колебаниями климата в этом районе, а также увязанная с колебаниями климата в Европе, сопоставить эту схему с какими-то климатическими событиями в остальной части Африки пока не удается. Наиболее распространено мнение Д. Кларка, что сильная облесенность некоторых частей Африки была причиной особого состава каменных орудий среднего каменного века (рис. 15, 17). Однако другие авторы справедливо полагают, что в облесенной части Западной Африки человек не жил в каменном веке, точно так же, как он не жил до начала железного века в джунглях, а культура санго (как раз та, для которой и предполагается особый состав орудий) распространена и там, где допускается существование растительности типа саванн. Поэтому примеры воздействия природы на состав каменных орудий на территории Африки, как и на других материках, отыскать трудно.

Изменения климата на переломе от неогена к эоплейстоцену до сих пор никто не представляет себе столь ясно, чтобы ставить вопрос о воздействии климатических колебаний на процесс возникновения древнейшего человека. Предположения об особо благоприятном климате Восточной Африки как причине, почему именно здесь, а не в другой части Африки происходили начальные события антропогенеза, не могут приниматься во внимание, ибо такие события на самом деле происходили на гораздо более широких пространствах — и в Южной, и в Северной Африке, и собственно исключенными из этого процесса оказываются только сильно облесенные в настоящее время пространства Западной Африки, где палеолита либо не было, либо просто он пока не обнаружен.

Наиболее надежным методом установления растительности и, стало быть, в значительной степени и всего облика природного окружения прошлого является пыльцевой метод. В последнее время были найдены способы извлечь ископаемую пыльцу и установить характер растительности в нескольких районах Африки. Так, при раскопках многослойного памятника Каламбо-Фоллз (Каламбо), расположенного на высоте 1200 м и окруженного растительностью (главным образом представителями Brachystegia), были найдены свидетельства существования теплых колебаний климата, примерно синхронных интерстадиалам вюрмского оледенения в Европе. В течение большей же части времени вюрмского оледенения климат в этом районе Восточной Африки был прохладным. Когда в Европе наступил максимум холода, в районе Каламбо-Фоллз господствовали открытые, почти безлесные пространства с растительностью, которая существует здесь в наши дни на высоте 2000 м. Это доказывает, что в древности температура была на 4° ниже теперешней. На территории Анголы получены характеристики растительности, распространенной 38 тыс. лет тому назад. Оказалось, что климат тогда был несколько менее теплым, чем сейчас. Растительность была приречного типа, лесной, с ведущим видом Podocarpus, идентичной вечнозеленой горной растительности, размещающейся сейчас на высоте 1600—2200 м.

Конечным итогом исследований в области реконструкции климата Африки четвертичного времени, по данным палинологии, является положение о том, что во время, соответствующее последнему оледенению в Европе, влажность в тропической части Африки была больше, чем сейчас, температура соответственно ниже на 4—5°. В результате этого растительность средиземноморского типа распространилась далеко к югу от ее современных пределов — вплоть до южных границ Сахары. Такая растительность тоже занимала площади с более высокими отметками, чем теперь. По мнению специалистов по палинологии Африки (данные для Уед-Акарит — памятника с мустьерскими или атерийскими слоями), происходило чередование периодов полузасушливого климата с богатой

осадками зимой и периодов более сухих и теплых (последние отвечают межплювиалам в старом понимании). Во всяком случае независимо от той или иной хронологии самые ранние слои (по мнению Ар. Леруа-Гуран — еще довюрмские, а по мнению М. Ван-Кампо — вюрмские) не содержат пыльцы древесных; она появляется в малых количествах лишь выше по стратиграфической колонке и позже увеличивается. Представлена кедром и можжевельником (Van Campo e. a., 1965; Leroi-Gourhan Ar. e. a., 1966).

Для анализа природного окружения в Южной Африке важны сведения о современном климате этого района. Сведения такого рода доступны нам из окрестностей Флорисбада. Это открытые пространства, покрытые низкорослым кустарником особого рода — карру, с редкой травянистой растительностью между кустами, выжигаемой жарой в летние месяцы. Здесь летние температуры от 27 до 29° С, осадки в виде дождей выпадают только зимой. Почвы тонкие, недавно образовавшиеся на поверхности долеритов и других пород. Тем не менее животный мир довольно разнообразен. Лишь там, где течет река, есть леса галерейного типа.

Один из пунктов, в котором была получена пыльцевая колонка, — Аливал-Норт в Южно-Африканской Республике (Sampson, 1972), недалеко от Бетули, на южном берегу р. Оранжевой. Большая часть колонки относится к голоцену. Нас будет интересовать низ ее, не простирающийся, однако, особенно глубоко в плейстоцен, — только последние несколько сот лет его. Судя по определениям абсолютного возраста в Европе, — это младший дриас. Специалисты по пыльцевому анализу находят основания для различения в этой небольшой по длительности колонке двух типов растительности: кустарниковой — типа карру — и сухой — типа вельдов современной Южной Африки. Во время последних столетий плейстоцена климат колебался от сухого и теплого (кустарники типа карру) до более прохладного и влажного (степная растительность типа вельдов). Колебания того же размаха происходили и в голоцене. Для самого основания разреза, для наиболее раннего времени, есть пыльца злаковых, что в сочетании с наличием определенных видов этого семейства указывает на степные растительные ассоциации. Остатки осоки говорят об увеличении размеров болота, о влажности климата. Выше по разрезу количество остатков злаковых уменьшается одновременно с ростом количества пыльцы покрытосемянных. Это связывается с увеличением сухости. В общем можно предположить, что климат несущественно менялся в пределах, известных и теперь в Южной Африке. Так, некоторые виды растений, обнаруженные на равнине, теперь произрастают здесь же, но на более высоких отметках, например в Лесото.

Итак, данные для Аливал-Норта дают основания полагать, что растительность в конце плейстоцена колебалась от близкой к травянистым степям, характерной для более влажных условий (аналогичная распространена в наши дни к северу от места, где получены пыльцевые данные), до кустарниковых сообществ в более сухие периоды (сходна с растительностью, существующей теперь к югу и к западу от Аливал-Норта).

Данные по Флорисбаду относятся к более ранним периодам по сравнению с рассмотренными в Аливале, но не древнее 40—50 тыс. лет. Материалы пыльцевого анализа сочетаются с определением абсолютного возраста соответствующих слоев радиоуглеродным методом. Нижняя часть разреза — это время сухого климата (первая толща торфянистых отложений), с некоторым увеличением древесных форм кверху. Эта прослойка была датирована методом C^{14}, и возраст ее более 44 тыс. лет. Период от 26 до 17 тыс. лет характеризуется частой сменой растительности от кустарниковой (типа карру) до сухой степи (вельды). Намечающаяся тенденция — переход к степным ассоциациям типа вельдов. Имеется пик влажных условий в пределах второй прослойки с органическими веществами. Еще один такой пик — между второй и третьей прослойками органики. Около 17 тыс. лет назад отмечается растительность типа вельдов, и на этом сведения флорисбадской колонки кончаются.

Характер растительности очень близок тому, что наблюдается и сейчас в Южной Африке. Увеличение влажности определяется тем же самым способом, что и для Аливал-Норта, — по преобладанию злаковых над сложноцветными и покрытосемянными.

Палеоклиматические условия Южной Африки были предметом внимания и Бутцера (Butzer, 1963). Он сопоставил данные пыльцевого анализа с геоморфологическими. По его мнению, нет основания для того, чтобы считать климат Южной Африки в позднем плейстоцене плювиальным. Напротив, в основном он был сухим и мало отличался от современного. Количество осадков в большей части плейстоцена было меньшим, чем сейчас, что утверждают все современные исследователи. Влажность увеличивалась тогда, когда наступало некоторое похолодание.

Полагают, что самые ранние формы гоминид, перешедшие к изготовлению орудий, обитали на опушках тропического леса или в саваннах, ибо именно такое природное окружение наиболее благоприятно для существ, зависящих от обилия животной и растительной пищи. При

этом вся Африка в равной степени оказывается подходящей для обитания древнейшего человека, кроме зоны влажных тропических лесов. Проверка такой гипотезы невозможна, так как поиски палеолитических памятников в тропических лесах Западной Африки очень трудны. Возможно, они там есть, но пока просто не найдены. Во всех же остальных регионах Африки имеются памятники либо олдувайского времени, либо близкие к ним — начала ашеля.

Поскольку существует мнение, что человек появился в процессе перехода от древесного образа жизни его предков к наземному, то важно было бы проверить, происходило ли в действительности предполагавшееся многими исследователями усыхание Африки. Но это предположение и с точки зрения морфологии сейчас подвергается критике. Л. Лики, например, считал существование предков человека, ведших когда-то древесный образ жизни, недоказанным предположением. К. Бутцер с недоверием относится к мнению, будто Африка испытала значительное усыхание в конце плиоцена, ибо данные для плиоцена и его растительности крайне скудны. На основании доступных материалов в долине р. Омо нет оснований говорить о значительных колебаниях климата в Африке в начале четвертичного времени, как, впрочем, и по данным, полученным при исследовании стоянок Олдувайского ущелья (см. ниже, с. 66 — мнение Р. Хея).

Одним из наиболее существенных источников по датировке плио-плейстоценовых отложений Африки являются остатки костей животных. Среди них особое место (именно для датировки и в меньшей степени для определения природных условий) занимают костные остатки слонов. Работы американского исследователя В. Маглио (Maglio, 1970) по-новому представили развитие слонов и их филогенез. Он отмечает, что слоны стали наиболее разнообразным биологическим образованием в плейстоцене. Маглио предполагает иную картину, чем его предшественники, — появление семейства Elephantidae в плиоцене и дальнейшее развитие по нескольким линиям, одна из которых ведет к современному африканскому слону, другая — к мамонту (имеется еще несколько других ветвей). Пока его соображения по этому поводу опубликованы только в одной статье и в нескольких заметках, но поскольку они являются основой для корреляции плейстоценовых и плиоценовых отложений на территории всей Африки и на них ссылаются почти все исследователи африканского плейстоцена, то мы считаем целесообразным коротко изложить их.

Древнейшие остатки семейства слоновых (подсемейство стеготетрабелодонтид) В. Маглио относит к плиоцену. Это кости, найденные в Лотегеме и еще в одном местонахождении в Ливии (Сахаби). Сходные остатки есть в плиоценовых отложениях возле оз. Баринго в Восточной Африке, где соответствующие слои датируются примерно 5—7 млн лет. Правда, в Канапои слои базальта, перекрывающие остатки стеготетрабелодонтов, гораздо моложе — не более 2.5 млн лет. Но вся остальная фауна из слоев Канапои производит древнее впечатление и даты такого порядка считаются слишком молодыми. Этот род слонов представляется Маглио не имеющим продолжения. Напротив, другой род, остатки которого также найдены в Лотегеме и который ранее обозначался как Archidiscodon, является родоначальником многих последующих родов слонов. В частности, от него происходят наиболее древние слоны в Южной Африке. С началом плейстоцена связано формирование трех линий развития слоновых: мамонтов (не путать с Mammutus primigenius, видом, свойственным верхнему плейстоцену), собственно слонов (Elephas) и рода Loxodonta — того, к которому относятся и ныне существующие африканские слоны. Ранее (главным образом на основании данных фаунистических местонахождений в ГДР и ФРГ) полагали, что такое распадение семейства на ряд родов — явление более позднего времени.

Начало рода Loxodonta В. Маглио видит в разновидности «С», обнаруженной в наиболее древних слоях Канапои — слоях чемерон. Эта находка опорная, поскольку здесь открыт почти целый скелет слона, специально публикуемый Маглио. Находки того же вида имеются в отложениях у оз. Баринго. Есть они и в другом важном районе — в бассейне р. Омо, в так называемых желтых песках, древнейшей части формации мурси. Для базальтов, перекрывающих эти слои с находками костей слона, определена дата — 4.5 млн лет. Слон Река (Elephas recki) теперь представляется Маглио объединяющим ряд хронологических разновидностей. Наиболее древняя разновидность найдена в Кении поверх лав, перекрывающих слои Канапои (где была найдена разновидность «С»). Ранняя же разновидность есть в стратиграфической колонке Омо в слоях чивондо, на уровне туфа В, датированного 7.5 млн лет. Полный череп такого же слона имеется и в отложениях шунгура. Слонов Река из двух нижних пачек слоев в Олдувайском ущелье Маглио относит к третьей хронологической разновидности. Вторая разновидность представлена в туфах С и G последовательности Омо (ее середина и верх).

На основании своих собственных представлений о последовательной смене форм слонов (видов внутри семейства слонов) В. Маглио строит последовательность стратиграфических единиц в колонках плио-плейстоцена разных

частей Африки. Такая работа является проверкой сопоставлений, основанных у других авторов только на определениях абсолютного возраста калий-аргоновым методом. Классификация Маглио охватывает главным образом плиоцен и самое начало плейстоцена. Его периодизация не помогает разделить более поздние отрезки плейстоцена, в частности средний плейстоцен.

По В. Маглио получается, что нижние слои Олдувайского ущелья — все-таки самые молодые отложения в анализируемой группе; это вполне соответствует новейшим определениям абсолютного возраста олдувайских слоев. Местонахождение Кооби-Фора помещено в соответствии с определением абсолютного возраста его лавовых потоков. Маглио предполагает, что остатки слона Река из Кооби-Форы относятся к его второй хронологической разновидности, что ставит ее древнее пачки I Олдувая, где представлена третья разновидность. Правда, такое заключение кажется наименее обоснованным, поскольку построено на большей толщине коронки зуба, на большей складчатости эмали и даже на тенденции к изменению некоторых размерных признаков.

Существенным изменением схемы, основанной на определениях абсолютного возраста, является удревнение В. Маглио возраста Лотегема. Данные его, как нам кажется, свидетельствуют в пользу допущения очень раннего возраста начала плейстоцена. Сам исследователь не ставит вопроса, где должна проходить граница плиоцена и плейстоцена, но поскольку есть какая-то устойчивость в фауне, то, стало быть, можно, продолжая его мысль, включить в плейстоцен такие памятники, как формацию чемерон, всю колонку Лотегема и Кайзо с Лаэтолилом. Два последних местонахождения и ранее относили к плейстоцену.

Помимо Восточной и Северной Африки, существенные достижения имеются в изучении фауны Южной Африки, но этим данным придает особую важность не точность наблюдений, а скорее жгучая необходимость в определении возраста отложений с остатками австралопитековых в южноафриканских областях.

Наиболее молодой из четвертичных отрезков фаунистической истории Южной Африки — этап флорисбад-влакрааль. Для него возможно определение абсолютного возраста от 20 до 40 тыс. лет с колебаниями вне указанных пределов. Налицо и комплексы фауны из пещер, и комплексы из открытых местонахождений. Это в основном современная фауна, с небольшой добавкой вымерших форм: зебр (Equus helmei и Eplicatus), длиннорогих буйволов, некоторых видов антилоп. Среди слонов в это время не наблюдается никаких разновидностей, кроме Loxodonta africana.

Ступень корнелия, или вааль-корнелия, характеризуется увеличением количества видов копытных по сравнению с флорисбадским этапом. Распространены несколько видов слонов, свиные, жирафовые, антилопы. Переход к стадии флорисбад был скорее отражением длительности, а не изменений драматического характера. Этот этап представлен в основном находками в открытых местонахождениях.

Отличия следующей ступени — сварткранс-кромдрай — от фазы корнелия в некоторой степени спорны, поскольку в одном случае это накопление костей в брекчии, в другом — в аллювии. А слоны, например, в брекчиях кромдрай и сварткранс отсутствуют. Отсюда остается возможность, что сварткранс можно соединить с фазой корнелия, а кромдрай выделить в особую ступень. Или же можно соединить всю стадию сварткранс с корнелией. Значительная разница существует между сварткрансом и кромдраем, особенно по обезьянам.

Общепринята точка зрения, что есть еще стадия стеркфонтейн. Но, по мнению Л. Уэллса (Wells, 1967), возможно, что кромдрай столь же древен или древнее, чем стеркфонтейн. Стеркфонтейн так же резко отличается от сварткранса, как сварткранс и кромдрай разнятся между собой (Brain, 1967).

Одна из самых последних попыток хронологического сопоставления гротов Южной Африки и стоянок Восточной Африки — это сравнение микрофауны памятников, обычно весьма чувствительной ко всякого рода изменениям. Оказалось, что такое сопоставление затрудняется разным видовым составом грызунов Восточной и Южной Африки и потому практически невозможно. Некоторые виды представлены в одном конце Африки и отсутствуют в другом. Различаются также и преобладающие виды: если какой-то вид доминирует, скажем, в Восточной Африке, то в Южной он имеется в малом количестве. По данным французского исследователя Р. Лавока (Lavocat, 1967), получается, что Таунг — самый древний памятник и его микрофауна говорит о засушливом климате.

Основание для предположения, будто появление австралопитеков — первых прямоходящих существ — связано с иссушением, обезлесиванием местности, получило широкое хождение. При этом, естественно, в качестве опоры такой точки зрения использовались суждения о климате, базирующиеся на материалах южноафриканских карстовых полостей, где впервые и были обнаружены австралопитеки.

Долгое время господствовали взгляды на палеогеографию этих пещер, как она была изложена Ч. Брэйном (Brain, 1967). Его анализ строился на литологии отложений в них и давал

основания думать, что климат во время существования австралопитеков колебался весьма значительно. Вместе с тем его данные служили основанием для корреляции отложений Южной Африки со стратиграфической колонкой Восточной Африки. Однако критическая проверка самого метода, проведенная К. Бутцером (Butzer, 1971), показала, что он не может быть использован для таких целей, как установление природных условий, влажности или сухости климата. Колебания в окатанности зерен кварца и соотношение их с песком иного состава указывают, по мнению Бутцера, только на отсутствие устойчивого почвенного покрова и равновесия между процессами разрушения почвы и процессами ее образования. Кроме того, состав песка формировался не в момент его поступления в пещеру, а в более ранний период, когда он откладывался вне пещеры. В частности, в некоторых случаях — это более древние пески Калахари, переотложенные внутрь полости, например в Таунге. Литология карстовых полостей не может указывать на серьезные колебания климата в рассматриваемое время. Она не может служить также и основанием для датировки отложений. Но состав фауны пещер недостаточен и для реконструкции климата, приходится основываться на отдельных видах, считающихся показательными. Таковы капская лошадь, ныне не существующая, и зебра, которые указывают на то, что отложения южноафриканских пещер не многим моложе или даже чуть древнее отложений пачки I в Олдувайском ущелье. Поскольку 80 или даже 90% фауны — это кости газелей или антилоп, делается вывод, что природное окружение должно восстанавливаться как степные ландшафты (Butzer, 1971). Остатков бычьих пока мало, но они могут внести существенные коррективы. Следует учитывать также, что все-таки большинство костных остатков пещер — добыча хищников, и это исказило картину животных сообществ того времени. Но причина, по которой костные остатки оказались в пещерных полостях, до сих пор дискутируется.

Геологическая позиция ашеля и олдувая в Африке определяется не на основе соответствия определенных археологических памятников плювиалам или межплювиалам, а на основе вырабатываемой местной шкалы, базирующейся на стратиграфических наблюдениях в пределах ограниченного региона.[1] В сущности это следование давнему геологическому правилу: прежде чем устанавливать соответствие какого-то стратиграфического горизонта оледенению или межледниковью, необходимо составить местную шкалу — серию последовательных стратиграфических единиц, чередование почв и суглинков, морских и континентальных образований, террасовых комплексов. В дальнейшем такая шкала с большим основанием может быть сопоставлена с последовательностью геологических событий, принимаемых за эталон, например альпийских оледенений.

Были проведены основательные геологические работы в тех местах, где в 30-е гг. нашего столетия выделены стратотипы геологических подразделений, позднее сопоставленных с климатическими колебаниями. Результаты очень плачевны для старых схем. Оказалось, что множество стратотипов совмещают в себе разновозрастные стратиграфические подразделения. Например, в области кенийской Рифтовой долины американские геологи провели работы над отложениями камасского и канжерского веков. То, что представлялось средним плейстоценом, камасским плювиалом, на деле оказалось двумя геологическими подразделениями (теперь они обозначены как отложения чемерон и каптурин). Самые ранние отложения — чемерон — предположительно определяются как финальноплиоценовые, а не среднеплейстоценовые. Те отложения, которые ранее считались позднеплейстоценовыми (у Кинангопа), оказались также верхнеплиоценовыми.

Общий вывод У. Бишопа (Bishop, 1971) — отсутствие строгих доказательств всех плювиалов, кроме последнего, ранее называвшегося гембльским. Если рассмотреть его аргументы, то станет ясным, что в некоторых случаях основанием для такого утверждения были полевые ошибки геологов, работавших в 30-е гг., что не исключает подтверждения старой теории при новых полевых исследованиях. Обращает на себя внимание, что, допустив последний плювиал, тем самым Бишоп признал здравой саму идею плювиальных стадий изменения климата. Далее оказывается, что именно самая интересная, самая показательная часть плейстоцена Африки остается пока либо вне поля зрения, либо (отчасти из-за отсутствия определений абсолютного возраста для этого отрезка времени) не включается в схемы. Основная часть сведений Бишопа относится или к самому началу плейстоцена, или к самому концу его и к началу голоцена. Верхние пачки слоев Олдувая (II—IV) так и остаются неисследованными, а их корреляция с другими местонахождениями — очень приблизительной. Бишоп прямо указывает на отсутствие определений абсолютного возраста как на причину этого.

[1] Правда, так делают только в последние годы. Ранее, например, ашель Африки считался синхронным камасскому плювиалу, а олдувай — кагерскому плювиалу.

Глава 3

ОЛДУВАЙСКАЯ ЭПОХА В АФРИКЕ

Памятники Олдувайского ущелья

Олдувайское ущелье расположено на границе Танзании и Кении, в Рифтовой долине. Геология памятника изучалась в довоенное время параллельно с археологическими работами Л. Лики, существенные исправления были внесены работами геолога Р. Хея из Калифорнийского университета (Hay, 1967). Описание и интерпретация Хея положены нами в основу последующего изложения.

Максимальная мощность отложений плейстоценового времени в Олдувайском ущелье около 120 м. Эти отложения располагаются в плоской котловине озерного происхождения от 17 до 51 км в поперечнике. Вся толща отложений делится на крупные геологические подразделения — пачки, обозначаемые снизу вверх римскими цифрами. Нас будут интересовать только две нижние пачки.

Пачка I по мощности колеблется в разных частях ущелья от 12 до 48 м. Отложения этой пачки состоят из чередующихся лавовых (базальтовых) потоков и пирокластических образований (трахитов). Отмечаются два цикла потоков лавы, связанных с извержениями соседнего вулкана Нгоронгоро. Восточная часть разреза несколько отличается от западной, поскольку она дальше отстояла от древнего озера. Поэтому в ней отложения пачки I состоят из перемытых туфов, трахитовых и лапили, чередующихся с конгломератами. В западном направлении они перемежаются континентальными отложениями трахитовой пыли, сильно выветренными. Эта пыль попала сюда опять-таки благодаря извержениям вулкана Нгоронгоро. И в западной части отмечаются лавовые потоки.

Отложения пачки II свидетельствуют о существовании в этом районе соленого озера. Зеленые глины, не содержащие ископаемых остатков, составляют большинство отложений в пачке II. Остальное — это чередование трахитовых, туфов, доломитов, известняков и желваков кремнистого сланца (chert). Порой количество осадков возрастало и озеро увеличивало свою площадь на 3.4—5.1 км², заливая боковые русла, примыкавшие к основному ущелью. В дальнейшем сбросовые процессы разрушили озерный бассейн, что привело к сильной изменчивости пород, отлагавшихся в то время. К востоку от древнего озера возник достаточно широко распространенный горизонт переотложенного ветром туфа. Эоловый туф служит маркирующим горизонтом, при помощи которого коррелируются отложения в разных частях Олдувайского ущелья.

Основной вывод Р. Хея — климат в Олдувайском ущелье в целом мало менялся на протяжении всего плейстоцена, хотя некоторые колебания и имели место. От корреляций с отложениями Европы и остальных частей Африки он отказывается. На протяжении основной части плейстоцена климат был довольно сухим. Л. Лики придерживается другой точки зрения. Основываясь на показаниях фауны (остатки крокодила, гиппопотама и тилапии, ныне не существующих в окрестностях Олдувайского ущелья), он полагает, что климат был влажнее современного. Но стратиграфические выводы Хея (его исправления, касающиеся перемещения части отложений, ранее относимых к пачке II, в отложения пачки I) у Лики не вызывают возражений. Аргументация Хея относится главным образом к литологии пород, вмещающих археологические памятники в Олдувае. Так, его вывод об усилении сухости во время отложения туфа эолового происхождения в середине пачки II основывается на ветровом переотложении туфа. Это, по его мнению, происходило тогда, когда растительность была столь слаба, что не могла защитить покров от разрушения ветрами. Хей согласен, что воды в окрестностях Олдувая было больше, чем в настоящее время, но он сомневается, что причина тут в увеличении количества осадков. Некоторые противоречия есть и в интерпретации характера озера — его солености. Известно, что теперь тилапия не живет в соленых озерах, а, по данным Хея, именно соленое озеро

существовало в окрестностях Олдувая. Правда, возможно, что озеро это было слоистым или пресным по краям, где впадали реки, и соленым в середине, как современное оз. Рудольф. Продолжительность выпадения туфа в середине толщи II Хей оценивает в 5—10 тыс. лет (Hay, 1967; ср.: Pilbeam, 1972).

В Олдувайском ущелье найдено необыкновенно большое число стоянок с хорошо сохранившимся культурным слоем, что ставит это местонахождение впереди почти всех памятников древнего палеолита (Leakey M., 1971); оно сравнимо в какой-то степени только с бассейном Темзы. Приблизительное деление отложений Олдувая на пять толщ вначале вызвало столь же приблизительное расчленение и археологических отложений на такое же число ступеней. Однако подобное деление (олдувай, шелль—ашель; Leakey L., 1951) было результатом только несовершенства методики раскопок, проводившихся Л. Лики в 30-х гг. В 50—60-х гг. методика раскопок Лики усовершенствовалась настолько, что были прослежены древнейшие в мире остатки жилищ и следы кратковременных стоянок охотников. Более же ранние раскопки производились таким образом, что все археологические остатки, залегавшие в одной толще непосредственно друг под другом, рассматривались как единое целое. Этим соединялись совершенно различные памятники, как стало ясно по окончании последних раскопок (выше мы уже отмечали, какой мощности достигали пачки слоев, теперь приравниваемые Хеем даже к формациям).

Если для обозначения пачек в Олдувайском ущелье использовались римские цифры, то отдельные стоянки обозначены заглавными буквами латинского алфавита, но не по порядку, а в честь лиц, работавших на памятнике; так, в честь местного жителя Дугласа Коронго одна из самых важных стоянок названа DK I. На ряде пунктов число слоев, залегающих непосредственно друг под другом, достигало пяти.

Первоначально геологический возраст слоев Олдувайского ущелья был предметом дискуссий, причем точки зрения расходились от среднего плейстоцена (для нижней пачки слоев) до виллафранка. Теперь общепринято, что возраст нижней части слоев Олдувая (пачка I, Bed I) соответствует виллафранку Европы. При этом сам Л. Лики настаивает на среднем виллафранке и надеется даже на нижний, что, как кажется, подтверждается новейшими данными по фауне, в частности находками костей Elephas africanavus.

Новейшие исследования Р. Хея привели к некоторым уточнениям в позиции отдельных геологических слоев: теперь принято, что к виллафранку относится не только пачка I, но и низ пачки II — до маркирующего горизонта туфа. Оказалось, что и по фауне низ пачек I и II однороден. Точно так же и в археологическом отношении олдувайская эпоха представлена не только в пачке I, но и в нижней части пачки II. Поэтому, несмотря на сохранение прежнего деления на пачки I и II, содержание этих подразделений изменилось.

В свое время Л. Лики весьма уверенно говорил о свидетельствах засушливого климата на основании известковистых образований, называемых пустынными розами, в верхней части пачки I. Теперь он готов отказаться от этого утверждения, что опять-таки скорее указывает на правоту Р. Хея с его осторожной позицией: колебания климата были, но незначительного масштаба, а в основном он оставался засушливым (Leakey L., 1965a; Hay, 1967).

Теперь установлено, что почти 100% видов, представленных в пачке I, — это вымершие животные, тогда как в 30-е гг. значительная часть остатков из того же самого памятника из-за неполноты коллекций была относима к ныне существующим видам. Так что оснований для сомнений в виллафранкском возрасте пачки I Олдувайского ущелья теперь нет. В пользу этого говорят и определения при помощи калий-аргонового метода абсолютного возраста туфов, перекрывавших одну из самых важных стоянок Олдувайского ущелья — FLK I. Это примерно 1.75 млн лет. Такая дата является средней величиной для нескольких определений, из которых отдельные были опущены, хотя, строго говоря, исследователи не имели на это права. Для основания олдувайского разреза были получены следующие даты: до 2 млн лет для лавовых потоков и 1.9 млн лет для обломочных пород, составляющих основной материал в пачке I. Такие даты сопоставимы с определениями абсолютного возраста типичных или даже стратотипических обнажений виллафранка в Европе. Например, для классического местонахождения Перье была получена дата 3.3 млн лет, для более молодых слоев виллафранка — от 1.84 до 2.6 млн лет. Сам Л. Лики настаивает на средневиллафранкском возрасте (как минимум) отложений пачки I в Олдувае.

Долгое время все схемы основывались на определении возраста раннего ашеля по одной дате для пачки II Олдувая (около 500 тыс. лет). Теперь в противоречии с этим определением начала ашеля (и условным началом среднего плейстоцена) находится датировка других раннеашельских памятников, в частности ашельского памятника у оз. Натрон (см. ниже с. 101), возраст которого равен 1.5 млн лет. При проверке места взятия образца, датированного 500 тыс. лет, оказалось, что оно не было за-

	CK	EF-HR	DK	HWK	FLK	MNK	BK
Пачка II	Нижний ашель	Развитый олдувай Нижний ашель Нижний ашель		Развитый олдувай		Нижний ашель	Развитый олдувай
	Эоловый туф			Олдувай	Развитый олдувай	Развитый олдувай	
Маркирующий горизонт							
Пачка I	*Слой игнимбрита*		Олдувай		Олдувай Олдувай Олдувай		
	Базальты						

фиксировано, и это еще одно основание отвергнуть указанную дату. Новые данные о возрасте пачки II скорее подтверждают необходимость и правомерность опускания его вглубь. Теперь, по мнению африканских специалистов, Олдувай может считаться стратотипическим местонахождением с надежно установленным возрастом его подразделений, поскольку именно для низов Олдувайского ущелья существует больше всего определений. Поэтому продолжительность отложения пачки I и нижней части пачки II принимается относительно кратковременной — не более 100—200 тыс. лет, от 1.7 до 1.9 млн лет. Возраст начала ашеля в этом случае должен быть не менее 1 млн лет. Однако эти даты отталкиваются не только от определения возраста низа пачки II Олдувая, а скорее от возраста других памятников.

Ранее памятники Олдувайского ущелья воспринимались как древнейшие и к тому же наиболее точно датированные. Если надежность осталась за определениями абсолютного возраста, то памятники Олдувайского ущелья внутри олдувайской эпохи теперь уже не могут считаться самыми ранними (см. ниже, с. 81—83).

Состав фауны древнейших слоев Олдувайского ущелья (пачки I и низа пачки II) столь многообразен, что нет смысла в перечислении латинских названий малоизвестных животных. Отметим только, что с самого раннего периода заселения ущелья сохранилось множество определимых костей крупных животных, которые, надо полагать, были предметом охоты древнего человека. В саванне, где трупы животных быстро разлагаются, где гиены уничтожают те остатки, что достаются им после крупных животных, трудно себе представить иной путь получения мяса крупных животных, чем охота на них. Но пока нет способов отличать кости животных, убитых на охоте, от костей животных, попавших в руки человека иным путем (или потому, что они были больны, или потому, что они сначала стали добычей хищников, а потом достались человеку), поэтому ряд исследователей продолжает держаться мнения, что древний человек комбинировал охоту с питанием трупами животных.

Почти все виды животных, равно как мелких, так и крупных, служили добычей человека, предметом его питания. Сначала в популярной печати появились сообщения о стоянках, где кости мелких животных преобладали над костями крупных, но при увеличении материала эти предположения не оправдались. Среди животных, являвшихся добычей чело-

века, мы находим различные виды слонов и других представителей хоботных, бычьих (например, дейнотериум), козьих, жирафовых, свиных (здесь особенно разнообразных), газелей, антилоп, лошадей, гиппопотамов, гиен, махайродов, волков, грызунов, ящериц, водных черепах, крокодилов, рыб, обезьян — низших, высших и, в частности, австралопитековых (см. схему; Leakey M., 1971).

Среди многочисленных памятников Олдувайского ущелья тот, который обозначен FLK-NN I (северная часть более обширного местонахождения FLK I), более всего интересен антропологическими находками. Здесь были найдены три слоя с орудиями олдувайского типа. Эти три слоя представляют среднюю часть пачки I Олдувайского ущелья.

Слой 3 — илистая глина светло-зеленого цвета, лежащая поверх туфа I^B. В ней встречались *плитки или овальные отдельности* известняка. Мощность этого слоя варьировала от 15 до 60 см. Орудия или костные остатки, как и кости рыб либо панцири черепах, были находимы в верхних 5—7 см глины. Попадались также кости птиц, земноводных и грызунов. Ниже этого уровня и ниже слоя туфа I^B имеется еще один слой глины, который соответствует верхним слоям на более древних памятниках DK и MK (см. ниже). Но в пределах местонахождений FLK в этой глине нет культурных остатков.

Слой 2 — мелкозернистый кремово-белый туф. *Здесь встречаются более полные остатки* млекопитающих, чем в глинах, но каменных изделий нет; в рассматриваемое время это место не было обитаемо.

Слой 1 — снова глинистый, зеленоватого цвета. В нем встречались кости животных и каменные изделия. В этом слое найдены остатки антилоп, свиных, лошадей и необычайно больших черепах вместе с пятью каменными чопперами.

В слое 3 были обнаружены остатки гоминида, относимого некоторыми исследователями к особому виду Homo habilis. Здесь в непосредственной связи (*в одном слое и по соседству*) с костями гоминида найдены два чоппера, полиэдр, еще один чоппер, определяемый М. Лики как скребло крупных размеров, а также несколько отщепов со следами сработанности и отходы изготовления каменных орудий.

Наиболее полно раскопан памятник в 100 м от FLK-NN — FLK I. Это место прославилось находками остатков нескольких гоминид: зинджантропа (гоминид 5), гоминида 16, найденного в овраге Майко, и др. (см. схему распределения антропологических находок в Олдувайском ущелье по Д. Пилбиму: Pilbeam, 1972). Стратиграфия примерно аналогична

Пачка II	Гоминид 9 Гоминид 3 Гоминид 15 Гоминиды 13 и 14 Гоминид 16
Пачка I	Гоминид 10 Гоминиды 5 и 6 Гоминиды 7 и 8 Гоминид 24

пункту FLK-NN I. Каменные крупные орудия — чопперы и ядрища, найденные в большом количестве, изготовлены в равных пропорциях из кварцита, кварца и из лавы. Особо выделяется тот слой, в котором найден череп зинджантропа. Горизонт с находками представлял собой серовато-зеленоватую глину мощностью 30 см. Верх этого слоя имел признаки выветренности, указывающие на перерыв в осадконакоплении. Все культурные остатки найдены либо на поверхности глины, либо на глубине 5—7 см. Местами слой глины был пересечен промоинами, зафиксированными исследователями, но культурные остатки в остальной части располагались в непотревоженном состоянии (in situ). Орудия или кости не обнаруживают признаков выветренности; видимо, *они были погребены достаточно быстро.* М. Лики как наиболее интересный момент расположения культурных остатков отмечает концентрацию их на одном из участков раскопанной площади (рис. 19). Это было скопление отходов раскалывания камня и мелких орудий из камня вместе с мелкими осколками костей. Размеры скопления 7×5 м. В пределах этого резко очерченного скопления найдено более 1000 осколков кости, камня и много других предметов. Присутствие мелких чешуек указывает на то, что обработка каменных орудий происходила на месте. Здесь было встречено очень *немного крупных костей и орудий из камня.* Особенно отчетливы границы скопления к югу и к востоку, где проходила полоса шириной 2—3 м почти без всяких культурных остатков (в частности, без каменных изделий), но с некоторым количеством костных обломков. Уже Д. Кларк предположил, что наличие такого пустого пространства означает существование здесь в древности каких-то сооружений. Разница в составе культурных остатков между центральным скоплением и периферией так велика, что могла бы в иных обстоятельствах дать повод думать о разных, по мнению М. Лики, культурах. Вне скопления было

много целых костей животных и значительно больше, чем на периферии, законченных орудий. Это скопление следует рассматривать, как и полагает М. Лики, очень осторожно относившаяся к таким предположениям ранее, как остатки жилого сооружения на месте более длительного обитания охотников олдувайского времени. Она же отмечает, что на некоторых костях животных в пределах слоя FLK I есть следы погрызов хищников.

Всего на раскопанном участке было найдено 2400 каменных изделий разного рода. Из них 15 чопперов (пять — из кварца или кварцита), 9 полиэдров, 9 крупных скребел (по крайней мере часть из которых, судя по иллюстрациям, бесспорно относится тоже к чопперам), несколько выемчатых орудий, 8 обычных (легких) скребел (light-duty scrapers — по классификации М. Клайндинст), в числе которых есть и скребки, т. е. поперечные скребла с овальными лезвиями, и скребла с двумятремя лезвиями, но неправильной формы, когда ретушь следует за формой отщепа, массивного и неправильного. Из плиток и осколков кварцита обитатели стоянки изготовили четыре резца с двумя и с одним резцовыми сколами. Такие изделия скорее всего служили ядрищами из плиток, хорошо известными в более позднее время.

Местонахождение DK I (см. схему, с. 68) относится к самым ранним в пределах Олдувайского ущелья. Оно имеет в основании лавовые потоки и перекрыто туфом, возраст которого 1.75 млн лет. Мощность слоев варьирует в зависимости от поверхности подстилающей лавы. Самым замечательным открытием явилось обнаружение здесь остатков древнейшего в мире бесспорного жилища с остатками кольцеобразной вымостки из кусков лавы. Общая последовательность слоев (сверху вниз) такова. Туф I^B мощностью 1.2—1.5 м. Далее слой 1 — коричневая глина с линзами туфа мощностью 0.4—0.6 м. Еще ниже слой 2 — светло-коричневый глинистый туф мощностью 0.6—0.7 м. Менее глинистый туф составляет еще один слой, третий. Выполнение западин и углублений в базальте составляет четвертый слой, илисто-глинистый. Культурные остатки есть в слоях 1—3.

Кольцеобразная вымостка (рис. 20) была первоначально нащупана в траншее, и те блоки лавы, которые, как оказалось впоследствии, относились к остаткам искусственного сооружения, были разобраны и сняты, но нанесены на план. На это место обратили внимание и начали более широкие раскопки. Лишь тогда стало понятным, что скопление блоков и обломков лавы представляет собой в целом овальную в плане выкладку. Она была зафиксирована на фотографиях (всегда неудачных, не производящих того впечатления, что план) в нескольких работах (у Д. Кларка и Д. Пфейфера).

М. Лики вначале очень осторожно относилась к истолкованию вымостки, допуская, что она могла служить заслоном от ветра. Лики отнюдь не подчеркивала сенсационность данного открытия, скорее считала его заурядным. Такое предположение существовало весьма длительное время. Присутствие обломочного материала и щебня в культурном слое долго представляло загадку для исследователей африканского палеолита, и неясно было, что может свидетельствовать о намеренном принесении людьми такого щебня, а что следует отнести к составным частям геологических слоев, вмещающих археологические остатки. Всего в пределах местонахождения были заложены четыре раскопа, доставивших многочисленные культурные остатки: первоначальная траншея размером 6×3 м; раскоп 14×8 м, где были найдены обломки лавы, составлявшие кольцо; участок B (18×6 м) и участок C (18×6 м). Поскольку культурные остатки были найдены в слоях 1—3, то памятник следует считать трехслойным. Но обильными они были только в слое 3, где найдены выразительные скопления, а в остальных местах эти остатки рассеяны либо по толще слоя, либо в плане. В третьем же слое материал был в основном приурочен к древней дневной поверхности, частично же налегал на четвертый слой, а местами прямо на базальт. Для культурных остатков отмечаются особенности, указывающие на близкое соседство с озером: отпечатки растительных волокон, напоминающих тростниковые, большое количество остатков крокодилов. Все кости животных, найденные в слое, расколоты. Многочисленны копролиты птиц.

Кольцо из обломков и блоков лавы найдено в основном (3) слое местонахождения. Культурные остатки лежали на выветренной поверхности туфа. Размеры скопления — 4.6 м с востока на запад и 4 м с севера на юг. Скопление образовано блоками сосудистого базальта, сложенными по окружности. Максимальная высота блоков до 30 см. Некоторые камни перемещались внутри скопления. Размер большинства блоков лавы 10—15 см, но были и камни до 25 см в диаметре. С северной стороны, где круг из камней сохранился лучше всего, удалось выделить шесть более высоких участков в ограждении, высота которых равнялась 15—22 см; размещены они с интервалами 60—70 см. Круг из камней располагался на пологом склоне, поднимавшемся к северу. Внутренняя часть скопления имела пол, несколько углубленный по отношению к его остальным частям. М. Лики, пытаясь определить назначение круга

Рис. 20. Олдувай. План культурных остатков на стоянке DK. По М. Лики.

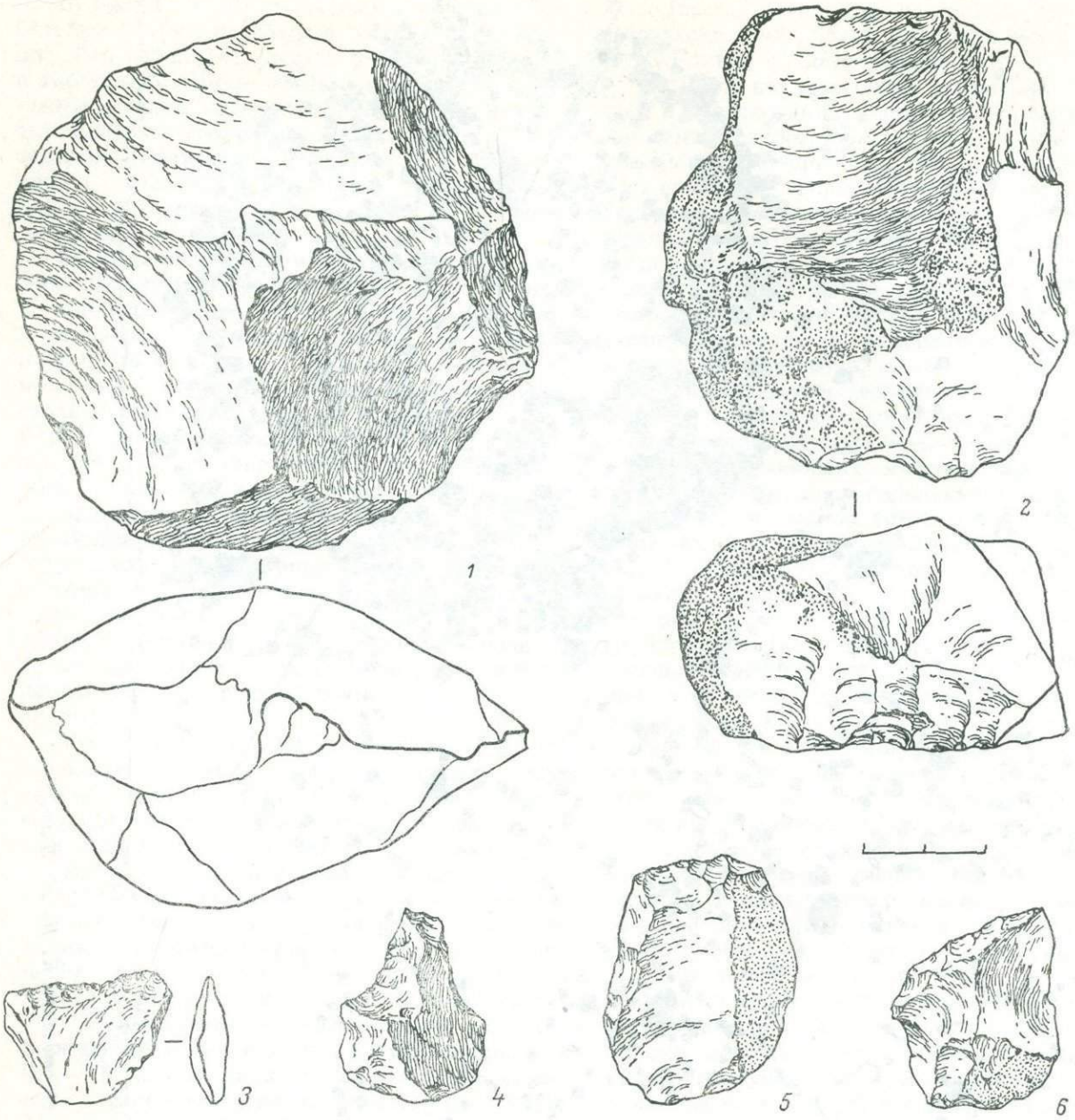

Рис. 21. Олдувай. Стоянка DK. По М. Лики.

1 — дисковидное ядрище; *2* — одноплощадочное ядрище; *3* — скребло; *4* — скребок с рыльцем; *5* — скребок; *6* — нож.

из камней, прибегает к сведениям по жилищам народов Африки. Она отмечает, что такого рода скопления обычно встречаются на стоянках африканских охотников, ведущих подвижный образ жизни, и скопления камней или их выкладки играют роль ветрового заслона либо опоры для ветвей, образующих крышу жилища. Ей кажется, что и кучи камней по окружности могли использоваться в качестве опор для ветвей или для шестов, на которые накладывались шкуры животных. На остальных участках памятника обнаружены куски лавы без намеренной обработки, но нельзя сказать, были ли они принесены намеренно человеком на стоянку.

Особенностью этой древней стоянки Олдувайского ущелья является то, что здесь и отщепы, и изделия из отщепов изготовлены на 65% из лавы, тогда как на остальных стоянках (кроме одной) основную массу составляют изделия из кварцитовых и кварцевых отщепов (по классификации М. Лики — это вообще мелкие изделия).

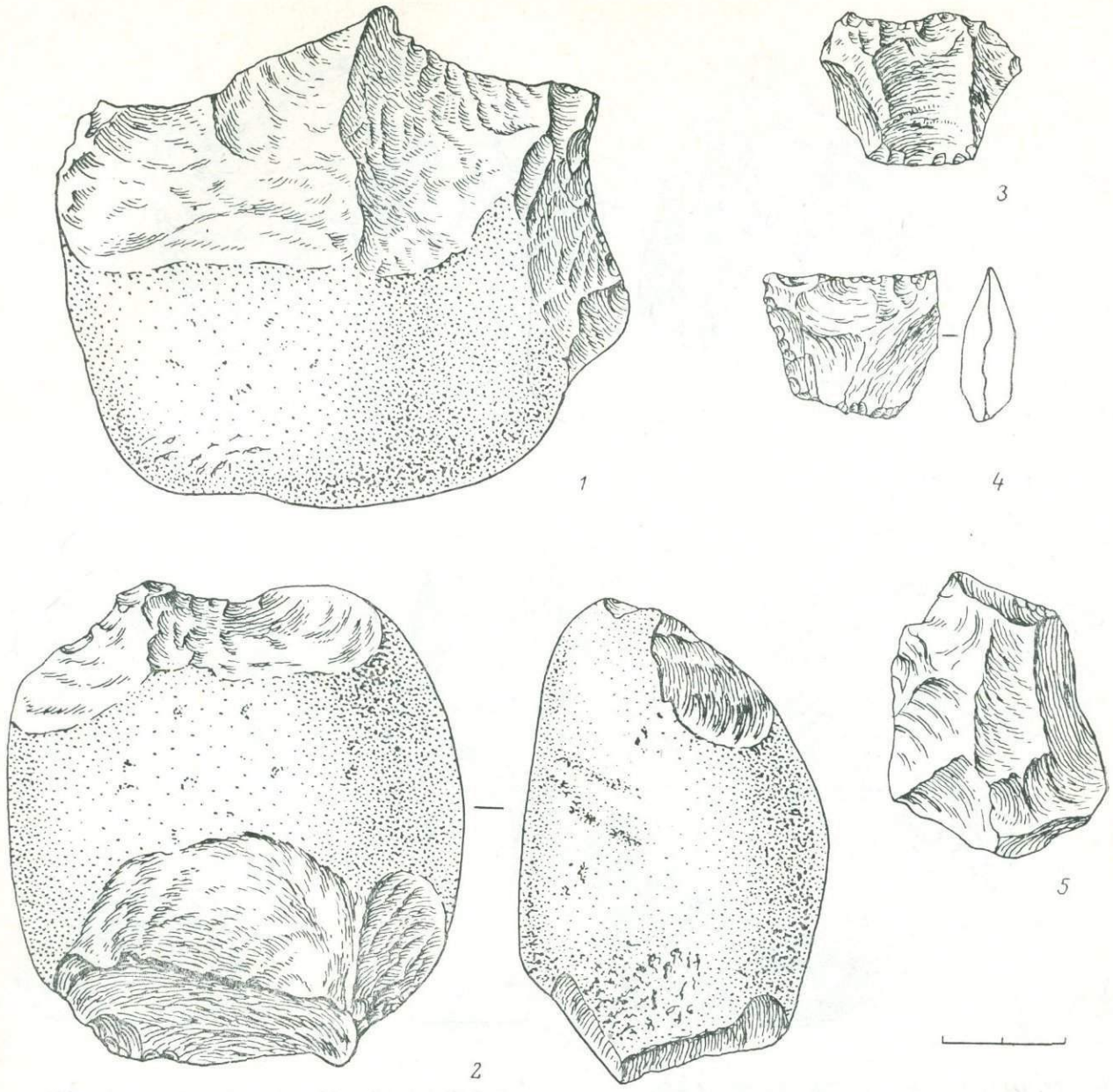

Рис. 22. Олдувай. Стоянки FLK-N I (1, 2) и DK (3—5). По М. Лики.

1, 2 — чопперы; *3, 4* — скребла; *5* — выемчатое орудие.

Слой 1 доставил мало материала: 21 предмет, но ни одного орудия. Слой 2 оказался относительно более богатым, хотя и уступал слою 3. В нем соотношение орудий и заготовок было близким, но больше найдено отщепов, чем готовых изделий. Поскольку не замечено существенных разрывов между тремя слоями, то М. Лики рассматривает орудия всех их заодно, о чем нельзя не пожалеть. В этой соединенной коллекции 46 чопперов, 27 дисков, 7 субсфероидов, 10 массивных скребел, 20 мелких скребел, 7 выемчатых орудий, 3 резца, 8 изделий, определяемых Ф. Бордом как «разное». Чопперы обычного типа. Один из них, правда, напоминает клектонское выемчатое орудие (Leakey M., 1971, fig. 8), изготовленное из гальки, а другой, судя по иллюстрациям, скорее был ядрищем со скалыванием по узкой грани. Часть чопперов представляет собой достаточно совершенные дисковидные ядрища (рис. 21, *1*), да и среди так называемых полиэдров порой можно видеть некоторое количество ядрищ (Там же, рис. 13). Но что наиболее удивительно, так это очень раннее появление одно-

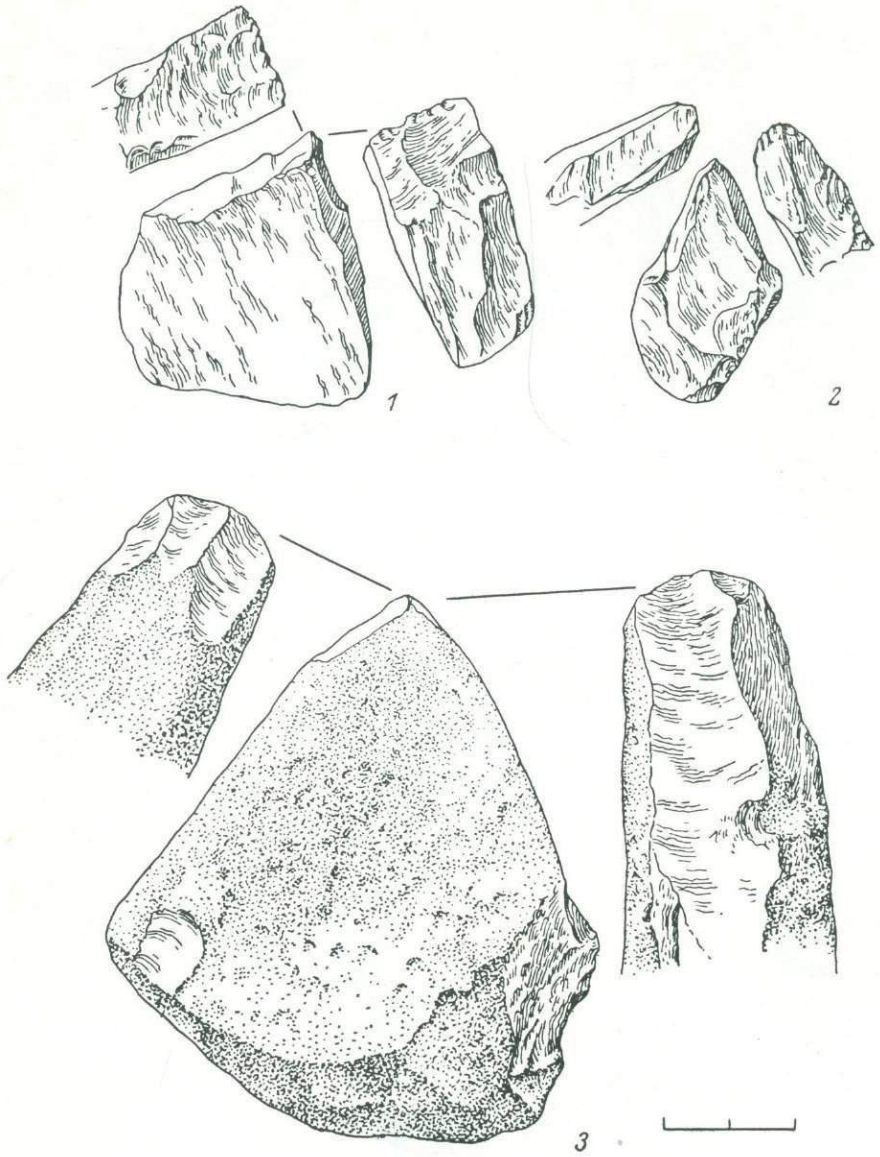

Рис. 23. Олдувай. Стоянка DK. Резцы (1—3). По М. Лики.

площадочных ядрищ. Рисунок, приводимый М. Лики, не оставляет сомнения в том, что уже в самом начале палеолита человек изготовлял (правда, неизвестно, как часто) одноплощадочные ядрища (рис. 21, *2*). М. Лики отнесла это изделие к массивным скреблам, изготовленным из отщепа, но наличие подготовленной ударной площадки, негатива скола на плоскости раскалывания и оббивка продольного края (второй край имеет нужную форму без подготовки — это край куска лавы) позволяют считать, что это намеренно изготовленное и употреблявшееся ядрище типа (вернее — группы) одноплощадочных. Не менее интересны и мелкие скребла (light-duty — по терминологии М. Лики). Среди них отметим скребки — поперечные скребла (рис. 21, *5*), у которых лезвие на узком краю, и несколько скребел со многими лезвиями (рис. 22, *4*). Эти скребла обычно свойственны только поздним памятникам, и более всего — мустье, но в мустье они изготовлены из правильных отщепов, здесь же такие орудия сделаны из отщепов случайной формы. У нескольких скребел одно лезвие состоит из отрезков слабо изогнутой линии. Далее, скреблами с вогнутым лезвием (hollow scrapers) М. Лики называет то, что в европейской археологии, послушно

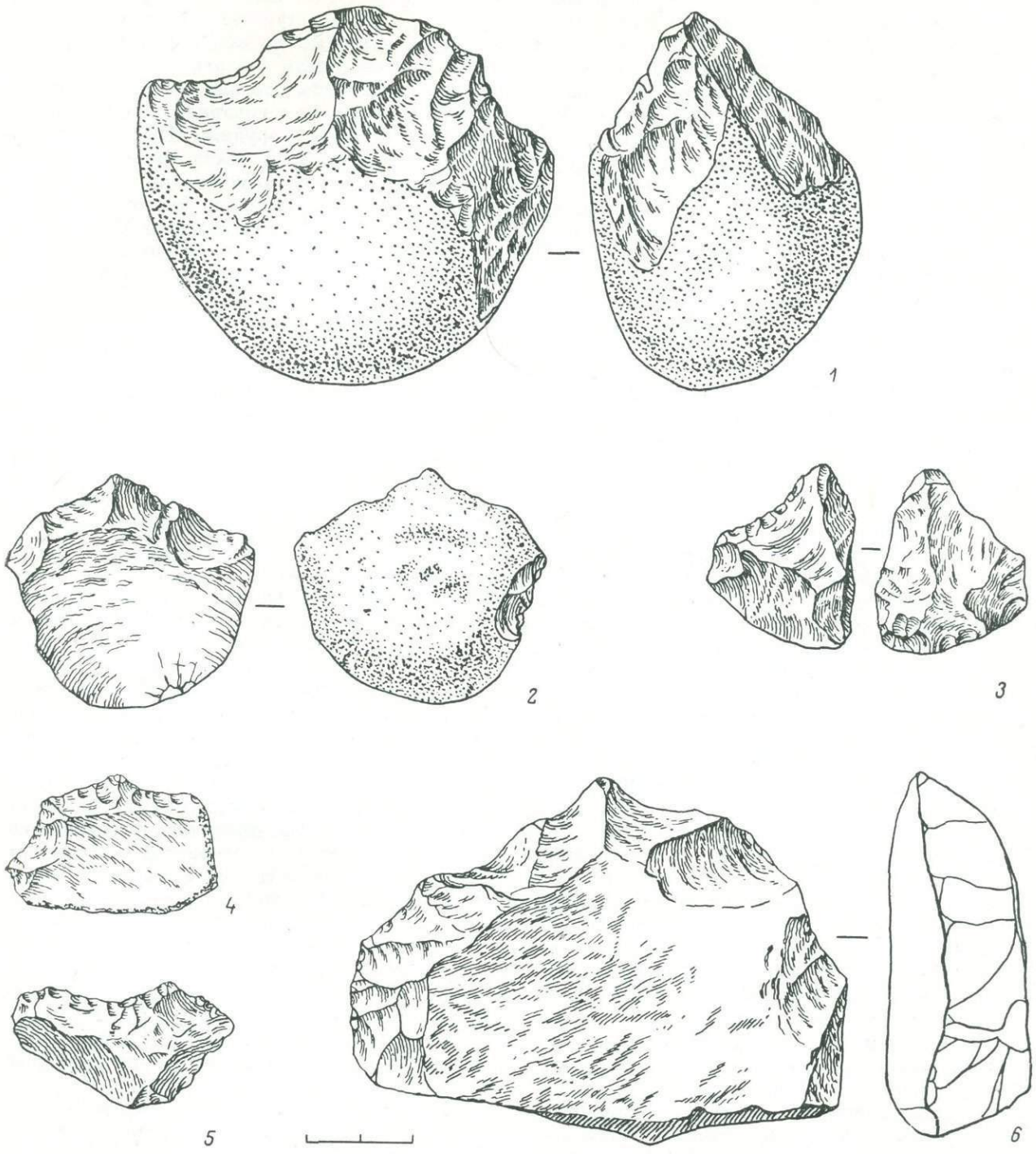

Рис. 25. Олдувай. Стоянки FLK-N I (1—3), DK (4, 5) и TK (6). По М. Лики.

1 — чоппер; *2*, *3* — клювовидные орудия; *4* — скребло; *5* — выемчатое орудие; *6* — массивное скребло.

следующей за Ф. Бордом, именуется выемчатым орудием (рис. 22, *5*). Это в основном разновидность, называемая ашельским выемчатым орудием; таких изделий 7 экз. Три резца, судя по прямому углу между плоскостями скалывания — негативами, были ядрищами, где скалывание шло, как у клиновидных ядрищ (рис. 23). Ядрищем является и большой предмет из плитки лавы (длиной около 10 см). Интересен нож с косо поставленным обушком, аналогичный многочисленным изделиям такого рода из мастерской Коммона, единичный в данной коллекции (рис. 21, *6*).

Упомянутый тип стоянки в Олдувайском ущелье не был единственным. Некоторые стоянки здесь бесспорно относятся к другому, правда, не столь ясному типу. На стоянке FLK-N I (рис. 24) был расчищен расчлененный скелет Elephas recki вместе с 129 каменными орудиями (рис. 25, *1—3*). По составу орудий этот памятник тоже несколько отличается от прочих: здесь большинство орудий принадлежит к крупным разновидностям, которые естественнее всего связать с рубящими действиями. Но встречено очень много и кварцевых отщепов без ретуши. Размер крупных орудий в среднем больше, чем обычно. Интересно разное употребление пород: из 95 отщепов лишь три из лавы, а орудия же, напротив, почти все сделаны из лавы. Обилие отщепов из кварца заставляет думать, что многочисленность отщепов без ретуши не может быть истолкована как результат раскалывания кварца на месте стоянки — кварцевые отщепы служили орудиями для разделки туши слона.

Стоянка FLK-N I (см. схему, с. 68) относится к многослойным, здесь только в нижней пачке насчитывается шесть слоев. Слой с костями слона — самый нижний. В следующем слое — четвертом снизу — культурные остатки были распространены равномерно по площади (рис. 24, вклейка). Преобладали остатки быков. Много костей мелких животных и птиц. Среди каменных орудий больше всего чопперов. Отщепы с ретушью отсутствовали. Почти не было и орудий мелких размеров из кусков породы. В вышележащем слое тоже не отмечается концентрации культурных остатков. Мощность слоев различна: от 15 до 45 см. Культурные остатки встречались также и выше — в пачке II. Но здесь они следовали с малым разрывом друг за другом, судя по тому, что вся толща из шести слоев достигает всего примерно 93 см мощности. В пачке II в одном из местонахождений был расчищен скелет дейнотериума. Таким образом, перед нами опять-таки стоянка на месте разделки туши животного (Leakey M., 1971).

О каменных орудиях олдувайской эпохи мы длительное время ничего не знали. К ним долго применялось наименование «галечные орудия». Дело зачастую представляли так, что это, мол, вовсе и не орудия, а слегка подправленные гальки. Стали считать число сколов на гальках, доказывать, что они слишком малочисленны, чтобы быть основанием для причисления таких изделий к орудиям. При этом неархеологи, естественно, не знали, что точно измерить число сколов невозможно, поскольку последующие негативы могут уничтожать предшествующие. После первых статей М. Лики об олдувайских орудиях многое стало яснее (Leakey M., 1967). Затем появились статьи об орудиях той же эпохи из другого района Африки — из Марокко (Biberson, 1963) — и монография М. Лики (Leakey M., 1971).

Основными чертами набора орудий олдувайской эпохи является его сложность. Примитивный эволюционизм в прошлом заставлял представлять себе начало трудовой деятельности в виде так называемого употребления орудий, после которого происходит постепенный переход к их изготовлению. Л. Лики пытался приписать рамапитекам охоту на павианов на основании находок вместе с их костными остатками черепов павианов, как будто чем-то пробитых. Однако доказать связь между повреждениями на этих черепах и именно рамапитеками нет никакой возможности. На самом деле древнейшие бесспорные следы и свидетельства трудовой деятельности заключаются в каменных орудиях олдувайского типа. И появляется не одно примитивное орудие, а целый набор сразу. Такая особенность не может быть теперь оспорена, поскольку она наблюдалась неоднократно и разными исследователями. Изготовлялись древнейшие орудия из разных материалов. Примечательно, что большинство их сделано из местных легкодоступных пород, но некоторые — из материала, принесенного порой за несколько десятков километров, — кварца, кварцита, лавы, часто галек, извлеченных из реки, и желваков разных пород. Для изготовления крупных, массивных орудий из галек или желваков применяли по преимуществу лаву, а отщепы в Олдувайском ущелье делали чаще всего из кварца (Leakey M., 1971).

Большая часть изделий относится к той широкой категории, которая в английском языке условно именуется «орудия на ядрище» (core-tool), хотя тут не имеется в виду изготовление орудий из ядрища, — так называют орудия, изготовленные из разных массивных кусков и осколков галек, желваков, в противоположность орудиям из отщепов. При этом куски гальки и т. д. оббиваются, в чем и заключается их сходство с ядрищем. Основной разновид-

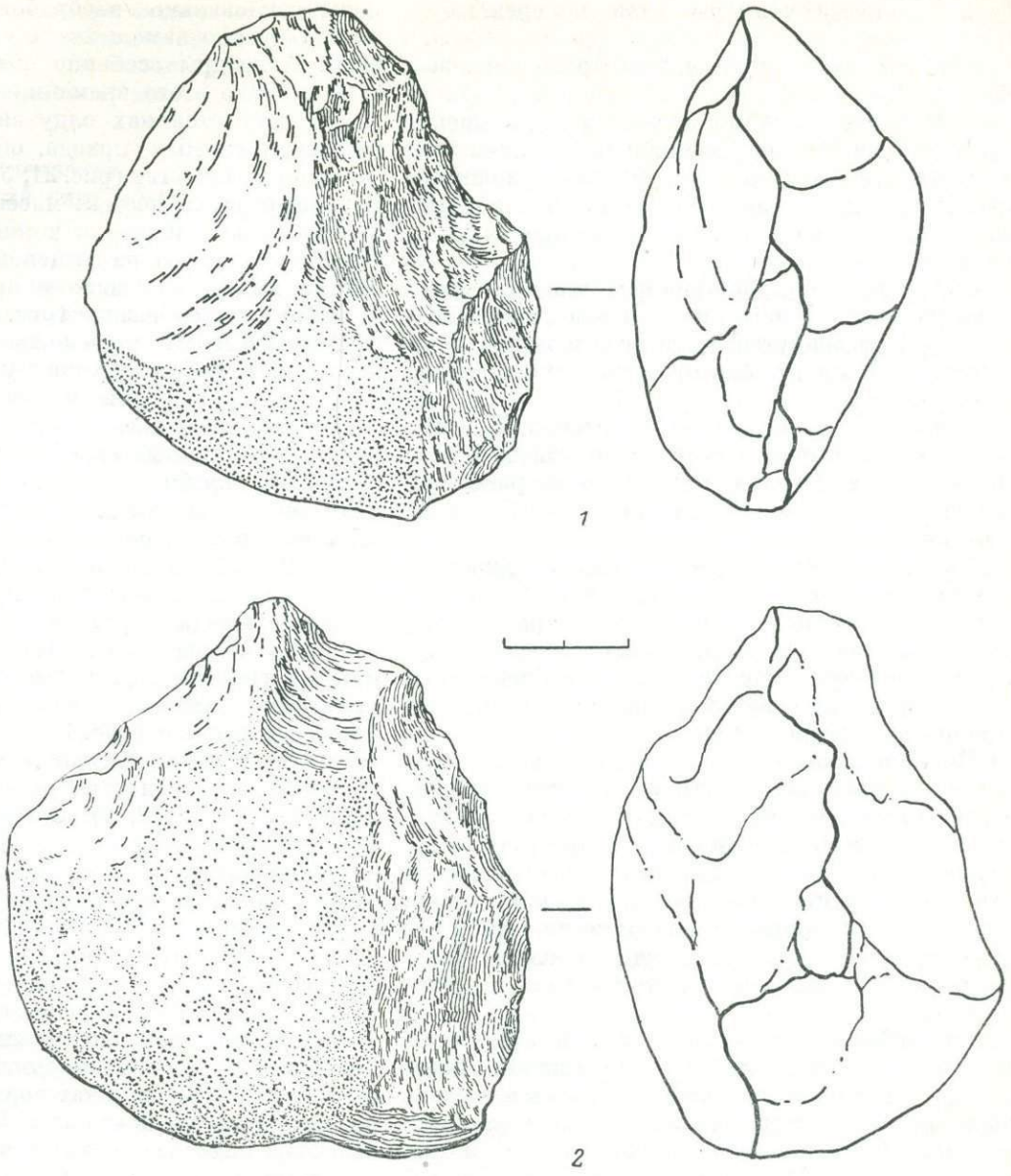

Рис. 26. Олдувай. Стоянка HWK-East. Проторубила (1, 2). По М. Лики.

ностью такого вида орудий был чоппер. Теперь уже принято употреблять это английское понятие, введенное Х. Мовиусом. Русский термин — «грубое рубящее орудие» — не эквивалентен понятию «чоппер», под этим термином у нас публиковали чаще грубые рубила, чем настоящие чопперы. Нет оснований для использования другого термина Мовиуса — «чоппинг-тул» (chopping-tool). Оказалось, что в Олдувайском ущелье большинство чопперов обработано с двух поверхностей. Раньше, когда предполагали, что односторонние чопперы — это особая категория, более ранняя, чем двусторонне обработанные чопперы (т. е. они являются отражением целой археологической ступени), возможно, и была причина для использования такой терминологии, но теперь, когда выяснилась ошибочность этой точки зрения, от первоначальной терминологии следует отказаться. Общим признаком всех чопперов является присутствие необработанного края, противоположного лезвию. Лезвие, как правило, зигзагообразное (рис. 22, *1, 2;* 25,*1*).

М. Лики предлагает делить чопперы на следующие группы (не определяя таксономического ранга предлагаемых ею единиц).

1. Боковые чопперы. У них расстояние от лезвия до основания меньше, чем расстояние между противоположными краями.

2. Концевые чопперы (или поперечные). У них расстояние от лезвия до основания больше, чем расстояние между противоположными краями.

3. Чопперы с двумя лезвиями (или двойные). Они имеют две разновидности — либо это овальные орудия с оббивкой противоположных продольных краев, либо это угловые чопперы, когда оббиты конец орудия и один продольный край.

4. Чопперы с приостренным лезвием (или приостренные). У них имеются два лезвия, образующих развернутый угол; угол между двумя лезвиями оформлен, как правило, двумя глубокими сколами.

5. Чопперы с долотовидным лезвием. У этого типа орудия лезвие относительно узкое, а оббивка лезвия сделана так, что оно располагается под прямым углом к плоскости брюшка и спинки.

Чопперы первых двух разновидностей иногда комбинируются с отбойником на противоположном конце, о чем говорит характерная забитость этого конца. Для рабочего края чопперов отмечаются забитость и выщербленность. Комбинированных орудий, кроме чопперов-отбойников, не встречается.

Чопперы составляют от 12 до 40% всех изделий, но если исключить из подсчета отбойники, которые не могут приравниваться к орудиям, то процент чопперов возрастает еще больше. Достаточно отметить, что, согласно данным М. Лики, на прочие изделия (если взять существенные разновидности орудий) приходится от 8 до 26%. Другими словами, чопперов больше, чем всех прочих орудий, вместе взятых.

Что собой представляют эти остальные орудия? Они не все сделаны из отщепов. Так, к изделиям типа «на ядрище» относятся всегда полиэдры (или многогранники), дисковидные орудия, сфероиды. Есть также скребла, которые, по словам М. Лики, незначительно отличаются от маленьких чопперов, ибо они тоже изготовлены из массивных кусков лавы или галек. По принципу ядрища изготовлены и так называемые проторубила (рис. 26). Они не являются грубыми рубилами, как можно было заключить из их названия; это скорее усложненные чопперы — чопперы с двумя-тремя лезвиями. Верхний конец этих орудий овальный или прямой, но оббитый; в сечении такое изделие может быть либо плоско-выпуклым, либо в виде двояковыпуклой линзы. Основание подобных орудий необработанное, как и у всех чопперов, и обычно округлой формы. Собственно, и полиэдры, и сфероиды могут рассматриваться как многогранные чопперы, хотя у них отсутствует такой важный для чоппера элемент, как овальное необработанное основание, поскольку оно замещено дополнительным лезвием. Полиэдры особенно обильны на алжирской стоянке этого времени — Айн-Ханеш.

На всех стоянках олдувайской эпохи присутствуют скребла, правда, обычно в не очень большом количестве (рис. 21, *3*; 22, *3*, *4*). Их несколько разновидностей: массивные скребла из кусков лавы, близкие к чопперам; скребла из осколков; скребла из отщепов. У этих орудий иногда выпуклое лезвие и в отличие от чопперов незигзагообразное (рис. 22, *3*, *4*). Скребла Олдувая бывают продольные, поперечные и двойные. Обработка лезвия у них односторонняя, но есть экземпляры, у которых лезвие оформлено ретушью с брюшка. Существуют двойные и тройные скребла, аналогичные ногтевидным скребкам или скреблам более поздних эпох палеолита. Вместе со скреблами М. Лики рассматривает и выемчатые орудия (рис. 22, *5*; 25, *5*). Выемки на них неглубокие. Интересно, что выемчатые скребла — всегда на отщепах. Среди образцов изделий, опубликованных в монографии Д. Кларка (Clark, 1970), имеется скребок с рыльцем (рис. 21, *4*). Описаны резцы, видимо употреблявшиеся как клиновидные ядрища (рис. 23). Существовала развитая техника раскалывания, включающая дисковидные, кубовидные и одноплощадочные ядрища (рис. 21, *1*, *2*). Среди каменных предметов, найденных в олдувайских слоях, внимание исследователей привлекли также крупные блоки камня, не несущие ни признаков раскалывания, ни вторичной обработки. На их гранях, либо покрытых коркой, либо представляющих собой углы между плоскостями древнего раскалывания, много следов сработанности, забитости — на этих блоках явно работали, используя их в качестве подставок. Поэтому М. Лики дала данной категории находок условное название «наковальни» (anvils). К такого же рода находкам относятся и отбойники — округлые гальки или валуны, определенные участки которых сильно забиты, имеют выбоины, а часто просто сбиты. На многих отщепах нет следов намеренной ретуши, но зато есть выщербины, говорящие об их использовании. Особо отмечаются сколы с чопперов, при помощи которых приострялось острие последних (определены по аналогии со сколами оббивки рубил, которые уже давно выделяются французскими археологами).

Таким образом, набор каменных олдувайских изделий оказался, вопреки догадкам исследователей, весьма сложным, не особенно уступающим по количеству категорий набору орудий ашеля или мустье. Он включает, как и в последующие эпохи, и ядрища, и заготовки, сколотые с них, и орудия — либо из

кусков породы, либо из заготовок. Почти все категории орудий олдувайского времени просуществовали еще две-три эпохи, а некоторые дожили до конца каменного века.

Находки остатков человека и каменных изделий олдувайского времени в Кении и Эфиопии

Всего несколько лет тому назад считалось, что памятники Олдувайского ущелья — древнейшие из всех, нам известных (Leakey M., 1967). В начале 70-х гг. были открыты новые местонахождения с костными остатками австралопитеков в Эфиопии и Кении — в бассейне р. Омо и на восточном и западном берегах оз. Рудольф (Leakey M., 1970a). Успехи Л. Лики заставили антропологов и археологов взяться за организацию экспедиций в Восточную Африку. Ф. Хауэлл возглавил американскую экспедицию, Арамбур — французскую, от имени Кении Р. Лики (сын Л. Лики) начал работы в этом же районе.

Важнейшие местонахождения, открытые в 70-е гг., — это Канапои, Лотегем и Кооби-Фора — на восточном берегу оз. Рудольф. Работы в новых районах привели к тому, что начало трудовой деятельности приходится опускать до 3 млн лет, а остатки австралопитеков должны быть отнесены к 5 млн лет. Не исключено, что единственный зуб, найденный группой У. Бишопа в отложениях нгорора, относится также к австралопитекам. В этом случае начало гоминизации придется опустить до 10 млн лет. По-иному теперь представляется и физический облик человека олдувайского времени. Это очень разнородная популяция, включающая как существа типа австралопитеков (в старом понимании этого слова), так и существа, физический облик которых был гораздо более совершенным, а объем мозга приближался к объему мозга питекантропов — синантропов (человек 1470, оз. Рудольф).

Холмы Лотегема — это огромный блок сброса, наклоненный к западу, расположенный на западном берегу оз. Рудольф. В основании 9-метровой толщи отложений залегают два горизонта лав: один — миоценовый, другой — плиоценовый (Bishop, 1971).

Наиболее полно остатки животных представлены в толще Лотегем I (Patterson e. a., 1970). Это отложения озера, предшествовавшего нынешнему оз. Рудольф. Лотегем I — нижний комплекс фауны, отделенный от следующего, второго комплекса новым потоком лавы. По мнению палеонтологов, комплекс фауны Лотегем I древнее, чем фауна Канапои, и содержит остатки слонов самой ранней формы. Древность этого комплекса косвенно оценивается в 5 млн лет и более — до 7 млн лет. Здесь существуют, по определению В. Маглио, древнейшие формы слонов и формы подсемейства стеготетрабелодонтид, из которых он предпочитает выводить семейство слонов. Представлены почти все роды животных, которые и позже были свойственны Африке, но более архаичными видами. Здесь же найдены остатки австралопитековых, древнейшие, как кажется, из всех африканских находок (обломок нижней челюсти). Определения абсолютного возраста следующие: плиоценовый горизонт лав в основании разреза датируется 8 млн лет, а потоки лавы в середине свиты, между вторым и первым стратиграфическим подразделением ее, — 3.7 млн лет. У Маглио свои обозначения для фаунистических остатков. По его терминологии, «верхний комплекс фауны Лотегема» — это фауна выше прослоя лав в середине свиты и, стало быть, моложе 3 млн лет. Верхний комплекс фауны из Лотегема много беднее, чем нижний, основной (Maglio, 1970).

Первоначальные заключения по фауне из Канапои (к югу от оз. Рудольф) ограничивались тем, что утверждалась ее бóльшая по сравнению с Олдуваем I древность. Предполагалось также, что она — плейстоценовая, вилафранкского возраста. Впоследствии были получены три определения абсолютного возраста калий-аргоновым методом, и все три находились в хорошем соответствии друг с другом: от 2.5 до 2.9 млн лет. Однако авторы исследования — Б. Петерсон, А. Беренсмейер и У. Силл — считают, что эти даты слишком молоды (Patterson e. a., 1970). Они основываются на том, что для синхронных фаунистических комплексов (а такими они называют, основываясь на данных В. Маглио по слонам, Канам, Чемерон, ранние слои Лаэтолила и желтые пески Мурси) существуют более древние даты. Так, желтые пески Мурси перекрыты лавой, возраст которой более 4 млн лет; именно такой возраст авторы исследования предполагают и для Канапои. Затем они обращают внимание на отложения с фауной неподалеку от Канапои в Экоре. Отложения Экоры можно признать более молодыми, поскольку, по утверждению американских исследователей, эти слои перекрывают лаву — самый верхний стратиграфический горизонт в Канапои. Фауна Экоры состоит из следующих видов: ананкуса, древней разновидности африканского слона (адаурской) и слона экорского (по имени данного местонахождения), предковой формы по отношению к слону Река (если, правда, при этом полностью доверять филогении слонов, предложенной В. Маглио). Из приматов представлены остатки архаичного павиана и австралопитековых. Есть

Таблица 4. Хронологическое соотношение памятников начала антропогенеза по данным фауны и по определению абсолютного возраста калий-аргоновым методом (по: У. Бишопу, В. Маглио, А. Беренсмейер и др.)

Абсолютный возраст, млн лет	Танзания, Серенгети	Эфиопия	Кения, оз. Рудольф	Кения, Туркана	Кения, оз. Баринго
1	Олдувай	Шунгура	Кооби-Фора		
2					
3					
4		Мурси		Канапои	Чемерон
5					
6					
7					
8					
9					Нгорора
10					

такие виды, как дикобразы, зайцы, окапи, жирафы, гиппопотамы, крокодилы, быки, махайроды, стилогиппарионы, дейнотериумы и стеготетрабелодоны (предковая форма слонов вообще). В Шунгуре слон типа экора представлен в формации шунгура, в туфах В. Туф В датируется 3.7 млн лет. Нкалабонг (местонахождение без фауны сравнимого возраста) имеет возраст 3.95 млн лет, и это представляется американским исследователям подходящей датой для Канапои.

У американских геологов есть своя точка зрения на границу плейстоцена и плиоцена. К сожалению, они исходят только из определений абсолютного возраста соответствующих европейских разрезов с виллафранкской фауной. Все, что древнее 3.7 млн лет, определяется ими как плиоцен. Естественно, такая точка зрения выглядит неубедительно, поскольку нет аргументов геологического или литологического характера, как это хотелось бы видеть в статье специалистов-естественников (табл. 4).

Палеоантропологические находки в районе р. Омо, как полагает Ф. Хауэлл, должны рассматриваться как две линии эволюции гоминид (Howell, 1968, 1969; Pilbeam, 1972). Деление это — на массивных и грацильных австралопитеков — давно известно. Общее количество антропологического материала в долине Омо — около 100 зубов, четыре челюсти и один частично сохранившийся черепной свод. Хронологические рамки памятников в приблизительной оценке исследователей — более 1.25 млн лет для верхней границы и 5—7 млн лет — для нижней.

Новые находки на восточном берегу оз. Рудольф заставляют скорее думать, что массивные и грацильные австралопитеки — это совсем не разные ветви эволюции гоминид, разные виды, из которых один — тупиковая разновидность, а второй — предки человека; напротив, кажется, что различия между австралопитеками не видового уровня, что они составляют один вид, давший впоследствии начало более совершенным формам гоминид. Такого мнения (в разных частях предлагаемой гипотезы) придерживаются Р. Лики и Л. Брэйс.

Отложения в долине Омо частично совпадают с отложениями в Олдувайском ущелье, но в основном уходят глубже. Однако для более точной оценки отложений р. Омо следует дождаться стратиграфической оценки материала, публикации фауны, а может быть, и растительности.

Итак, в бассейне р. Омо есть две группы морфологически различных антропологических находок. Группа, сходная с массивными австралопитековыми, представлена челюстью (без восходящей ветви) с почти полной зубной системой — L7-125, найденной американской экспедицией. Само тело челюсти массивное, зубы крупные, коренные широкие, клыки и резцы относительно слабые. Отмечается сходство с зубами зинджантропа — австралопитека бойсова. Зубы сильно сношены, как бы стиснуты, сдвинуты один к другому. Морфология поверхностей зубов указывает на употребление растительной пищи (Pilbeam, 1972). Подобные же остатки — челюсть и притом массивную — нашла французская экспедиция. Находка перекрывалась слоями, которые были датированы 2.5 млн лет. Почти целый череп такого же существа был встречен Р. Лики в Кооби-Форе. Челюсть из Омо, обнаруженная американской экспедицией, крупнее той, что была найдена французами, но эта разница относится за счет полового диморфизма (Howell, 1969). Полагают, что данной линии развития свойственно увеличение массивности, размеров зубов и т. д. Такого рода изменения, по мнению Д. Пилбима, связаны с укрупнением черепа и усилением жевательного аппарата. Для существования этой линии отводят довольно много времени.

Вторая группа гоминид представлена главным образом большой серией зубов. Стратигра-

фически эти находки относятся к тем же подразделениям, что и первая группа. По своим размерам зубы много у́же и более вытянуты в длину, чем зубы предшествующей линии. Это сближает их с зубами Homo habilis. Вместе с тем данные гоминиды сходны и с австралопитеками, найденными в Стеркфонтейне. В частности, таким сходством обладает новый фрагмент черепа, открытый в долине Омо и принадлежащий подростку. Поскольку у него меньше объем мозга, чем у Homo habilis, то есть основания сближать его с грацильной группой австралопитековых. Все перечисленные находки не связаны прямо с каменными орудиями, кроме находок Р. Лики. Каменные изделия располагаются примерно в пределах того же широкого хронологического диапазона, куда относят и остатки австралопитековых, найденных французской экспедицией.

Наиболее древней для всей Африки, насколько можно судить по данным американских исследователей, является находка обломка челюсти с двумя коренными зубами в Лотегеме (Кения), датируемая 5 млн лет. Обломок вполне сходен (при том, что сохранившаяся часть незначительна) с челюстями австралопитековых грацильной группы. В Канапои (Кения) был найден обломок плечевой кости. Сравнение этого фрагмента с костями человека и шимпанзе методом дискриминантных функций показало его большое сходство с человеком. Полагают (Pilbeam, 1972), что на основании этого заключения можно отвергнуть гипотезу, будто предки человека ходили подобно современным обезьянам, опираясь на согнутые кисти передних конечностей (knuckle walking).

В 1967 г. французская экспедиция нашла челюсть австралопитека в слое, возраст которого, согласно калий-аргоновому методу, 2.5 млн лет (Arambourg, Coppens, 1968). По данным К. Арамбура, остатки относятся к той разновидности австралопитеков, которые характеризуются массивностью челюстей и, по-видимому, травоядностью (огромные премоляры и моляры, ослабленные клыки и резцы).

Помимо антропологических находок, укладывающихся в рамки того, что было ранее известно об австралопитеках Африки, на стоянке Омо 71 французскими исследователями были найдены и изделия из камня, близкие по возрасту к олдувайским находкам. Эта стоянка содержала многочисленные каменные изделия и кости животных, залегавшие на ограниченной площади (9 м^2 из 25 м^2 общей площади, расчищенной во время двух сезонов работ). Но это не был совершенно сохранный слой — находки испытали незначительное перемещение. Мощность слоя с находками колебалась от нескольких до 15 см. Частичное перемещение находок будет понятно, если учесть, что они залегали в слое галечника (собственно, это были не гальки, а глинистые конкреции). Главный материал, накопившийся здесь, — прибрежные отложения, слегка волнистые у самого берега озера. Окатанность острых граней костей говорит также о действии текучих вод. Два слоя вулканических пород, перекрывающих и подстилающих слой с находками, позволяют датировать его весьма точно, а именно от 1.9 до 2.1 млн лет назад. Автор исследования — Ж. Шавайон — предпочитает более древнюю дату. Большинство костей животных принадлежит антилопам, гиппопотамам и свиньям (Pracohoerus), слону, жирафе и обезьяне (Dinopitecus). Найдены также окатанные кости крокодилов и рыб. Каменные изделия были не слишком многочисленными. Отмечаются один чоппер из кварца, оббитый с двух сторон, четыре расколотые гальки и две гальки со следами ударов (Chavaillon, 1964). Шавайон говорит о приспособлении некоторых костей для работы. Так, на одном из обломков костей есть несколько снятий, которые он считает намеренными. Намеренной он считает и оббивку конца плоской кости, вероятно ребра. В качестве лопатки использовалась кость сома, тоже подвергшаяся обработке. Без рисунков трудно сказать об этом что-либо более определенное. Но отметим, что и в Олдувайском ущелье найдены кости с искусственной заглаженностью.

С годами все большую важность приобретает совокупность местонахождений фауны и костных остатков человека, а также стоянок первобытного человека в районе Кооби-Форы. Они были открыты самым удачливым исследователем (после своего отца, конечно) — Р. Лики — с воздуха, во время полета на вертолете, а затем исследованы, вначале только с группой кенийцев-помощников, а затем еще и при участии двух специалистов из США — геолога А. Беренсмейер и археолога Г. Айзека (Leakey R., 1970, 1971, 1973).

Кооби-Фора расположена на восточном берегу оз. Рудольф и примечательна тем, что здесь обнаружены древнейшие из ныне известных каменных орудий. Были найдены также скелетные остатки гоминид. Область эта даже в бассейне р. Омо самая труднодоступная. Каменные изделия происходят из стратиграфического подразделения KF IIA (см. схему, с. 82; Leakey R., 1971).

Имеются три пачки слоев, которые соответственно обозначаются Кооби-Фора 1—3 (KF 1—3).

Краткое изложение геологических материалов Кооби-Форы (по данным американской исследовательницы А. Беренсмейер, но с добав-

лением собственных впечатлений) есть у У. Бишопа (Bishop, 1971).

Общая мощность всех трех подразделений по меньшей мере 300 м.

Кооби-Фора 1 — тонкослоистые лимонитовые глины и пески. Остатки фауны включают моллюсков и рыб и интерпретируются как отложения древнего озера.

Верхний плейстоцен, голоцен		Озерные, речные и субаэральные отложения разных типов
Нижний плейстоцен		Перерыв в осадконакоплении
	KF III	туф, фауна, гоминиды
	KF IIB	фауна, гоминиды
		Перерыв в осадконакоплении
	KF IIA	фауна
	KBS	туф (2.61 млн лет), артефакты
	KF I	
	KF I	фауна
Плиоцен		Верхний туф (3.9 млн лет)
		Нижний туф (4.55 млн лет)

Кооби-Фора 2 — песчанистые глины, косослоистые песчаники, конгломераты галечника. Местами обильны остатки млекопитающих. Их находки приурочены к основанию пачки Кооби-Фора 2 и поэтому могут считаться залегающими ниже туфа, абсолютный возраст которого 2.6 млн±260 тыс. лет назад (Miller, Fitch, 1970).

Крупных раскопок, исследований на большой площади или широких геологических работ Р. Лики еще не осуществил, да и геологи, которые с ним работают, пока провели в поле один-два сезона. Основной задачей Лики и его сотрудников было соотнесение слоев и пачек слоев внутри небольшого участка. Теперь выделены два маркирующих стратиграфических горизонта — два туфа: верхний — KBS, нижний — Тулу-Бор. Первоначально два черепа австралопитеков (один — грацильный, другой — массивный) относились к слоям, лежащим ниже туфа, который датируется 2.6 млн лет, а теперь эти слои, как выяснилось, залегают над туфом KBS.

Между отложениями KF IIA и KF IIB — разрыв, одни несогласно налегают на другие.

Находки гоминид и места взятия образцов для определения абсолютного возраста калий-аргоновым методом порой удалены друг от друга. Например, от места находки массивного австралопитека (KS-158) до места находки грацильного австралопитека (KS-210) более 1.5 км. Датированы образцы не из того места, где были найдены каменные изделия (участок 131), а из другого (участки 105 и 108). Нижний туф — горизонт Тулу-Бор — пока не датирован.

Обработанные камни происходят из верхней части туфа KF IIA. Уникальный череп 1470 расположен стратиграфически ниже, но в пределах подразделения IIA. Каменные изделия в общем рассеяны, и только в одном месте отмечается концентрация их (два предмета на 1 м^2).

Каменные орудия со стоянки Кооби-Фора — обычные олдувайские орудия, среди них есть и отщепы, и ядрища. Они не отличаются большим примитивизмом по отношению к орудиям стоянок Олдувайского ущелья, что и понятно, поскольку оба памятника относятся к одной эпохе каменного века — к олдувайской (Leakey M., 1970a; Isaac, 1972).

Череп 1470, произведший уже столько шума, правда подготовленного более ранними открытиями в Восточной Африке, найден в Кооби-Форе в обрезе оврага (участок 131) в 1972 г. Часть обломков костей была, по словам Р. Лики, дополнительно извлечена при раскопках на месте первоначальной находки. Каменных орудий непосредственно на месте находки черепа не обнаружено.

Кроме черепа 1470, участники экспедиции нашли остатки молодого гоминида (ребенка) — зубы и обломки черепа. Примерно к тому же стратиграфическому уровню относится и находка исключительной важности — кости нижней конечности, по мнению Р. Лики, того же гоминида, т. е. того же вида, что и череп 1470. Это редкий случай находки вместе обеих берцовых и бедренных костей. По описанию Р. Лики, эти кости мало отличаются от костей человека современного физического типа.

В конце 60-х — начале 70-х гг. в Кооби-Форе найдены остатки 90 гоминид и 300 изделий из камня. В пределах огромного местонахождения, занимающего более 140 км^2, различаются отдельные участки. Площадь самого известного участка (131) 19 км.^{2}

Полная серия орудий из Кооби-Форы состоит из 51 изделия. По определению М. Лики, в этой группе пять чопперов, 24 отщепа; прочее — гальки и валуны без обработки и обломки породы (Leakey R., 1970; Leakey M., 1970a, 1970b). Орудия приурочены к туфу KF IIA,

верх которого и дал образцы для определения абсолютного возраста (примерно 2.4 млн лет, средняя величина 2.6 млн лет). Вместе с изделиями из камня были найдены и осколки костей. Раскопки Р. Лики были, собственно, ориентировочными работами, причем место раскопок — склон, где толщина снимаемого балласта наименьшая — 1 м (Leakey R. e. a., 1970; Isaac, 1972).

Череп 1470, подобно некоторым более ранним находкам (например, теменной кости Homo habilis из пачки I Олдувая), поражает малой толщиной костей, что соответствует сравнительно слабо выраженным надбровным дугам, которые не образуют сплошного надглазничного валика, как у «шелльского человека» из пачки II Олдувая и у неандертальцев. Прогрессивным признаком в строении черепа является относительно вертикальное положение теменных костей. Поразительна и емкость вновь найденного черепа — более 800 см.^{3} По объему мозга человек 1470 решительно опережает всех остальных представителей этого рода (Leakey R., 1973). Однако в его строении есть много общего и с грацильными австралопитеками, и с Homo habilis, которого теперь чаще всего не выделяют из австралопитековых. Есть даже особенности, роднящие его с массивными австралопитеками, — в строении верхней челюсти, широкой и крупной. На данном основании его следовало бы соединить со всеми австралопитеками. Но на пути к этому перед Р. Лики стоят серьезные препятствия: пришлось бы опустить родовой статус Homo habilis, каким он был предложен Л. Лики, и соединить в одном роду всех австралопитековых, да и собственную находку сделать не уникальной, не представляющей особый род. Поэтому пока Р. Лики не дал ей видового определения. Она обозначается только по коллекционной описи Кенийского национального музея — KNM-ER-1470 (Kenya National Museum-East Rudolf).

Позиция Р. Лики сводится к предположению, что антропологические находки времени конца плиоцена—начала четвертичного периода должны быть разделены на две группы по принципу их морфологического совершенства, близости к человеку современного физического облика. Группа наиболее совершенных гоминид (человек 1470, гоминид 7 из Олдувая) объединяет древнейших представителей рода Homo. Другая группа — большая совокупность австралопитеков, довольно разнородная, но тем не менее относящаяся к одному виду, точно им не определенному. Мнение Р. Лики кажется более логичным, чем ранее высказанные.

На взгляд Р. Лики, становление человека шло таким образом, что первоначально, видимо, единая группа распалась на две, из которых первая дала в конце концов истинных людей (род Homo), а вторая была боковой ветвью, тупиком. Представители ее жили параллельно с настоящими людьми. Другими словами, это уже известная модель, предполагающая тупиковую ветвь и истинного гоминида.

Соединение всех австралопитековых и объяснение различия между ними половым диморфизмом кажутся теперь обоснованными, после того как разные по своему видовому определению остатки из Сварткранса (см. ниже, с. 88) оказались принадлежащими одной особи. Однако остается еще непреодоленное препятствие — положение Homo habilis по отношению к австралопитекам. Уж если соединять массивных и грацильных австралопитеков, столь не схожих между собой, то логично будет соединить и Homo habilis с грацильными австралопитеками, к чему сейчас склоняются многие антропологи.

В заключение упомянем местонахождения возле местечка Мелка-Контуре в 40 км к югу от Аддис-Абебы, в долине р. Аваш (Эфиопия). Они сравнимы с олдувайскими памятниками. Пункты находок здесь весьма многочисленны — их около 11, с разновременными слоями. Олдувайские находки в слое с остатками жилых сооружений были обнаружены на стоянке Гомборе IB. Стратиграфия здесь очень сложная и включает, как и в Олдувае, различные по своему происхождению отложения, озерные, аллювиальные, вулканические, общей мощностью до 20 м. Культурный слой Мелка-Контуре (к 1970 г. было вскрыто около 20 м^2) очень насыщен: до 50 изделий на 1 м^2. Многочисленны и каменные орудия, и кости животных, среди которых много остатков свиней, лошадей, слонов, гиппопотамов. Уникальна находка куска лианы длиной около 6 см. В качестве основного вида орудий упоминается чоппер. Слой с олдувайскими орудиями перекрывается несколькими слоями с ашельскими изделиями (Chavaillon, Taieb, 1968).

Палеоантропология австралопитековых и ашельские находки в Южной Африке

До появления хорошо документированных памятников олдувая и ашеля и многочисленных антропологических находок последних лет в Восточной Африке местом, привлекавшим всеобщее внимание, были памятники Южной Африки. Сейчас многие из антропологических и археологических находок, сделанных в Южной Африке, пересмотрены и выглядят совершенно иначе, чем в 20—50-е гг. Но тем не менее положителен именно сам факт проверки старых местонахождений, решительного отказа от ус-

таревших утверждений, ориентации на новые памятники с культурным слоем, что и является основной особенностью современных исследований в палеолите и палеоантропологии этой области. Эти исследования ведутся как местными археологами (Ф. Тобайэс, Г. Сэмпсон, Д. Паркингтон), так и приезжими (Р. Клейн, Ч. Келлер). Часть археологов Южной Африки уехала работать в Америку или Францию (Р. Синджер, Ф. Тобайэс, Д. Кларк, Г. Сэмпсон).

Памятники Южной Африки относятся в основном к двум категориям: это либо карстовые полости, содержащие остатки австралопитековых и кости животных, либо аллювиальные местонахождения в долине р. Вааль и ее притоков, где представлены ашель, форсмит и более поздние культуры и эпохи. Пещерные памятники для Южной Африки нехарактерны, хотя и встречаются (Класиес-Ривер, Мвулу). Как правило, они не содержат слоев древнее среднего каменного века (кроме пещеры Очагов, где есть ашель в позднем выражении).

Местонахождения первого рода хорошо освещены в отечественной литературе, главным образом благодаря интересу советских антропологов к находкам австралопитеков (Рогинский, 1969), особенно благодаря работам В. П. Якимова (1951, 1966). На эти материалы как на доказательство охоты у предков человека и отсюда на изначальность охоты указывал П. И. Борисковский (1950). Археологические находки в Южной Африке приобрели популярность вместе с австралопитеками. Однако открытие там ашельских памятников долгое время не находило места в советской литературе по палеолиту. Так, нет разбора ашеля Южной Африки ни в работе П. П. Ефименко (1953), ни в работе С. Н. Замятнина (1951).

В нашей литературе, естественно, не могли появиться обоснованные суждения о возрасте памятников с остатками австралопитеков, поскольку и по сию пору данный вопрос не кажется убедительно разрешенным, а в 50-е гг. это тем более было невозможно. Имела хождение гипотеза, предполагающая господство там сухого климата, смену лесных условий степными и в связи с этим — переход к прямохождению (гипотеза «обезьяны, из-под которой вынули дерево»). Теперь ясно, что данное построение основано на неверном использовании литологии заполнения пещерных полостей (Butzer, 1971).

Статьи В. П. Якимова давали представление о разнообразии точек зрения по данному вопросу. Как правило, австралопитеков в отечественной литературе не считали прямыми предками человека, а рассматривали как модель, рисующую отдельные стороны процесса антропогенеза, но не сам процесс, который привел к появлению человека современного физического типа. В последующее время южноафриканские памятники привлекались советскими авторами для подтверждения существования стадии пользования орудиями, предшествующей стадии их изготовления. Заметка С. А. Семенова (1958) обратила внимание на каменные предметы из Стеркфонтейна, которые оказались эолитами, хотя на том же местонахождении позднее нашли некоторое количество подлинных орудий.

Как в зарубежной, так и в отечественной литературе (правда, у нас — в меньшей степени) получила хождение версия, согласно которой обитатели африканских полостей карстового типа охотились на павианов, чьи многочисленные черепа были найдены вместе с костями газелей. Но предполагалось, что австралопитековые обезьяны охотились не при помощи каменных орудий, а при помощи готовых предметов — рогов, зубов, трубчатых костей животных. Одним из обоснований этого предположения служат вмятины на черепах павианов (а их было найдено более 20), которые якобы связаны с употреблением австралопитеками — обитателями этих полостей — костяных и роговых орудий. Теперь ясно, что такого рода аргументы не могут приниматься всерьез. Ведь невозможно доказать, что повреждения на черепах сделаны именно этим орудием, а не каким-нибудь другим, да и сами повреждения могут быть как посмертными, так и прижизненными и не отличаться одни от других. Но что являлось наиболее сильным контраргументом, так это тот факт, что обитатели пещер уже давно употребляли каменные орудия и не нуждались в рогах, зубах и кусках костей. В пользу такого мнения говорят и спорадические находки каменных орудий в самих пещерных полостях, и находки каменных орудий в слоях, синхронных южноафриканским местонахождениям с австралопитеками. Теперь полагают, что каменные орудия Стеркфонтейна или Кромдрая одновременны не ранним памятникам олдувайской эпохи (и уж тем более не предшествуют им), а ашельским памятникам или памятникам типа низа пачки II слоев Олдувайского ущелья.

Известно, что найденные на многих южноафриканских памятниках (на всех, кроме Стеркфонтейна) скопления костей животных не связаны с человеческой деятельностью, что сами памятники — не стоянки древнего человека, а только местонахождения, где встречаются остатки фауны, редко — скелетные остатки человека и в совершенно единичных случаях — каменные орудия, попавшие туда, так же как все отстальные материалы, случайно, но не потому, что именно на этом месте они из-

готовлялись или употреблялись древним человеком. Значит, связывать их с периодом, когда человек употреблял некие предметы (tool-using), но не умел изготовлять их, нет никаких оснований. Гипотеза Р. Дарта (Dart, 1957), предполагающая существование этапа, когда некое ископаемое существо умело пользоваться естественными предметами, но не умело изготовлять орудий, теперь оставлена почти всеми (Clark, 1970; ср.: Leakey L., 1965b), поскольку она решительно противоречит фактам. Можно было держаться такого заблуждения лишь до тех пор, пока не существовало охотничьих лагерей типа тех, что раскопаны в Танзании Л. Лики, а в Эфиопии Ж. Шавайоном.

Долина Стеркфонтейн, от которой получило название известное местонахождение остатков австралопитеков, находится в 32 км от Иоханнесбурга, в южной части Трансвааля. В пределах этой долины расположены три важнейших местонахождения: собственно Стеркфонтейн, Кромдрай, Сварткранс.

Местонахождение Стеркфонтейн — это холм, возвышающийся над уровнем р. Блаубанк на 30 м, сложенный из докембрийских доломитов. Первоначально здесь в материковой скале существовала серия пещер, промоин и глубоких шахт. Многие промоины образовались по естественным швам породы, наклоненным под углом 75°, другие — по разломам породы или там, где проходили жилы молочного кварца. Кроме того, были подземные пустоты, соединенные промоинами и заполненные в древности водой. Первоначально карстовые полости заполнялись щебнем, находясь ниже уровня воды. Щебень этот получался в результате движения воды по полостям внутри материковой скалы. Такая характеристика генезиса полостей равно относится к Сварткрансу и Кромдраю. Остатки фауны и костные остатки человека связаны с теми отложениями, которые образовались после понижения уровня воды. Предположительно это понижение можно связать с врезанием долины р. Блаубанк.

Далее на поверхности накопленного материала образовался полосатый травертин как результат почвенных процессов и вымывания карбоната. В это время накопление материала в полости прекратилось. Позднее в процессе изменения морфологии окружающего полость места появилась возможность замыва почвы прямо в полость. Одновременно происходило и попадание туда доломитового щебня. Эта часть отложений в последних исследованиях Ф. Тобайэса и Э. Хьюза (Tobias, Hughes, 1970) получила название верхней брекчии, а ранее эта толща именовалась средней брекчией и частью нижней (Robinson, 1962). Прослои доломитового щебня позволяют установить наклон древней поверхности под 30°, по-видимому, в сторону недалеко располагавшегося входа в пещеру. Наблюдаются и следы обвалов — масс обломочного материала и блоков доломита. Просачивающаяся вода пропитывала обломочный материал и рыхлые породы, так что впоследствии образовался плотный конгломерат, исследовать который можно было только дробя его на куски. Важным моментом для обитателей карстовых полостей было наличие водных источников в этих местах (Butzer, 1971).

Площадь брекчии, вмещавшей остатки гоминид, 59×16 м. Северо-западная часть ее, исследованная раньше всего, называлась типовым местонахождением (type-site). А продолжение местонахождения (site-extension) расположено к западу от основного (west-pit) и частично совпадает с ним по площади.

Прежняя стратиграфия памятника (до уточнения ее работами Э. Хьюза и Ф. Тобайэса) такова. В основном местонахождении главное — это красноватая нижняя брекчия мощностью 8 м; из верхней ее части были извлечены почти все костные остатки австралопитеков и многочисленные кости животных. Внизу брекчия состоит из больших плит и обломков доломита, погруженных в песчанистый ил красноватого цвета со щебнем. Это предположительно результат обвала в промоине, расширившего ее и превратившего в достаточно обширную полость (Butzer, 1971; Tobias, Hughes, 1970). Красно-коричневая брекчия, что перекрывает описанные слои, простирается к западу и считается средней брекчией. Из нее происходит большое количество каменных изделий, которые, как полагали ранее, имели одинаковое стратиграфическое положение. Тем самым вопрос синхронности австралопитековых (грацильная разновидность их) и каменных изделий решался отрицательно, что облегчало положение исследователей (каменные изделия, как известно, имеют ашельский облик).

М. Лики считает стеркфонтейнские находки принадлежащими развитому олдуваю. Но при этом надо учитывать, что она относит к развитому олдуваю все те совокупности каменных изделий, где рубил мало (не более 3%).

На основании новых работ на памятнике Ф. Тобайэс и Э. Хьюз установили, что брекчия Стеркфонтейна простирается далее к западу, не ограничивается ранее очерченной площадью. Исследователи полагают, что первоначально на месте нынешнего местонахождения была пещера, свод которой обрушился и огромные куски его видны (часть их Р. Брум принял за стену пещеры). Теперь Тобайэс и Хьюз рассматривают брекчию на новом, западном участке работ как единое целое. Восстанавливая стратиграфическое положение самого полного

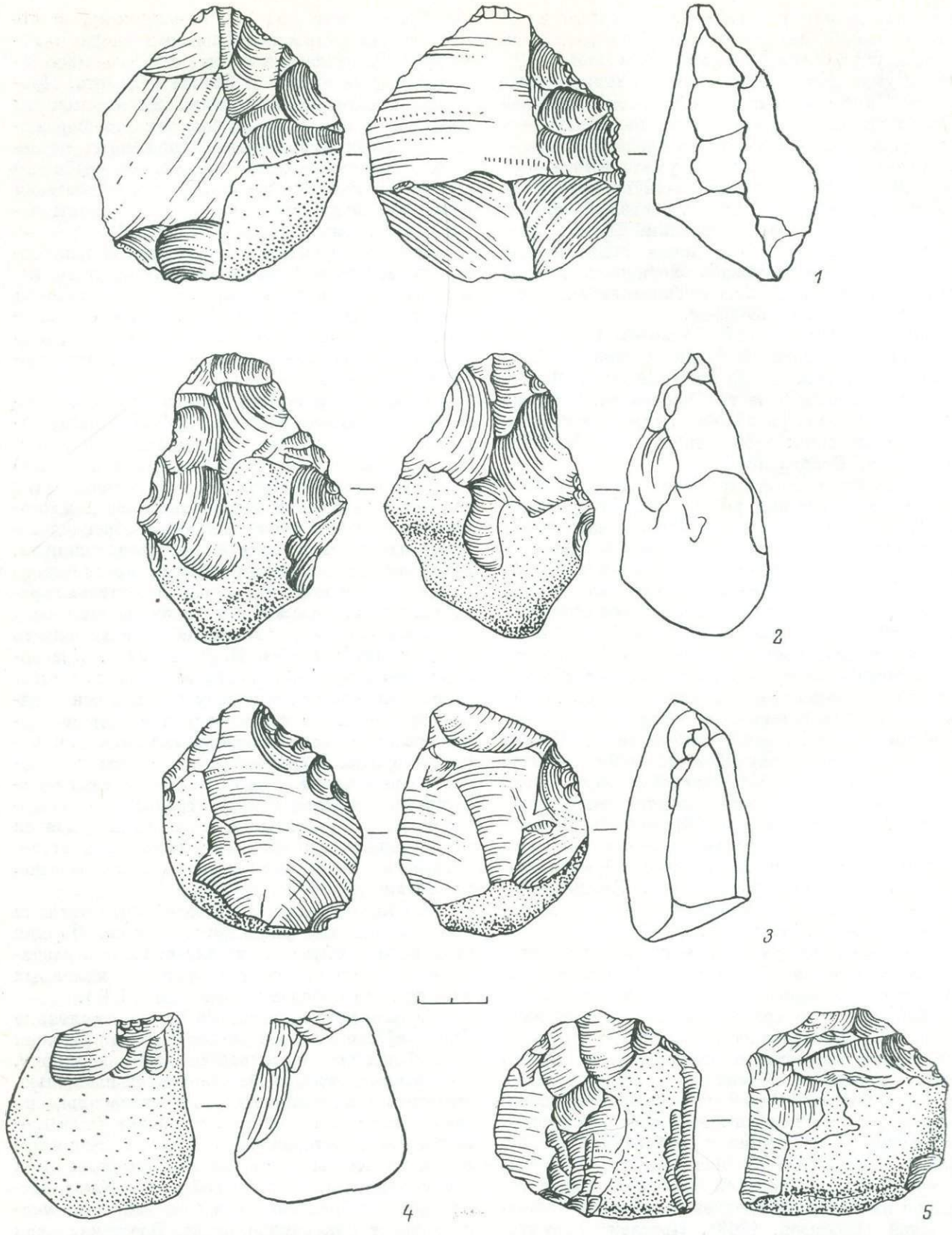

Рис. 27. Стеркфонтейн. По Р. Мэйсону.
1, 2 — рубила; *3* — скребло; *4* — ядрище; *5* — чоппер.

черепа из местонахождения — черепа плезиантропа 5 («миссис Плес»), они пришли к выводу, что так называемая нижняя брекчия вряд ли могла содержать находки, а череп 5 был найден в средней брекчии, ибо нижняя брекчия представляет собой стерильное заполнение трещины, тогда как средняя является заполнением пещеры. Нижняя брекчия предшествует заполнению пещеры, а именно на ней обосновывал свои заключения Ч. Брэйн. Современные исследователи предполагают, что огромное количество каменных изделий (более 2500; рис. 27) происходит с одного ограниченного участка, где они залегали горизонтально и были, таким образом, приурочены к строго определенному слою внутри брекчии. Их предположение подлежит проверке во время новых полевых работ. Пока же они основываются на том, что на поверхности части каменных изделий сохранились кусочки брекчии или просто они были погружены в куски брекчии (как известно, сначала брекчию взрывали, разбивали на куски, а потом эти куски породы с остатками австралопитеков и камнями исследовали в лаборатории).

Существует несколько предположений об агентах накопления костей животных в карстовых полостях Южной Африки. Ими можно считать леопардов, дикобразов, саблезубых кошачьих хищников (кости с такими погрызами немногочисленны) и, наконец, сов, но погадки сов составляют особый слой. Кости, которые были бы расколоты так, как это наблюдается на стоянке палеолитического человека, в Сварткрансе составляют примерно 7%. Если оставить в стороне кости грызунов, ящериц и т. д., скопившиеся в результате обитания сов, то по отношению к другим костям можно говорить, что они были занесены в полость вместе с породой, которая затекла туда извне. Характер большинства костей в Сварткрансе (кости черепа, лицевого отдела и свода, челюсти, рога, некоторые длинные кости) дает основание в последние годы рассматривать кости в полостях Южной Африки главным образом в качестве остатков добычи леопарда, тем более что и сама обстановка полости напоминает те места, где леопарды теперь имеют обыкновение поедать добычу (Brain, 1969).

В Стеркфонтейне обнаружены кости следующих животных: обезьян (павианов), зайцев, грызунов, гиен, леопардов, саблезубых тигров, лошадей, свиней, антилоп или газелей, ящериц.

Теперь существует мнение, будто фауна Стеркфонтейна дает основание предполагать гораздо более древний возраст памятника — не ранний плейстоцен, а плиоцен. Надо только отметить, что это мнение основано на фаунистических показателях, а не на каменных орудиях, которые относятся к развитому олдуваю (по М. Лики) или к раннему ашелю (по более общепринятой классификации). Б. Кук, определяя возраст Стеркфонтейна относительно других стоянок, абсолютный возраст которых известен, считает возможным поместить его где-то ранее 2 млн лет назад (Cooke, 1963). Основные аргументы Кука — не морфологические совпадения фауны Южной и Восточной Африки, а только процентное отношение вымерших форм к общей массе найденных видов. Этот способ может только приблизительно ориентировать, но не может дать столь точных данных, на которые обычно рассчитывают. Специалисты по фауне подчеркивают, что фаунистические комплексы южноафриканских карстовых полостей — комплексы, накопленные в особых тафономических условиях; из-за этого они не сопоставимы по списку видов ни с открытыми аллювиальными местонахождениями, ни с палеолитическими стоянками. Общих видов с фауной Северной Африки не отмечается вовсе; совпадения с фауной Восточной Африки немногочисленны. Слоны отсутствуют в полостях Южной Африки, только павианы есть в Восточной и Южной Африке, но разные их виды. Некоторые роды свиных сходным образом представлены в обоих регионах: Notochoerus euilus имеется и в Макапане, и в Кайзо.

Поскольку изучение всей совокупности фауны не привело к определению возраста южноафриканских памятников, то были предприняты попытки углубленного, более частного анализа остатков гиен и антилоп: именно эти семейства обещали успех в определении возраста при сопоставлении с прочими фаунистическими комплексами, потому что антилопы особенно обильны в стеркфонтейнском фаунистическом комплексе.

Анализ остатков антилоп еще раз продемонстрировал своеобразие фауны Африки с плиоцена или с самого начала плейстоцена и отличие фауны стеркфонтейнского этапа от фауны стадии корнелия. Анализ остатков гиен показал только, что нет основания для фаунистических сопоставлений между Олдуваем и Южной Африкой, ибо общим оказался только один вид гиен. Приходится еще раз подчеркнуть, что имеющихся в литературе сведений недостаточно для ответа на вопрос, были ли карстовые полости Стеркфонтейна местом обитания человека или, напротив, все известные нам остатки — результат вторичных процессов, результат заноса туда разными агентами. Точка зрения на природу африканских пещер меняется, как и представления о хронологии стеркфонтейнских находок.

Сварткранс относится к числу местонахождений Южной Африки, которые дали наиболь-

шее число материалов. Ч. Брэйн считает, что там были найдены остатки минимум 60 особей австралопитековых, главным образом типа массивных, или парантропов (Brain, 1969). Местонахождение это определяется Д. Пилбимом как более молодое, чем Стеркфонтейн, но не моложе 2 млн лет (Pilbeam, 1972).

Находки костей приматов связаны с брекчией розоватого цвета, откуда происходят и многочисленные кости животных. Эта брекчия залегает не горизонтально, а наклонно и притом довольно круто. По-видимому, находки в карстовой полости первоначально залегали на поверхности, а потом свалились через шахту на дно новой карстовой полости. Накоплявшаяся порода располагалась так, что в середине проходило ребро, и совершенно одновозрастные материалы могли, падая в шахту, оказаться на разных уровнях, а разновозрастные предметы или кости — в одних и тех же слоях. Может быть, это объясняет, почему в Сварткрансе каменные орудия имеют ашельский характер, а фауну из этой пещеры относят к доашельскому времени.

Состав костей, найденных в Сварткрансе, пропорции разных отделов скелета привели Ч. Брэйна к заключению, что животные были добычей либо хищников, либо человека. Отсюда происходят два наиболее целых черепа австралопитековых. Это, видимо, черепа самок, и относятся они к массивным австралопитекам. Объем мозга, вычисленный именно по материалам Сварткранса, дал 530 см^3 (вычислено, в частности, по найденному здесь эндокрану; см: Holloway, 1970), и это определение считается самым надежным. Наиболее важное обстоятельство, ставшее известным в последнее время, то, что найденные здесь ранее остатки совершенно иного (как тогда думали) гоминида, названного телантропом, оказались сочленяемыми с остатками черепа парантропа (Clarke e. a., 1970). Отсюда следует, что разница между парантропами, или массивными австралопитеками, и прогрессивными существами того же времени, хабилисами, грацильными австралопитеками и телантропами, преувеличена. Возможно, она является не следствием родовых или даже видовых различий внутри рода, а отчасти показателем полового диморфизма, отчасти показателем хронологического различия. Новое существо, получившееся в результате соединения этих костей, порой определяется как существо типа питекантропов—синантропов. Оно отличается от массивных австралопитеков: зубы мельче, а лицо и нижняя челюсть менее массивны, чем у прочих остатков из того же местонахождения. Д. Пилбим воздерживается от оценки величины объема мозга остатков из Сварткранса, указывая на то, что черепа сильно повреждены. Череп менее массивен, имеет более тонкие кости свода и большую округлость его, менее массивные грани для мышц и гребень меньших размеров. Если зубы действительно можно было бы сравнивать с зубами Homo erectus, то череп не таков — у него слишком тонкие кости, а мозг слишком мал для питекантропа. Его скорее можно отнести к потомкам африканского австралопитека и считать близким к Homo habilis. Новая оценка остатков австралопитеков из Сварткранса вместе с тем указывает на возможность той трактовки, которую предлагают Л. Брэйс и Р. Лики: различия между австралопитековыми — это различия второго порядка, например различия, определяемые полом, но отнюдь не межвидовые. Между всеми австралопитеками, как бы они ни были удалены друг от друга морфологически, много общих черт; это существа, стоящие на одном уровне развития. Даже череп нового существа (1470), найденного в Кооби-Форе, при всей необычной величине мозга, тем не менее помещается в те гипотетические пределы вариации его объема, которые были вычислены на основании известных ранее находок (422—810 см^3; Holloway, 1970). Тонкость костей свода черепа 1470, их округлость находит соответствие в строении черепа Homo habilis и африканских австралопитеков. Как показывают найденные в Сварткрансе остатки телантропа, иногда признаки разных австралопитеков, считавшихся ранее межвидовыми, совмещаются на одном черепе.

Анализ каменных орудий из Сварткранса представил сюрприз для исследователей. В них нет никакой архаики, это не олдувай, а ашель, и притом производящий впечатление сложившегося.

Всего М. Лики проанализировала 27 изделий. Из них 11 чопперов, три рубила, кливер (колун) и два предмета, определяемые ею как массивные скребла (иногда она так определяет чопперы). Один из этих предметов — точно чоппер (судя по ее рисунку). Всего три отщепа изготовлены из кварцита. Общий облик каменных изделий Сварткранса — весьма развитый ашель. Лики, согласно своим критериям, определяет этот комплекс как развитый олдувай (Leakey M., 1970a, 1970b).

Таким образом, получается необъяснимое пока противоречие между возрастом каменных орудий, бесспорно ашельским, и возрастом костных остатков из того же самого местонахождения. Столь же противоречиво и сочетание существа, близкого к питекантропам, и австралопитека (притом в массивной разновидности, представители которой многими считаются скорее обезьянами, чем людьми — изготовителями орудий) с ашельским составом орудий.

Пока это противоречие может быть объяснено только тем, что в полость попали разновременные материалы. Другого объяснения такому противоречивому стечению обстоятельств исследователи Сварткранса не предлагают.

Основные аргументы в пользу существования особой индустрии из готовых предметов (кости и рога) почерпнуты не в Стеркфонтейне, а в Макапане (Трансвааль, долина Макапан; Dart, 1957). Это такая же полость в доломитовых известняках, как и Стеркфонтейн, с брекчией внутри нее и с многочисленными костями животных. Там Дарт собрал несколько десятков тысяч костей и доказал, что внутри этой совокупности нет их нормального распределения (что, по его мнению, теперь отвергнутому, доказывало намеренный отбор костей австралопитеками). Костные остатки из этой полости относятся к австралопитекам грацильной разновидности.

Некоторые общие вопросы антропогенеза

Основная проблематика, связанная с австралопитековыми, — это отношение их в генеалогическом плане к человеку — творцу каменных орудий и жилищ, к тому существу, которое могло регулярно убивать гигантов животного мира Африки — слонов, буйволов, жираф (Якимов, 1951; Зубов, 1973; Howell, 1965; Kurten, 1972; Pilbeam, 1972). Для представления о самом процессе превращения обезьяноподобных существ в человека важно получить ответы на следующие вопросы: происходило ли это постепенно или достаточно быстро, все ли существа типа австралопитека превратились в людей или на Земле долго жили родственные им существа, не ставшие людьми, не перешедшие к трудовой деятельности. Наконец, один из интереснейших вопросов в этом ряду — имелись ли резкие морфологические различия между существами, потенциально способными перейти к разумному труду (например, массивными австралопитеками), и существами, которые уже проделали такое превращение и уже использовали свои органы для сложных процессов, требующих умственных усилий (Homo habilis и человек 1470).

Согласно общепринятой гипотезе эволюции человека (развития рода Homo), весь период палеолита — это длинный путь, на протяжении которого формируется человек современного физического типа (Homo sapiens). Он возникает в эпоху верхнего палеолита, по-видимому, не ранее 35 тыс. лет тому назад (Рогинский, Левин, 1963). Эта гипотеза весьма солидно обоснована наблюдениями над физическим строением ископаемых людей, их скелетных остатков. Людей современного типа (Homo sapiens sapiens), которые были бы древнее второй половины последнего оледенения, пока не найдено. Некоторые находки или вызывают сомнения относительно свой датировки (долина р. Омо), или же не являются остатками людей современного физического типа в полном смысле слова (Сванскомб, Фонтешвад). Хотя в их строении и есть отдельные признаки, сближающие их с людьми современного физического типа, но по большинству морфологических признаков они остаются на одном уровне со своими современниками — с Homo erectus или с Homo sapiens neanderthalensis.

Известный антрополог А. Валлуа выдвинул гипотезу возникновения человека современного физического типа (Vallois, 1958). Он предположил, что некий вариант ископаемого человека, близкий к человеку современного физического типа, возник очень рано, на заре человечества, даже до возникновения людей типа Homo erectus. В этом случае многочисленные остатки Homo erectus могут рассматриваться лишь как боковые ветви развития человека или результаты смешения настоящих людей (без надглазничного валика, свойственного и палеоантропам, и их предшественникам со значительным объемом черепа) со своими отсталыми побочными родственниками. Хотя большинство советских антропологов и отвергало эту гипотезу, но они исходили не из мысли, что такая гипотеза неверна в своих методологических основаниях, а из сомнений в наличии ископаемых объектов, которые бы ее подтвердили (Рогинский, 1969). С точки зрения общих представлений об эволюции видов, в этом предположении нет ничего невероятного. Именно таким путем — путем радиации, резким уклонением от основного направления — появились многие роды животного мира. Идею адаптивной радиации применительно к эволюции австралопитековых развивали многие авторы (Якимов, 1964; Robinson, 1963). Эта идея была детально обоснована А. Валлуа в монографии о скелетных остатках человека из Фонтешвада, которые, как он полагал, подтверждали его гипотезу (Vallois, 1959). Сторонником такой гипотезы являлся и Л. Лики (Leakey L., 1965b). Он предположил примерно тот же путь возникновения Homo sapiens, но опирался на другие материалы. В частности, он увидел возможное подтверждение такой гипотезы в своих африканских находках. Для него находка остатков самого древнего существа, изготовлявшего орудия, послужила основанием для предположения об отдельном стволе развития если и не человека современного физического типа, то во всяком случае существа, близкого ему и не родственного так называемому шелльскому че-

ловеку (Homo erectus) с его мощным надглазничным валиком. Кроме грацильности в строении черепа (собственно, только теменной кости — прочие не сохранились) гоминида 7 (по системе обозначения, принятой для ископаемых остатков человека в Олдувайском ущелье), в пользу такого предположения указывает, как считает Р. Лики (Leakey R., 1973), еще и новая находка в Кооби-Форе — череп 1470. Во всяком случае нельзя не принимать во внимание, что помимо наиболее распространенной точки зрения, согласно которой человек — это результат медленного продвижения с одного уровня на другой, существует и другая, пока менее популярная точка зрения, что уже в начале четвертичного периода имелись такие популяции, у которых признаки, свойственные современному человеку, выражены гораздо более определенно. Возможно, что у нашего гипотетического предка были тонкие кости черепного свода и отсутствовал ярко выраженный надглазничный валик. И этим он принципиально отличался от питекантропов и неандертальцев.

Вторая, не менее важная проблема, связанная с происхождением человека, — проблема грани между животным и человеком (Якимов, 1968). Важно знать, испытало ли промежуточное существо, которое претерпело превращение из обезьяны в человека, коренное изменение в морфологии в момент этого превращения? Казалось бы, ответ совершенно ясен сам собой — изменение образа жизни привело к изменению морфологии трансформирующихся существ. Однако наблюдения за их морфологией дали обескураживающие результаты. Если согласиться с тем, что имел место длительный процесс эволюции человека со ступени Homo habilis к ступени Homo erectus, то получается, что все время до наступления ступени Homo erectus изменений в морфологии ископаемых существ, перешедших к труду с применением каменных орудий, не происходило (Кочеткова, 1973). Более того, не наблюдается и серьезной разницы между «двоюродными родственниками» человека — австралопитеками и теми гоминидами, которые на протяжении по крайней мере миллиона лет вели образ жизни, свойственный человеку. Это обстоятельство и заставило обозначить австралопитеков и существ, относительно которых более или менее обоснованно предполагают, что они изготовляли орудия, строили жилища и занимались охотой, двойным родовым термином — Homo/Australopithecus africanus.

Правда, с накоплением новых сведений картина коренным образом изменилась, и довольно обоснованной кажется точка зрения тех исследователей, которые не находят среди австралопитеков представителей разных родов и видов. Одновременно заполнилась и лакуна, предшествовавшая находкам в Олдувае I (возраст которого 2 млн лет). Однако при этом были найдены более примитивные существа. Оказалось, что и несколькими миллионами лет ранее жили не предки австралопитеков или предки Homo habilis, а, напротив, те же самые австралопитеки. Таким образом, проблема грани между людьми и животными не была решена с появлением новых находок, а приобрела новые очертания. Теперь приходится обращать внимание не столько на хронологические границы между древним человеком и его предшественниками, сколько на морфологическую разницу между человеком и теми существами, которые были близки к нему по строению, но отличались от него по своему поведению. В последнее время намечается совершенно неожиданное решение этого вопроса. Возможно, что все существа, которые были современниками человека, двуногими с крупным мозгом, умели изготовлять орудия и трудились с их помощью. Вне зависимости от их большего или меньшего примитивизма, но в пределах, очерченных, с одной стороны, прямохождением, развитой морфологией обеих конечностей, а с другой — крупным мозгом, все они основывали свое существование на получении пищи благодаря орудиям из камня, кости и дерева. Среди них имелись и такие, которые обладали чертами сходства с обезьяной (гребни на черепе для прикрепления мышц, особенности в строении бедренных костей, массивность челюстей и зубов), другие же, напротив, были весьма близки к людям типа синантропа и питекантропа, хотя и не отрывались значительно по той же морфологии лицевого отдела от австралопитеков. Прямолинейной картины развития мозга и руки под влиянием трудовой деятельности в процессе эволюции каменных орудий от предорудий к галечным и далее — к ашельскому набору орудий, ожидавшемуся некоторыми исследователями, не получилось.

Кажется, что объяснение наблюдаемым фактам можно найти в учении А. Н. Северцова (1948) об ароморфозе. Этот крупнейший специалист в области эволюции полагал, что изменения организмов, хотя и представляют собой приспособление к внешней среде, тем не менее никогда не являются точным ответом на заказ природы. Эволюция происходит скачкообразно, и при этом во вновь возникшей форме всегда есть некий запас способностей, не реализуемых непосредственно, как бы ненужных виду в данный момент, но полезных для него в дальнейшем. У вида оказываются скрытые возможности, которыми он сумеет воспользоваться только в процессе своего длительного существования, но не сразу же по возникнове-

нии. Вид, таким образом, может приспосабливаться, изменять формы поведения, не меняя морфологии своих органов. Это «прыганье на ступеньку с запасом» и приводит к тому, что процесс эволюции приобретает прерывистый характер. Кажется, что возникновение существ типа австралопитековых как раз и было ароморфозом. Уже где-то около 5, а может, и 10 млн лет тому назад существовали австралопитеки, которые ходили на двух ногах и обладали мозгом, достаточно сложным для того, чтобы обслуживать не только собирательство и случайную охоту на животных (Урысон, 1970). Их мозг, не меняясь коренным образом, мог выполнять и более сложную работу, необходимую для изготовления орудий труда, для процессов, требующих предвидения, планирования действий вперед на значительный отрезок времени. Как известно, уже мозг шимпанзе оказался способным на столь сложные задачи, как обучение детеныша изготовлению простейшего орудия, организация охоты на животных коллективом и т. д. Очевидно, что на это был способен мозг и более высокоорганизованного существа, которое мы определяем как Homo / Australopithecus africanus.

Важнейшей проблемой, с трудом решаемой при настоящем состоянии наших знаний, является отношение между двумя основными разновидностями австралопитековых — более грацильными и такими, которые отличались большей массивностью, большим весом тела и большим объемом мозга. По мнению Д. Робинсона (Robinson, 1963), разница между ними должна объясняться их различной адаптацией. Если массивные австралопитеки были ориентированы в большей степени на растительную пищу, то грацильные — на мясную (при общей всеядности). При этом во внимание в основном принималось строение зубов — более крупные коренные и предкоренные у массивных австралопитековых и менее крупные зубы у грацильных разновидностей (Pilbeam, 1972). Однако эта гипотеза, принятая и советским исследователем В. П. Якимовым (1966, 1973), оспаривается специалистами различных направлений. Так, Л. Лики указал, что современные обезьяны с разным питанием не различаются по строению своих зубов (Leakey L., 1965b). Другие исследователи обращали внимание на то, что эти виды, собственно, находились в одинаковых природных условиях, и поэтому трудно предполагать различное приспособление. Можно только, самое большее, говорить о различных экологических нишах, но не о хронологических разновидностях, которые существовали в условиях более раннего — влажного и более позднего — сухого климата. Обращалось также внимание на то, что в стаде современных обезьян можно найти большую разнородность, больший размах вариаций, чем среди австралопитековых. Отсюда отрицалось и подразделение австралопитековых на два вида. Порой некоторые исследователи даже были склонны объяснять все различия только половым диморфизмом. Ясно также, что нельзя представлять разновидности австралопитековых как хронологические модификации. Массивные австралопитеки не могли развиться из грацильных (Robinson, 1963). Все эти вопросы, казалось бы, узко специальные, имеют общее значение, поскольку связаны с тем, имелись ли у человека боковые ветви, «двоюродные родственники», являются ли австралопитеки частью того ствола, который приводит в конце концов к человеку, или они действительно представляют собой тупиковую ветвь. Появились новые материалы из Кении, Эфиопии и пересмотрен возраст брекчий с находками австралопитековых в Южной Африке (Pilbeam, 1972). Теперь известны находки и грацильных, и массивных австралопитековых возраста до 5 млн лет. Кажется, таким образом, что есть основания для удревнения австралопитековых.

Ряд исследователей считает, что отделение понгидной линии от гоминидной произошло более 12 млн лет тому назад. Некоторые решаются отнести в столь далекую древность начало прямохождения (Урысон, 1970; Pilbeam, 1972), поскольку прямохождение австралопитековых теперь — общепринятое положение. Отсюда ясно, что возникновение человека включало два различных момента. С одной стороны, только новые условия — новые виды деятельности определили такие стороны человека, как относительно крупный мозг или относительно короткое лицо и выраженный подбородочный выступ. Но другие особенности строения человека возникли вне связи с трудовой деятельностью — с изготовлением и употреблением орудий. Таковы прямохождение и, видимо, зубная система — челюсть, где не было мощных клыков. На основании последних методически более совершенных измерений объема мозга черепа австралопитека Р. Холлоуэй определяет пределы вариаций от 422 до 810 см^3 (Holloway, 1970). Измерения трех наиболее полных черепов австралопитековых дало 633, 652 и 684 см^3. Для нового черепа — KNM-ER-1470 — характерно высокое морфологическое совершенство в строении: тонкие кости черепного свода, относительно отвесное положение теменных костей, большой объем мозга (800 см^3). Поэтому можно предположить как один из возможных вариантов возникновения человека равное участие всех ископаемых гоминид в процессе его становления. Другими словами, не было главных претендентов на роль становящегося че-

ловека (Homo habilis или человека 1470) и его побочных родственников, не было главных путей и боковых, тупиковых ветвей в филогенезе человека и его предков.

Многими исследователями для установления человеческой природы того или иного вновь найденного гоминида привлекался так называемый орудийный критерий.[1]

Сначала казалось, что решающим аргументом при определении первого человека будет совместное нахождение костей человекоподобного существа и намеренно изготовленных орудий. Когда были найдены орудия, представлявшие бесспорно более древнюю археологическую эпоху, чем ашель, встал вопрос, кто же изготовлял их. Часть антропологов полагала изготовителя олдувайских орудий более примитивным существом, чем питекантроп или синантроп, другие считали, что каменные орудия может изготовить только существо, не более примитивное, чем люди уровня Homo erectus. Такой точки зрения придерживаются многие отечественные антропологи (В. П. Якимов, В. И. Кочеткова, А. А. Зубов). Применение «орудийного критерия» к находкам питекантропа и синантропа подтвердило их человеческую природу, когда были найдены не только костные остатки ископаемого человека на Яве, но и остатки синантропа в пещере Чжоукоудянь и остатки атлантропа вместе с рубилами ашельского времени. Это обстоятельство вместе с тем порой рассматривается как положительный случай использования «орудийного критерия».

В 60-х гг. были найдены остатки гоминида, которого теперь определяют как зинджантропа (или массивного австралопитека), в соединении с каменными орудиями. Напрасно сомневались в связи черепа с орудиями — дело было не в сомнительности этой связи, а в морфологии черепа: мощный сагиттальный гребень, развитые площадки для прикрепления мышц, соединяющих мозговую коробку с нижней челюстью, — все говорит о специализированности этого существа. И вместе с объемом мозга, массивной челюстью и крупными зубами его морфологическая характеристика заставила отвергнуть предположение, что перед нами — древнейший человек, родоначальник рода Homo. Следующий случай совместного нахождения орудий и гоминид — это находка существа, ныне обозначаемого как Homo habilis или Australopithecus habilis. Одни антропологи признавали его человеком, а другие такое предположение отвергали.

На этот раз были использованы не только чисто морфологические аргументы, но и положение нового черепа во времени относительно предыдущего — он был древнее черепа зинджантропа, но совершеннее его. Стало быть, Homo habilis не мог быть предшественником зинджантропа. И если первый был истинным человеком, то им не мог быть зинджантроп. Однако и в данном случае совместного нахождения с орудиями для доказательства оказалось недостаточно — на этот аргумент уже никто не обратил внимания. Спор разгорелся вокруг морфологии нового черепа, вокруг объема его мозга, поскольку этот признак измерим и наиболее удобен при обсуждении степени близости к последующим бесспорным представителям рода Homo и сходства с австралопитеками. Одни исследователи указывали на сходство нового представителя ископаемых людей с австралопитеками, другие — на отличия от них и потому относили его к роду Homo.

Еще более сложным положение стало после находки человека 1470. Поскольку он древнее человека из Олдувайского ущелья, то приходится, признавая его родоначальником рода Homo, изъять Homo habilis из числа истинных гоминид или отказаться от логической предпосылки, лежащей в основе таких рассуждений (морфологическая однотипность первоначальных людей в противоположность разнообразию австралопитековых — их побочных родственников). Ряд антропологов склонен считать, что массивные и грацильные австралопитеки — это один вид или по крайней мере один род. И этот род (вид) сходен с самым совершенным представителем конца плиоцена—начала плейстоцена — с человеком 1470, если в число австралопитековых включить Homo habilis.

Обратим внимание на то обстоятельство, что природа человека 1470 определяется не на основе совместного нахождения его с орудиями — для всех достаточно того, что он существовал одновременно с каменными орудиями олдувайской эпохи. Главный аргумент — морфологическое совершенство новой находки, в частности большой объем мозга.

После нескольких проб и ошибок можно сказать, что археология может доказать присутствие каменных орудий для какого-то периода. Из этого, зная время существования ископаемого человека, можно вывести, что он был современником искусственно изготовленных орудий. Но совместное нахождение гоминида и орудий на одной стоянке (как и прочие обстоятельства контекста палеолитической стоянки) не может доказывать, что найденные орудия изготовлены именно этим гоминидом. Это правило не распространяется на более поздние эпохи.

[1] Термин «гоминид» употребляется в смысле, близком тому, что придает этому термину М. И. Урысон, — представитель семейства человечьих, но не обязательно рода Homo, прямоходящее существо с сильно развитым мозгом.

Нужно сознаться, что в распоряжении археологов нет способов доказать связь найденных скелетных остатков с каменными орудиями, даже если они найдены в одном слое. «Орудийный критерий» следует понимать как философскую категорию, а не как практический способ отличить человека от прочих синхронных ему высших приматов. Поскольку сейчас уже есть несколько находок гоминид, которым с равным правом на основании этого критерия приписывают сознательный труд, приходится выбирать между ними, и единственным критерием будет морфологический. Стало быть, придется основываться на неких предпосылках, которые можно принять, а можно и не принимать. Надо решить, считать ли всех гоминид конца плиоцена — начала плейстоцена ведущими человеческий образ жизни или допустить, что часть их представляла собой обезьян, хотя морфологически и была близка к гоминидам, существовавшим благодаря использованию орудий.

Если принять второе допущение, придется пойти дальше и определить морфологическую границу между обезьянами и первыми людьми. До сих пор нет ясной постановки этих вопросов. Свидетельство — отсутствие даже родового определения человека 1470. Спорен и статус Homo habilis, хотя все употребляют этот термин, даже те, кто не относит это существо к роду Homo.

Не предлагая ответа на вопросы, безусловно требующие антропологических знаний, отметим лишь возможные варианты.

Согласно наиболее рано определившейся точке зрения, все австралопитеки представляют собой тупиковую ветвь. Им не суждено было в своем развитии перейти к человеческому образу жизни. К этой группе относится и Homo habilis. В данном случае род Homo начинается только с людей типа синантропа и питекантропа.

Сторонники такой точки зрения своего отношения к новой находке — человеку 1470 — еще не высказали. Согласно их логике, и его придется отнести к австралопитекам, но к крайней их разновидности. Сложность заключается в совершенстве морфологии нового ископаемого человека, в существовании таких признаков, по которым он превосходит Homo erectus, а последний может рассматриваться как уклонение от линии, ведущей к Homo sapiens.

Сторонники другой точки зрения предполагают, что род Homo начинается раньше — с Homo habilis — и только австралопитеки представляют тупиковую ветвь; они, несмотря на двуногое хождение и значительный объем (относительно малого веса их тела) мозга, не вели нового образа жизни, свойственного людям. Слабость этой точки зрения — в малой морфологической разнице между Homo habilis и грацильными австралопитеками.

Промежуточная позиция, учитывающая это обстоятельство (близость австралопитеков и Homo habilis), предполагает двойное название для самых ранних людей: Australopithecus habilis.

Суммируя перечисленные точки зрения, приходим к выводу, что австралопитеки составляют единую группу, возможно один вид, к ним близки существа типа Homo habilis, а через него вся группа соединяется с человеком 1470. Если такое рассуждение правильно, то это дает повод для признания трудовой деятельности как основы существования всех перечисленных гоминид, а тем самым отбрасывается предпосылка, предполагающая непременное наличие тупиковой ветви. Не отрицая обоснованности иных точек зрения, развиваемых многими специалистами, хотелось бы обратить внимание и на последнюю гипотезу, несмотря на ее кажущуюся крайность.

Ашель в Восточной Африке

Рассмотрение новой эпохи — ашеля — удобнее начать опять-таки с Олдувайского ущелья, поскольку это один из немногих памятников, где благодаря многослойности ряда стоянок можно увидеть первые моменты ее существования.

Прежде всего в высшей степени интересен вопрос: как происходил переход от олдувайской ступени к древнему ашелю. Поскольку этот вопрос прямо интересовал исследователей Олдувайского ущелья, то они выбрали для раскопок из многочисленных пунктов Олдувая такой, где были два слоя, относящихся именно к этому переходному моменту. Но теперь по сравнению со временем публикации первой монографии об Олдувае (Leakey L., 1951) ситуация осложнилась. Во-первых, выяснилось, что деление на пачки I и II не отражает перехода от виллафранка к среднему плейстоцену, напротив, низ и средняя часть пачки II характеризуются фауной (и индустрией), типичной для пачки I. Для индустрии в пачке II был предложен термин «развитый олдувай». Л. Лики полагает, что и нижняя часть пачки II отражает условия виллафранкского времени.

В пункте HWK-East Олдувая были обнаружены два слоя: один относился к самому низу пачки II, другой — к верху пачки II и лежал на 3.6 м выше ее основания (см. схему, с. 68). Оказалось, что нижний слой, как и следовало ожидать, содержал типичную индустрию олдувайской культуры, а верхний (верхняя часть

пачки II — выше маркирующего горизонта) — развитую олдувайскую индустрию.

Нижний слой залегал в глинистых отложениях толщиной порой всего лишь несколько сантиметров, на эродированной поверхности туфа, разделяющего пачки I и II. Здесь встречались отбойники (22 экз.), было несколько многогранников, проторубил, крупных скребел. Изделия из отщепов отсутствовали. Мало было также и отходов производства — отщепов без ретуши. Больше, чем на других стоянках, найдено разного рода камней, намеренно принесенных на стойбище. Под проторубилами (или протобифасами) М. Лики понимает чопперы с приостренным лезвием, более последовательно оббитые, с большим количеством негативов, чем у прочих чопперов. Но лишь один такой чоппер ей напомнил примитивное, упрощенное рубило. Количественное соотношение орудий таково: на 35 чопперов разного вида приходится только три массивных скребла и столько же проторубил.

Орудия развитого олдувая происходят из верха пачки II. Материал стоянки HWK-East, выбранный для анализа, не полон; так, брался весь материал какой-то одной траншеи из нескольких, заложенных на памятнике. Поэтому все заключения об облике материала сугубо предварительны. Слой залегает в песчаном конгломерате, но окатанными являются только немногие предметы. Это один из самых ранних слоев после климатического перелома, обозначенного слоем туфа. Орудия в основном сделаны из кварца, реже — из каменистого сланца, применявшегося для изготовления отщепов. Главный вид орудий — чопперы; они, как и в раннем олдувае, составляют примерно треть всех изделий со вторичной обработкой. По сравнению с нижним слоем того же памятника здесь встречено несколько больше скребел. Но пропорции групп (например, многогранников или полиэдров) остались прежними. Среди скребел заслуживает внимания группа поперечных скребел из кварца, но у них плохо просматривается ретушь. Другое дело — скребла из кремнистого сланца, среди которых много квадратных (т. е. многолезвийных) и овальных. Отмечается тщательность ретуши, но ретушированный рабочий край, по наблюдениям М. Лики, всегда слегка зубчат. Нересушированные отщепы составляют лишь 56% от общего количества.

Таким образом, некоторые группы населения на протяжении довольно долгого времени — уже в среднем плейстоцене — продолжали употреблять традиционные формы и приемы обработки камня, успевшие у их соседей смениться иными, более прогрессивными — ашельскими. Стало быть, развитие техники обработки камня шло отнюдь не тождественно у соседних коллективов. Однако из-за немногочисленности памятников, столь отдаленных от нас во времени, трудно определить, было ли то несколько коллективов с архаичными орудиями, составляющих некое единство, или существовали единичные группы охотников, отставшие от своих соседей. Такая особенность каменного инвентаря — не единичный случай. Например, набор орудий, аналогичных орудиям пункта HWK-East II, был найден на стоянках BK II (рис. 28) и TK II (верхний из двух ее слоев; рис. 29, 30). Правда, эти стоянки уже содержат немного рубил и их принадлежность к той же самой группе, что и стоянка HWK-East II, может быть поставлена под сомнение. Сама М. Лики держится даже точки зрения, что в пачке II следует различать не две, а три традиции. Третью она видит (хотя и несколько непоследовательно) в памятниках, где, по ее мнению, две первые традиции сосуществуют. В настоящее время проверить справедливость высказываний М. Лики невозможно. Она заранее подчеркивает, что количество рубил в разных шурфах в пределах одного и того же памятника варьирует. Она рассматривает первые две традиции как не связанные между собой, из которых традиция рубил — пришлая, а традиция чопперов — местная.

К числу смешанных стоянок М. Лики относит MNK II, FC II и FC II-West. Стратиграфически они располагаются в средней части пачки II. В качестве критерия смешанности она предложила границу в 3% рубил. Те стоянки, что содержат меньше 3% рубил, относятся ею к развитой олдувайской культуре, те, что больше 3%, являются результатом контакта ашельцев и олдувайцев. На стоянке MNK были найдены четыре целых рубила, притом достаточно разных: таких, у которых основание округлое, с коркой, и двухконечных, более тщательно отделанных. Определенные типы их пока не выделены, есть лишь поштучное описание изделий. Но большинство орудий — это чопперы; их было найдено 16 экз. Много и сферических изделий. Скребла — только такие, которые изготовлены из кусков породы, оббитых со всех сторон, а не из отщепов.

Вслед за вопросом о соотношении олдувая и ашеля перейдем к собственно нижнему ашелю на материалах Олдувайского ущелья.

Из всех стоянок нижнего ашеля М. Лики кратко описывает лишь одну — EF-HR (см. схему, с. 68; рис. 31—33). Культурный слой этого памятника залегает на 2.4 м выше эолового туфа, отделяющего виллафранкскую часть пачки II от среднеплейстоценовой (маркирующий горизонт II). Культурные остатки встречаются по обе стороны древнего потока, в гли-

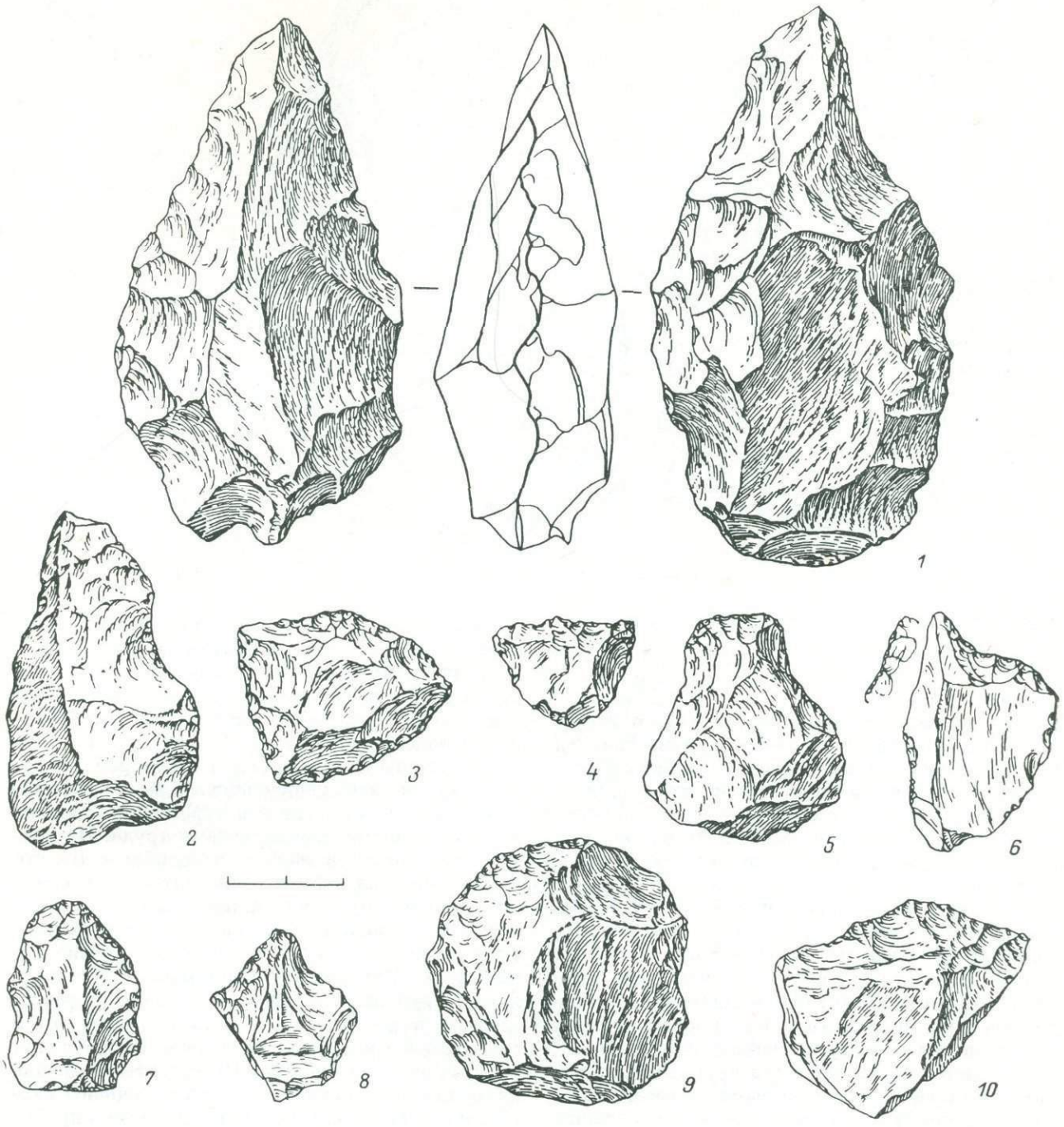

Рис. 28. Олдувай. Стоянка ВК. Ашель. По М. Лики.

1 — рубило; *2* — выемчатое орудие; *3*, *4*, *9*, *10* — скребла; *5* — скребок высокой формы; *6* — проколка; *7* — скребок; *8* — клювовидное орудие.

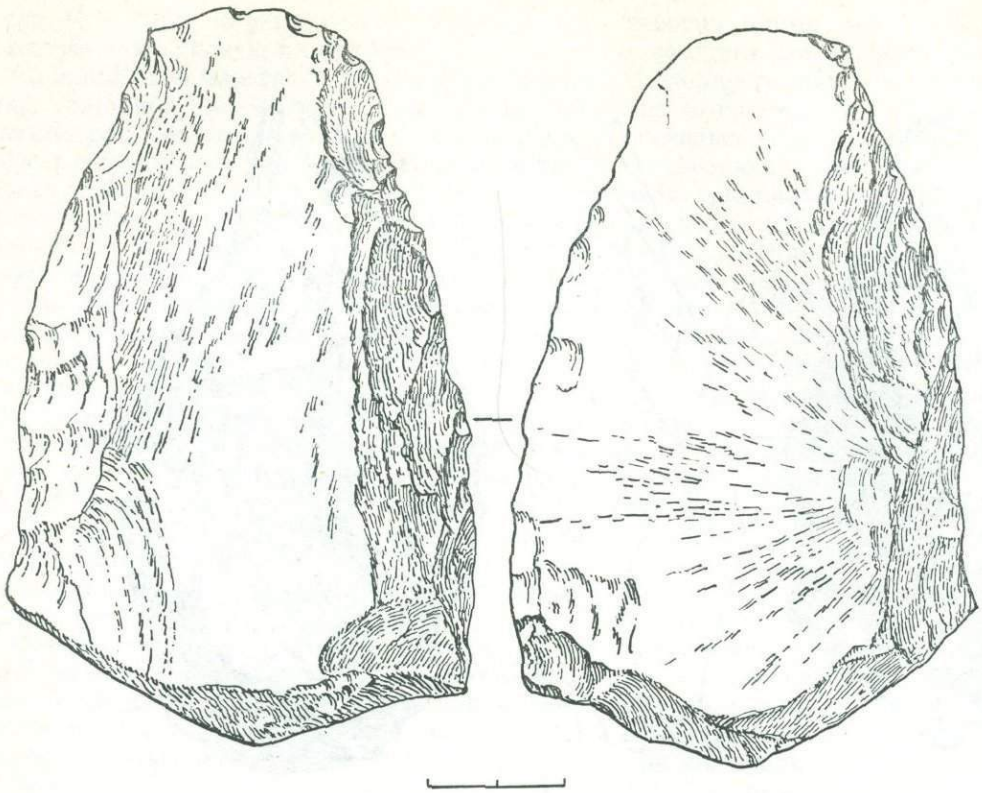

Рис. 29. Олдувай. Стоянка ТК. Ашель. Колун. По М. Лики.

нистых отложениях, разрезанных этим потоком, и перекрыты слоем гравия. Примечательная черта стоянки — состав орудий: 37 экз. (39%) из 95 падает на рубила. На чопперы приходится только 10% от общего количества изделий со вторичной обработкой. Есть чопперы из кости (рис. 34). Интересно, что в 1951 г. Л. Лики относил этот памятник — один из самых первых ашельских — к пятой ступени олдувайской последовательности, т. е. к периоду перехода от древнего ашеля (тогда — шелля) к среднему. Это лишний пример того, как трудно оценить развитость памятника по типологическим признакам, без коррелирующих (без геологии, без стратиграфической колонки).

Большинство рубил были крупными и сравнительно просто обработанными. Изготовлялись они, как правило, из лавы, реже — из кварца. Примечательно, что в Африке, в отличие от Европы, рубила с самого начала делались из отщепов (в данном случае — из отщепов лавы). Они не выглядят примитивными. Поверхность, которая была прежде брюшком отщепа, обрабатывалась минимально. Но есть образцы, где обе поверхности обработаны примерно одинаково. Верхние концы обычно приострены, в трех случаях оформлены лопаточкой, т. е. с поперечным лезвием. Негативы сколов мелкие, что отличает эти рубила от архаичных рубил Европы, где негативы, как правило, глубокие. Основание рубил большей частью широкое, в некоторых случаях оно представляет собой древнюю поверхность, по которой раскололся кусок лавы. Общее впечатление — не примитивности и неумения, а стремления сделать вещь с наименьшими затратами труда. На гранях рубил прослеживаются выщербины. Вместе с рубилами был найден один колун, хотя ранее, по данным, опубликованным в 1951 г., казалось, что особенностью ашеля Восточной Африки является отсутствие колунов в первой его половине. Найденный экземпляр изготовлен, как и рубила, из отщепа; отретушированы только продольные края, а лезвие, как это и свойственно колунам, оставлено нетронутым, хотя имеет выщербины. Отсутствуют скребла из отщепов и острия (в других одновременных комплексах они есть). Имеющиеся скребла изготовлены не из отщепов, а из кусков породы. Те же изделия, которые сделаны из отщепов, несколько крупнее, чем в олдувайских комплексах орудий. Необработанные отщепы составляют 78% всех находок.

М. Лики полагает, что перекрывание слоев с рубилами слоями с развитым олдувайским набором орудий — достаточное доказательство

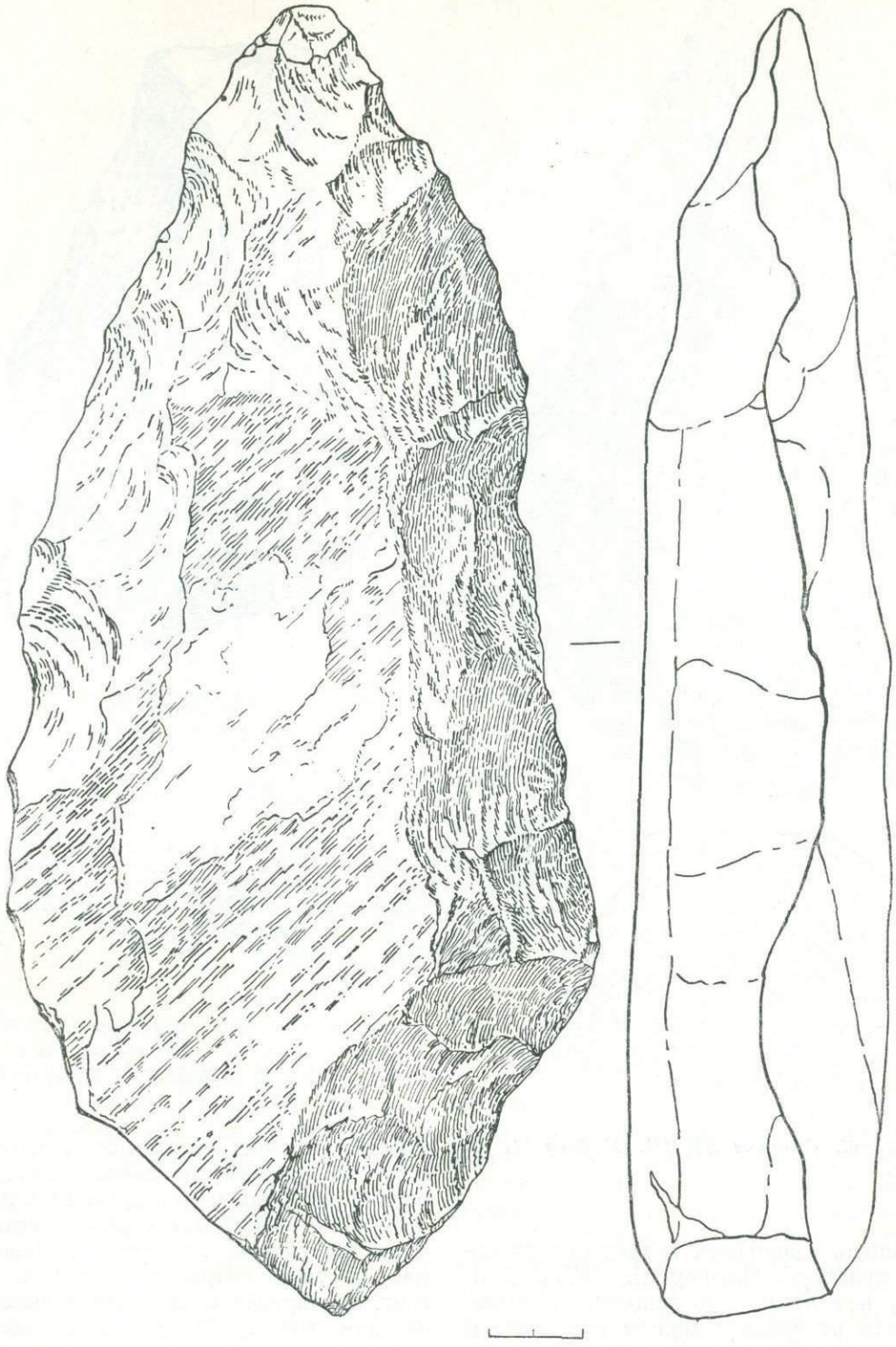

Рис. 30. Олдувай. Стоянка ТК. Рубило. По М. Лики.

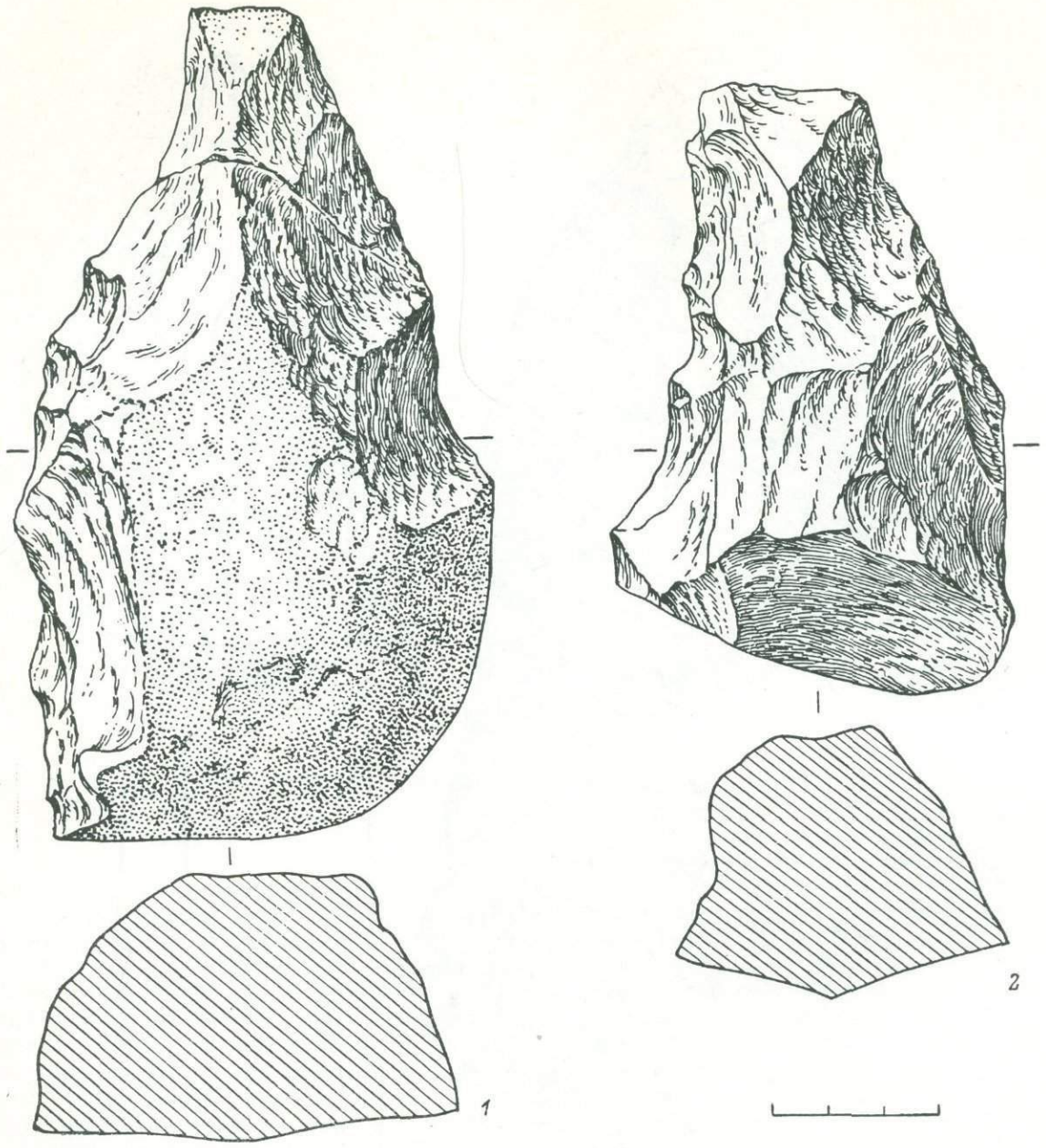

Рис. 31. Олдувай. Стоянка EF-HR. Бифасы (1, 2). По М. Лики.

того, что ашель развивался независимо от олдувайской культуры (Leakey M., 1971). Действительно, нет прямой эволюционной последовательности от слоев с малым количеством рубил к слоям с несколько большим их количеством (табл. 5). Подобное явление наблюдалось, кстати, и в Тернифине (Алжир), только там очень планомерно исчезали чопперы. Но ведь в каждом случае это стратиграфия только одного памятника. В самом деле, разве Лики считает, что нет прямой последовательности от австралопитековых к первым представителям рода Homo, если и те и другие жили некоторое время бок о бок? И в случае с орудиями следует рассуждать аналогично. Реконструируемая картина выглядела бы так. Некоторые группы олдувайцев изобрели рубило, тем более что для этого требовалось лишь время: стоило слегка усовершенствовать чопперы с выпуклым или приостренным лезвием — и люди получили рубила. И поэтому понятно, почему нет примитивных рубил: ведь нет принципиальной разницы между рубилом и чоппером — техническое умение, накопленное при изготовлении

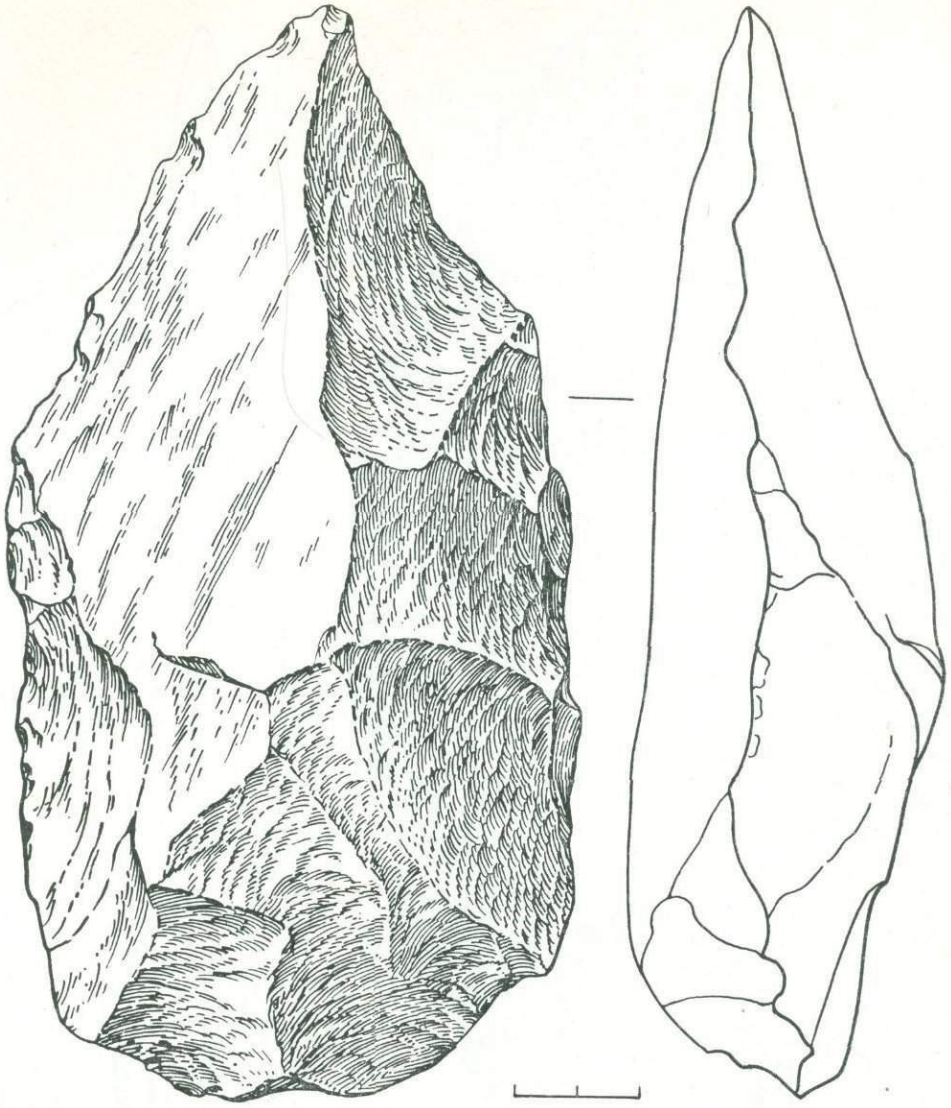

Рис. 32. Олдувай. Стоянка EF-HR. Рубило. По М. Лики.

чопперов, просто переносилось на изготовление рубил, и первые же рубила выглядят достаточно совершенными изделиями. Примитивные же рубила есть в ашельских слоях, но они единичны. Они отражают не примитивный этап изготовления рубил (какого вовсе не было, поскольку в нем не было нужды), а какие-то конкретные обстоятельства, заставившие древнего человека изготовить что-то на скорую руку или неудачно. Не считая свой вывод окончательным, мы бы скорее склонялись к тому, чтобы определить и смешанные стоянки (олдувайско-ашельские) просто как ашельские, как ту или иную (местную или производственную) модификацию ашеля. В таком случае интересно рассмотреть разнообразие рубил на этих стоянках. Так, на стоянке MNK II найдены четыре рубила, причем два из них принадлежали к особой модификации — к двухконечным рубилам. Кроме того, обнаружены еще четыре мелких рубила, сделанных (что необычно) из кварца, а не из лавы. У них отмечено и при-

Таблица 5. Распределение основных категорий каменных орудий Олдувайского ущелья (по: Leakey M., 1971)

Орудия, %	FLK-N I	MNK	EF-HR
Чопперы	71	22	16
Проторубила	—	—	—
Рубила	—	2	54
Полиэдры, диски, сфероиды	25	42	24
Скребла	4	19	7

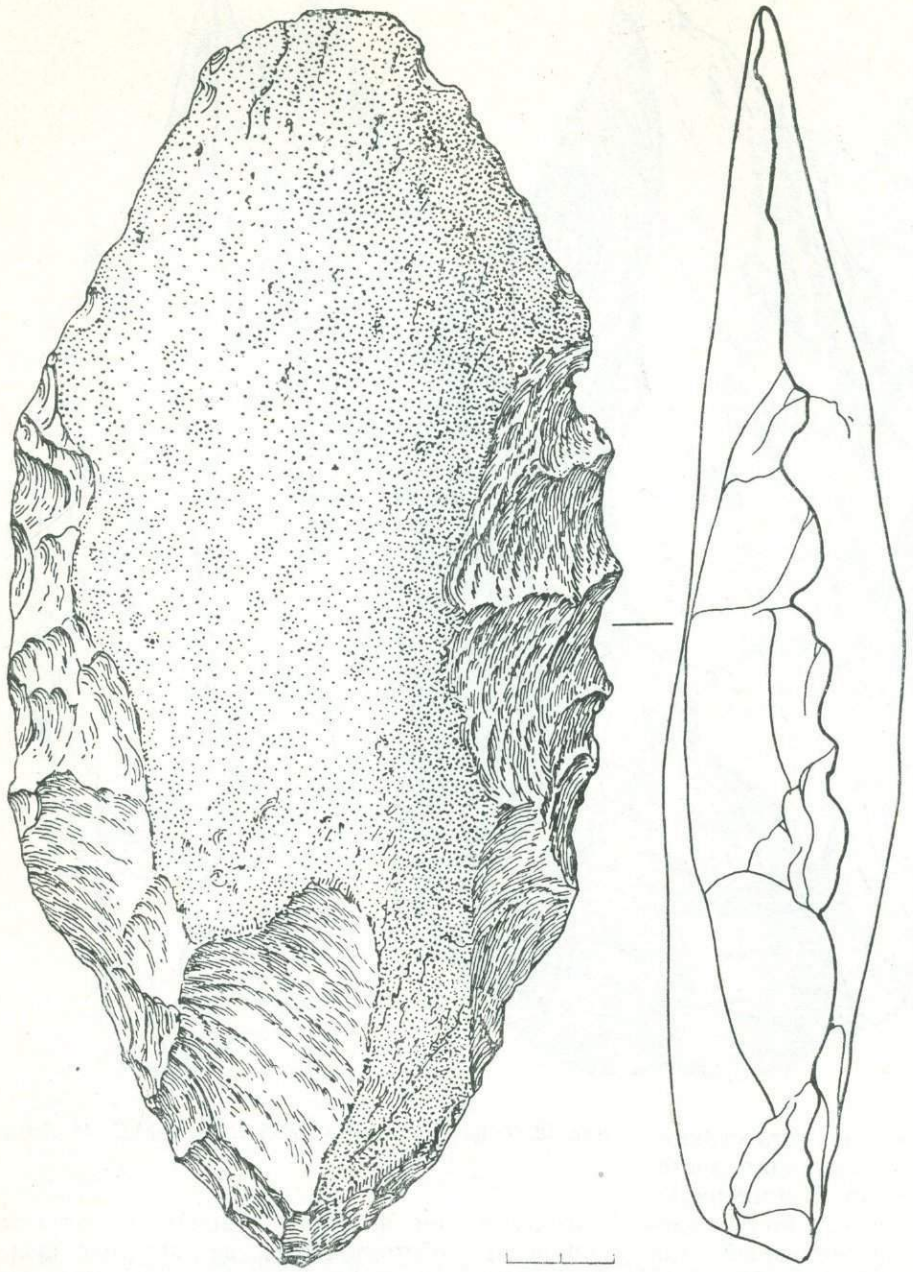

Рис. 33. Олдувай. Стоянка EF-HR. Рубило. По М. Лики.

остренное основание, и округлое; в плане они асимметричны. На другой стоянке рубила, изготовленные из плиток кварца, имеют нормальные размеры, хотя некоторые экземпляры были опять мелкими.

На стоянке ТК II ранее был установлен только один слой, т. е. находки не разделялись (рис. 29, 30). Все они суммарно относились к пятой ступени эволюции рубил. При новых раскопках обнаружили два слоя, разделенных стерильной прослойкой мощностью 75 см. Нижний слой лежал на 3 м глубже основания пачки II.

На территории Танзании ранний ашель представлен не только многочисленными стоянками Олдувайского ущелья.

Две небольшие, но с точной датой (и этим ценные) стоянки раннего ашеля были изучены коллективом африканских и американских исследователей (Isaac, 1965) возле оз. Натрон (Танзания, рифтовая долина Грегори). Здесь производились сборы фауны в отложениях группы пениндж формации хумбу (названо

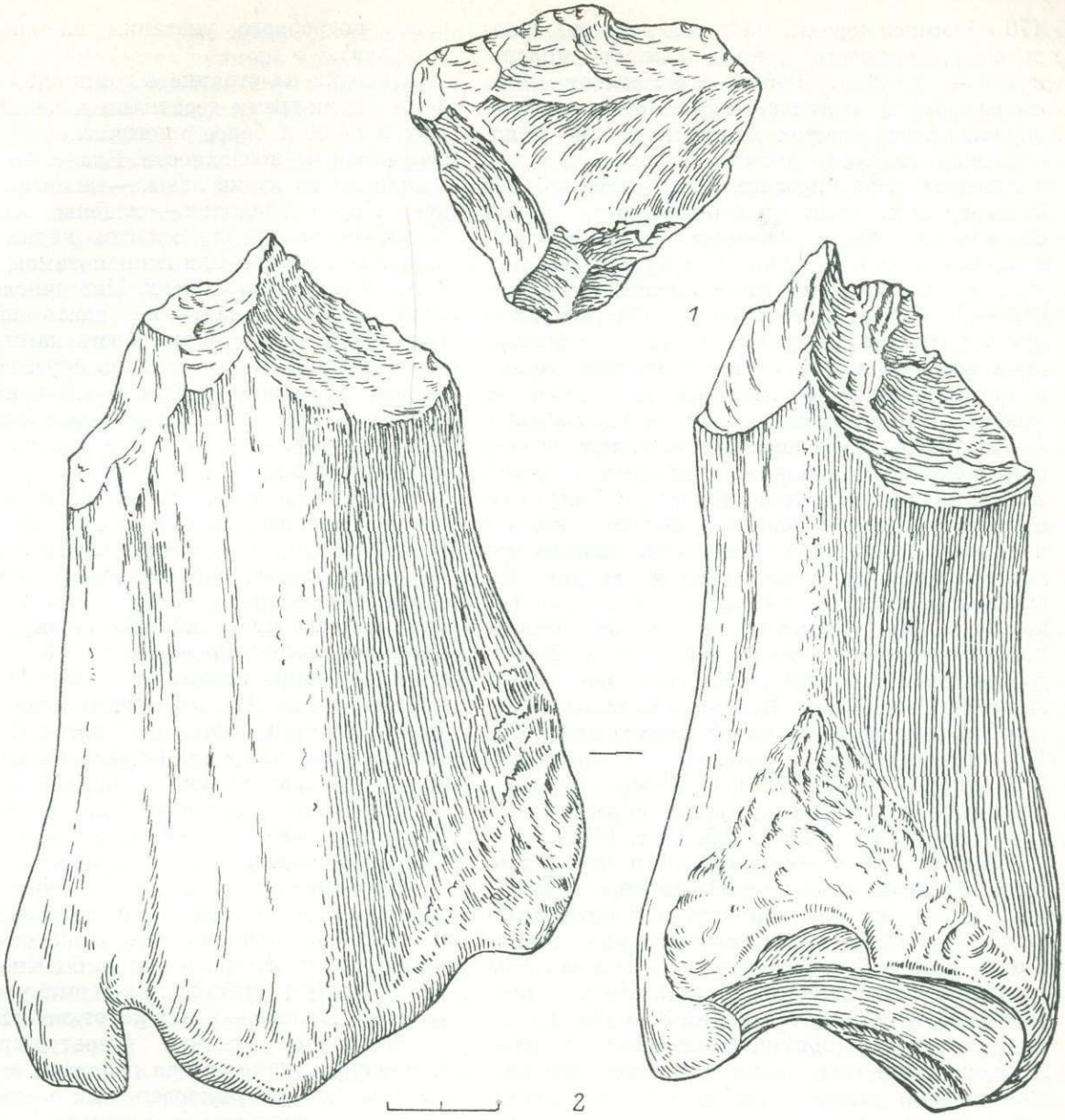

Рис. 34. Олдувай. Стоянки DK (1) и FLK II (2). Ашель. По М. Лики.

1 — скребло; *2* — оббитая на конце кость гиппопотама.

по местонахождению, которое содержало челюсть австралопитека, теперь относимую к питекантропу) и в несколько более высоких слоях. Характер фауны указывает на время, синхронное верху пачки II отложений Олдувая. Делались попытки датировать отложения одной из формаций в этом районе палеомагнитным и калий-аргоновым методами, но результаты — в пределах 1.4 млн лет — не соответствуют данным о возрасте, полученным на основании изучения фауны, и поэтому были признаны слишком древними. Теперь их считают удовлетворительными. В связи с тем удревнением возраста пачки II в Олдувае, которое, кажется, теперь обосновано, и цифра 1.4 млн лет для формации хумбу не противоречит определению возраста этих базальтов палеомагнитным методом. Кроме того, появилось представление о палеомагнитных колебаниях времени 1.4—1.6 млн лет (Butzer, 1971).

Каменные изделия были собраны на поверхности и в слое в двух пунктах, причем, по мнению исследователей стоянок, обе коллекции сравнимы и рассматриваются как разновозрастные или разнокультурные, благо они пока немногочисленны (300 изделий, кроме того,

170 обломков породы, найденных вместе с изделиями, и просто принесенные со стороны крупные камни). Рубила составляют 16%, столько же и колунов. Особенностью набора орудий обеих стоянок является обилие пикообразных изделий, отчасти, видимо, сходных с триэдрами французских исследователей, но более грубых. Значительное количество рубил сделано из отщепов. Оббивка весьма простая; подсчитано, что на одной стороне орудия имеется от 15 до 16 негативов сколов, а в среднем — 9.4 скола. В сечении рубила двояковыпуклые. Основания у них толстые, режущий край извилистый, не слишком острый, неправильный. Колуны все изготовлены из крупных отщепов. У большинства края сходятся к лезвию. Американские исследователи выделяют категорию ножей — разновидность, которая известна только по схемам, а не по подлинным рисункам и не тождественна ножам с обушком, как их понимают французские археологи. Видимо, это двусторонние (по преимуществу) острия. Их около 5%. Чопперы составляют 10%. Это показывает, что полагаться на процент тех или иных изделий на стоянках в разных частях Африки как на хронологический показатель было бы ошибочно. Примечательно, что на скребла всех разновидностей приходится более 15%, хотя состав этой категории не расшифрован, упомянуто только, что больше крупных скребел; есть скребла из кусков, обработанные наподобие рубил (Isaac, 1965, 1969, 1972).

Одно из самых последних открытий ашельского времени в Восточной Африке — памятники к западу от оз. Баринго в Рифтовой долине (в Кении). Местонахождение фауны в этом районе было известно давно и взято за стратотип камасских отложений. Но при проверке оказалось, что геологами 30-х гг. при исследовании были допущены ошибки: они приняли за одно два различных геологических образования, разделенных к тому же значительным перерывом, на что указывает несогласное залегание слоев. Теперь эти образования обозначаются так: нижние слои — чемерон, верхние — каптурин (Leakey M. a. R. e. a., 1969).

Каптурин — отложения бурно текущей реки; основной материал — илистые образования с крупными валунами, переслаивающиеся с отложениями вулканического происхождения (туфами). Выделяются три прослоя гравия и ила и два прослоя туфов вулканического происхождения с частицами пемзы. Каменные орудия и кости животных найдены в среднем прослое галечников и иловатых отложений. Это местонахождение именовалось стоянкой с гоминидом (точное определение гоминида представляет некоторые трудности, поэтому и нет более подробного указания на вид костных остатков).

Находки на стоянке с гоминидом представлены двумя-тремя десятками изделий, найденных в слое, и более многочисленной группой, собранной на поверхности. Единственная вещь, сделанная из куска лавы, — пикообразное орудие. Прочие находки — отщепы без ретуши. Кости относятся ко многим видам — есть и обезьяньи, и свиные, и гиппопотамов, и представителей семейства бычьих. Многочисленные находки были сделаны на плато неподалеку (около 700 м) от стоянки с остатками гоминида. Это большая площадь, сильно пересеченная оврагами. Каменные орудия и здесь находились как на поверхности, так и в слое (на глубине 3 м, в туфе). Они происходят с трех разных участков сборов, получивших название «жилой участок», хотя ясно, что это несколько памятников. Один из участков сборов имел размеры 10×12 м — это дает представление о строгости методики сборов. Находки были отмечены на плане. Проведенная на месте сборов траншея мало помогла прояснить обстановку, ибо в ней материал рассеян по мощности на 60 см, а диагностирующих предметов в слое вообще не удалось найти. Но на другом пункте успехи были бóльшими — найдены многочисленные изделия в слое: 42 орудия из отщепов и 13 орудий из кусков лавы (колуны и рубила).

Интересна техника раскалывания на этом ашельском памятнике. Правда, она своеобразна по терминологии для европейского читателя. Всего на «жилом участке» обнаружено 870 отщепов; 10% относится к крупным (более 10 см). Три четверти всех отщепов — это экземпляры, у которых длина больше ширины (соответствует английскому термину «концевой отщеп»). Прочие — более короткие отщепы. Половина имеет гладкие (неретушированные) площадки, однако другая половина включает и отщепы с ретушированными площадками (28%), и заготовки с площадкой, покрытой коркой. Было найдено также 83 ядрища. Типология их неопределенная. Выделяются приготовленные ядрища. Естественно было бы видеть в них леваллуазские. Но, кроме этой категории, есть еще одноплощадочные ядрища, и непонятно, в чем их отличие от приготовленных. Автор описания (Марг. Лики) называет овальными обычные прямоугольные ядрища. Во всяком случае ясно, что среди ядрищ обильно представлены леваллуазские (если они тождественны приготовленным, то последних 73%). Много ядрищ для пластин (16 экз). Некоторые ядрища — призматические. Примечательно, таким образом, сочетание леваллуазских ядрищ с нелеваллуазскими заготовками. Подобное сочетание свойственно в Европе ашельским па-

мятникам, причем скорее средне-, чем позднеашельским. В качестве примера приведем известное местонахождение Канталуэт. Но в районе оз. Баринго ядрища кажутся более развитыми. Авторы исследования (Марг. Лики, Р. Лики, Д. Мартин) упоминают еще несколько пунктов, называя их мастерской (Leakey M. a. R. e. a., 1969), но из описания неясно, какая черта этих пунктов дала им основание для такого названия. Ядрищ там было весьма немного, орудия также единичны, отщепов 514 экз.

Находку костных остатков человека можно считать связанной с культурными остатками ашельского времени. Правда, непосредственно возле челюсти архантропа встречены лишь разрозненные каменные изделия и кости животных. По оценке Ф. Тобайэса, челюсть, найденная у оз. Баринго, в наибольшей степени сходна с тремя челюстями из Тернифина. Таким образом, изготовителем каменных изделий ашельского типа был человек, сходный с архантропами, и особенно с обитателями Тернифина.

Итак, в районе Баринго мы имеем дело не с ранним ашелем, как в пачке II слоев Олдувая, а со средним или даже с поздним ашелем. Об этом говорит и развитая морфология рубил, и развитая техника раскалывания, и геология стоянки. Геологи сопоставляли этот разрез с камасскими отложениями, что примерно соответствует предпоследнему плювиалу в Африке (рисское оледенение). Пока размеры коллекций, собранных в разных пунктах, недостаточны для установления размаха вариаций каменных индустрий, в них представленных, но то, что они не полностью тождественны, видимо, можно считать установленным.

Из ашельских памятников Восточной Африки заслуживает внимания Исимила. Исимила — группа стоянок, расположенная в холмистой местности на юге Танзании. Она была раскопана в 50-х гг. американскими археологами под руководством Ф. Хауэлла (Howell, 1961). Американцам удалось найти памятник с действительно непотревоженными культурными слоями ашельского времени. Теперь проведен анализ фауны (фауна сохранилась только в самых нижних горизонтах стоянки), что позволило уточнить возраст памятника, ранее определенный лишь приблизительно. На основании присутствия на стоянке слона, промежуточного между Elephas iolensis и Elephas recki, ее возраст определяют в пределах существования пачки IV слоев Олдувая. В абсолютных цифрах — это 170—260 тыс. лет тому назад. Памятник располагается на водоразделе между бассейном р. Конго и Индийским океаном (7° ю. ш.). Это место неоднократно испытывало и поднятия, и опускания, что приводило к подпору воды в реке, накоплению массы илистого материала. Ряд стоянок связан с песчанистыми горизонтами, перекрытыми илом, что сохранило культурные остатки в нетронутом виде. Илистые накопления на отдельных участках достигают мощности 20 м. Ко времени обживания по крайней мере некоторых стоянок местность была заболоченной. Позднее река размыла и обнажила стоянки древнего человека. Всего выделяется пять геологических подразделений в пределах среднего плейстоцена. Верхние три не содержат костей животных, хотя включают многочисленные памятники с сохранившимся культурным слоем. Орудия в этих верхних подразделениях особенно многочисленны. В четвертом подразделении встречена фауна, о которой мы упоминали, она-то и позволила датировать стоянки. Вмещающие породы — обломочный материал (туф, пемза, пепел), зеленоватого оттенка глина со щебнем, прослои ила и сцементированного песка.

На одной из стоянок Исимилы (слой 4, стоянка Н-20) был расчищен весьма полно сохранившийся скелет гиппопотама (не были представлены только череп и кости конечностей). Как отмечает Ф. Хауэлл, выделение обособленных участков в столь богатых орудиями и прочими каменными изделиями слоях — дело в известной степени произвольное. Действительно, культурный слой был густо насыщен рубилами, чопперами и кливерами. Тем не менее на некоторых участках, где орудия располагались на поверхности глины и были покрыты песком, обнаруживалась известная организованность: орудий было больше в центре скопления и становилось меньше к краям. Поэтому Хауэлл выделил девять подразделений материала, образующих, по его предположению, что-то вроде полузамкнутых комплексов. Это была первая попытка получить полузамкнутые комплексы, которые были бы строго синхронны между собой и могли бы быть сравнимы по пропорциям разных групп орудий и по их типологии. Надо признать эту попытку большим достижением, хотя она и не удалась полностью из-за недостаточно разработанной типологии ашельских орудий и заготовок. Хауэлл и непосредственная исполнительница этой работы М. Клайндинст смогли выделить три группы каменного инвентаря. На стоянках первого типа больше всего «крупных режущих орудий» (large cutting tools) — рубил, кливеров, ножей, т. е. рубил в одностороннем исполнении, или частично оббитых рубил. На втором месте по численности — тупые орудия (по той же системе Клайндинст). Они же описываются как «тяжелые (или массивные) орудия» либо «другие крупные орудия» (помимо рубил). Сюда относятся пикообразные орудия,

высокие скребла (core-scrapers), чопперы и сфероиды. Примерно такой же процент составляют и мелкие орудия. Это, как правило, зубчатые орудия, короткие скребла, высокие скребки, редкие острия, усеченные пластины и отщепы, выемчатые орудия. На стоянках второй группы большинство составляют мелкие орудия (40—60%). Крупных рубящих орудий (рубил, кливеров и ножей) немного. Третья группа — весьма необычная; в ней много пик, высоких скребел (из массивных отщепов или из кусков породы — core-tools) и чопперов. Стоянка такого типа только одна. Относительно техники раскалывания ничего неизвестно. К сожалению, полной публикации материала пока нет. Хауэлл полагает, что разница, аналогичная той, что существует между стоянками Исимилы, недостаточна, чтобы говорить о различных культурах. По его мнению, это вариации внутри набора орудий одного и того же поселения. Разница между группами орудий отражает различные занятия, которым предавались носители одной культуры в разное время.[2] Хауэлл отметил также разницу иного порядка между исследованными им слоями. Она заключается в том, что на одной стоянке чаще всего встречаются копьевидные рубила, а на другой — овальные или миндалевидные.

В Исимиле наблюдается в большинстве случаев равенство овальных и вытянуто-овальных рубил, копьевидных рубил заметно меньше. Лишь в одном слое (К-6) копьевидных рубил много, так же как и рубил с высокой спинкой, и колунов такой же разновидности. Со временем (судя по трем слоям Исимилы) происходит увеличение количества копьевидных рубил и уменьшение количества овальных и удлиненно-овальных. Среди колунов преобладают экземпляры с параллельными краями. Но есть стоянки, где больше колунов с расходящимися краями. Эти различия Ф. Хауэлл относит к различиям индивидуальным — различиям памятников. Такое толкование различий между памятниками поддерживал и Д. Кларк. Оно вполне вероятно, только пока не обосновано, не развернуто хотя бы в такой степени, как гипотеза Ф. Борда, истолковывающая разницу в инвентаре стоянок мустьерской эпохи во Франции. Проверка предположений Хауэлла невозможна (по литературным данным), поскольку материал опубликован выборочно. Однако уже сейчас очевидны типологические слабости разработок М. Клайндинст. Сами категории типологии, которыми пользовались исследователи при своих подсчетах, неточны, широки, как и группы, в которые они собирали эти категории. Если категории анализа европейских специалистов не всегда, но все-таки приближаются к типам в строгом понимании, то категории Клайндинст явно шире типа во всех случаях. Так, категория «нож» (не соответствующая тому, что называется ножом у Ф. Борда) имеет очень мало определенности и, видимо, включает в себя различные типы. Категория «скребло» явно столь же многозначна. Так называемые мелкие скребла (даже судя по схематическим рисункам) объединяют не только скребла, но и выемчатые орудия. Категория «зубчатые орудия» не упоминается. Сами группы Клайндинст оказываются выделенными на весьма условных основаниях. Трудно понять, почему соединены рубила, кливеры вместе со скреблами крупных размеров, а пики от них отделены. Конечно, данная группа названа группой крупных режущих орудий, но ведь у этих орудий разная форма. Группа мелких орудий соединена даже не по принципу единого (предполагаемого) назначения, а просто по размеру (собственно, размер принимается во внимание и при разделении скребел по группам). Естественно, поскольку деление на группы производится на основании такого типологического расчленения, то оно вызывает сомнения.

Представляют интерес наблюдения Ф. Хауэлла и его помощников (Г. Коул и М. Клайндинст) над характером слоев, вмещающих культурные остатки. Часть из них — настоящие культурные слои, как это принято определять в нашей терминологии (археологический контекст — по Хауэллу), часть — геологические слои с культурными остатками (или геологический контекст). Например, некоторые прослои грубого материала мощностью от 0.5 до 1 м, лежавшие на глинах, имели рассеянные культурные остатки, и этот горизонт с находками, конечно, нельзя называть культурным слоем. Такого рода залегание материала наблюдалось главным образом в верхних трех геологических подразделениях. Горизонты культурных остатков, как правило, связаны с большим или меньшим количеством щебня, состоящего из кварца, гнейса и других пород. Приходится допускать, что по крайней мере часть такого обломочного материала приносилась на стоянки намеренно. Этот материал не является отбросом, отходом процесса раскалывания.

Ф. Хауэлл утверждает, что большинство стоянок не было местом изготовления рубил, поскольку нет отщепов или заготовок соответствующей породы. Эта мысль подтверждается

---

[2] Надо сказать, что этот вывод, сделанный без обоснований Л. Бинфордом (Binford, 1966) и теперь всегда приписываемый ему, Ф. Хауэлл высказал задолго до появления статьи Бинфорда — еще в 1961 г.

нахождением настоящей мастерской, где обнаружены незаконченные изделия (рубила и колуны), но почти не найдено готовых изделий (Howell, 1961).

Из ашельских памятников Восточной Африки представляет интерес совокупность стоянок Олоргезайли. Памятник находится в Кении, в рифтовой долине Грегори. Расположение его классическое: неподалеку возвышается одноименный вулкан, а отложения, вмещающие стоянки ашельского времени, приурочены к отложениям ископаемого озера. Стоянки связаны с отдельностью, смещенной древним сдвигом, где в углублении площадью 128 км^2 образовалось озеро. Памятник исследовался Л. Лики и Г. Айзеком, а обработкой его материала занимался Г. Айзек (Leakey L., 1952; Isaac, 1969, 1972). Стоянки приурочены к мысу ископаемого озера. Основные отложения, с которыми они связаны, — озерные глины и вулканические пеплы; более грубые накопления встречаются редко. Общая мощность отложений около 60 м. Теперь этот памятник охраняется кенийским правительством. Есть около 14 отдельных местонахождений, где культурный слой сохранился достаточно хорошо. В целом памятник синхронизируют с пачкой IV Олдувайского ущелья. Всего было расчищено около 17 скоплений орудий, и большинство из них раскопано либо Л. Лики, либо М. Познанским, либо в самое последнее время Г. Айзеком. Три участка со скоплением орудий имеют, как полагают, непотревоженный слой, все остальные — частичные нарушения культурного слоя. Орудия хотя и свежи, но со следами действия водных потоков. Айзек в последнее время расценил наиболее сохранившиеся слои Олоргезайли если не как жилые сооружения, то как места обитания групп охотников и на основе площади скоплений высчитал число их обитателей (Isaac, 1972). Однако и сам он полностью не уверен в том, что данные скопления — совершенно непотревоженные культурные слои. До сих пор на этом, как и на других памятниках, остается непонятной роль скоплений щебня. В Олоргезайли это мелкие валунчики лавы, явно намеренно принесенные сюда. Такие скопления постороннего каменного материала связаны с культурными остатками ашельского времени. Размеры наиболее известного скопления 13×19 м. В нем найдено более 500 рубил, множество других орудий и костей животных. Люди, оставившие данное скопление, особенно упорно охотились на крупных ископаемых павианов (здесь найдены кости 50 особей этих животных).

Рядом со скоплением материала располагаются промоины, заполненные песком, принесенным водой.

Богатый ашельский памятник Каламбо-Фоллз (водопад Каламбо) находится в Замбии, у южной оконечности оз. Танганьика. По типу природного окружения Каламбо-Фоллз, как и Исимила, относится к группам стоянок, расположенных возле заболоченных мест, возле обильных водных источников.

Набор каменных орудий был опубликован пока только предварительно; известно, что готовится полная публикация и вышел второй том (Clark, 1974), посвященный, в отличие от первого (Clark, 1969), где сведены данные естественных наук, археологии памятников конца плейстоцена. Хорошая сохранность культурного слоя позволила установить здесь, как и в Исимиле, подразделения культурного слоя, отдельные стоянки, представляющие собой замкнутые комплексы. Остатков жилищ в полном смысле слова найти не удалось. Лишь в одном случае был изучен полукруг из камней (слой 5, стоянка В-2, раскопки 1959 г.), но его диаметр меньше 2.5 м. Полукруг образован 23 камнями разного размера, но довольно крупными — до 0.5 м. Культурные остатки, как это ни странно, почти отсутствуют внутри дуги и обильны вне ее, в противоположность обычному распределению материала на стоянках территории СССР. В пределах полукруга намечается углубление до 90 см. Кларк предполагает, что дуга являлась основанием ветрового заслона. Правда, хотя размеры его и малы для обычного жилища, но аналогичные скопления культурных остатков, в том числе и бивней мамонта, были найдены в Кракове на верхнепалеолитическом поселении (ул. Спадзиста).

С ашельскими остатками в Каламбо-Фоллзе впервые были найдены остатки растительной пищи. Столь же необычно большое количество сохранившейся обожженной древесины в ашельских слоях: разные категории орудий из дерева (дубины с оформленным утолщением на верхнем конце, ножи и палки-копалки). Много обломков дерева, бревен и, конечно, древесного угля. Но лишь в одном случае наблюдалось что-то вроде очага, когда скопление древесного угля ассоциировалось с обожженным полом — покрасневшей глиной. Были найдены в двух случаях спрессованные и обугленные остатки растительных волокон.

Набор каменных орудий из слоев 4 и 5 Каламбо-Фоллза относится к разновидности «А» по М. Клайндинст, т. е. к такому варианту, где много рубил, кливеров и крупных скребел, а мало чопперов, пиков, высоких скребел, так же как зубчатых, выемчатых орудий и мелких скребел. Слой 6 представляет собой другую разновидность — «В», когда мало рубил, пиков и чопперов, но зато много мелких орудий — скребел, зубчатых и выемчатых орудий.

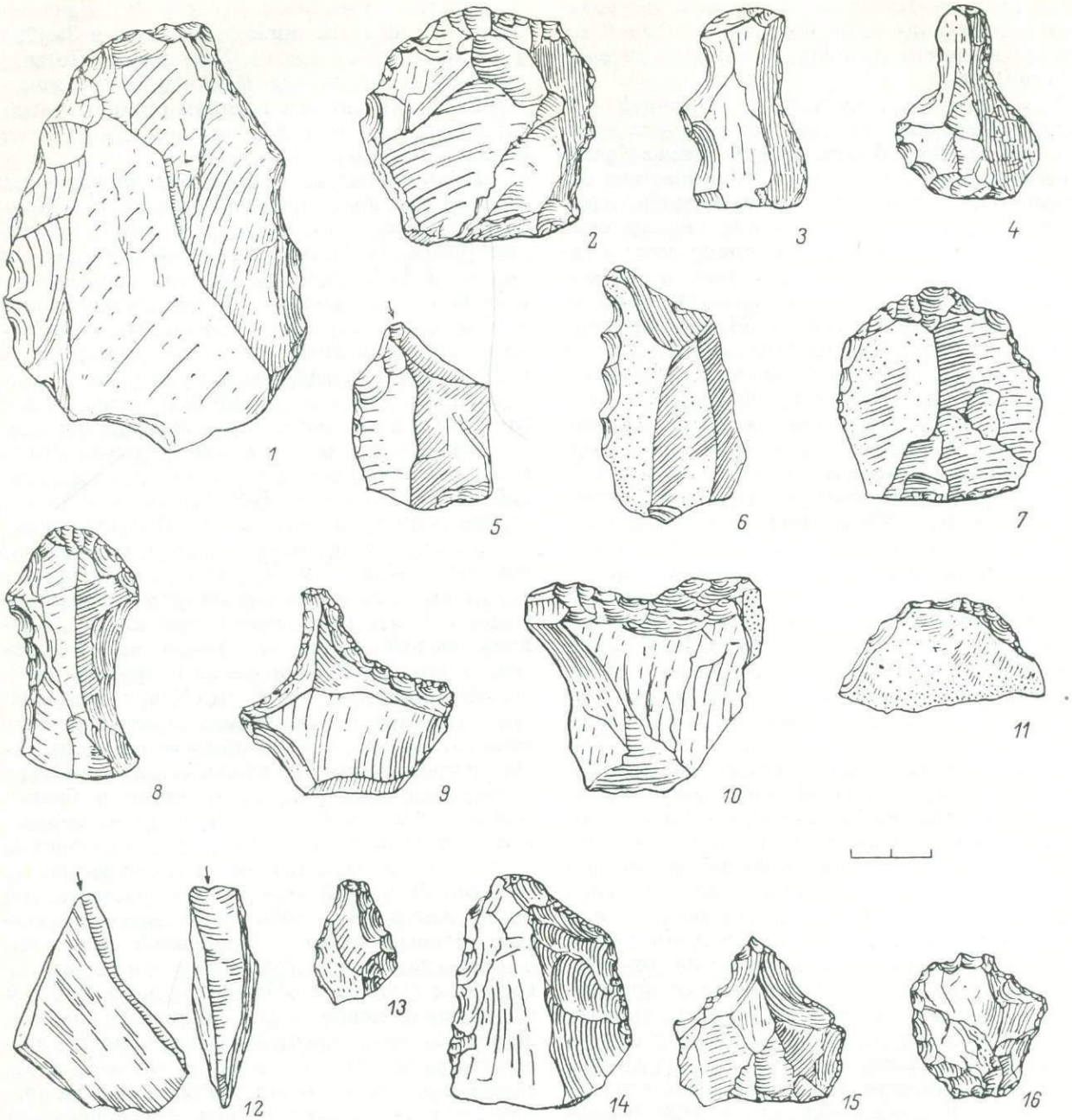

Рис. 35. Южная Родезия. Каменные орудия. По Д. Кларку и Н. Джонсу.

Хоуп-Фаунтейн: *1* — скребло; *2* — скребок; *3* — выемчатое орудие; *4* — двойное выемчатое орудие. Бамбата: *5* — отщеп с резцовым сколом; *6*, *16* — зубчатые орудия; *7*, *13*, *14* — скребки; *8*, *10* — выемчатые орудия; *9*, *15* — клювовидные орудия; *11* — сегмент; *12* — пластина с резцовым сколом.

На основании того, что встречаются ашельские памятники с малым количеством рубил, Д. Кларк и Ф. Хауэлл отвергают предположение о существовании независимой культуры Хоуп-Фоунтейн. Они полагают, что этот известный памятник есть разновидность ашеля, а малое количество рубил всего-навсего отражает особые задачи работы, выполнявшейся на нем (в частности, для мелких орудий — скребел и зубчатых орудий — они предполагают назначение — обработку дерева, хотя далее с обработкой дерева они связывают крупные орудия с режущим лезвием — рубила, пики, колуны). К такому типу памятников они относят и слой 6 Каламбо-Фоллза, один из памятников в слое 3 Исимилы, слои 6 и 10 в Олоргезайли.

Сам Хоуп-Фоунтейн расположен в Южной Родезии, в 15 км от Булавайо (Jones, 1949). Материалы собраны в заполнении трещины в кристаллической породе, и можно было установить, что они происходят из толщи мощностью около 60 см. Сборы очень обильны; это навело исследователей на мысль, что перед ними древняя мастерская. Материалом для изготовления орудий служили кремнистый сланец и яшма разных оттенков. Как утверждает Н. Джонс, среди собранных изделий было и одно рубило, но по фотографии трудно судить о правильности данного определения. Возможно, это односторонне обработанное орудие — крупное скребло. Основная масса орудий Хоуп-Фоунтейна — скребла, скорее массивные, чем мелкие, изготовленные чаще оббивкой, чем ретушью. Есть и продольные, и поперечные разновидности, есть двойные скребла. Относительно части их Джонс говорит, что они сделаны не из отщепов, а из целых кусков породы. Представлены также зубчатые орудия, выемчатые и орудия с рыльцем (à museau). Те же самые орудия были найдены в долине р. Замбези, в карьере Марамба в Замбии, и Д. Кларк отнес их к разновидности орудий Хоуп-Фоунтейна (Clark, 1950). В его сборах только больше мелких зубчатых орудий овальной формы. Здесь они связываются с поверхностью террасы и частью с горизонтом ожелезнения.

Олдувай и ашель в Магрибе

Страны Магриба — Алжир, Тунис, Марокко — особенно достопримечательны своими стратифицированными ашельскими и более поздними памятниками, но здесь представлена и олдувайская эпоха. На территории Алжира давно открыт Айн-Ханеш — памятник, относящийся к виллафранкскому времени, со слоем, содержащим орудия олдувайского типа. Он расположен возле Сент-Арно, между городами Сетиф и Константина. Вначале это место было известно как богатое местонахождение фауны виллафранкского возраста и исследовалось как таковое с 1931 г. В 1947 г. палеонтолог К. Арамбур установил присутствие обработанных камней — полиэдров или шаров (Arambourg, Hofstetter, 1963). До сих пор полного отчета об этом памятнике не опубликовано, но есть достаточно ясные фотографии изделий. Местонахождение связано с озерными отложениями, мощность которых 200 м. Раскопки, ориентированные на сборы фауны, производились террасами, чтобы уменьшить объем земляных работ. Отложения были представлены чередующимися глинами, галечниками и мергелями озерного происхождения. Остатки фауны, достаточно полные, чтобы отнести их точно к верхнему виллафранку, включали кости слонов, гиппопотамов, жирафов, носорогов, газелей, буйволов. Каменные орудия извлекались без точного указания на тот или иной дробный горизонт, т. е. методика уступала применявшейся на раскопках Олдувая. Например, указание на частоту находок каменных орудий дано не по площади, а по объему: одно орудие приходилось на 8 м^3 (по данным раскопок 1947—1948 гг.).

В 1947 г. было найдено около 400 орудий. Преобладают оббитые со всех поверхностей полиэдры. Полиэдричность изделий отчасти подсказана формой галек, которые были шаровидными, а не уплощенными и из которых вообще сделаны все орудия Айн-Ханеша. Негативы глубокие, лезвия извилистые. Чопперов немного. Другие изделия не упоминаются.

В пределах местонахождения встречены и многочисленные рубила, но их стратиграфическое положение не установлено. В последние годы французскими археологами, работающими в Алжире, сделана попытка уточнить стратиграфию местонахождения. Обнаружился слой, в котором К. Арамбур не мог вести работы из-за его плотности, сцементированности; слой этот получил название верхнего «пудинга». Правда, эти сборы были результатом опять-таки не раскопок, а вспашки или выкапывания могил на расположенном здесь мусульманском кладбище. При новом анализе галечных орудий оказалось, что их многогранность по большей части обусловлена сколами естественного происхождения и грани древних сколов отличаются большей заглаженностью, стертостью, забитостью. Напротив, грани сколов, сделанных рукой человека, отлично сохранились. Было установлено присутствие чопперов обычных типов: односторонних, двусторонних (ранее описывались почти исключительно многогранные), с лезвием разной формы — прямым, зубчатым, выпуклым. Другими словами, своеобразие материала из Айн-Ханеша, ставившее его вне общего ряда олдувайских памятников, происходит из-за особого качества сырья (гальки с многими гранями естественного раскалывания). Количественные соотношения в новых сборах таковы: шесть чопперов с двусторонней обработкой составляют самую большую серию, примерно столько же чопперов с многосторонней оббивкой и два чоппера с односторонней оббивкой. Арамбур предполагает, что здесь есть слои, содержащие одновременно и чопперы, и небольшое количество рубил, т. е. соответствующие тому материалу, который был открыт в Олдувае и определялся там как развитый олдувай. Обнаруженные рубила действительно отличаются архаизмом; есть основания относить их к начальным этапам ашеля. Особо отмечается би-

фас (триэдр, трехгранник). Прочие орудия относятся к миндалевидным. Но это пока не более как предположение.

Среди рисунков, иллюстрирующих материалы Айн-Ханеша, приведенных в монографии Р. Вофрея (Vaufrey, 1955), обращает на себя внимание одно изделие, которое не является чоппером, а представляет собой в действительности многогранное ядрище. Отчетливо видны негативы сколов, строго параллельные. Если здесь нет никакой ошибки, то это редкий пока пример ядрища олдувайского времени, притом ясный и очевидный, в том смысле, что при взгляде на него не встает вопрос, ядрище это или чоппер.

Местонахождение Айн-Ханеш состоит из нескольких пунктов. Один из них имеет особое название — Уед-Бушерит. Судя по остаткам фауны позвоночных, найденной там, это нижний виллафранк, т. е. это более ранний памятник, чем остальные. Он расположен на правом берегу р. Бушерит; находки прослеживаются на значительном протяжении. На левом берегу р. Бушерит есть сцементированные мергели, также содержащие находки фауны виллафранкского возраста. Фауна Бушерит включает Elephas africanavus, древнейший вид однопалой лошади, гиппопотамов, быков, антилоп, грызунов и др. Как особо подчеркивает К. Арамбур, в этих отложениях каменные орудия никогда не встречались, они приурочены к другому пункту, где вскрываются более молодые отложения. Собственно, эти отложения в основном местонахождении Айн-Ханеша представляют собой «пудинг», т. е. плотно сцементированный в основании галечник, с красноватыми пятнами, средней мощностью 40 см. Этот слой, содержащий кости животных и каменные изделия, перекрывался стерильным слоем коричневой глины. Орудия и кости животных встречались еще и в серой глине мощностью около 1 м, которая перекрывала коричневую, местами чередуясь с галечником. Эта фауна отличается от фауны Уед-Бушерита тем, что Elephas africanavus почти исчезает, замещаясь слоном Река, и становятся редкими как нумидийская лошадь, так и стилогиппарион. Кости осла многочисленны. Впервые появляется носорог. Вовсе нет мастодонтов, газелей, антилоп, гиен.

В слоях, которые перекрывают описанную толщу (а это серо-зеленоватая глина с пятнами ожелезнения), содержатся редкие остатки лошадей и отдельные каменные изделия — те же граненые сфероиды. На 2 м выше глины местами наблюдается новый прослой сильно сцементированного галечника. Видимо, это и есть тот верхний «пудинг», о котором говорится в более поздних сообщениях. Но культурные остатки были находимы и в вышележащих слоях.

По критериям, принятым палеонтологами Северной Африки, фауна двух слоев с находками каменных орудий должна датироваться верхним виллафранком. К. Арамбур отмечает, что чопперы из верхнего слоя — слоя серой глины — казались ему более развитыми, более правильными. Но поскольку публикация материала не появилась, то проверить это утверждение невозможно.

Если для представлений о времени начала трудовой деятельности данные, добытые в Олдувайском ущелье, имеют важное значение, не сравнимое со значением ни одного другого памятника, кроме, может быть, вновь исследуемых местонахождений в бассейне р. Омо, то последующие этапы ашеля в Восточной Африке хотя и представлены рядом первоклассных памятников, но их положение во времени не установлено с желательной точностью. На первое место для решения вопросов развития культуры среднего и позднего ашеля выступает Северная Африка (к западу от Ливии) — территория Магриба с ее стратифицированными местонахождениями, возраст которых уточнен благодаря тому, что многие из них находятся на морском побережье (сопоставление с трансгрессиями моря позволяет установить время их существования).

Одной из важнейших является группа памятников, расположенная возле Касабланки в Марокко, на его атлантическом побережье. Общее название памятника — Сиди-Абдеррахман, но разные пункты имеют еще свои имена. Всего здесь в карьере отмечено 86 гротов. Дно их располагалось примерно на одной высоте: между 23 и 24 м над ур. м. Это была сплошная цепь гротов, галерей, подтопляемых время от времени морем, с единой сетью циркулирующих подземных вод. Потолки большинства гротов обрушились, подмытые морем. Важнейшие — гроты Медведя и Литторины. В последнем в 1955 г. найдены остатки ископаемого человека. Трудно сказать о них что-либо определенное. Это всего лишь фрагменты нижней челюсти. Часть исследователей относит их к атлантропу мавританскому, тому же, чьи кости найдены в Тернифине, в Алжире (см. ниже, с. 111—112; Vaufrey, 1955). Нам представляется эта точка зрения наиболее справедливой. Часть же исследователей связывает их с палеоантропом (неандертальский человек; Biberson, 1963).

В отложениях гротов вследствие их близости к морю чередовались морские осадки, оставленные во время трансгрессии, и континентальные. В береговых морских осадках накапливалось много раковин, а смена малакофауны — достаточный репер для установления возраста

той трансгрессии, которая подтопила грот. Континентальные отложения содержали много костей животных, что позволяло также уточнить возраст заполнения пещеры. Гроты — карстового происхождения в обызвествленном песчанике. При их подтапливании водами Атлантики на стенах оставались следы деятельности литофагов. Морские отложения представлены, во-первых, скоплением морских раковин, во-вторых, гальками по преимуществу из местного кварцита, превращенными в «пудинг», и чередованием морского песка с мелкими раковинами с прослоями галечника, иногда отмеченного козырьком на месте прибоя.

В гроте Литторина наиболее древние отложения — это «пудинг» из кварцитовых галек, сцементированных известью. Они перекрыты местами песком с остатками ископаемого пляжа, с изобилием морских раковин. Обозначаются эти морские отложения буквой «I». Морской песок столь древнего возраста со временем превратился в песчаник. Далее морские отложения незаметно переходят в песчанистые отложения древней дюны континентального образования (дюна H).

Поверх этой дюны, весьма разной по мощности, залегают отложения моря, стоявшего на высоте 27 м (G). Эти отложения сложны и подразделяются на горизонты 0, 1 и 2. Горизонты эти охарактеризованы морской фауной моллюсков, различной по качеству и составу. Для уровня G получена фауна с литториной, а такой моллюск указывает на охлаждение, на ухудшение климата. Все эти морские отложения представляют тирренскую трансгрессию (уровень 30 м). Как раз на грани между уровнями G^1 и G^2 были найдены остатки атлантропа из Сиди-Абдеррахмана. Видимо, они связаны непосредственно не с культурным слоем, а скорее с норой какого-то животного, куда попали случайно. Тирренская трансгрессия сопоставима с миндель-рисским межледниковьем на территории Европы. Таким образом, остатки атлантропа из Сиди-Абдеррахмана датируются концом миндель—рисса, но временем до начала рисса.

Самые ранние отложения в гротах возле Касабланки относятся к периоду наступления моря, предшествующего отложению континентальных образований. По гипотезе П. Биберсона, каменные орудия попали в гроты во время трансгрессии и затем при наступлении моря были переработаны его водами, окатаны и смешаны с морскими отложениями (Biberson, 1961). Древнейшие находки в Сиди-Абдеррахмане относятся к концу сицилийской трансгрессии. Сборы эти Биберсон разделяет на три серии, из которых первая, хотя и включает несколько рубил, кажется ему относящейся к концу олдувайской эпохи, подразделяемой на три-четыре этапа на основании подъемных материалов (что сильно уменьшает ценность его периодизации). Эти вещи отделяются от остальной коллекции большей окатанностью, даже затупленностью граней. Рубила и колуны сопровождаются отщепами, полученными при помощи техники многогранного ядрища, или техники удара по куску породы, поставленному на подставку. Нет оснований не доверять этой классификации, но пока она не может быть подтверждена или опровергнута. Достаточно полное описание коллекции отсутствует.

Каменные орудия, синхронные атлантропу из грота Литторины, относятся к среднему ашелю. Каменные орудия первой ступени ашеля (по П. Биберсону; бывший клекто-аббевильен — по Р. Невиллю и А. Рульману) найдены в гроте Медведя.

Карьер STIC, как кажется, содержал орудия, относимые П. Биберсоном ко времени сицилийской трансгрессии. Это уровень основания большой дюны H — белые пористые известняки. Дюнные отложения образовались в результате выщелачивания песков дюны во влажных условиях. Ниже лежит слой с морскими отложениями, содержащими моллюсков, начала четвертичного периода. Сейчас Биберсон относит их ко времени сицилийской трансгрессии, а известняки — к несколько более позднему времени, но не к тирренскому (Biberson, 1967). Стало быть, по его представлениям, это не средний ашель, а ранний.

П. Биберсоном воспроизведены три предмета из этой коллекции: два крупных удлиненных рубила (одно копьевидное, другое — с округлым основанием) и колун с оббивкой по обоим краям со спинки (см. также: Howell, 1960).

Основные же коллекции среднего ашеля — находки в гроте Медведя. Они относятся к разным отрезкам I тирренской трансгрессии. Это, по представлениям П. Биберсона, наиболее ранний этап среднего ашеля (по его обозначению — средний ашель I). Он был найден в отложениях континентальных, но переработанных морем при поднятии его уровня во время тирренской трансгрессии. К этому времени относится уже существование более развитой техники, предполагающей наличие одноплощадочного ядрища. Такое ядрище вряд ли может считаться леваллуазским, поскольку его края оббиты, но не обработаны так, как это бывает у леваллуазских. С него нельзя скалывать овальных отщепов, близких по форме самому ядрищу. Нет среди таких ядрищ и треугольных или прямоугольных, как и заготовок, соответствующих им по форме. Рубила из данного местонахождения мало отличаются от ранне-

ашельских — те же копьевидные изделия, слегка подправленные по краю.

Более поздние отрезки среднего ашеля представлены материалами, полученными из отложений в гроте Литторины, на стоянке, где были найдены остатки атлантропа. Как известно, последние были обнаружены не в морских отложениях, а поверх них, поверх той их части, которая отвечала максимуму тирренской трансгрессии. После этого максимума наступил трансгрессивный эпизод, и к данному-то моменту относится захоронение остатков атлантропа. Это — слой F (или D — по системе обозначений П. Биберсона для стратиграфии грота Литторины). При отступлении моря происходило растворение скоплений морских раковин, образование карманов в морских отложениях и их заполнение. Вот в таком заполнении лимонитовым песком и были собраны каменные орудия и костные остатки атлантропа. Эти наблюдения дают основания для датировки находок временем между тирренской трансгрессией и наступлением регрессивных условий (отступление моря). По европейской хронологии — это конец миндель—рисса и начало рисского оледенения.

Всего было найдено 254 изделия, из них 114 — предметы без вторичной обработки, а остальные распределяются следующим образом. Чопперов 34 экз., колунов только три, а рубил — 72 экз. 13 предметов относятся к унифасам — массивным изделиям, изготовленным методом оббивки боковой поверхности, но близким по форме к двусторонним. Встречены только два скребла с двусторонней оббивкой. Иных изделий из отщепов нет. Есть еще три отбойника, три ядрища и 10 дисков с двусторонней обработкой. Большинство изделий сделано из местного кварцита разных оттенков. Лишь очень редко применялся местный песчаник. Описание недостаточно ясное, поэтому трудно понять — все ли это орудия из слоя или их связывают с описанными отложениями только на основании тождества с немногими предметами, найденными в нем.

Отмечается, что не все галечные орудия являются чопперами, многие из них имеют слишком незначительное число сколов по сравнению с чопперами. Интересно, что французские исследователи считают возможным относить к галечным орудиям и такие изделия из галек, которые по своим контурам бесспорно тождественны рубилам. Именно для африканских рубил свойственна экономная оббивка. Напротив, максимально используется форма уплощенных галек — она не меняется, не оббивается там, где соответствует желаемым контурам. Замечено и наличие переходных форм от чопперов к рубилам.

Рубила грота Литторины расклассифицированы П. Биберсоном на группы, которые нельзя признать общепринятыми; скорее они отражают особенности взглядов автора на классификацию рубил. Так, отмечается, что среди 72 рубил имеется девять таких, у которых довольно полно сохранилась корка. Затем идет группа рубил (самая большая — 21 экз.) шелльского типа, довольно грубых, толстых в сечении. 15 экз. — это копьевидные рубила, более тонко отделанные, плоско-выпуклые. 18 рубил — более плоские, миндалевидные в плане и симметричные в сечении. Девять рубил относятся к категории овальных, без выраженного острия при вершине. К сожалению, ничего не говорится о технике оббивки, как она выражена негативами оббивки ядрища. Некоторые экземпляры, правда, производят впечатление уже оббитых мягким круглым отбойником.

Так называемые унифасы — скорее скребла, чем какой-либо другой тип орудия. Но только это очень массивные изделия, и именно таким своим качеством напоминающие рубила (так по крайней мере выглядит тот экземпляр, который воспроизведен). Подобные изделия составляют не малую часть всего инвентаря — около 10%.

Колунов в наборе орудий из Литторины немного, они массивны. Относительно скребел говорится только, что они своей интенсивной обработкой с двух сторон очень напоминают рубила и в то же время далеки от мустьерских скребел.

Что касается техники раскалывания, то остается впечатление, что при ее анализе П. Биберсон основывается на тех сколах, которые служили для изготовления рубил и колунов, а также унифасов. Сколы очень массивны, имеют гладкую площадку и производят впечатление сколотых с неприготовленных ядрищ.

По подсчетам П. Биберсона, половина изделий получена при помощи каменного отбойника. Это придает коллекции оттенок примитивности и грубости, но вещи, сделанные деревянным отбойником, показывают куда большие возможности первобытных обитателей Марокко.

Позднее П. Биберсон изменил свою точку зрения на положение грота Литторины по отношению к другим памятникам среднего ашеля. Он счел возможным относить его к самому концу среднего ашеля и обозначил как средний ашель VI (Biberson, 1967).

Одним из наиболее полно раскопанных и образцово изученных памятников ашеля Северной Африки является Тернифин в Алжире (деп. Оран). Находки сделаны в карьере. Расположена стоянка возле д. Паликао. Обширные раскопки были произведены К. Арамбуром

в 1955—1956 гг., после того как алжирское правительство предоставило в распоряжение ученых крупные средства. Пришлось при помощи землеройных машин удалить много песка, прежде чем добрались до слоя с находками. Другая трудность — удаление значительного количества воды, поступавшей из артезианских источников и затоплявшей карьер. Из-за столь необычных условий производилось скорее извлечение породы, чем разборка культурного слоя. При этом происходила тщательная промывка, гарантировавшая, что самые мелкие осколки породы или костей попадали в руки исследователей. Правда, стратиграфические наблюдения на стоянке, собственно, и не имели смысла, поскольку отложения, в которых найдены культурные остатки, накапливались возле источников, где на протяжении долгого времени шло перемешивание более ранних и более поздних слоев. Таким образом, найти на памятнике мелкие подразделения — отдельные стратиграфические единицы, подразделения ашеля или жилые остатки было невозможно. Материалы исследования оставлены в музее археологии, этнографии и антропологии Алжира. Но классификацию костного материала и каменных изделий провели французские исследователи: по фауне — К. Арамбур (Arambourg, Hofstetter, 1963), а по каменным орудиям — Л. Балу, П. Биберсон, Ж. Тиксье (Balout e. a., 1967). Под полосатыми глинами в основании разреза были обнаружены глины, заполнявшие воронку, внутри которой и располагался в древности артезианский источник. Именно на наклонной к центру воронки поверхности этой глины и в ней самой сделаны важнейшие находки, относящиеся к древнему палеолиту, в том числе челюсть тернифинского атлантропа (в более молодых отложениях того же источника были встречены орудия атерийского облика). Вместе с древнепалеолитическими каменными изделиями обнаружены многочисленные костные остатки животных, служивших добычей древних охотников: атлантического слона, носорога, зебры, свиньи, верблюда, буйвола, быка, гиены, дикобраза. Встречены также кости газели, шакала, махайрода, волка.

Для изготовления орудий обитателями стоянки применялись главным образом песчаник и известняк. Кремень встречается исключительно редко. Всего в коллекции, собранной на памятнике, имеется 1240 предметов. Поддаются классификации 1160. Из них орудий 652, остальные — отщепы, пластины и ядрища. Для орудий французскими исследователями предложен не очень логичный термин «макроиндустрия», куда включаются не только рубила, колуны, трехгранники, чопперы, но и ретушированные отщепы. К сожалению, пока описаны только рубила, колуны и чопперы. Интереснейшая часть коллекции — орудия из отщепов в виде скребел, зубчатых и выемчатых орудий — не описана. Здесь сказывается старомодная традиция выборочного описания. Не описана и техника раскалывания. По облику индустрии и по составу фауны Л. Балу, Ж. Тиксье, П. Биберсон относят Тернифин к раннему ашелю (синхронному шеллю в старом понимании) и к ранней части среднего плейстоцена. Рубил найдено 126 экз. Изготовлены они чаще всего из песчаника, на треть из кварцита, на одну пятую из известняка, только 3% сделаны из кремня. В качестве исходной формы были использованы гальки, отщепы, сколотые с галек, блоки камня, желваки и плитки. Из отщепов изготовлено более трети всех рубил. Примечательно, что при архаизме серии только 20% изделий имеет необработанное основание (называемое в отечественной литературе пяткой). Почти все орудия сделаны при помощи техники, условно называемой мягким отбойником (или деревянным, или с использованием деревянного кругляка), но все это не более как предположение, ставящее целью отметить своеобразие техники оббивки. Другими словами, негативы фасов у рубил широкие и глубокие. Только два отщепа относятся к типу комбева (с двумя брюшками). Отмечается, что в том случае, когда рубило изготовлялось из отщепа, оббивка снимала ударную площадку и ударный бугорок так, что почти вся поверхность раскалывания оказывалась оббитой. Оббивка плоскостей производилась последовательно — сначала одна плоскость, потом другая — или даже попеременно; основания и края обрабатывались попеременно. У двух изделий поперечное лезвие получено поперечным ударом. Однако большая часть рубил изготовлена из галек, но не из отщепов, крупными сколами, а края подработаны лишь местами; обработка производит впечатление скорее приспособления к форме гальки, чем получения формы из нее. Что касается формы рубил (в плане), то естественно, что классические формы встречаются относительно редко и вся серия изделий неоднородна. Две трети рубил по своей длине помещаются между 12 и 17 см. Серия рубил оказывается весьма однородной по размерам — очень мало маленьких рубил и ни одного длиннее 17 см. По своей форме (при использовании типологии Ф. Борда) они относятся к следующим категориям: миндалевидные, фикроны, похожие на аббевильские и копьевидные. Нет микокских и сердцевидных. Но авторы исследования отмечают, что совпадение с классическими типами ашеля Франции и мустье (для которых и была разработана система описания) весьма приблизительное. Мно-

жество форм — своеобразные и ранее не описанные. Так, миндалевидных рубил (а это довольно аморфный тип, и встречается он довольно часто) всего 5%, а аббевильских[3] и *того меньше* — 3%. *Лишь фикронов 13%, но*, например, триэдров — формы, свойственной *именно данному варианту ашеля*, — *больше* 18%. Эти изделия весьма разнообразны — с естественной гранью (одной из трех) или с обработанной, с острием на верхнем конце или с поперечным краем, с обработанным основанием или с необработанным. 10% изделий — это рубила с поперечно обработанным лезвием, причем лезвие может быть обработано оббивкой, а не обязательно поперечным сколом. Часть их по-прежнему кажется только развитием чоппера.

Группа колунов представляется более однородной по сравнению с рубилами. Если *несколько рубил все-таки* сделано *из кремня*, то колуны все изготовлены из кварца и из мелкозернистого песчаника. *Известняк крайне редок*. Колунов всего 107 экз. (против 120 рубил и 330 чопперов). Кварц и песчаник использовались в виде галек, которые оббивались каменным отбойником или на жесткой наковальне. Размеры колунов примерно те же, что и рубил, и столь же устойчивы: по длине они в среднем 13.5 см, ширина равна приблизительно двум третям длины.

По классификации Ж. Тиксье, колуны Тернифина относятся в большинстве (65%) к типу 0 (или протоколуну). Правда, это не означает, что колуны, обнаруженные на стоянке, совершенно примитивны — просто они ретушированы только по одному продольному краю, *а второй был так поставлен по отношению* к фигуре, получившейся при ретушировании (скорее — оббивке) другого края, что его не нужно было подправлять оббивкой или каким-либо другим способом. Оббито и основание колуна (при этом следует учесть, что классификация колунов Тиксье построена на весьма популярном принципе — выделять группы на основании ряда постепенно умножающихся элементов, а не представляет собой деление на типы по принципу устойчивого сочетания признаков).

Далее, найдены колуны, у которых обработаны оба края, но противолежащей ретушью, и колуны, у которых один край обработан *с двух плоскостей, а другой — только с одной*. Несколько колунов изготовлено из отщепов типа комбева. Рабочий край у колунов, как правило, слегка выпуклый или прямой, редко в виде ломаной линии. Чаще всего он имеет выемки, выбоины и выщербины или даже легкую ретушь, которая могла быть результатом употребления орудия. Если форма лезвия одинакова и не коррелирует с формой всего орудия, то то же можно сказать о их пропорциях: *длина в полтора раза больше ширины*.

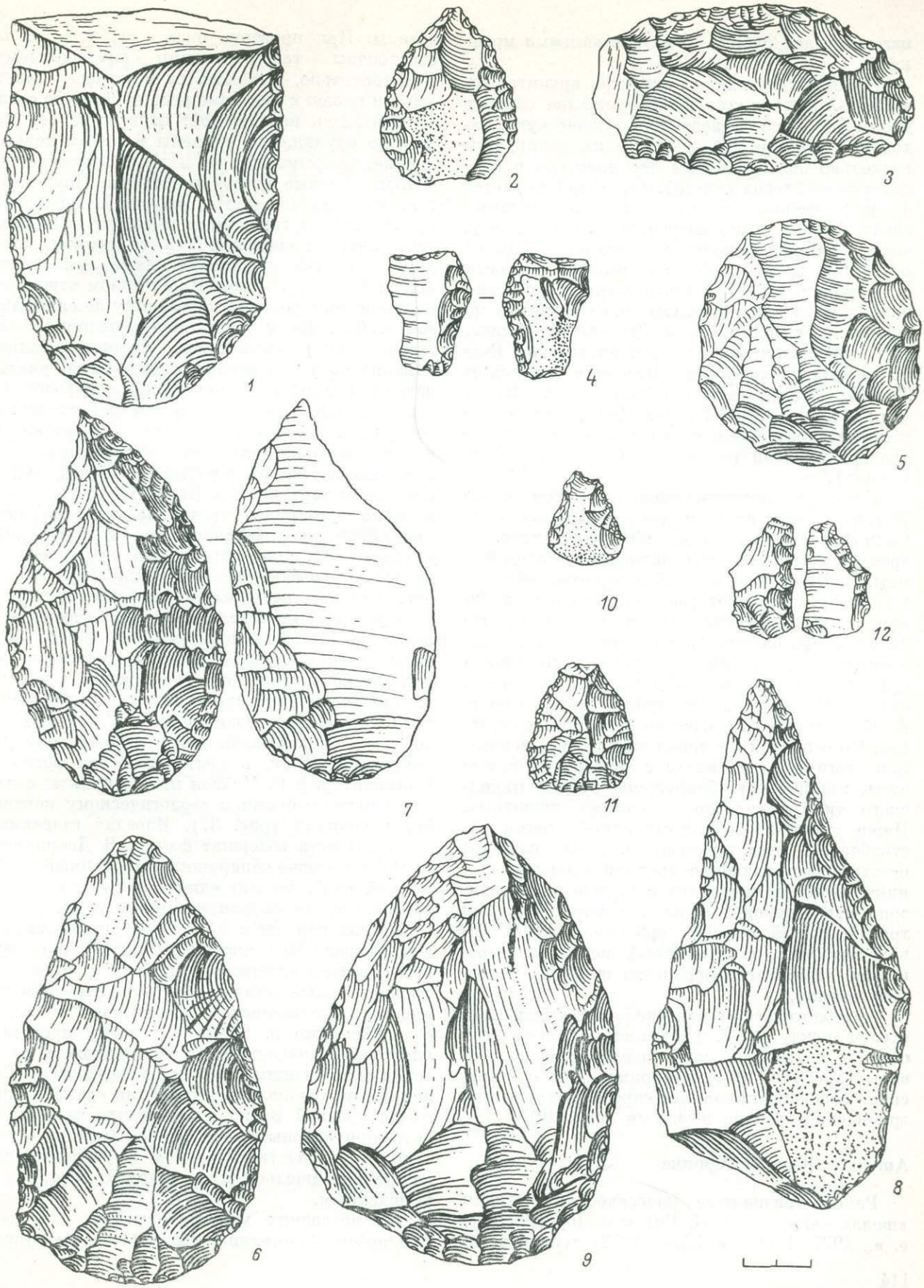
Итак, в Тернифине есть значительная *серия колунов, что не вызывает удивления*, поскольку и в Олдувае колуны теперь известны с самого древнего периода существования ашельцев (ранее их отмечали со слоя II-4; Leakey L., 1951). Но больше всего в Тернифине было чопперов, или орудий, сделанных из галек, приспособленных, подработанных галек (galet amenagé, как говорят французские исследователи, по-своему перетолковывая английский термин «chopper»). Их 331 экз. (на 652 изделия всей макроиндустрии). Было классифицировано около 80 экз., наиболее показательных. Для их изготовления применялись и кварцит (*чаще всего*), и *известняк*, и песчаник; кремень стоит на последнем месте (как *и для всех прочих макроизделий*). *Более* 60% чопперов — двусторонние, но 7% относятся к односторонним, а прочие — к сложным формам многосторонних. Такой процент чопперов указывает на архаизм индустрии по сравнению с другими наборами орудий, одновременными и более поздними. П. Биберсон считает, что по количеству чопперов Тернифин соединяет в себе признаки разных стадий ашеля, но эта точка зрения не убеждает.

Костные остатки человека, найденные в Тернифине, являются древнейшими в Северной Африке. Челюсть I принадлежала взрослому мужчине; челюсть II — более молодому субъекту, по-видимому женщине; челюсть III, *наиболее полная*, — *мужчине*, *более старому*, чем субъект I. Кроме того, найдены теменная кость молодой особи, фрагмент ветви нижней челюсти и девять зубов. Судя по теменной кости, свод черепа был низким, сам череп — массивным, толстым, на внутренней поверхности прослеживается менингиальная артерия, но более примитивная, чем у современного человека. Челюсть свидетельствует о мощи жевательного аппарата: зубы крупные, восходящие ветви челюсти очень развиты. Все морфологические признаки указывают на глубокий архаизм атлантропа мавританского из Тернифина. Он менее развит, чем неандерталец, и относится всеми антропологами к архантропам. В *числе особенностей челюстей из Тернифина* есть и такие, которые роднят их владельцев —

Рис. 36. Сиди-Зин. Ашель. По Р. Вофрею.

1 — колун; *2* — остроконечник; *3* — скребло; *4* — усеченный *отщеп*; *5—9* — *рубила*; *10*, *12* — *острия*; *11* — *скребок высокой* формы.

[3] Аббевильского типа, но не аббевильского возраста.

изготовителей рубил — с их обезьяньими предками.

В связи с находками остатков архантропов в Сиди-Абдеррахмане и в Тернифине следует упомянуть еще палеоантропологическую находку в Рабате (Марокко). Она датируется несколько более поздним временем, но в пределах тенсифтьена (рисса), и не сопровождается археологическим материалом. Это обломки свода черепа, не подбирающиеся друг к другу, часть (левая половина) верхней челюсти с шестью зубами, обломок нижней челюсти с 11 зубами. По своей морфологии эти остатки оцениваются как несколько более развитые по сравнению с челюстью из Сиди-Абдеррахмана, но более архаичные, чем неандертальские. Еще более поздним временем датируется челюсть из Темары (*неподалеку от Рабата*). А. Валуа (см.: Arambourg, Hofstetter, 1963) относит ее к пренеандертальцам и отмечает ее отличие от предшествующей группы (Рабат, Сиди-Абдеррахман).

Некоторое представление о позднем ашеле Магриба дает также многослойный памятник Сиди-Зин в Тунисе. Поздний возраст всех его трех слоев доказывается видовым составом фауны. Она включает слонов, носорогов, зебр, антилоп гну, еще некоторые разновидности антилоп, а также различные виды газелей. Эта фауна очень близка фауне более поздних атерийских памятников. Стоянка расположена в 15 км к северу от Тебессы. Верхнюю часть отложений составляют туфы, заключающие в себе некоторое количество культурных остатков. Но основной материал находится в основании этого туфа и связан с горизонтом галечника, где и были обнаружены рубила микокского типа совместно с костями животных. Ниже залегает обызвествленный песок со столбчатой отдельностью; в нем найдены остатки, составляющие средний горизонт стоянки. В основании песка есть еще один горизонт известняковой гальки, с которой связан третий, самый ранний горизонт находок. Он налегает уже на третичный песок, подвергшийся, видимо, с поверхности процессу почвообразования.

Археологический материал из всех трех слоев сходен между собой. Это типичный ашель в том смысле, что орудия из отщепов здесь не развиты (Vaufrey, 1955). Например, нет мустьерских остроконечников, нет скребел с двумя или тремя сходящимися лезвиями (рис. 36).

Ашель в Южной Африке

Ранее признанные классическими стадии «шелль—ашеля» по К. Рит ван Лоу (Soehnge e. a., 1937; Riet van Lowe, 1952) теперь ревизованы. *При проверке оказалось, что они не* обоснованы геологическими наблюдениями. Действительно, Рит ван Лоу исследовал галечники и нашел в них каменные орудия, но связь их оказалась ненадежной: отнюдь не все каменные орудия, что найдены в осыпи под галечником, происходят из него. И напрасно некоторые ученые доверяли Рит ван Лоу, полагая, что все предметы, им опубликованные, происходят из галечников и имеют надежный геологический контекст. Так, те пункты, которые он считал представляющими три стадии ашеля (III—V), теперь Р. Мэйсоном относятся недифференцированно к позднему ашелю (Mason, 1962). Да и понимание галечников как геолого-геоморфологических явлений сильно изменилось за последние годы; сейчас учитываются *поднятия и опускания морфологических* единиц. Древние террасы действительно содержали рубила и отщепы, но окатанные и не одновременные их образованию. Теперь ашель Южной Африки связывают только *с низкими террасами р. Вааль (Inskeep, 1969)*, которые претерпели тектонические перемещения. Орудия форсмитского типа оказались приуроченными к илисто-песчанистым отложениям, пропитанным известью, и к кальцинированным поверхностям, перекрывающим галечники.

Проверка местонахождений в древних галечниках р. Вааль показала, что орудия окатаны во всех случаях. Связаны с галечником они только в одном местонахождении, в долине р. Кларендон неподалеку от пролива Кларенс, где их не сопровождает фауна. В молодых галечниках расположены более надежные местонахождения. Так, в местности «Три реки» и Клипплатдриф Р. Мэйсон нашел пункты с хорошо привязанными к геологическому контексту находками (рис. 37). Изредка галечники этого возраста содержат фауну. В Доорнлагте Р. Мейсон также обнаружил выраженный культурный слой, но это единственное место, где найдены такие выразительные остатки.

До сих пор нет в Южной Африке памятников, *которые бы относились к достаточно древ*ним отрезкам ашельского времени и сохранили бы культурные остатки в непотревоженном состоянии. Большинство памятников связаны с галечниками р. Вааль и поэтому представляют собой аллювиальные местонахождения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ранее всеми признавалась стройная схема террасовых уровней Вааля и ашельские памятники были приурочены к ним. Теперь эта схема считается неудовлетворительной и расположение во времени ашельских памятников остается невыясненным.

Из последних местонахождений отмечают Вондербом — памятник с выразительным гори-

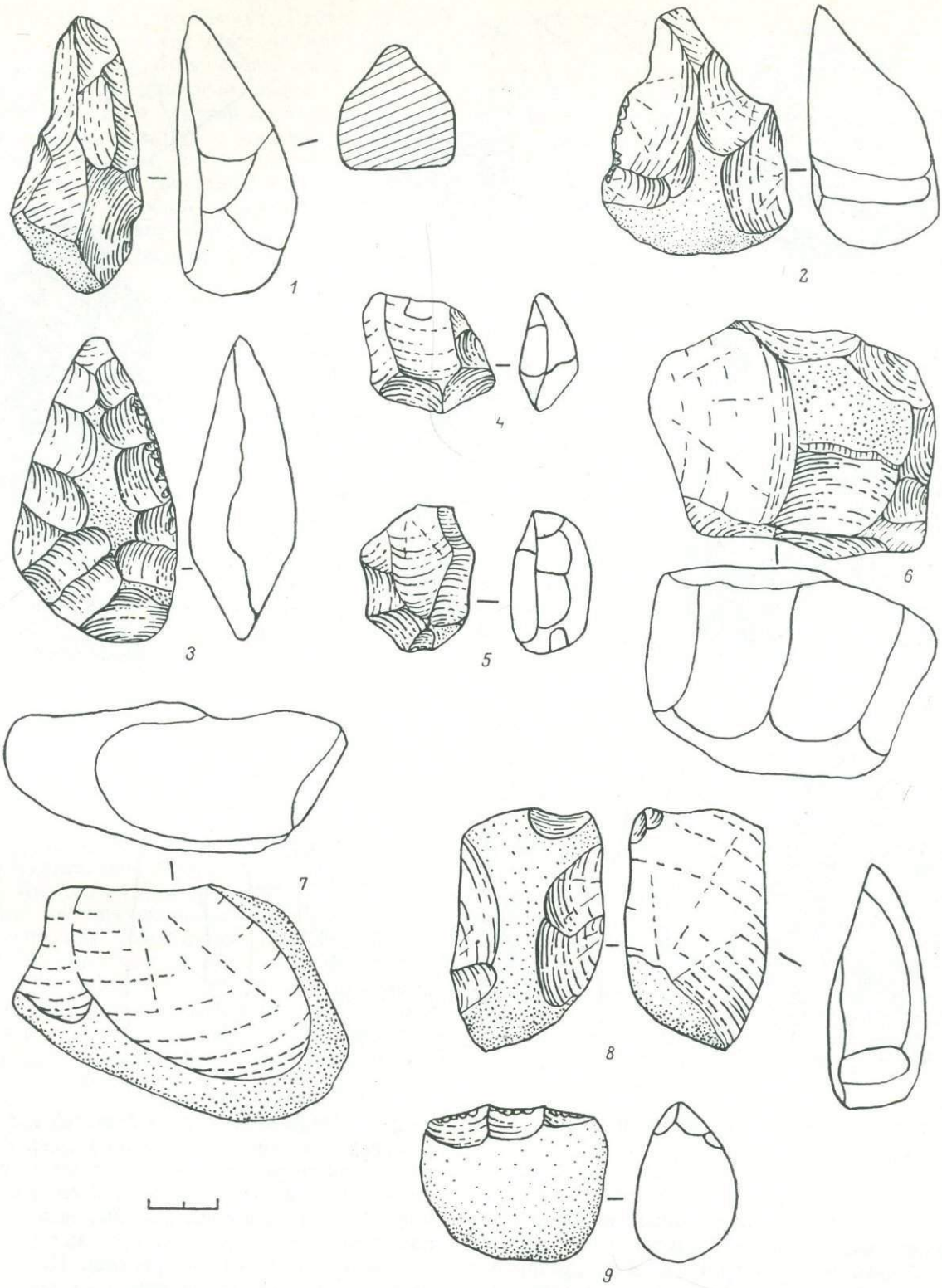

Рис. 37. «Три реки». Ашель. По Р. Мэйсону.

1—3 — рубила; *4—7* — ядрища; *8* — колун; *9* — чоппер.

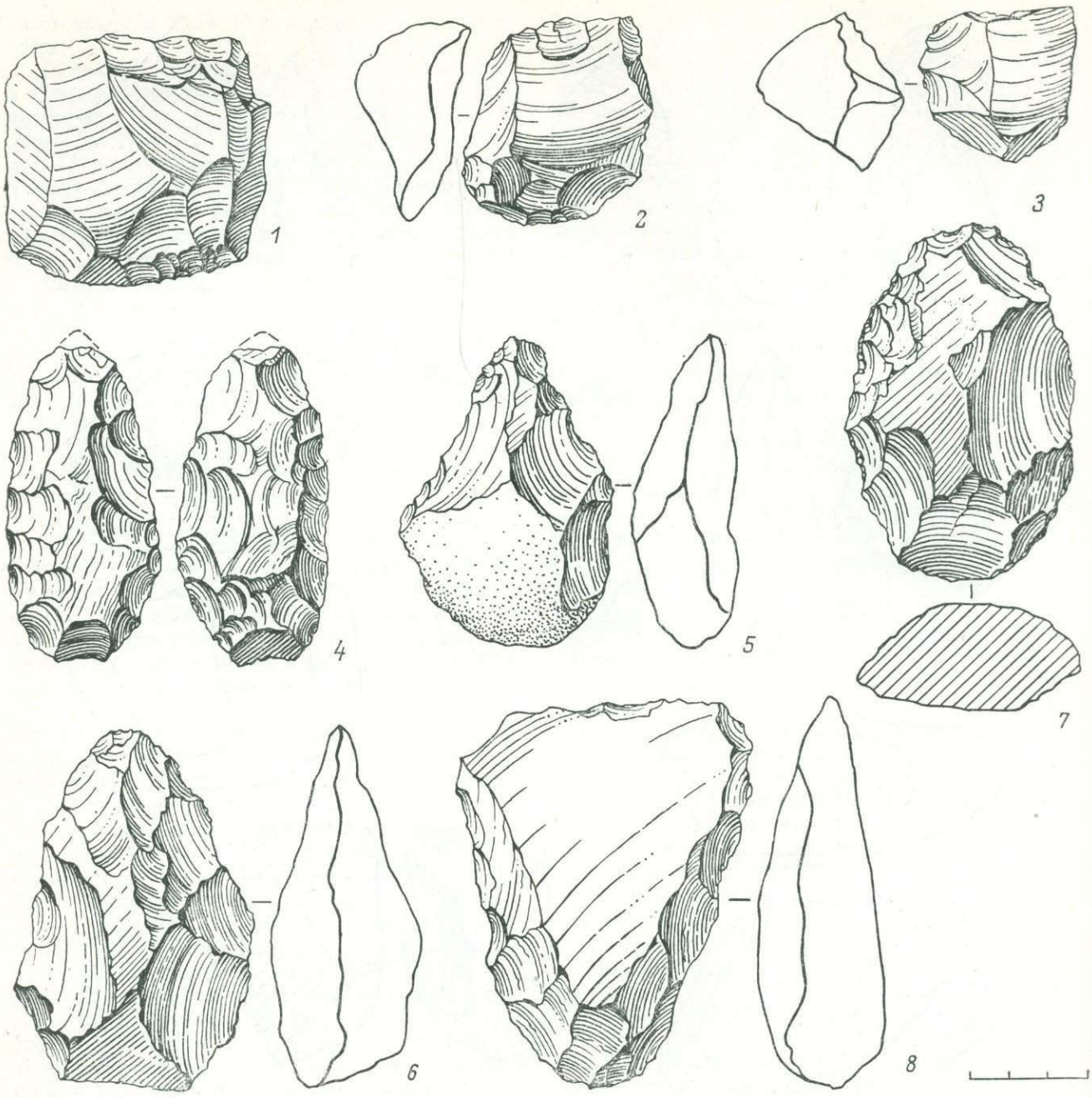

Рис. 38. Вондербом. Ашель. По Р. Мэйсону.
1—3 — ядрища; *4—7* — рубила; *8* — колун.

зонтом находок, приуроченным к террасовым отложениям небольшой долины. Каменные изделия, судя по их внешнему виду, претерпели здесь очень незначительное перемещение. Они собраны на относительно малой площади — 75×9 м. Но зато мощность отложений, содержащих каменные орудия, велика — 3 м, а при раскопках существенной разницы между орудиями, обнаруженными на большей и на меньшей глубине, не было отмечено (рис. 38). Это не ранний ашель. Его сопоставляют с нижними слоями пещеры Очагов (cave of Hearth). Здесь представлены чопперы, колуны, есть малое количество рубил, но основную массу изделий составляют отщепы без ретуши. Правда, судя по тщательно оформленным одноплощадочным ядрищам и по пластинам, которые скалывались с них, одновременно со столь архаичной техникой раскалывания существовала и более передовая, так что отщепы не являются причиной

древней датировки памятника. Рубила не выглядят развитыми, хотя известно, что в Южной Африке порой рубила ашельского времени имеют очень совершенный облик. Возможно, что либо Р. Мэйсон — автор исследований — не мог установить разницу в материале, которая все-таки существует, либо архаичная примесь представляет собой составную часть коллекции, обусловленную особым назначением памятника. Д. Кларк, например, видит в данном памятнике мастерскую или стоянку на месте обработки камня.

Другой памятник, принимаемый за опорный, — Клипплатдриф. Здесь была собрана коллекция из 827 экз. Каменные орудия слегка окатаны, поскольку приурочены к галечнику или к его поверхности. Около 25% изделий отнесено Р. Мэйсоном к образцам нерегулярной формы; из прочего половина приходится на отщепы, 3% на чопперы, рубила же составляют менее 1%. Эта серия изделий отделена от общей массы собранных орудий по степени изношенности. Особенностью африканского ашеля является присутствие орудий, условно называемых пиками (pics), напоминающих рубила, но не плоских, а трехгранных в сечении. Скребла, изготовленные из отщепов, мелкие. Господствует техника каменного отбойника. Отщепы грубые, толстые. Негативы отщепов на рубилах глубокие и короткие. Кроме того, негативы немногочисленны, что указывает, с одной стороны, на примитивность оббивки, позволяющей получать тот же самый результат при помощи немногих, но точно рассчитанных ударов (Mason, 1962).

Небольшая, но цельная коллекция происходит из пункта, называемого Аманзи, раскопанного Р. Инскипом (Inskeep, 1965). Это не аллювиальное местонахождение, в отличие от прочих ашельских памятников Южной Африки, а стоянка у источника, в его отложениях. Небольшая коллекция может считаться единым комплексом. На шесть рубил приходится шесть чопперов и три колуна. Прочие находки — 26 отщепов и несколько грубых рубилообразных орудий, из-за большой толщины и неполной обработки называемых пиками. Ядрища, к сожалению, не описаны, как, впрочем, и отщепы. В качестве сырья использовались гальки кварцита. Наиболее подробно описаны рубила, поскольку другие предметы либо вовсе не воспроизведены, либо представлены нетипичными образцами, так что можно сомневаться в правильности определения. Они все архаичные, относятся по своей форме либо к копьевидным, либо к овальным, массивные, грубо оббитые, без последующей подправки ретушью. Оббивка производилась каменным отбойником. Рабочий край извилистый. Среди орудий из отщепов описаны скребло с вогнутым рабочим краем и несколько выемчатых орудий.

Со скелетными остатками человека (человек из Салданья, ЮАР) связана стоянка, называемая по-разному: Хоупфилд, Эландсфонтейн или Салданья; она расположена в 100 км от г. Кейптауна, у залива Салданья, возле фермы Эландсфонтейн, в 17 км от берега моря и на 100 м выше ур. м. Исследовалась многими авторами. Последними были Р. Синджер и Д. Вайнер (Singer, Wymer, 1968). Материал, к сожалению, собран с поверхности, но в отличие от многих других памятников Южной Африки здесь вместе с каменными орудиями разных эпох (ашель, средний каменный век, смитфилд, т. е. железный век) найдены кости животных, которые относятся к одной фаунистической ступени — вааль-корнелия. Фауна обнаружена в одном горизонте известняковых конкреций. Стоянка приурочена к одной геоморфологической единице — к приморскому плато Сендвелд. В позднее время ветры развеяли пески и образовали ряд дюн. Скелетные остатки человека принадлежат, по мнению исследователей памятника, тому же горизонту конкреций, что и кости животных (стадия вааль-корнелия). Некоторые дюны — древние, относящиеся к среднему и верхнему плейстоцену. Сохранились также некоторые древние поверхности — почвенные горизонты, а чаще подпочвенные — ожелезнения или обызвесткования. По крайней мере в некоторых случаях орудия среднего и каменного века находимы поверх горизонтов ожелезнения, к которым бывали приурочены каменные изделия форсмитского (ашельского) облика. Наибольшее внимание, естественно, привлекают рубила. Из 150 экз. лишь 15 — крупные, прочие — мелкие, и по форме это чаще всего сердцевидные изделия. Колуны встречаются, но редко (15 экз.). Много ядрищ дисковидного характера и орудий из отщепов, по преимуществу мелких, — скребел и острий. Орудия обработаны главным образом крутой ретушью. Характер растительности был тот же в основном, что и теперь, судя по анализам ископаемой пыльцы. О том же говорят и остатки крупной фауны.

Древний каменный век в Экваториальной и Западной Африке

На территории Западной Африки есть весьма много пунктов, слывущих местонахождениями ашельскими и более ранними. Так, О. Дэвис выделяет ряд местонахождений даже «дошелльского» возраста, в том числе пункты находок в древних галечниках, которые он определяет как одновременные или однотипные

с Олдуваем (Davies, 1964). Точно так же им указываются пункты с «шелльскими» находками. Следует с самого начала сказать, что все эти изделия, определяемые и как дошелль, и как шелль, являются, судя по рисункам, изделиями кафуанского типа, т. е. гальками с одним-двумя сколами, возникшими естественным путем. К изделиям рук человека эти предметы не имеют никакого отношения. Таковы находки в пунктах на р. Белая Вольта, в Гане и в Того. Сомнение вызывает и то обстоятельство, что орудия найдены не непосредственно в слоях галечника, что бывает, конечно, крайне редко, а на их поверхности. На самом деле археология палеолита Западной Африки начинается не с дошелля, а с ашеля, притом, кажется, не раннего. Впрочем, определение возраста ашельских находок — помещение той или иной коллекции внутри ашельского времени — дело достаточно трудное, ошибки возможны даже при просмотре коллекции de visu, примером чего может служить определение возраста стоянок, принимаемых теперь за позднеашельские, таких как Каламбо-Фоллз или Исимила, а ранее — на основании одной только морфологии отнесенных к развитому или к среднему ашелю. Таким образом, можно говорить об ашеле в широком смысле слова применительно к таким пунктам, как Джос в Нигерии, местонахождения в северной части Бенина и в Того. В частности, на территории Того расположена стоянка, где ашельский возраст памятника достаточно надежно засвидетельствован его стратиграфией. Здесь ашельские находки залегали под изделиями санго в заполнении долины р. Мого (в протоке, где отложился древний аллювий). Этот пункт находится возле Сокоде. В остальных случаях и сам О. Дэвис не исключает отнесения части ашельских памятников этого района к следующей по времени культуре — к санго. Каменные изделия изготовлены из кварца или кварцита, в основном грубо оббиты; сколы, снятые при их обработке, массивны, а негативы глубоки и велики по сравнению с величиной самих изделий. Тонкая оббивка по краю, как правило, отсутствует. Однако эта внешняя грубость скорее указывает на поздний возраст в пределах ашеля и даже на возможность отнесения его к санго, а не на большую древность в пределах ашеля, поскольку именно рубила санго отличаются грубостью и примитивностью обработки. Сопровождающие рубила изделия — колуны, а в некоторых случаях — скребла — не могут служить основанием для уточнения датировки.

Как уверяет О. Дэвис (Davies, 1967), неокатанные каменные орудия типа санго находят на поверхности V террасового уровня. Но, как правило, находки санго связаны не с побережьем океана, а с внутренними районами, поскольку побережье Западной Африки обычно болотистое, заросшее непроходимыми лесами и потому недоступное. Указаний на возраст этих террасовых отложений пока нет.

Установлено, что орудия санго встречаются на нижних террасах африканских рек, которые совмещаются (сочетаются) с IV террасовым уровнем моря. Стратиграфическая позиция санго в Конго (гравийных отложений р. Конго) не может быть сопоставлена с данными по прибрежным районам, поскольку неясно соотношение геоморфологических единиц. Во внутренних районах Западной Африки санго залегает под ископаемыми почвами, часто латеритизированными, которые сопоставляются с увлажнением климата, предположительно относимым к последнему плювиалу (гембльскому). Такое увлажнение ранее сопоставлялось с так называемым первым промежуточным периодом (first intermediate). Соотношение этих геологических явлений с археологической стратиграфией установлено в пункте Асокрохона. Стоянка эта расположена на территории Ганы, и здесь в галечнике IV уровня найдены окатанные изделия ашельского облика, в латеритах, перекрывающих галечник, — орудия санго, а в пятнистых глинах, расположенных еще выше, — орудия среднего каменного века.

Количество памятников, перечисляемых О. Дэвисом, специально занимавшимся распределением местонахождений каменного века по территории Западной Африки, велико — 280 пунктов в одной только Гане, меньше в Того (38) и в Бенине (13). Но описаны они недостаточно полно, количество иллюстраций незначительно.

Несмотря на распространенное мнение, будто набор орудий санго связан с лесным окружением, встречается только на территории, занятой лесом, и, более того, порожден необходимостью вырубать значительные лесные пространства, О. Дэвис полагает, что стоянки санго располагаются в лесных районах, но не проникают в тропические леса влажного типа, поскольку это было недоступно в плейстоцене, точно так же как тропические леса недоступны и сейчас.

Единичные находки каменных орудий, которые могут быть приурочены к начальным эпохам палеолита, отмечены также на территории Народной Республики Конго (Браззавиль), на территории Республики Чад. Но речь идет, как правило, об орудиях, найденных на поверхности.

Глава 4

МУСТЬЕ И ПОСТМУСТЬЕ В АФРИКЕ

Атерийская культура в Магрибе

Смена памятников, традиционно причисляемых к ашелю, памятниками иного типа на территории Магриба до сих пор остается непонятной. И главная трудность заключается, как нам кажется, в отсутствии здесь памятников, которые, относясь к концу ашеля, содержали бы элементы новой ступени развития — новой эпохи. Подобная лакуна, по-видимому, может быть заполнена, т. е. могут быть найдены памятники, которые по времени примыкают к атерийской культуре. Надеяться на это дают основания стратиграфические разработки П. Биберсона. Он в своем анализе ашеля и последующих памятников каменного века Марокко (на основании стратиграфии морских отложений и чередования их с континентальными) выделил поздние (в пределах ашеля) местонахождения. Однако о них нельзя составить себе представления по его работам (Biberson, 1961). Кроме того, даже если указанные памятники и будут в дальнейшем полно опубликованы, надо иметь в виду, что коллекции тут получены путем сборов в обнажениях морских террас и обрушившихся гротов, что уменьшает их надежность как источника для суждения о характере памятников — о развитии каменных орудий в данное время. Пока же даже и эти памятники не могут быть использованы для определения того, как выглядел набор орудий в Магрибе к концу ашеля, и, следовательно, нет возможности ответить на самый общий вопрос: была ли у поздних ашельцев в употреблении леваллуазская техника раскалывания. Ядрища, приводимые Биберсоном как основания для суждений по данному вопросу, представляются нам нелеваллуазскими, не имеющими связи с техникой раскалывания, позволяющей получать пластины, острия или овальные отщепы в такой степени стандартизации, которая известна для леваллуазских изделий Англии, Греции или Франции. Ядрища, приведенные им, скорее характерны для нелеваллуазских памятников и должны определяться как одноплощадочные ашельского типа. О морфологии орудий из отщепов конца ашельского времени нам тем более пока ничего неизвестно. Так, у нас отсутствуют основания для предположений о том, как относится ашель в его самом позднем воплощении к последующим памятникам. Ясных представлений о времени столь выразительного памятника конца ашеля (предположительно), как Сиди-Зин, также нет. Тем не менее можно полагать, что он примыкает к памятникам, которые считаются мустьерскими и по времени соответствуют концу ашеля в европейской хронологической схеме.

На территории Африки граница между ашелем и последующей эпохой — мустье—постмустье, как правило, нерезкая по сравнению с Европой и Ближним Востоком. Но она более определенная в одном случае (Северная Африка — Магриб, Киренаика) и менее — в других (Восточная и Экваториальная Африка). Например, санго может быть отнесено к среднему каменному веку, но ввиду наличия в нем (как и в форсмите на юге Африки) большого количества архаических черт Д. Кларк выделил санго из числа памятников верхнего плейстоцена и соединил с форсмитом (Clark, 1970).

На смену ашелю Магриба появляется культура с леваллуазской техникой раскалывания, без рубил, колунов, чопперов или иных архаических элементов. Напротив, в новом наборе орудий атерийской культуры преобладают мустьерские элементы (остроконечники, скребла) и вместе с ними много типов, которые могут считаться по европейским масштабам верхнепалеолитическими (скребки, резцы). Таким образом, между мустьерскими изделиями и набором ашельских орудий нет никаких общих черт. Целостное впечатление производит и мустьерский набор орудий из пещеры Хауа-Фтеа (McBurney, 1967). К сожалению, в Киренаике нет ашельских орудий. Таким образом, мустьерская эпоха (вместе с постмустье) отличается от ашеля по тем же признакам, что и

мустье Европы и всего европейско-ближневосточного региона, а именно — мустьерский набор изделий характеризуется многообразием орудий из отщепов, новой техникой раскалывания (леваллуазской), что позволяло изготовлять такие заготовки, которые требовали минимальной доработки: подправки по краю легкой приостряющей ретушью либо обработки крутой или полукрутой ретушью, если это мустьерский остроконечник или скребло, а сами заготовки — нелеваллуазские.

Ввиду того что магрибские памятники — определенно мустьерские, четко отделенные от ашеля, кажется логичным начать описание памятников среднего каменного века Африки с Магриба.

Атерийскую культуру Магриба ее исследователи справедливо назвали первой чисто африканской культурой. Ее автономность вне всякого сомнения. Это ее качество было признано уже давно (открытие культуры относится к 70-м гг. прошлого столетия, а публикация материалов и осмысление в качестве самостоятельного явления — к годам перед первой мировой войной), но лишь потому, что для нее легко устанавливается «руководящее ископаемое», не имеющее аналогий на других территориях, — острие с черешком. Правда, эта же форма породила вначале сомнения в палеолитическом возрасте всего набора орудий — явление, аналогичное сомнениям в палеолитическом возрасте треугольных наконечников стрелецкой культуры в Костенках. Распространена атерийская культура исключительно широко: помимо Магриба, бесспорные ее памятники есть в Сахаре, хотя они, по-видимому, составят особый вариант, возможно хронологический. Кроме того, атерийские наконечники с черешком найдены в Египте. До сих пор наиболее изученным районом ее существования является Магриб. Но это не значит, что о ней уже есть все сведения; напротив, даже возраст атерийской культуры остается предметом споров. Однако более широко, чем бы хотелось, возраст может считаться установленным, поскольку в нескольких памятниках культурные остатки атерийского типа залегают поверх морских отложений, оставленных ульжийской трансгрессией, относятся ко времени средневюрмского теплого колебания. Таким образом, атерийская культура соответствует мустье Европы, но не всему «мустьерскому вюрму», а только его концу. Указанный хронологический промежуток, — вероятно, не все время существования атерийской культуры. Есть такие памятники, которые, по общему мнению, производят более позднее впечатление, и они должны соответствовать второй половине вюрма. Исследование пыльцы, сохранившейся на одной из стоянок, показало, что был прохладный климат, и притом достаточно влажный. Видимо, это как раз и есть холодный максимум вюрма в Европе и последний плювиал в Африке. Но следует еще раз повторить, что интерпретация материала, касающегося времени существования атерийской культуры, составляет предмет дискуссии и точка зрения, изложенная выше, не единственная.

С наибольшей полнотой опубликованы материалы, собранные разными исследователями у источника Айн-Фритисса (восточное Марокко, неподалеку от г. Герчифа). К сожалению, эти материалы собраны с поверхности и атерийские кремни выделены путем типологического анализа из общей массы, включающей рубила ашельского времени и микролиты маврусийской культуры (Tixier, 1958—1959). Выделение, как нам кажется, было проведено достаточно классифицированно и сомнений не вызывает, поэтому в качестве образца мы опишем именно этот памятник. Отметим также, что по крайней мере часть материалов из Айн-Фритиссы получена при раскопках, но залегание в отложениях артезианского источника не позволяет разделить находки, даже если они собраны методически вполне правильно, ведь отложения были перемещены при накоплении. К атерийской культуре относится более 3000 изделий Айн-Фритиссы.

Техника раскалывания в Айн-Фритиссе — леваллуазская. Собрано здесь 215 ядрищ. Как полагает Ж. Тиксье, раскалывание кремня происходило непосредственно на стоянке. Об этом в первую очередь свидетельствует наличие шести ядрищ, только начатых раскалыванием. Тиксье отмечает присутствие черепаховидных ядрищ. Под ними он, по-видимому, понимает диски с выпуклой тыльной стороной. Настоящие же черепаховидные ядрища он относит к ядрищам для отщепов леваллуа. Среди леваллуазских ядрищ есть все три разновидности этой группы: ядрища для пластин, треугольные ядрища для острий и уже упомянутые ядрища для отщепов. Если верить подсчетам Тиксье, то леваллуазские ядрища не составляют большинства: их всего 186 против 215 нелеваллуазских. Обращает внимание, что ядрищ для пластин и острий (они в подсчетах даны вместе) мало, а много ядрищ для отщепов, треугольной и овальной формы.

Несмотря на леваллуазскую технику раскалывания, в обширной коллекции Айн-Фритиссы всего пять ретушированных леваллуазских острий и 17 неретушированных. Зато много мустьерских остроконечников — 98 экз. Очевидно, что, даже пользуясь леваллуазской техникой раскалывания, атерийцы не ставили себе целью получение леваллуазских острий. Это иная концепция использования леваллуазских заго-

товок, чем у неандертальцев севера Франции или леваллуазцев Среднего Поднестровья. В Айн-Фритиссе вообще, помимо мустьерских остроконечников, основную массу орудий составляют скребла, скребки и зубчатые орудия, изготовленные из грубых, нелеваллуазских отщепов. Что касается форм остроконечников, то, насколько можно судить по опубликованным рисункам, они сделаны не из леваллуазских острий, а скорее из леваллуазских пластин. Так что малое количество леваллуазских острий объясняется тем, что их и в самом деле не изготовляли, а не тем, что их переделывали.

Скребла необыкновенно разнообразны, как это и свойственно памятникам мустьерской эпохи типичного пути развития. Несмотря на идентичность их пути развития с культурой кина или ферраси, здесь нет типов, характерных только для этих культур. Так, хотя в коллекции много остроконечников, в ней есть один лимас — двухконечное острие, видимо нетипичное. Естественно, что в общей массе орудий преобладают простые продольные скребла с одним лезвием. Это лезвие чаще всего бывает выпуклым (390 экз.) и реже прямым (240 экз.). Весьма много диагональных скребел (у них лезвие поставлено не поперек, а по диагонали) — 24 экз. Мало, конечно, выемчатых продольных скребел — они немногочисленны в любой коллекции. Преобладание выпуклых продольных краев над прямыми наблюдается и у двойных продольных скребел. Примечательно, что среди двойных скребел нет пластин с ориньякской ретушью по обоим краям, что типично, например, для культуры кина. Есть несколько тройных скребел и одно — с четырьмя лезвиями. Двойных симметричных скребел 77 экз. (при 390 экз. продольных с выпуклым лезвием); это — большая доля для набора каменных орудий типичного пути развития. Асимметричных скребел со сходящимися лезвиями 81 экз. Примерно столько же и поперечных скребел. Гораздо меньше скребел с двусторонней обработкой лезвия, и среди них нет типичных скребел типа кина. Особую группу составляют скребла, сделанные из ядриц. Они действительно напоминают скребла типа кина. Но интересно, что у них отсутствует такой необходимый для скребел типа кина признак, как двусторонняя обработка лезвия; они уплощены с обушка, но их лезвие обработано с одной стороны. Таким образом, мы имеем весьма редкий случай: в двух мустьерских наборах орудий из камня — в культуре кина и в атерийской — налицо одни и те же признаки: двусторонняя обработка и уплощение брюшка с обушка. Но в мустье кина такие признаки совмещены на одной вещи, а в атерийской культуре они встречаются только порознь. Кроме того, в атерийской культуре аналогичные признаки есть лишь на вещах особого рода (по техническому признаку) — на изделиях, изготовленных из ядриц.

По многочисленности за скреблами в Айн-Фритиссе следуют выемчатые орудия (43 экз.) и зубчатые (143 экз.). Некоторая часть тех и других сделана из леваллуазских заготовок. Поскольку специального описания этих изделий нет, то остается только удовлетвориться рисунками. Налицо зубчатые изделия с прямым лезвием, с двумя сходящимися лезвиями, с выемкой на конце. Но в коллекции есть и изделия верхнепалеолитического облика — скребки (57 экз.); из них лишь один относится к скребкам с рыльцем — элемент, весьма необходимый для зубчатого мустье или для мустье с клектонской традицией. 10 ножей с обушком — немало для мустье, не родственного мустье с ашельской традицией. Необходимо сказать, что скребки Айн-Фритиссы — не атипичные экземпляры, как это бывает во многих случаях, когда речь идет о мустьерской эпохе, а, судя по рисункам, вполне типичные изделия. Кроме того, автор исследования в Айн-Фритиссе особо выделяет атипичные скребки и пластины с поперечной ретушью конца. В коллекции есть также семь типичных резцов и один сомнительный. Они все угловые — один на углу сломанной пластинки, а все прочие — поперечноретушные. Интересно, что имеется и одна заготовка — пластина с поперечной ретушью, у которой продольный край там, где обычно помещается резцовый скол, отретуширован легкой ретушью; как полагают некоторые исследователи, это облегчало снятие скола. Лишь 1% орудий — изделия с черешком, столь характерные именно для атерийской культуры и нигде более в таком виде не встречаемые. Интересно, что среди них есть и типичные леваллуазские острия без ретуши по краю, и скребки с черешком. Иногда изделия с черешком переделывались, и это дает основание говорить о многих их типах. Например, в Айн-Фритиссе Ж. Тиксье отмечает резец с черешком и даже скребло с черешком. Но при рассмотрении их фотографий становится ясно, что речь идет именно о переделке какого-то изделия с черешком — резцовый скол нанесен в последнюю очередь. Одним из признаков развитого характера атерийской культуры (ее второго этапа) считается наличие листовидных острий. Они с треугольным основанием, часто асимметричные и так обработаны сплошной ретушью, что являются в сечении плосковыпуклыми.

В целом набор орудий на стоянке Айн-Фритисса дает основания датировать ее второй половиной атера, не стремясь к большей точ-

ности, поскольку орудия все-таки происходят не из слоя.

Примечательно соединение на одном памятнике и леваллуазской техники раскалывания, и набора орудий, свойственного типичному пути развития. Аналогичное соединение довольно редко. В качестве всего лишь частичной параллели можно указать на леваллуа севера Франции. Там тоже много орудий с поперечной ретушью, в частности скребел, что служит признаком, отсутствующим на большинстве леваллуазских памятников. Но все-таки леваллуа севера Франции тем не менее леваллуа, поскольку там много леваллуазских острий, а при отделке орудий явно принималось во внимание наличие заготовок, которые можно использовать при минимальном ретушировании. Сходство двух культур — северофранцузской и атерийской — это присутствие в них многочисленных (по сравнению с другими памятниками, но не с группой скребел внутри данного памятника) поперечных скребел и скребел с двумя-тремя сходящимися лезвиями в асимметричном варианте.

Другим примером соединения леваллуазской техники раскалывания и орудий типичного пути развития может служить стоянка Хотылево близ Брянска.

Отметим и соединение в одном памятнике типичных изделий мустьерской эпохи с верхнепалеолитическими, причем весьма развитыми. Эта черта, несвойственная другим культурам или памятникам иных путей развития мустьерской эпохи. На наш взгляд, особенность набора орудий атерийской культуры — следствие ее сосуществования с верхнепалеолитическими памятниками Европы. Видимо, носители этих культур поддерживали между собой связи, однако представить себе конкретные формы таких связей пока нельзя из-за малой исследованности обширных африканских пространств.

Другим памятником, найденным в определенной связи с источником, является Тит-Мелиль, расположенный тоже в Марокко, примерно в 10 км к юго-востоку от Касабланки (Vaufrey, 1955). При исследовании обнаружилось, что собственно находки приурочены к заболоченной местности, и торфянистые образования здесь тянутся на довольно большое расстояние. Позднее удалось найти источник с конусом песка, накопившимся возле него. *Этот песок был перекрыт торфянистым слоем*, к основанию которого приурочены находки. Их разделили по глубине залегания на три слоя (сверху вниз): A — C. Но все они содержали атерийский материал. Фауна же была определена без разделения на слои. Наиболее древние остатки залегали в красной глине. Определимые кости принадлежали следующим видам животных — слонам, носорогам, зебрам, гиппопотамам, свиньям, буйволам, газелям, быкам и др. Среди кремневого инвентаря отмечаются ядрища и пластины, изготовленные техникой леваллуа. Особенность данного памятника — наличие рубил. Они вполне типичны: одно из них овальное, другое миндалевидное. Как в Айн-Фритиссе, здесь встречен богатый набор разнообразных скребел, в том числе с поперечным и со сходящимися лезвиями. Лимасов среди изображенных предметов не найдено. Хотя есть пластины с параллельным огранением и с ретушью по одному краю. Отмечается присутствие в слое A 2.6% скребков, тогда как в слое B их нет. Видимо, это отсутствие не случайно. Другая особенность памятника — наличие острий, в том числе так называемых марокканских — с округлым черешком и с крылышками — и псевдосахарских — с приостренным черешком. Есть и листовидные острия, упоминавшиеся нами при описании Айн-Фритиссы. Хотя Р. Вофрей и назвал нижний слой мустьерским, а два верхних — атерийскими, атерийские вещи были найдены также в слое C, в его верхних горизонтах. Стало быть, даже присутствие черешковых форм не мешало автору исследования отнести нижний слой к мустье. Таким образом, присутствие черешковых наконечников свойственно атерийской культуре с самого начала ее существования и во всяком случае не приурочено только к концу ее.

На основании характера фауны К. Арамбур высказал предположение, что Тит-Мелиль относится к началу распространения в Европе вюрмского ледника (Arambourg, 1962). Однако такое соотношение нельзя считать доказанным.

Примером пещерного памятника атерийского типа может служить грот Тафоральт. Он расположен в Марокко, в горах Бени-Снассен. Стратиграфия грота такова. Сверху идут отложения из раковин и золы, относящиеся к иберо-маврусийской культуре. Это три различных слоя, разделенных стерильными прослойками. Наибольшая мощность этих отложений — до 4 м. Ниже следует стерильный слой с обилием камня. Атерийские остатки приурочены к песчанисто-глинистым отложениям, но верхние 15 см этой толщи занимают еще иберомаврусийские остатки. Ниже идут четыре слоя атерийской культуры, разделенных стерильными прослойками. *Это слои F, G и H мощностью* в среднем по 0.5 м. Есть предварительное описание слоя D. Техника раскалывания — леваллуазская, около половины заготовок и более половины ядрищ относятся к леваллуазским. Скребков около 10%. На долю скребел приходится около 20% инвентаря. Вдвое меньше листовидных острий вместе с черешковыми

формами. В слое F нет черешковых изделий, но по набору орудий это бесспорно та же самая атерийская культура. Одна треть изделий сделана из пластин. Слой H имеет по сравнению с остальными слоями более архаический облик.

Аналогичная стратиграфия — атер под иберо-маврусийской культурой — отмечена и в двух гротах Эль-Кензира, расположенных в 17 км от Мазагана тоже в Марокко. Среди орудий налицо разнообразные острия с черешком и листовидные, скребки из пластин и с черешком, скребла и остроконечники. Техника раскалывания — леваллуазская. Многочисленны фаунистические остатки носорога Мерка, зебры, свиньи, быка, буйвола, дикобраза, газели, волка, лисицы, гиены и др.

Грот Дар-эс-Солтан расположен в 6 км от Рабата. Здесь атерийские остатки залегали непосредственно под неолитическим слоем; иберомаврусийский слой, перекрывающий атерийский, отсутствовал. Верхний атерийский слой имел мощность 1.75 см; примерно такова же мощность стерильного и нижнего атерийского слоев. Последний содержал 14 скребел, 6 скребков, 19 пластин с ретушью, 40 острий — мустьерских и леваллуазских, 19 черешковых острий, 10 прочих изделий с черешком. Верхний атерийский слой мало отличался от нижнего.

Местонахождения на открытом воздухе тянутся вдоль всего побережья Африки — и вдоль атлантического, и вдоль средиземноморского. Они известны не только в Марокко, но и в Тунисе, и в Алжире. Глинистые отложения с атерийскими остатками (Vaufrey, 1955) всегда имеют красноватый оттенок, что еще раз говорит о том, что климат во время существования атерийской культуры был более влажным (и, видимо, более прохладным), чем сейчас. Именно приморские стоянки позволяют установить отношение атерийской культуры к последнему крупному колебанию уровня моря. Так, в 45 км к западу от Алжира, возле Мостаганема, давно уже известен разрез Берар, где выступает утес из песчаника, изъеденный ветрами и обработанный волнами моря. Поверх скальной поверхности (уплотненной дюны) очередное морское колебание — наступление моря — оставило галечник и морские раковины. Эти морские отложения покрыты песчаником от розового до интенсивно-красного цвета. На контакте морских отложений и в массе песчаника встречаются многочисленные атерийские изделия. Стало быть, здесь атерийские отложения бесспорно относятся ко времени континентальных образований, следуют за морской трансгрессией. Регрессия, с которой связываются атерийские каменные орудия, определяется как послемонастирская. Вслед за ней отмечается только фландрская трансгрессия голоценового времени.

Однако стоянки атерийской культуры встречены не только в приморской части Магриба. Так, открытый еще в 1886 г. известный памятник Джеббана (около Бир-эль-Атера — откуда и название всей культуры) расположен к югу от Тебессы, в деп. Константина в Алжире (Balout, 1955). Холм, в отложениях которого найдены культурные остатки, подмывается водами лишь во время бурных ливней, но благодаря им на этом месте каждый год можно видеть тысячи кремней атерийского типа и костей животных. Мощность культурного слоя около 1 м, и обнажен он на протяжении 30 м.

В мертвой долине Джуф, в горах Неменшас, были также найдены многочисленные атерийские кремни, хотя каменистая пустыня казалась малопригодной для древних охотников за газелями и носорогами. Но в то время климат был более прохладным и, возможно, более влажным, судя по тому, что в кострах атерийского времени найдены угли ясеня — дерева, которое теперь растет лишь в горах, где климат прохладнее. Культурные остатки происходят из пропитанной солями древней почвы, залегающей на склоне холма. Здесь особенно типичны острия с черешком, резец на углу сломанной пластинки и выразительные скребки на конце пластины (рис. 39).

Наиболее замечательным и полно исследованным местонахождением атерийской культуры в Тунисе является Айн-Метерхем (Vaufrey, 1955) — памятник, часто называемый мустьерским, что несправедливо. Он представлен не одними сборами каменных изделий с поверхности, а раскопан (правда, в пределах траншеи). Коллекция была изучена Ф. Бордом (Bordes, 1968). Различаются два пункта: «почва» (рис. 40) и «туф» (рис. 41). Эти пункты расположены по разные стороны оврага, и в них единственный культурный слой (менее мощный, чем на остальных атерийских стоянках) находился под перемещенными песками. На поверхности залегали остатки капсийской культуры. Во втором пункте, хотя он условно и называется «туф», культурные остатки находились в песке и были лишь перекрыты слоем, пропитанным известью с наземными моллюсками — отложениями древнего источника. Как полагает Борд, индустрии двух пунктов не тождественны: ближайшие аналогии пункту «туф» он усматривает, конечно (как и для любой далекой индустрии, будь то Азия или Африка), в мустье Франции. Он считает, что Айн-Метерхем — это мустье типа феррасси, а для пункта «почва» он аналогий не находит. Почему Борд так по-разному отно-

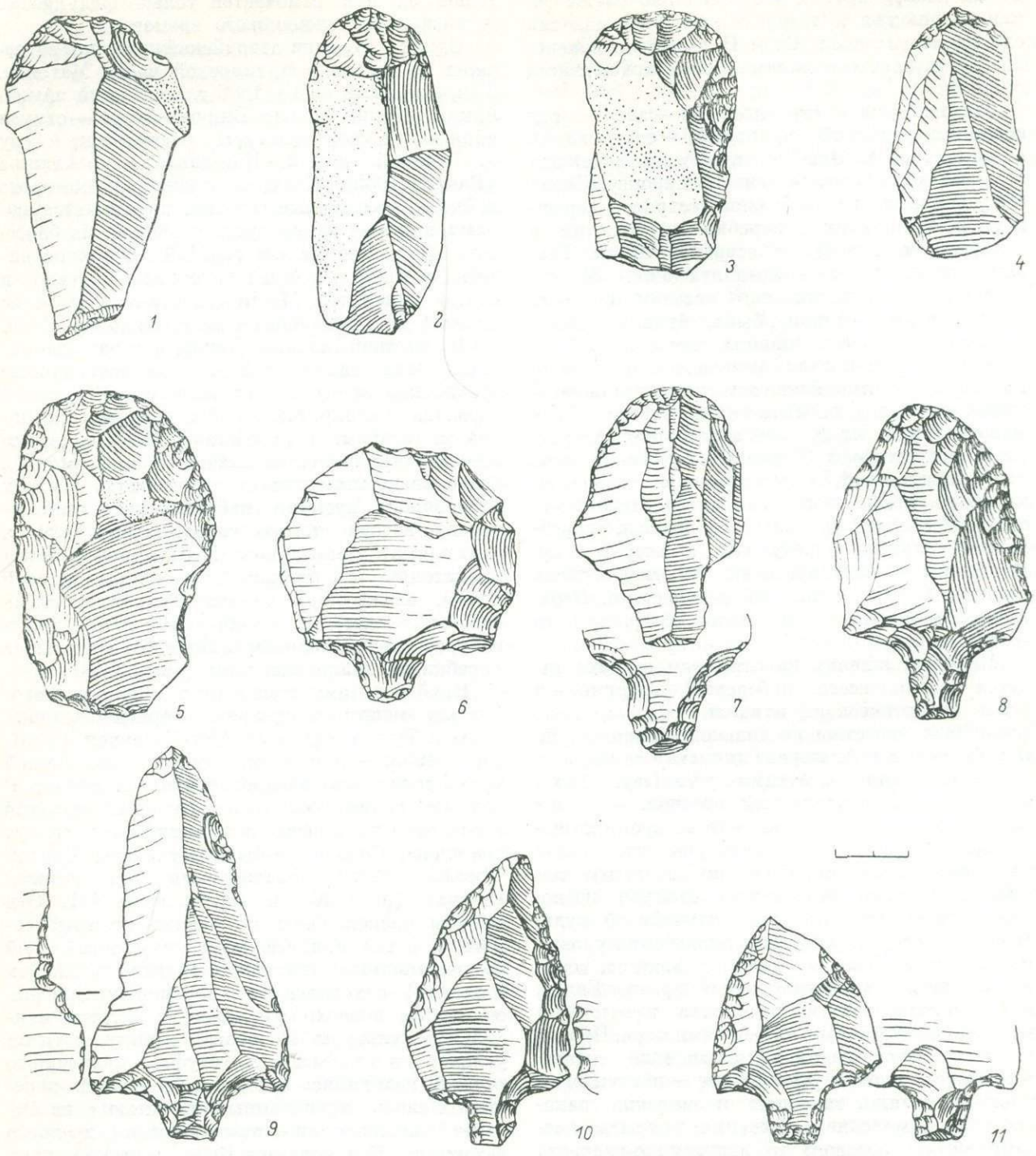

Рис. 39. Джуф. Атерийская культура. По Р. Вофрею.

1—5 — скребки; *6* — отщеп с черешком; *7* — скребок с черешком; *8—11* — острия с черешком.

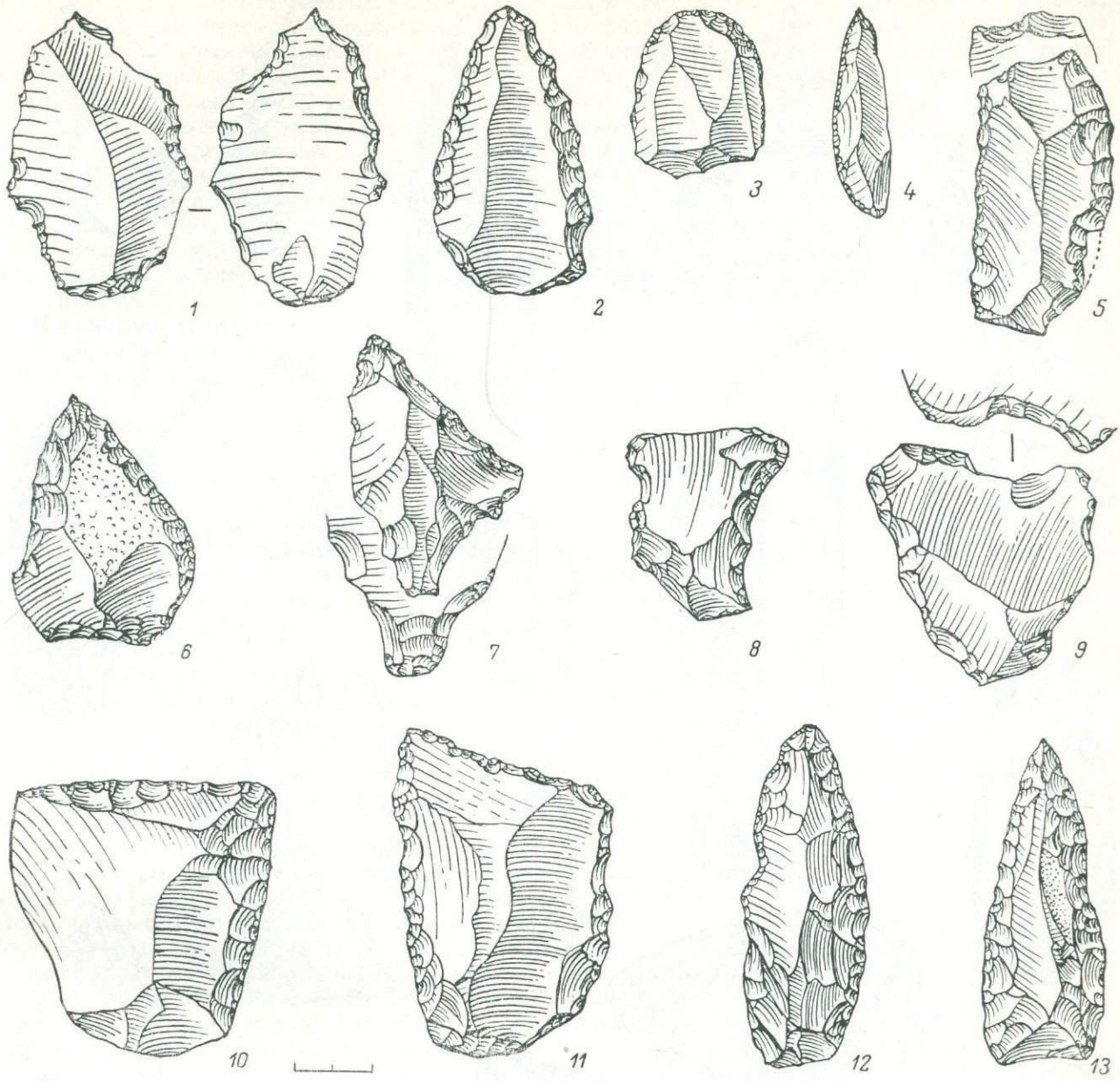

Рис. 40. Айн-Метерхем. Пункт «почва». Атерийская культура. По Р. Вофрею.

1, 9 — зубчатые орудия; *2, 5* — двойные скребла; *3* — скребок; *4* — пластина с притупленным краем; *6, 12, 13* — остроконечники; *7* — скребло с черешком; *8* — выемчатое орудие; *10, 11* — скребла.

сится к этим пунктам, непонятно: они сходны в большей степени, чем каждый из них с Ла-Ферраси. Естественно, что проще всего набор орудий из пункта «почва» сравнивать с другими атерийскими памятниками. Здесь даже есть «руководящее ископаемое» этой культуры — черешковые изделия (рис. 40, 7). Большинство ядрищ в обоих пунктах — дисковидные, а не леваллуазские, хотя встречаются и леваллуазские. Леваллуазские острия единичны. Набор скребел не отличается ничем от характерного для Айн-Фритиссы: те же продольные и поперечные скребла (рис. 40, *5*; 41, *16, 17*), двойные и тройные скребла (рис. 40, *10, 11*; 41, *10*), скребла со сходящимися лезвиями, асимметричные и симметричные (рис. 41, *14, 15*). В том и в другом памятнике есть по четыре типичных скребка (рис. 40, *3*; 41, *7*), но только два резца, и оба атипичных. Найдено несколько проколок. К числу отличий, пожалуй, можно отнести немного ножей с обушком,

Рис. 41. Айн-Метерхем. Пункт «туф». Атерийская культура. По Р. Вофрею.

1, 3, 9 — остроконечники; *4, 5* — зубчатые орудия; *6, 10* — скребла продольные; *7, 18* — скребки; *8* — клювовидное орудие; *11* — скребло поперечное; *12* — пластинка с притупленным краем; *13* — рубило; *14—17* — скребла.

встреченных в Айн-Метерхеме. Интересны также некоторые зубчатые орудия (рис. 40, *1*; 41, *4*) и остроконечники (рис. 40, *6*; 41, *1—3*), видимо, более разнообразные, чем в Айн-Фритиссе, поскольку здесь есть удлиненные остроконечники с суженным основанием (рис. 41, *3*, *9*). Интересны и пластины с параллельными краями и ретушью по ним. Однако лимасов здесь нет, как и в Айн-Фритиссе. Имеются рубила (рис. 41, *13*), один чоппер и многогранники. Изделия с черешком представлены 1 экз., и не острием, а скорее диагональным скреблом (рис. 40, *7*).

Предметов, типичных именно для мустье типа ферраси, здесь нет; например, нет скребел с противолежащей ретушью продольных краев. Нет и того изобилия пластинчатых форм вытянутых пропорций (ножей — по терминологии Д. Пейрони), которое встречено в Ла-Ферраси. Скорее характерным здесь является толстое, укороченных пропорций изделие, при всем том, что на 38 дисковидных ядрищ приходится 10 леваллуазских. Естественно, что малое количество изделий с черешком ни в коем случае не является сейчас препятствием для отнесения Айн-Матерхема к атерийской культуре.

Пока основным аргументом в пользу позднего возраста атерийской культуры можно считать лакуну между атером и иберо-маврусийской культурой, начинающейся не более 12 тыс. лет тому назад. Эту лакуну желательно (притом непротиворечиво) заполнить продолжением атерийской культуры, ее развитым этапом. Пока есть две прямые датировки атерийской культуры, к тому же расположенные в стратиграфической колонке, — для двух слоев атера в Дар-эс-Солтане: больше 25 и больше 28 тыс. лет до наших дней для более раннего слоя. Магрибские археологи пытаются использовать при установлении абсолютного возраста атерийской культуры данные Хауа-Фтеа в Киренаике. Нам представляется это методической ошибкой: в Киренаике развитие культуры шло совершенно особым путем, там никем не наблюдалось лакуны на предполагаемом отрезке времени, когда должен был бы существовать верхний палеолит. Поэтому определения абсолютного возраста слоев в Хауа-Фтеа не подходят для датировки атерийской культуры. В Хауа-Фтеа нет культурных проявлений, родственных атерийской культуре или обусловленных ее влиянием, что признают и сами археологи, занимающиеся каменным веком Магриба.

Другая попытка была сделана на иных материалах — по данным археологии и геологии Сахары. Здесь атерийская культура представлена своим вариантом, а не основным проявлением. Но абсолютному датированию подверглись не сами археологические памятники, а геологические образования, синхронные, по убеждению геологов, атерийской культуре (Chavaillon, 1964). Они допускают, что атерийская культура синхронна саурийскому эрозионному циклу и циклу аккумуляции, преимущественно его началу. Но геологам хорошо известно, что для такого подразделения отложений единого цикла обычно не бывает оснований, кроме самых приблизительных определений (допустимо полагать, что находки скорее относятся к основанию отложений цикла в большинстве разрезов, но не более того; трехкратное подразделение уже невозможно). Таким образом, имея абсолютные даты для саурийского цикла — от 12 550 до 38 тыс., можно лишь утверждать, что атерийская культура располагается где-то в первой половине этого отрезка времени, но не около 40 тыс. лет, как формулирует свой вывод А. Алимен (Alimen, 1965), а вслед за нею и другие археологи, работающие над магрибскими материалами. Правда, Ш. Кан (Camps e. a., 1968), например, говорит о продолжительности атерийской культуры от 40 до 25 тыс. лет. Большинством археологов принимается, что проявления атерийской культуры в Марокко и Сахаре более поздние, чем в Алжире. Допускается даже, что в Сахаре нет промежуточных явлений между атерийской культурой и неолитом.

Мало известно о духовной культуре атерийцев, но один памятник — Эль-Геттар — способен пролить на эту проблему некоторый свет. Здесь найден конус (конусовидная куча) шаров либо естественной формы, либо частично подработанных, в отложениях опять-таки древнего источника (Balout, 1955). Самые совершенные из шаров были положены на вершину этого сооружения. Под скоплением лежали кости, зубы животных и 2000 каменных изделий, только самых совершенных. Кроме того, встречались грубые пластины и отщепы. Наблюдения за патиной показали, что это сооружение наполовину было погружено в воду источника.

Подобно тому как погребения мустьерского времени говорят о существовании неких превратных представлений, но не позволяют уяснить себе их более подробно, так и раскопанное в Эль-Геттаре М. Грю (Gruet, 1958—1959) сооружение указывает на то, что у атерийцев были некие обряды, некие действия, не имевшие практического значения, но направленные, видимо, на обеспечение защиты от потусторонних сил. Приводимые параллели — весьма позднего времени (так, автор исследования называет параллели в некоторых обрядах римлян). Они, на наш взгляд, не могут помочь расшифровать древний обряд, зафиксированный в Эль-Геттаре.

Костные остатки людей, относящихся ко времени существования атерийской культуры, найдены в Марокко в гроте Тафоральт (Ferembach, 1962). Они представлены только дефектными остатками свода, имеющими неандертальские особенности. Интересной находкой является череп (без нижней челюсти) из Джебел-Ирхуда, тоже в Марокко (Arambourg, 1965). Но по сопровождающей каменной индустрии автор исследования относит его не к атерийской культуре, а к мустье, предшествующему атеру. Правда, уже бывало так, что индустрию относили к мустье, а потом приходилось считать ее атерийской, поскольку находили атерийский наконечник. Возможно, что и находки из Джебел-Ирхуда будут пересмотрены таким же образом. Во всяком случае пока атерийских наконечников в Джебел-Ирхуде не найдено, а морфологические особенности черепа — бесспорно неандертальские. Череп массивный, суженный в передней части — районе лба. Свод низкий, выражены и затылочный валик, и надбровные дуги. В 1963 г. при раскопках были найдены обломки второго черепа — со следами воздействия огня.

Единственными более или менее бесспорными остатками атерийского человека являются скелетные остатки из Мугарет-эль-Алия близ Танжера в Марокко. Грот имеет около 10 м в длину (Howe, 1967). В нем сохранились и голоценовые отложения, достигающие в глубине грота толщины 2 м. Пол грота обрывается в море на высоте 18 м. Грот легко доступен с плато.

Стратиграфия грота снизу вверх такова. Слои 11 и 10, самые древние, представляют собой брекчию из костей животных мощностью приблизительно 1 м. Дно грота раскопками не достигнуто. В песчанистых отложениях найден леваллуазский нуклеус. Слой 9 имеет наибольшую мощность — 9 м. Здесь обнаружены немногочисленные каменные изделия, а в верхней части слоя — скелетные остатки двух индивидов — ребенка и взрослого. Среди каменных изделий есть листовидные острия. Фаунистические остатки принадлежат слонам, носорогам, гиппопотамам, газелям, быкам, шакалам, гиенам, дикобразам, ящерицам. Археологический материал сравним с тем, что был найден в слое 6. Вмещающая порода — песок, то тощий, то, наоборот, жирный, со многими прослойками — известняковыми корочками. В основании проходит одна значительная прослойка, простирающаяся по всему гроту. Слои 8 и 7 — грубый крупнозернистый песок, принесенный в грот текучими водами. Археологический материал немногочислен, есть кости животных. Слой 6 — коричневый глинистый песок мощностью от 0.1 до 1.6 м. Каменные изделия сосредоточены в его основании, в углистом прослое. Налицо 69 листовидных острий. Некоторые из них ромбовидные и с тенденцией к образованию черешка в основании. Здесь же были найдены 63 мустьерских остроконечника. Кроме того, представлены и многочисленные скребла. Скребков 18 экз. Есть проколки. Отмечается присутствие леваллуазских отщепов. Про 18 ядрищ ничего более, кроме того, что они были найдены, не сообщается. Острий с черешком открыто только 3 экз. Для слоя 6, по мнению французских специалистов по пещерным отложениям, есть свидетельство сухости климата — известковистые трубочки — остатки корней растений. Напротив, в слое 5 (мощностью 0.3—1.4 м), тоже песчанистом, но красного цвета, имеются признаки влажности климата: мелкая галечка, прослойка песка, более плотные, чем вся порода, глинистые корочки. Эти признаки сконцентрированы в нижней части слоя 5. Фауна — носороги, слоны, газели, жирафы, быки, львы, шакалы, дикобразы, пещерные гиены, черепахи, жабы, зайцы, гиппопотамы и др. Среди археологических остатков есть как листовидные наконечники, так и наконечники с черешком и скребки с черешком. Черешковые формы приурочены к нижней части слоя. Многочисленны мустьерские остроконечники и скребла. Найдены лимасы, проколки, скребки. Ядрища по преимуществу мелкие дисковидные. Поверх этих отложений залегают неолитические слои. Как полагают авторы раскопок (Howe, 1967), атерийская культура здесь достигает конца плейстоцена и сменяется непосредственно пришельцами, которые принесли с собой и земледелие. Правда, допускается, что часть отложений четвертичного времени была уничтожена неолитическим человеком. Вне зависимости от интерпретации американскими археологами стратиграфии Мугарет-эль-Алия можно утверждать, что скелетные остатки принадлежат носителям атерийской культуры. Они не могли попасть из более поздних (голоценовых) слоев хотя бы потому, что кости черепа имеют неандертальские признаки. От ребенка 9 лет до нас дошли обломок верхней челюсти и зубы, от взрослого человека — только зуб. По своим размерам челюсть и зубы бесспорно неандертальские. Зуб взрослого крупнее, чем зубы любого неандертальца Европы. По наличию предносовой ямки фрагмент челюсти схож с остатками из Эйяси (Восточная Африка) и с родезийским человеком. Таким образом, носители атерийской культуры несомненно были палеоантропами. Но, конечно, для более развернутой характеристики населения Магриба в атерийское время материал слишком мал.

В связи с характеристикой атерийской культуры следует очень кратко остановиться и на

мустье Магриба. Эта эпоха в Магрибе представлена несколькими памятниками (Balout, 1955). В Ашакаре мустье перекрывается слоем с развитым по облику атером, в Тафоральте — типичным проявлением атерийской культуры, в Кап-Тенесе — иберо-маврусийской культурой. В Уед-Акарите мустьерские отложения перекрываются какой-то разновидностью верхнего палеолита. В Эль-Геттаре стратиграфия осталась необъясненной для археологов Магриба: атерийский наконечник залегал в самом глубоком слое (уровень Т, на глубине 7 м). Все это подтверждает отнесение магрибского мустье, там, где оно представлено, к времени, предшествующему атерийской культуре (Camps e. a., 1968).

В довоенные годы распространились сведения о существовании в Северной Африке особой культуры сбайкиа. Она упоминается и в некоторых советских работах. При проверке оказалось, что сторонником этой культуры является только ее открыватель, который никогда не мог указать ни памятника со слоем, относящегося к ней, ни участков сборов. На самом деле материалы, относимые им к культуре сбайкиа, были собраны на многих пунктах местными жителями. По мнению исследователей палеолита Северной Африки, такой культуры не было — это смешанный материал из разных пунктов и притом разновременный. Может быть, некоторым оправданием для возникновения гипотезы о сбайкиа служит противоестественное, с традиционной точки зрения, нахождение в одних и тех же памятниках (атерийской культуры) и рубил, и элементов верхнего палеолита при мустьерской основе и леваллуазской технике раскалывания. Но такое соединение теперь ни у кого не вызывает сомнения и всем кажется естественным. Оно доказано со всей очевидностью существованием в одном слое всех этих элементов.

Эпипалеолит в Марокко (иберо-маврусийская культура)

Долго бытовало мнение, выраженное таким крупным авторитетом по археологии Африки, как Р. Вофрей, что иберо-маврусийская культура (или оранская — по другой терминологии) относится к краевой фации капсийской культуры, является одним из вариантов ее позднего проявления, более «одичавшим» вариантом, чем поздний капсий (Vaufrey, 1955). Такого же мнения держался и Л. Балу (Balout, 1955). В соответствии с этим и рассматривали эту культуру как послепалеолитическую, а для территории Марокко применяли даже термин «марокканский эпипалеолит». Но на основе радиоуглеродных определений абсолютного возраста стало возможным утверждать, что культура эта относится к конечной фазе плейстоцена и, стало быть, является тем конечным отрезком древнего каменного века, который в Африке единственно — и то с известными оговорками — заслуживает названия верхнего палеолита. Впрочем, и здесь более уместен термин «развитый палеолит» (advanced Palaeolithic), применяемый Ф. Смитом для того, чтобы стадиально отличить его от верхнего палеолита в европейском смысле этого слова. Далее обнаружилось, что и типологически неправильно рассматривать ее как вариацию, провинциальную или краевую и одновременно хронологическую, капсийской культуры. При достаточно точном типологическом анализе оказалось, что она по основным формам каменных орудий отличается от капсийской культуры. Наиболее полно представляющим иберо-маврусийскую культуру памятником является грот в Афалу-бу-Руммеле в Алжире (он же известен вместе с соседним памятником как грот Бени-Сегуаль). В целом же эта культура распространена на атлантическом побережье Марокко (Эль-Кензира, Тит-Мелиль, Дар-эс-Солтан), на его средиземноморском побережье (Тафоральт), в Алжире (Ла-Муйла, Бени-Сегуаль) и в Тунисе (Ухтата, Уед-Акарит, Сиди-Мансур). Датируются памятники оранской культуры двумя последними тысячелетиями плейстоцена — от 12 до 10 тыс. лет до наших дней. На основании пыльцевого анализа известно, что климат в те времена был близок к нынешнему. Отмечается присутствие алеппской сосны, можжевельника и дуба. На стоянках этой культуры находятся кости антилоп гну, лошадей, оленей и медведей. Известны могильники оранской культуры. Тафоральт — самый большой из них. В могильнике Афалу-бу-Руммеля также найдено более 50 скелетов. Встречаются и одиночные погребения. В некоторых случаях памятники оранской культуры — многослойные. Их первым, бросающимся в глаза отличием от более поздней, капсийской культуры (правда, возможно, поздние этапы оранской культуры и синхронны началу капсия) является отсутствие геометрических микролитов. Техника раскалывания оранской культуры очень близка к той, которая характерна для остальных африканских памятников того же времени, — это плоские односторонние ядрища, всегда мелкие, явно происходящие от более ранних, леваллуазских (рис. 42, *21—24*). Сами изделия также мелкие. Невелики и скребки (рис. 42, *16—18*), но они не укороченные, а средних пропорций, то более длинные, то более короткие и очень редко двойные. Основной материал составляют пластинки с притупленным краем (рис. 42, *1—11*). Наиболее

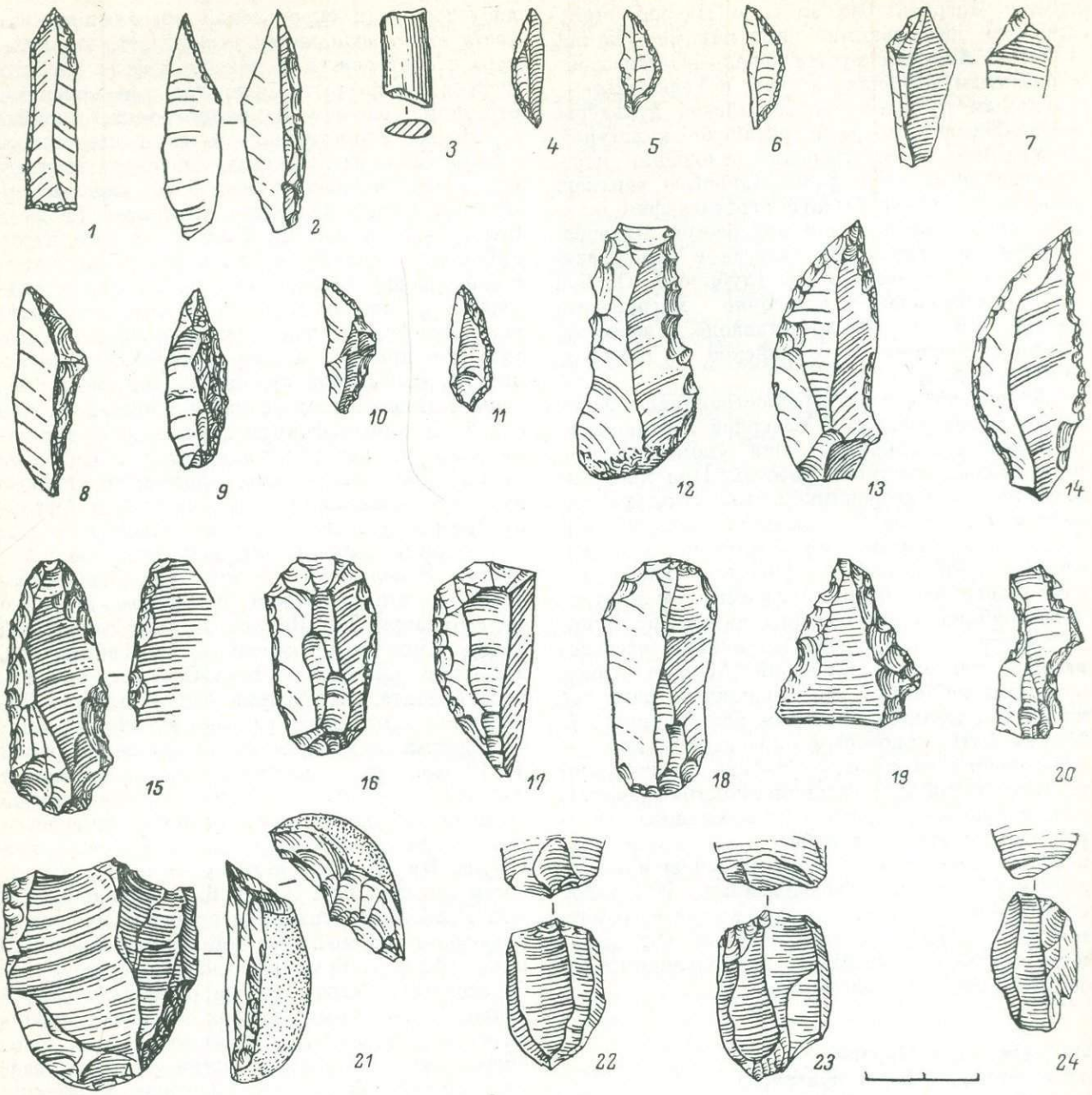

Рис. 42. Ухтата. Иберо-маврусийская культура.

1—11 — пластинки с притупленным краем; *12* — зубчатое орудие; *13*, *14* — острия; *15—18* — скребки; *19*, *20* — орудия с выемками; *21—24* — ядрища.

характерным изделием в этой группе для оранской культуры могут считаться пластинки и острия с выпуклой спинкой, вытянутых пропорций, причем разнятся эти изделия за счет либо симметрично, либо асимметрично оформленного основания (рис. 42, *8—11*). Симметричные изделия напоминают сегменты (рис. 42, *4—6*), но они сильно вытянутые. Кроме того, они различаются по тому, оформлен ли притупленный край в виде плавной кривой или с резким перегибом, коленчато (рис. 42, *8*, *10*). Последние изделия напоминают неравносторонние треугольники. Имеются и другие разновидности изделий из мелких пластинок, например пластинки с усеченным верхним концом (рис. 42, *1*) или проколки. Найдены и пластинки с прямым притупленным краем. Мелкие пластинки с выемками кажутся изготовленными из других заготовок — из отщепов (рис. 42, *19*, *20*). Возможно, что более развитые формы относятся и к более позднему времени,

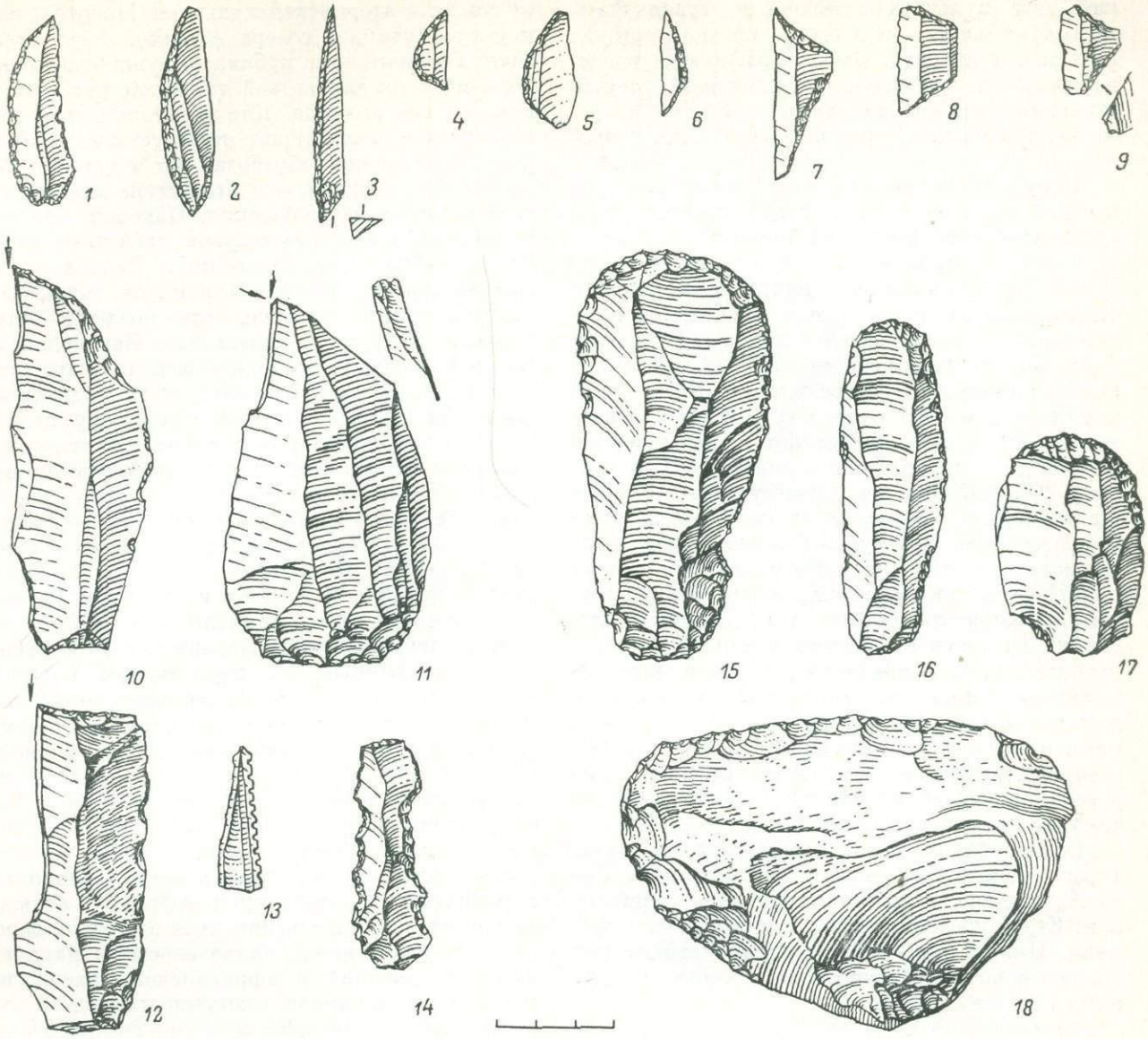

Рис. 43. Эль-Мекта. Капсийская культура. По Р. Вофрею.

1—9 — геометрические микролиты; *10—12* — резцы; *13, 14* — пластинки с выемками; *15—17* — скребки; *18* — скребло.

но это не доказано стратиграфически. Встречаются остроконечники (рис. 42, *13*, *14*). Интересно присутствие долотовидных орудий. В оранской культуре, помимо орудий из пластин и отщепов, есть еще и плитки для растирания краски или растительных материалов, каменные подвески. Из костяных орудий отмечаются шилья, двойные острия, долота (рис. 42, *2*). Встречаются просверленные раковины.

Употребление леваллуазской техники в оранской культуре позволяет думать, что она связана с более ранними памятниками мустьерского облика (рис. 42, *21*). Но наметить прямые связи (например, с атерийской культурой) пока не удается.

Долгое время типичной для раннего верхнего палеолита Африки считалась капсийская культура, ставшая известной давно, еще до первой мировой войны, и широко обсуждавшаяся в отечественной литературе. О ней много писали С. Н. Замятнин, П. П. Ефименко, А. А. Формозов, Н. О. Бадер. Замятнин (1951) справедливо обращает внимание на то, что существовало искаженное представление об этой культуре. Она оценивалась хронологически неверно. Как показали еще работы Р. Вофрея (Vaufrey, 1936), она не относится не только к началу верхнего палеолита, но и вообще к верхнему палеолиту. На самом деле кап-

сий — это культура голоцена и, стало быть, мезолитическая, следующая по времени за оранской культурой. Она географически расположена очень интересно: территория ее распространения как бы находится в центре иберомаврусийской культуры, в ее внутренних районах.

Несмотря на то что капсийская культура следует за иберо-маврусийской, трудно усмотреть преемственность в их каменных орудиях. В качестве примера возьмем стоянку Эль-Мекта. Орудия типичного капсия (или раннего отдела этой культуры) здесь крупные, и соответственно встречаются длинные скребки (рис. 43, *15*), резцы из правильных пластин — поперечноретушные и срединные (рис. 43, *11*), крупные пластины с горбатым притупленным краем. Их-то и сочли остриями шательперрон (а отсюда — мнение о большой древности капсия). Однако они не тождественны остриям шательперрон. Существенно для определения природы этой культуры большое количество микролитов — трапеций, сегментов и просто пластинок с притупленным краем. Весьма широко распространенный тип орудий — пластинки со множественными выемками, типичные на нашей территории для крымских памятников конца палеолита—начала мезолита, для грота Сосруко на Кавказе, а из ранних памятников — для Тельманской стоянки в Костенках (второй ее слой). По крайней мере в верхнем капсии появляется хорошо развитая техника призматического ядрища.

Основной тип памятника капсийской культуры — раковинная куча; иногда скопление золы, раковин и кремня достигает мощности 5 м. Столь же характерны и пещерные памятники. Иногда скелеты капсийцев находят под толщей раковинной кучи, а не в особом могильнике (Vaufrey, 1955).

Памятники мустье и постмустье в оазисе Харга

Для каменного века Восточной Африки и прилегающих территорий огромный материал дает группа памятников в оазисе Харга. Эта группа не только хорошо исследована, но и необычно полно опубликована. Г. Кэтон-Томпсон издала том материалов в Англии (Caton-Thompson, 1952). В нем почти полностью воспроизведены орудия, особенно рубила, многочисленные ядрища, отщепы и другой инвентарь. Анализ каменных изделий оазиса Харга дает основания для отделения леваллуа в этом месте Африки от синхронных памятников Восточной Африки — от культуры санго, как круга памятников Экваториальной Африки, и от ашеля и атерийской культуры Магриба, как круга памятников севера Африки. Здесь сочетаются особого типа рубила (с суженным основанием) с леваллуазской техникой раскалывания, но нет колунов. Для экваториальных же памятников характерно присутствие особого рода двусторонне обработанных орудий — пикообразных изделий — и отсутствие леваллуазской техники раскалывания. Наконец, для североафриканских памятников свойствен иной набор рубил (см. Сиди-Зин). Леваллуа же обычно для магрибских памятников, только более развитых и, вероятно, более поздних — атерийского типа, но не ашельских. Как полагала Кэтон-Томпсон, здесь можно выделить две хронологические группы (имея в виду древние памятники, предшествующие верхнему палеолиту), из которых одна сменяет другую, — леваллуа и ашель. Эти представления предопределены стадиалистскими концепциями развития культуры в каменном веке, свойственными науке 30-х гг. Теперь твердо известно, что леваллуа отнюдь не всегда и не обязательно следует за ашелем. И в одном и том же месте могут сосуществовать памятники с леваллуазскими приемами раскалывания и с раскалыванием, основанным на дисковидном ядрище. Кроме того, в итоге изучения памятников каменного века на разных территориях, весьма удаленных друг от друга, стало ясно, что ашель отделяется от более поздних памятников не только на основании присутствия рубил. Рубила существуют (и это особенно типично именно для Африки) долгое время спустя после начала мустьерского времени. Памятники с рубилами на территории Африки — отнюдь не обязательно ашельские, хотя это очень вероятно. Ввиду данных обстоятельств и наличия новых положений в африканской археологии мы, хотя и не имели возможности видеть эти замечательные материалы Кэтон-Томпсон, считаем все же необходимым при всем уважении к ее опыту и знаниям изменить предложенную ею трактовку памятников оазиса Харга.

Оазис Харга расположен на территории Арабской Республики Египет в депрессии, находящейся на 350—400 м ниже уровня окружающей Ливийской пустыни, в 150 км к западу от Нила. Восточный и северный края депрессии — крутые известняковые скалы, а западный и южный склоны мягко и постепенно переходят в уровень пустыни. Длина депрессии 185 км, а ширина 15—30 км. На площади депрессии есть и выемки, и возвышающиеся останцы. Климат в теперешнее время типично пустынный.

Различаются две геоморфологические единицы: склон (или эскарп) — восточный и северный края депрессии — и дно депрессии.

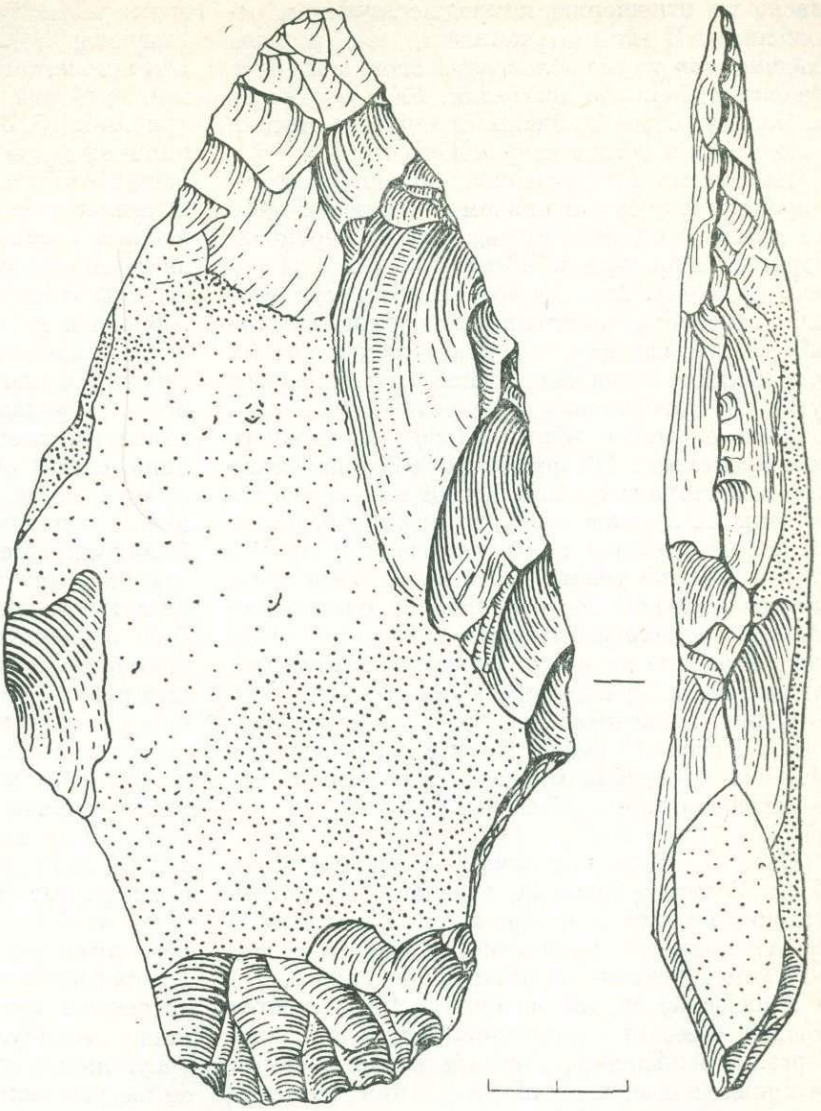

Рис. 44. Оазис Харга. Рубило. По Г. Кэтон-Томпсон.

Ашельский человек нашел депрессию почти что в ее нынешнем виде. Сама депрессия обязана своим существованием главным образом ветру. В дальнейшем, с приходом человека, шли два процесса, менявших облик депрессии: эрозия и накопление.

В процессе накопления откладывались гравий разного возраста, илистые отложения, связанные с террасовыми уровнями. Особо отмечаются отложения источников. Поверх гравия откладывались туфы, отмечающие высыхание русел. Туфы, как и гравий, разного возраста, они перекрывают самые различные слои — от ашеля до культуры харга. Другие туфы откладывались на плато.

Один из важнейших подходов к депрессии — проход Рефуф. Здесь 10 памятников (более чем где-либо) с предполагаемыми «жилыми горизонтами», т. е. со слоями in situ. Древнейшие памятники, по мнению Г. Кэтон-Томпсон, — ашельские. Так, у источника 10а были найдены орудия ашельского типа (рис. 44), а поверх них — леваллуа в чистом виде, т. е. без рубил.

Эрозия в основном срезала отложения источника, сравняв его с уровнем равнины, при этом и обнаружился ашельский культурный слой. Находки верхнеашельского характера не ограничивались одним горизонтом: они, как это и бывает всегда в отложениях источников, перемешаны и растянуты по разрезу. Ашельские орудия встречены и на поверхности мела, и в верхней части глин и песков, отложенных источником. Слои залегали наклонно. Те песчаники и зеленоватые глины, которые перекрывали отложения источника, залегали несо-

гласно по отношению к предшествующим отложениям. В этом песчанике in situ и были найдены три ядрища леваллуазского облика и отщепы, рубила отсутствовали. На поверхности отложений были найдены и другие орудия, в том числе и острия атерийского типа.

На пункте 10с каменные орудия сконцентрированы в гнездах, причем в самом большом гнезде были 63 изделия, из них 43 — рубила; в другом скоплении из 46 изделий было 31 рубило (рис. 44). Автор исследования предлагает различные объяснения происхождению скоплений и более вероятным считает соединение их при мелких подвижках глины механическим путем. Предположение, будто это были клады, кажется ей менее точным. Всего из нижнего слоя происходит 267 рубил из 361, обнаруженного в местонахождении. Кроме того, здесь же найдены 22 ядрища и орудия из ядрищ, шесть орудий из отщепов и 137 отщепов. В другом пункте того же участка 10 больше всего культурных остатков было в слое 2; однако поскольку стратиграфическое значение этих слоев в районе древнего источника неясно, то, видимо, здесь нужно видеть случайность. Так, 89 рубил происходят из слоя 2 пункта 10а. В слое 1 всего 18 рубил. По типологии нет различий между рубилами двух слоев одного местонахождения, но рубила различны по сохранности.

Слой 3 (слой песчаника) имел мощность 44 см. В нем собрано 30 отщепов, три леваллуазских ядрища и четыре орудия. По технике все эти предметы имеют соответствие в леваллуазском материале из местонахождения 8.

Ашельские орудия из пункта 10а являются основой для характеристики ашеля в оазисе Харга. К сожалению, добытый и описываемый материал подвергся отбору, и нам известна лишь типология рубил, про отщепы же и орудия из отщепов мы знаем крайне мало.

Формы рубил своеобразны. Так, очень характерны удлиненные рубила с суженным основанием. Примечательно, что такое сужение часто бывает достигнуто простыми обломами плитки, из которой изготовлено орудие. Именно из плиток кремнистого сланца и сделано абсолютное большинство рубил. Поскольку на таблицах монографии Г. Кэтон-Томпсон изображено очень много рубил (Caton-Thompson, 1952), то возможно проверить ее типологические заключения. Среди всех разновидностей рубил наиболее часто встречающейся является копьевидная (рис. 45, *4*) и грушевидная (рис. 45, *3*) (подсчитаны в сумме). На втором месте стоят упомянутые уже рубила с суженным основанием. Прочие формы рубил немногочисленны. Если копьевидных от 30 до 40%, то в форме limande и с суженным основанием менее 15%, остальные же разновидности представлены 5%. Рубила местонахождения 10а, как и полагается развитым формам, имеют прямой рабочий край и тщательную ретушь (рис. 44; 45, *3*, *4*). Сердцевидных рубил, столь типичных для развитого ашеля или позднего ашеля Англии и Франции, здесь меньше всего. Несколько больше треугольных рубил, в такой же степени, как и сердцевидных, составляющих основу характеристики позднего ашеля Европы. В отличие от ашеля любой другой части Африки в коллекции нет колунов. Своеобразие ашеля оазиса Харга связано с широким употреблением плитчатого кремня. Поэтому у большинства рубил обработана только верхняя половина, а нижняя — это сохранившаяся корка, лишь слегка оббитая или обломанная по нужному контуру. Некоторые изделия имеют обушок. Но наличие обушка не означает, что это были режущие орудия; такому предположению противоречит то, что они симметричны и обработаны оба края, сходящихся у острия. Плоской оббивки основания, часто прямого, столь типичного и для треугольных, и для сердцевидных рубил Европы, здесь нет. Скопление рубил, конечно, представляет собой памятник особого рода, с необычными условиями накопления культурного материала. Кажется поэтому, что малое количество изделий на отщепах — это свойство не всей культуры, а частное свойство только данного памятника. Безусловно, ядрищ, приведенных в публикации, достаточно для того, чтобы удостовериться в существовании леваллуазской техники раскалывания и ее употреблении носителями этой культуры. Здесь встречены сработанные двухплощадочные ядрища леваллуазского характера, нерасколотые треугольные ядрища и начатые раскалыванием те же разновидности (рис. 45, *1*), есть и экземпляры, не имеющие отношения к леваллуа, например призматические. Всего ядрищ, по данным исследователя, 22 экз., но на самом деле больше, так как часть их Кэтон-Томпсон отнесла к чопперам. Отщепов со вторичной обработкой немного, и все они сделаны из неправильных или первичных отщепов; обилие же первичных отщепов обусловлено использованием галек в качестве сырья. Отщепов без вторичной обработки — 191 экз., из них 81 отщеп — первичный, т. е. с коркой на спинке. Эти отщепы — нелеваллуазские, насколько можно судить по описанию. Они массивны и имеют часто гладкие площадки.

Ашель в оазисе Харга часто сочетается с леваллуазской техникой. Это доказывается существованием более бедных местонахождений, чем 10а, определяемых автором исследований как ашело-леваллуазские. Таковы местонахождения I—III, VIIа в проходе Рефуф. Правда,

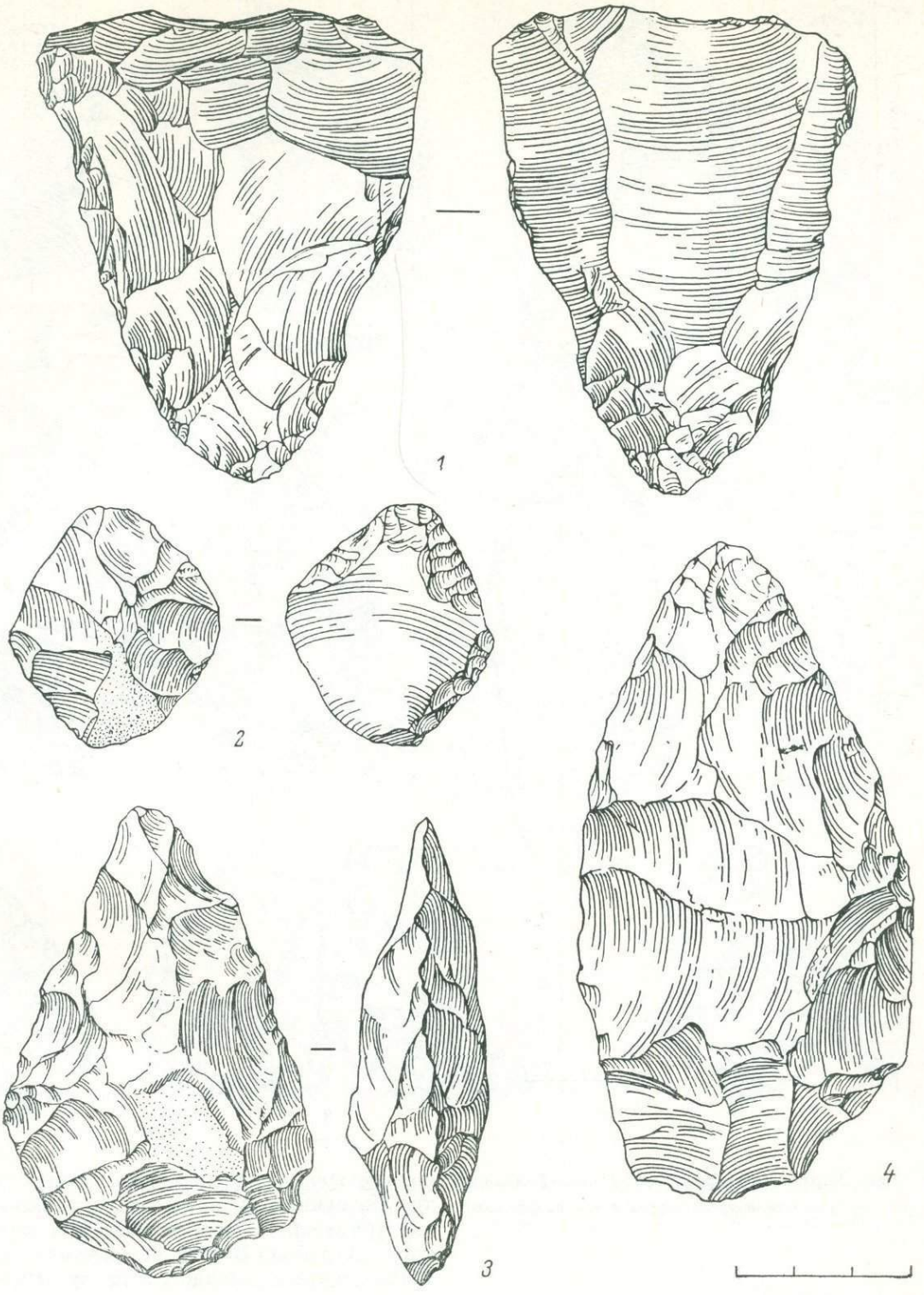

Рис. 45. Оазис Харга. Ашель. По Г. Кэтон-Томпсон.
1 — леваллуазское ядрище; *2* — скребло; *3*, *4* — рубила.

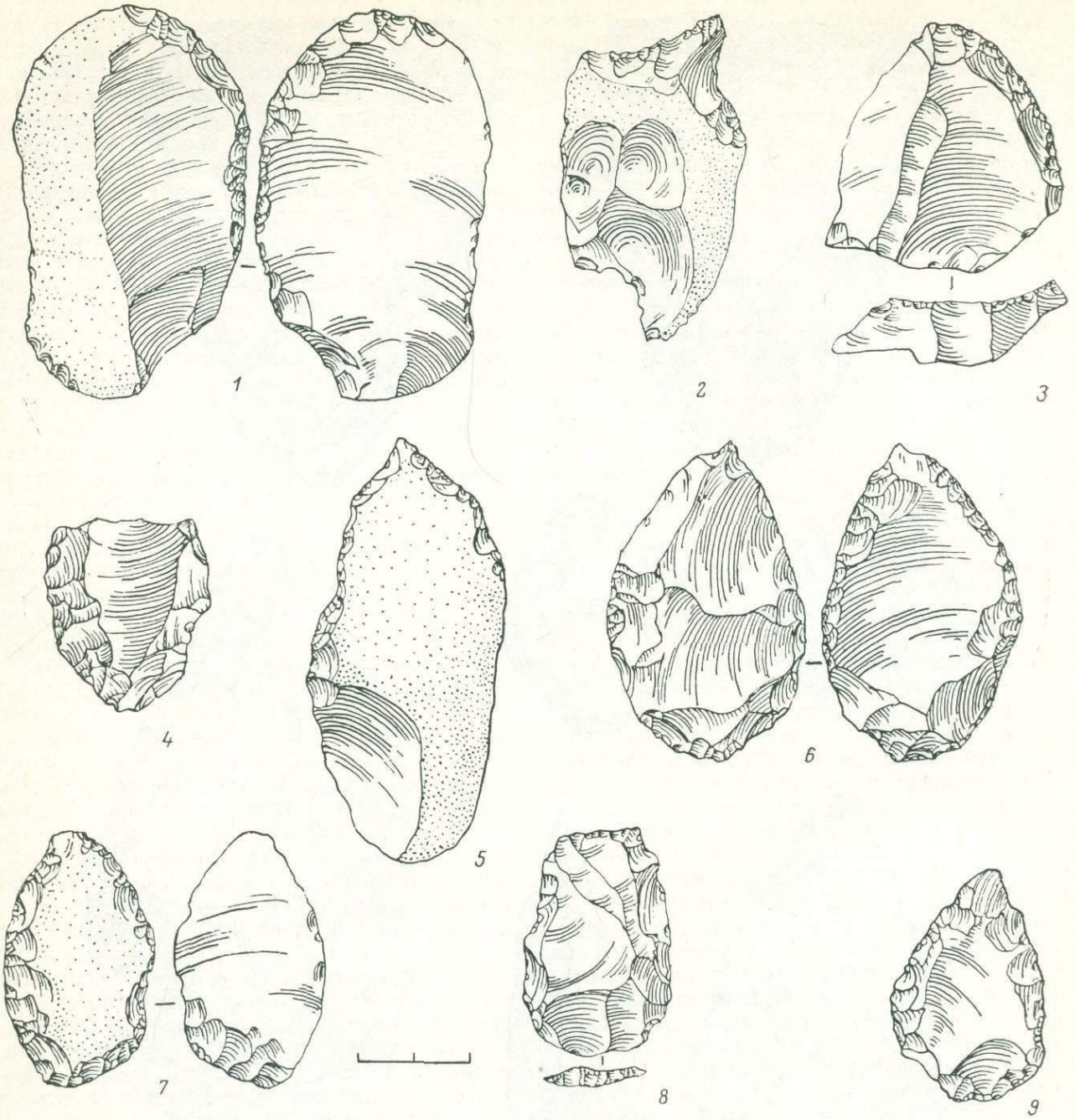

Рис. 46. Оазис Харга. Леваллуа. По Г. Кэтон-Томпсон.

1, 3, 8 — скребла; *2* — клювовидное орудие; *4* — леваллуазское ядрище; *5—7, 9* — острия.

Г. Кэтон-Томпсон с эволюционистских позиций рассматривает ашель и леваллуа в оазисе Харга как последовательные ступени эволюции, а *ашело-леваллуазские памятники как переходные* от одной ступени к другой. Всего в проходе Рефуф отмечаются три основных культурных подразделения: ашель, ашело-леваллуа и леваллуа. Но ручные рубила малочисленны — на первые три местонахождения (I—III) приходится *всего 11 рубил. В этих же местах — в пункте* VIIa — терраса содержит леваллуазские орудия в иловатых отложениях, перекрытых туфами. В туфах были встречены пресноводные моллюски и остатки фиговой пальмы и сикоморы. *В другом пункте — VIIIa — найдены* ашельские орудия в туфе, подстилающем илистые отложения с леваллуазскими орудиями. Однако

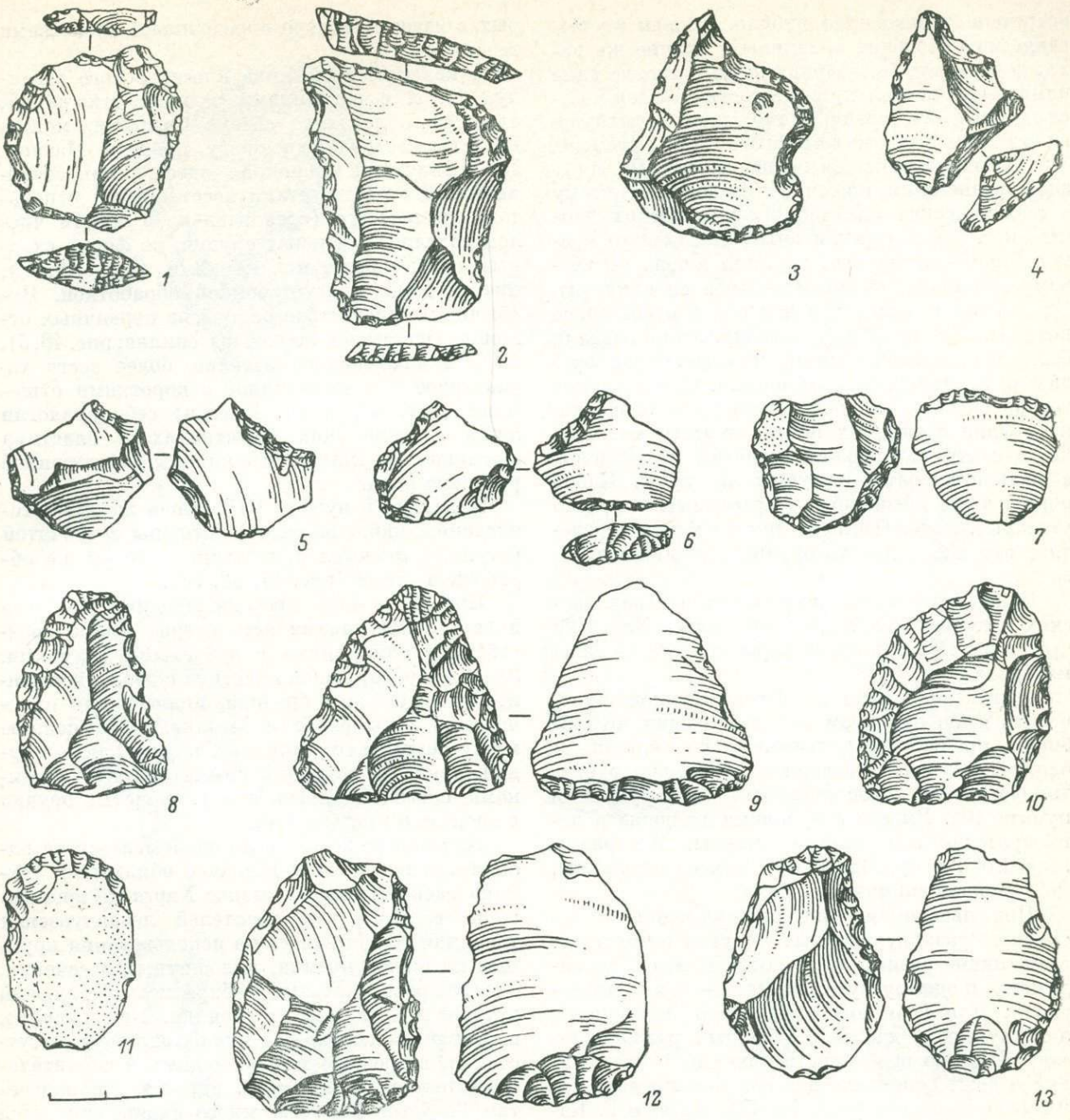

Рис. 47. Оазис Харга. Леваллуа. По Г. Кэтон-Томпсон.

1, 2, 8, 12, 13 — зубчатые орудия; *3—6* — клювовидные орудия; *7* — усеченный отщеп; *9* — острие; *10* — скребло; *11* — скребок.

прочтение разреза оставляет много недоумений: если в самом деле ашель залегает на нижней террасе и оба уровня именно террасовые, то должны быть врез более молодых отложений и прислонение к более ранним. Но если верить рисунку, а не описанию разреза, получается нечто иное: все это отложения одного уровня, правда, разрушенные таким образом, что образовались две (искусственные) ступени.

Решающим для установления отношения ашеля к ашело-леваллуазским и леваллуазским памятникам оазиса Харга является местонахождение V, где, как уверяет Г. Кэтон-Томпсон, есть непосредственное перекрывание слоя с ашельскими орудиями слоем с леваллуа. Но на самом деле из ее описания местонахождения выясняется, что в основании разреза, в галечнике, было

встречено только одно рубило, отнюдь не выглядевшее особенно архаичным, прочие же находки не могут быть привлечены к оценке типа памятника, поскольку это простые отщепы. Отсюда сам факт перекрывания ашеля леваллуазскими памятниками ставится под сомнение.

Г. Кэтон-Томпсон считает пункт 10а в оазисе древнейшим, но точных доказательств тому в геологических или геоморфологических данных нет. На основании опыта довоенного времени она относит этот верхний ашель ко второму плювиалу, но доказательств не приводит. Отложения в пунктах 6 и 8 она считает более поздними. В пункте 8 леваллуазские изделия были представлены по преимуществу не орудиями, а ядрищами и отщепами. О них можно только сказать, что они относятся к леваллуа, но орудия среди них почти отсутствуют, если не считать нескольких пластин и отщепов с мелкой зубчатой ретушью по краю. Набор ядрищ тоже обычный — треугольные и прямоугольные. Кэтон-Томпсон тем не менее определяет эту совокупность орудий как нижнее леваллуа (?).

Итак, соотношение ашельских и леваллуазских индустрий на территории оазиса Харга не может быть установлено из-за недостаточности материала.

Пункт VIIа вряд ли бесспорно можно относить к ашелю — там есть всего один мелкий бифас, прочнее же — леваллуазские ядрища и отщепы. Пункт II содержит несколько рубил, типологически сопоставимых с рубилами пункта 10а. Вместе с рубилами найдены и леваллуазские пластины и отщепы. Материалы в пункте I в проходе Рефуф немногочисленны, но содержат типичные рубила.

Под названием «леваллуа» соединено несколько разнокультурных и разновозрастных памятников оазиса Харга, относящихся, по-видимому, к одному пути развития — к леваллуазскому. Для всех них характерно применение леваллуазских ядрищ в обычных разновидностях. Именно особенности техники раскалывания и дают основание для соединения всех памятников воедино (рис. 46, 47). Но уже Г. Кэтон-Томпсон отмечала, что их следует делить на две временны́е группы (нижнее и верхнее леваллуа), причем скорее по стратиграфии, чем на типологической основе, и на группы по морфологии сколов — памятники с пластинами и памятники с отщепами. Наличие памятников с короткими отщепами она объясняла свойствами сырья (кремневые конкреции коротких пропорций вместо обычного плитчатого кремня). Такое объяснение, по нашему мнению, малоприемлемо. Более реально ее деление на морфологические группы по особенностям заготовок и свойствам немногих орудий, форма которых в известной мере определялась свойствами заготовок.

В качестве памятника классического леваллуа (т. е. с пластинами, а не с отщепами), сходного с леваллуа севера Франции, можно назвать местонахождение у прохода Матана. Но коллекция, собранная здесь, немногочисленна. И этот памятник несет особый отпечаток: здесь много (сравнительно с общим числом изделий) овальных орудий, по форме сходных с листовидными остриями (рис. 46, 7), иногда даже с двусторонней обработкой. Необычно и присутствие орудий из первичных отщепов (покрытых коркой на спинке; рис. 46, 5). Есть и клювовидное изделие, более всего характерное для памятников с короткими отщепами (рис. 47, *5*, *6*). Находит себе аналогии лишь в египетских памятниках и пластина с овально оформленным концом и двусторонней ретушью края.

Леваллуа в пункте VIIа столь же немногочисленно, найдены мелкие отщепы с зубчатой ретушью, имеются и пластины с такой же обработкой краев (рис. 47, *12*, *13*).

Интересно еще местонахождение VII, где вместе с пластинами есть острие тейяк, свойственное памятникам с зубчатыми орудиями. Здесь же обнаружена пластина с овальным концом и ретушью с брюшка, аналогичная отмеченным нами ранее в Матане. Но основную массу составляют типичные клювовидные орудия, орудия с парными симметричными выемками, скреблышки (raclettes), зубчатые орудия с несколькими лезвиями.

Как нам кажется (если основываться на иллюстрациях, впрочем довольно обильных), техника раскалывания в оазисе Харга ко времени существования там носителей леваллуазских традиций основывалась на использовании крупных желваков кремня, уплощенных в сечении. Такого рода желваки собирались в аллювии потоков поблизости от стоянки. Как правило, первоначальные ядрища или их заготовки отсутствуют, встречены только мелкие, в значительной степени сработанные ядрища. По подсчетам Г. Кэтон-Томпсон, много ядрищ относится к атипичным, или асимметричным, а среди более определенных форм преобладают треугольные (их более четверти от общей суммы ядрищ). Но, конечно, представлены и все остальные разновидности ядрищ леваллуазской группы: прямоугольные и овальные. Единственным основанием для типологического подразделения леваллуазских памятников в оазисе Харга были размеры орудий, поскольку так называемое позднее леваллуа Кэтон-Томпсон состоит главным образом из более мелких орудий, крупные же ядрища и отщепы относятся ею к нижнему леваллуа.

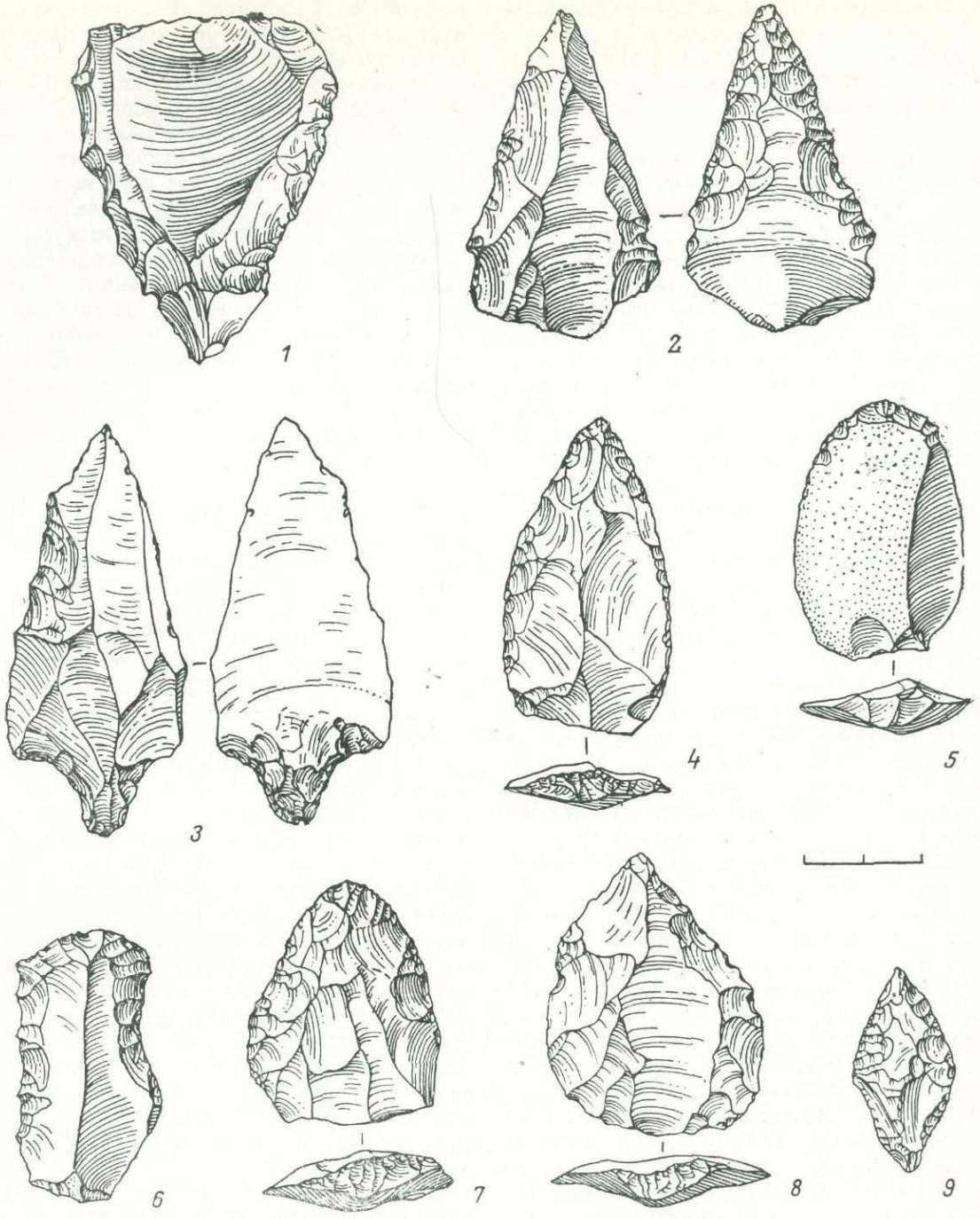

Рис. 48. Оазис Харга. Атерийская культура.
По Г. Кэтон-Томпсон.

1 — леваллуазское ядрище; *2* — леваллуазское острие; *3* — атерийское острие; *4* — остроконечник; *5, 6* — скребки; *7, 8* — скребла; *9* — листовидное острие.

Что касается орудий леваллуазских памятников, то они немногочисленны и типологически не разнообразны. Например, в пункте 8 они практически сводятся к леваллуазским пластинам с мелкой ретушью по краям. Более богато местонахождение VII — там характер находок не оставляет сомнений в том, что из леваллуазских отщепов изготовлялись зубчатые орудия: острия типа тейяк, клювовидные орудия (рис. 46, *2*), зубчатые и выемчатые поперечные орудия укороченных пропорций. Более удлиненные заготовки использовались для изготовления двойных продольных скребел (рис. 46, *8*). Отличается по типологии местонахождение Матана G. Здесь интересны орудия из вторичных отщепов с остатками корки на спинке; у них либо один конец приострен, либо приготовлено лезвие при помощи двусторонней ретуши (рис. 46, *6*). Другой интересный вид — двойные острия листовидной формы, обработанные односторонне, но подправленные с брюшка (рис. 46, *7*). Примечательно почти полное отсутствие леваллуазских острий на памятниках со столь однородным и чистым леваллуазским подбором заготовок.

В противоположность весьма ограниченным и ненадежным сведениям об атерийской культуре вне Магриба (например, в Ливии) в районе оазиса Харга атерийская культура представлена бесспорными образцами. Таков пункт 6е (рис. 48). Техника раскалывания здесь типично леваллуазская: те же треугольные, прямоугольные и овальные ядрища (рис. 48, *1*), что и на леваллуазских памятниках; с известным основанием и атерийскую культуру можно считать базирующейся на леваллуазской технике раскалывания. Представлены такие продольные разновидности орудий, которые заметно отличают памятники леваллуазского пути развития от прочих культурных групп: леваллуазские острия на треугольных заготовках, средних пропорций или удлиненных (рис. 48, *2, 4*). Некоторые образцы обработаны с двух сторон — со спинки и с брюшка, как это свойственно гораздо более ранним памятникам Леванта (рис. 48, *2*). Интересны концевые скребки с ретушированными краями. Однако перечисленные разновидности каменных изделий можно встретить на любом леваллуазском памятнике. Лишь те орудия, что будут описаны далее, характерны только для атерийских стоянок. Это крупные листовидные острия с овальным основанием и наибольшей шириной где-то ниже середины. Сами продольные края чаще всего слегка выпуклые. Другое типичное изделие, без которого нельзя себе представить атерийский набор орудий, — острие с черешком (рис. 48, *3*). Нет здесь только встречающихся в Магрибе скребков с черешком. В пределах депрессии оазиса Харга несколько скоплений такого рода орудий было найдено на поверхности. Но не единичны и стоянки со слоем, сохранившимся в первоначальном положении: таковы стоянки в проходе Булак. Именно сведения о стратиграфической позиции атерийских находок в проходе Булак и дают основание думать, что атерийская культура в оазисе Харга — весьма позднее явление, хотя это и не вытекает из ее типологического облика. Оказывается, атерийские слои подстилаются орудиями типа харга.

В пункте Булак А орудия атерийского типа залегали в илистых отложениях 7-метрового террасового уровня, вплоть до глубины 20 см, а орудия типа харга — до глубины 40 см. В свою очередь орудия типа харга подстилались орудиями леваллуазского облика. Хотя из этой стратиграфии вытекает лишь небольшой хронологический разрыв между харга и атерийской культурой, тем не менее именно положение харга и атерийских находок следует принять во внимание. Наиболее обильный каменными орудиями атерийского типа памятник у источника, обозначенный как пункт 6е, — однослойный. Здесь, как и обычно, стратиграфия недостаточна, чтобы определить возраст памятника и его соотношение с прочими отложениями, но ясно, что каменные орудия, все атерийского типа, лежали на одной плоскости — на поверхности белого тонкого песка. Часть орудий окатана, часть же сохранила острые грани. Некоторые орудия залегали в слое, другие же были собраны возле памятника и отнесены к нему на основании сходства в морфологии и в патине. Они попали на поверхность в связи с разрушением отложений древнего родника. Слой с каменными орудиями атерийского времени перекрыт отложениями песчаника. Г. Кэтон-Томпсон сопоставляет эти отложения с самым концом плейстоценовой эпохи. Их совпадения с памятниками Северной Африки вне всякого сомнения — здесь есть типичные острия с черешком атерийского типа. Кроме того, есть и вторая яркая разновидность острий, свойственная атерийской культуре, — листовидные, с овальным основанием. Есть и орудия типа остроконечников, обработанные плоской ретушью со спинки. Налицо также скребки из обычных заготовок — пластин. Здесь они имеют удлиненные пропорции, но это не призматические пластины, поскольку призматических ядрищ на памятниках в оазисе Харга нет.

Но линия развития леваллуа в оазисе Харга ведет не к атерийской культуре, а к харгинской (рис. 49). Она основана на использовании леваллуазских мелких и средних ядрищ и коротких или укороченных отщепов. Пластины редки, но и им находится применение. Много-

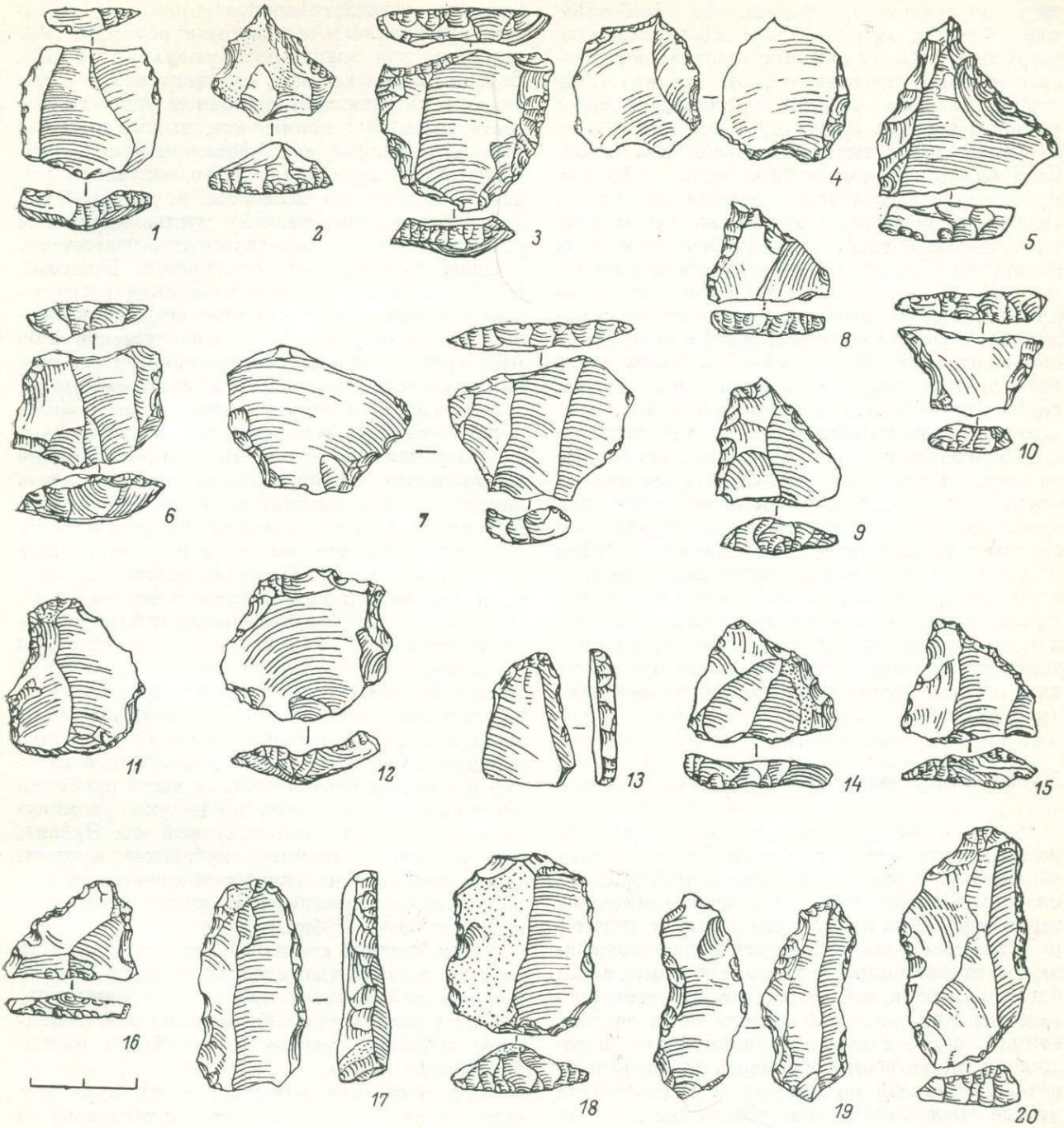

Рис. 49. Оазис Харга. Культура харга. По Г. Кэтон-Томпсон.

1, 3, 6, 7, 10 — усеченные отщепы; *2, 5, 8, 9, 14—16* — клювовидные орудия; *4* — скреблышко; *11, 13, 17, 19, 20* — пластины с крутой ретушью; *12* — зубчатое орудие; *18* — скребок.

численны зубчатые и выемчатые орудия (рис. 49, *12*). Именно здесь есть место для крупной и зубчатой ретуши. Ею обработаны такие орудия, которые следовало бы назвать скреблами, если бы они были найдены в мустьерском контексте (рис. 49, *3*). Это пластины с продольными краями, ретушированными крутой ретушью (рис. 49, *17*, *19*, *20*), и с овальным окончанием скребкового типа. Сходство с обычными приемами зубчатого мустье дополняется чередующейся или противолежащей ретушью. Но столь же характерны укороченные орудия. Часть их изготовлена из намеренно обломанных леваллуазских отщепов (рис. 49, *1*), а некоторые обработаны по принципу скребел со сходящимися лезвиями — наклонное поперечное лезвие, обработка продольных краев (рис. 49, *8, 9, 14—16*). Очень много *клювовидных орудий — с выделенным тупым* жалом (рис. 49, *5*), часто помещенным на углу заготовки; однако обработано не только жало, но и прилегающие края. Есть и мелкие орудия на отщепах (raclettes; рис. 49, *4*). Выемчатые орудия выступают не столь определенно, как прочие составные части зубчатой сопряженной группы орудий. Выраженные острия типа тейяк отсутствуют, хотя есть уплощенные разновидности этого рода. Налицо некоторое количество высоких скребков и скребков с рыльцем. Есть и орудия с симметричными выемками, столь устойчиво встречающиеся на остальных памятниках, относящихся к зубчатому пути развития (рис. 49, *10*).

Мустье и постмустье в Нубии

Нубия — обширная область, расположенная на стыке Арабской Республики Египет, Судана и Эфиопии. В связи с сооружением Асуанской плотины и предстоящим затоплением огромных территорий здесь в последние 15 лет (с 1961 г.) работало несколько археологических экспедиций, организованных разными странами, в том числе и Советским Союзом. Исследования проводились при участии большого числа ученых, комплексно, на высоком научном уровне и доставили, в частности, обширный высококачественный материал по палеолиту. В результате многие палеолитические памятники Нубии, в первую очередь относящиеся к среднему и верхнему палеолиту, стали в настоящее время опорными для понимания палеолита Африки, да и прилегающих территорий Азии. Поэтому мы и посвящаем обширной группе палеолитических памятников Нубии особую главу.

Наиболее интересны результаты, опубликованные участниками Объединенной экспедиции (*Wendorf, 1968*). Согласно классификации, принятой в этой публикации, памятники палеолита и более поздних эпох каменного века Нубии делятся на древний, средний, верхний и конечный каменный век. Эти эпохи были первоначально задуманы как эквиваленты эпохам палеолита Европы. В дальнейшем, при накоплении материала и получении более точных данных о возрасте различных памятников, выяснилось, что средний каменный век Африки является эквивалентом не мустье (среднего палеолита Европы), а верхнего палеолита и, может быть, части (но только поздней) мустье. При этом речь идет не о типологическом соответствии, а лишь о временно́м совпадении. Примечательно также совпадение в технике раскалывания: африканские памятники среднего каменного века основываются на леваллуазской либо мустьерской технике раскалывания, т. е. технике дисковидного ядрища. И это несмотря на то, что они по времени соответствуют в большинстве случаев верхнему палеолиту Европы.

Американские археологи приняли именно африканскую систему обозначений периодов каменного века. Средний каменный век Нубии был ими выделен по весьма неопределенному признаку сходства со средним палеолитом Европы. Только Р. Солецкий, работавший над теми же самыми материалами в течение года, обозначал их как средний палеолит Египта. Далее выяснилось, что при анализе материала и сравнении его с мустье других районов — Азии и Европы — американские археологи рассматривают мустье лишь как некую ступень эволюции, а не констатируют полного сходства среднего палеолита Египта с какой-либо культурой в соседних районах. Сложность проблемы заключается в том, что, кроме уже упомянутого термина «средний каменный век Нубии», применяется и термин «нубийское мустье». Последнее понятие служит обозначением для одной из археологических культур среднего каменного века Нубии.

Итак, средний каменный век Нубии делится на несколько археологических культур. Такими культурами являются нубийский средний палеолит (санго, лупемба?) — только у Р. Солецкого, нубийское мустье А, нубийское мустье В, зубчатое мустье.

Три последние археологические культуры существуют на одной территории, насколько об этом можно судить по ограниченным материалам — зубчатого мустье только два памятника, а нубийского мустье типа В только три стоянки.

В схеме американских исследователей (*Wendorf, 1968*) далее следует культура, относимая к позднему каменному веку — следующему крупному культурному подразделению палеолита Нубии. Но с точки зрения техники

раскалывания и типологии, эти памятники похожи во всем на памятники среднего каменного века, если не считать орудий с резцовым сколом, единичных в среднем каменном веке и частых в позднем.

Нубийское мустье типа А, которое отличается от нубийского же мустье типа В отсутствием рубил, представлено бо́льшим числом стоянок (7), чем прочие мустьерские варианты. Исследованные памятники расположены на останцах скальной породы (inselberg), иногда схваченных с поверхности ожелезнением. Все их материалы, как и остальных культур этой ступени, подъемные. Фауны или остатков пыльцы, естественно, не было найдено. Материал выделяется планиграфически по тому принципу, что все находки, собранные в данном пункте, если они однородны по типологии и технике и одинаково патинизированы, изготовлены из одной породы, одинаково выветрены, считаются составляющими единый комплекс. Никаких геологических данных для определения возраста памятников мустьерского типа в Нубии пока не получено. Некоторыми данными служит отсутствие памятников такого рода в слоях формации дибейра-джер. Эта формация датируется до 25—30 тыс. лет тому назад, а абсолютные данные располагаются примерно в пределах 15—17 тыс. лет. Такая граница является верхним хронологическим пределом нубийского мустье типов А и В.

Для описания типологического облика мустье Нубии типа А (т. е. без рубил) возьмем стоянку 1010-8 (рис. 50). Она расположена на отростке останца. Собрано более 170 орудий. Все они найдены на поверхности, типологически однородны. Площадь наиболее тщательных сборов всего 2 м², хотя вся площадь отростка останца 8×4 м. Первая серия находок (на 2 м²) была использована для анализа техники, к ней были присоединены серия площадок (4 м²) и совместная группа. Все изделия — из ожелезненного песчаника. В составе коллекции 17 ядрищ, 50 ретушированных орудий, 175 отщепов. Большинство орудий — зубчатые и выемчатые. К тем, что перечислены в публикации, следует добавить многие изделия, определенные там как скребла. Дело в том, что на стоянке нет ни остроконечников, ни скребел со сходящимися лезвиями; судя по иллюстрациям, нет и простых скребел, т. е. изделия, которые порой, кажется, можно отнести к скреблам, имеют продольный, слегка зубчатый или четко выраженный зубчатый край (рис. 50, *10*), отделанный не крутой, а разнофасеточной прерывистой ретушью (рис. 50, *11*). Но даже если принять нестрогие оценки, предложенные автором исследования (Marks, 1968a), то и в этом случае зубчатые орудия составляют 14%, а выемчатые вместе с теми, у которых есть выемка на конце (encoche en bout; рис. 50, *6*), тоже 14%. Если к этому количеству прибавить еще изделия, непременно сопровождающие зубчатые орудия, связанные с ними в такой степени, как связаны сами зубчатые орудия с выемчатыми (тейякские острия — рис. 50, *13*, орудия, отретушированные с брюшка, усеченные пластины и отщепы), то общая сумма будет еще больше (плюс 8%). Кроме того, следует смело соединить с выемчатыми орудиями и скребла с вогнутыми краями (типология Э. Маркса), ибо, судя по рисункам, это всегда зубчатые орудия (рис. 50, *10*), а таких скребел не менее 3%.

Какие же зубчатые орудия представлены на стоянке? Это простые (т. е. с одним продольным краем) зубчатые орудия из отщепов или пластин. Есть двойные и тройные орудия, у которых два края отретушированы с брюшка, а третий со спинки. Найдены и очень типичные для почти всех зубчатых памятников орудия, у которых режущий угол обработан вдоль одного края ретушью, а вдоль другого — резцовым сколом (рис. 50, *5*). Иногда орудия имеют частичную зубчатую ретушь только на одном участке края. Естественно частое применение чередующейся ретуши (рис. 50, *6*). Налицо и двойные орудия — с вогнутыми зубчато обработанными краями (рис. 50, *3*). Есть несколько клювовидных орудий (рис. 50, 7). В большинстве коллекций (и с этого памятника, в частности) встречаются орудия верхнепалеолитического типа, те, что, по Ф. Борду, составляют группу III (в противоположность группе II — условно мустьерским орудиям). Они заслуживают особого внимания. Эти орудия весьма многочисленны: от 20 до 27%. Но в типологическом плане они вовсе не так значительны, да и сравнивать по количеству их надо не с группой скребел и остроконечников, поскольку в памятниках такого типа нет остроконечников и мало скребел, а с зубчатыми и выемчатыми орудиями, ибо именно они вместе с прочими орудиями того же комплекса (клювовидными орудиями, скребками с рыльцем и т. д.) определяют облик индустрии, как это будет показано в заключении. Так, на стоянке 1010-8 типичных скребков 6 экз. (4.5%; рис. 50, *2*), а типичных резцов всего 1 экз. Проколки вряд ли стоит относить к изделиям безусловно верхнепалеолитического типа. Для нубийских стоянок характерно применение резцового скола для выделения острия или приострения края (рис. 50, *5*). В одних случаях острие делается противолежащим ретушированием прилегающих сторон, в других — ретушь по одному из краев заменяется резцовым сколом. Последний тогда бывает плоским. Иногда

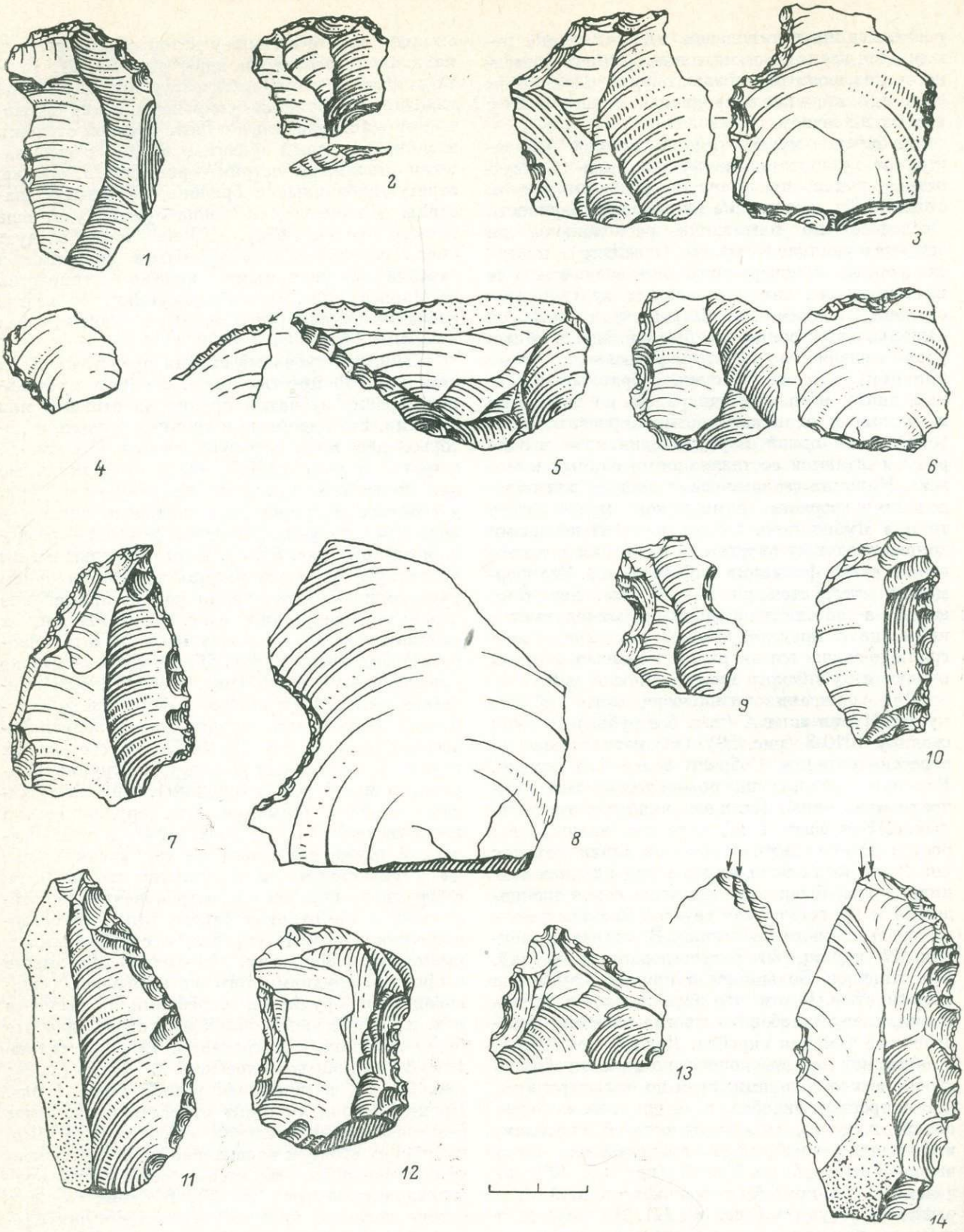

Рис. 50. Нубийское мустье А. По Э. Марксу.

1, 2 — скребки; *3, 8, 9, 12* — выемчатые орудия; *4* — скреблышко; *5* — скребло с резцовым сколом; *6, 13, 14* — зубчатые орудия; *7, 10, 11* — скребла.

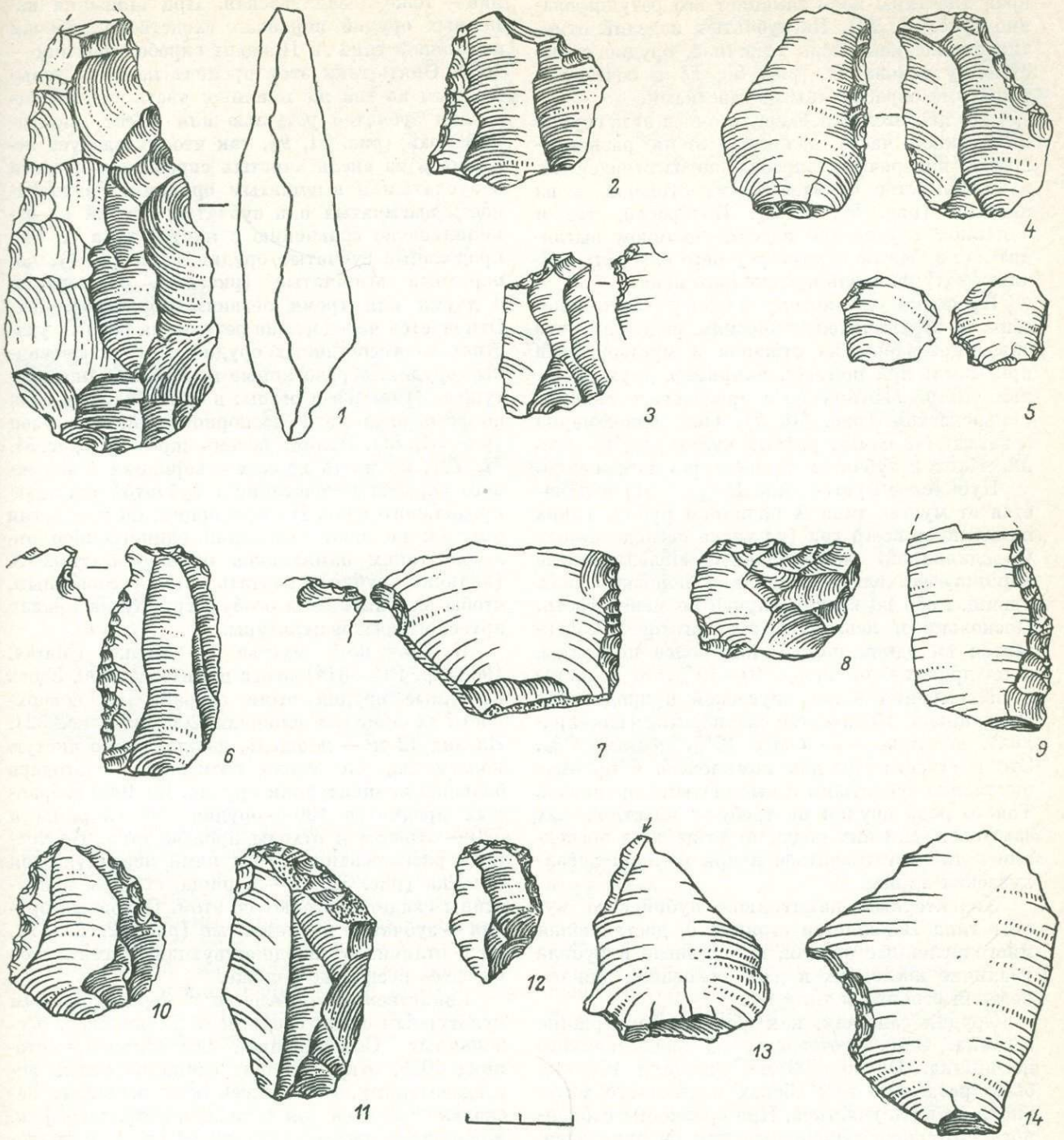

Рис. 51. Нубийское мустье В. По Э. Марксу.

1 — рубило; *2—4, 6, 8—10* — зубчатые орудия; *5* — скреблышко; *7* — клювовидное орудие; *11, 12* — скребки; *13* — отщеп с резцовым сколом; *14* — выемчатое орудие.

длинный плоский резцовый скол вдоль всего края пластины явно заменяет его ретуширование (рис. 50, *14*). Из зубчатых изделий отметим также, как очень типичное, орудие с выемкой у основания (рис. 50, *8*) в сочетании с другими обработанными участками.

Что касается скребков, то они в этой группе памятников часто являются лишь разновидностью поперечных скребел, но изготовленных в большинстве случаев не из отщепов, а из пластин (рис. 50, *1*, *2*). Интересно, что и в данном случае все изделие целиком выглядит как зубчатое орудие — у него еще есть зубчатая ретушь вдоль продольного края.

Проколки уже потому не могут быть отнесены к верхнепалеолитическим изделиям, что они изготовлены из отщепов и мустьерскими приемами: при помощи, например, двух смежных выемок. Интересно и присутствие пластин с перехватом (рис. 50, *9*). Они закономерно возникают в самых разных культурах, где есть пластины и зубчатая техника ретуширования.

Нубийское мустье типа В (рис. 51) отличается от мустье типа А наличием рубил. Таких памятников всего три (из числа исследованных Объединенной экспедицией). Леваллуазские ядрища составляют там либо половину всех ядрищ, либо во всяком случае не менее трети. Поскольку и леваллуазских заготовок содержится на одних памятниках более половины, а на других — не менее 10—15%, то не остается сомнений в леваллуазской природе этих памятников. Количество же пластин, как правило, невелико — не более 12%, местами 3%. Это и естественно для комплексов с преимущественно зубчатыми и выемчатыми орудиями. Такого рода орудия не требуют пластинчатых заготовок, для них подходят отщепы, а последние могли изготовляться и при помощи леваллуазских ядрищ.

Характерным памятником нубийского мустье типа В является стоянка 6, доставившая многочисленные орудия, в том числе и рубила (наличие последних и дало основание для отнесения стоянки к типу В).

Орудия залегали, как обычно, на вершине останца. Они изготовлены из ожелезненного песчаника. Около 500 м² площади стоянки было разделено при сборах подъемного материала на пять участков. При сравнении собранного материала выяснилось, что он однороден. Это позволило рассматривать его как нечто общее, как остатки одного поселения. Всего было получено 2200 изделий из песчаника, из них около 300 относилось к орудиям или леваллуазским отщепам, а 11 экз. были рубилами. На стоянке найдено также 100 ядрищ. Рубила составляли 3% от общей массы орудий. Отмечаются копьевидные и удлиненно-треугольные формы (рис. 51, *1*). Техника раскалывания — тоже леваллуазская. При описании каменных орудий поражает сходство с набором из стоянок типа А. Процент скребел невелик — 16%. Опять-таки этот процент кажется завышенным по той же причине: часть скребел отделана зубчатой ретушью или имеет выемчатый край (рис. 51, *9*), так что их следует исключить из числа «чистых скребел» и отнести к зубчатым и выемчатым орудиям. Разновидности выемчатых или зубчатых орудий не изменились по сравнению с мустье типа А. Это продольные зубчатые орудия (рис. 51, *4*), поперечные выемчатые (рис. 51, *8*), орудия с двумя или тремя лезвиями (рис. 51, *10*). Отмечается чередование ретуши на разных участках многосоставных орудий. Есть клювовидные орудия, образованные противолежащей ретушью. Имеются и резцы: в одном случае, судя по фотографии, это бесспорно срединный резец (рис. 51, *13*). Налицо восемь скребков (рис. 51, *11*, *12*), но часть из них — вариации поперечного скребла в сочетании с зубчатой ретушью продольного края. Ни пропорции, ни типология находок не дают основания единственное отличие таких памятников от мустье типа А (наличие рубил) считать столь серьезным, чтобы выделять их в особую группу на правах археологической культуры.

К зубчатому мустье Э. Маркс (Marks, 1968a, p. 194—314) отнес памятник 1000. Здесь каменные орудия были собраны на поверхности останца на площади 200 м² (рис. 52). Из них 12 м² — площадь, давшая особо чистую коллекцию, что стало возможным благодаря большой концентрации орудий. Из 1000 собранных предметов 190 — орудия, 40 — ядрища и 570 — отщепы и отходы производства. По технике раскалывания перед нами леваллуазская стоянка (рис. 52, *6*) — ядрища, отщепы и пластины свидетельствуют об этом. Основные орудия — зубчатые и выемчатые (рис. 52, *1*, *2*, *7*), но в отличие от предшествующих памятников их здесь несколько больше.

Единственное поселение с неразрушенным культурным слоем среди всех памятников, раскопанных Объединенной экспедицией, — стоянка 1033, открытая еще скандинавскими исследователями. Всего здесь было заложено несколько траншей для выяснения стратиграфии. Месторасположение стоянки обычное, у подножия обрыва, обращенного к Нилу, на его правом берегу. Культурные остатки приурочены к коллювиальным отложениям. Установлены два культурных слоя, но материал из обоих относился к одному и тому же типу (нубийское мустье А) и разнился очень мало. Видимо, накопление коллювия шло очень быстро, так что промежуток времени между образованием

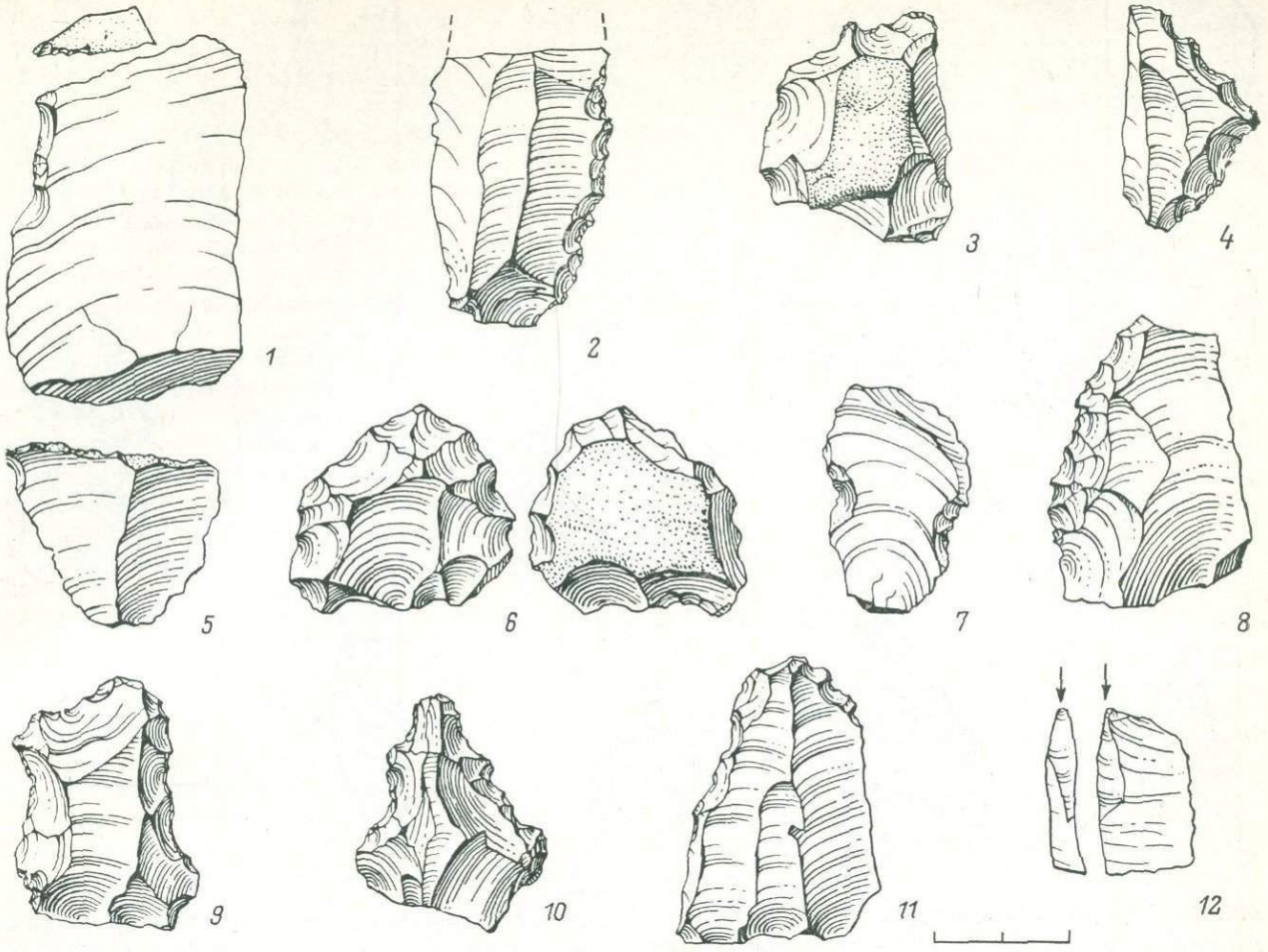

Рис. 52. Нубийское зубчатое мустье. По Э. Марксу.

1—4, 8, 11 — зубчатые орудия; *5, 10* — клювовидные орудия; *6* — ядрище; *7, 9* — выемчатые орудия; *12* — пластина с резцовым сколом.

двух слоев очень мал. На поверхности отложений наблюдалось скопление культурных остатков, занимавшее площадь около 1000 м². Местами поверхностные отложения были полностью разрушены. При раскопках обнаружилось, что имеет место не сплошное и равномерное скопление материала на всей площади, а отдельные концентрации его. В центральной части раскопа наблюдалось достаточно постоянное расстояние между слоями, хотя мощность разделяющего их стерильного слоя и колебалась, так же как и глубина находок.

Типичный профиль выглядел примерно так: сверху — слой песка толщиной 2—3 см. В нем находились орудия в окатанном состоянии. Ниже залегал стерильный песок мощностью 10 см, с трещинами усыхания. Далее шел очень тонкий верхний культурный слой. Каменные орудия, найденные в нем, не имели следов окатанности. Верхний культурный слой подстилался 10—20 см стерильного песка (стерильный слой). Далее следовал новый горизонт находок (нижний культурный слой), приуроченный к слою щебня мощностью 9—15 см. Культурные остатки связаны с верхней частью щебня, а его основание содержит прослой галечника. На большей глубине культурные остатки обнаружены не были. Всего было раскопано 30 м² на глубину до 50 см. Анализ каменных изделий показывает, что оба культурных слоя действительно близки друг к другу. Так, в обоих много заготовок леваллуазского типа. Несколько менее половины орудий сделано из них. Половина ядрищ — леваллуазские. Среди прочих больше всего не дисков, а одноплощадочных ядрищ, но на сколах, т. е. весьма близких к леваллуазским (у советских исследователей такие ядрища принято прямо относить к числу леваллуазских). Дисков только 6%. Пластины составляют не более 10%. Процент скребел колеблется от 8 до 11.

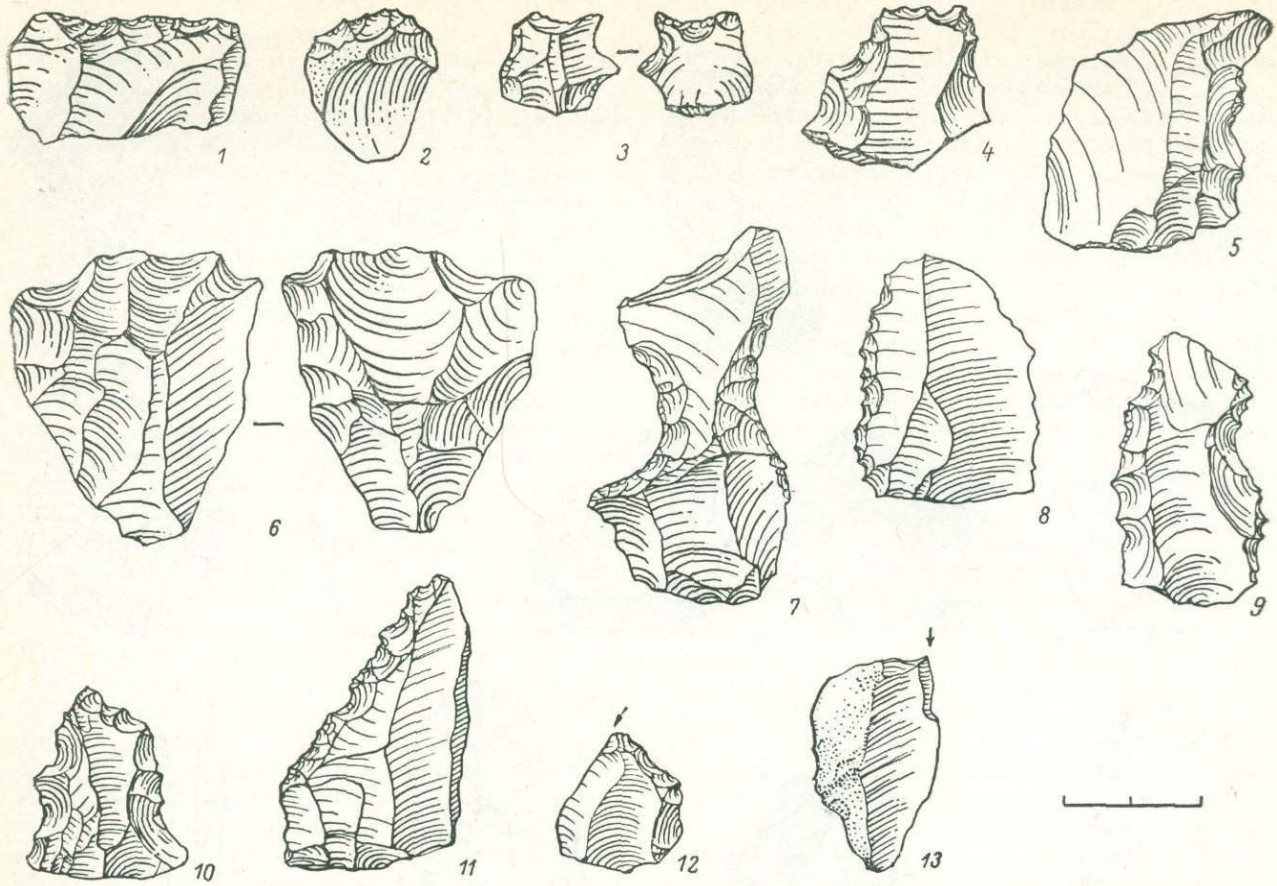

Рис. 53. Хормусийская культура. По Э. Марксу.

1 — скребло; *2* — скребок; *3*, *10* — клювовидные орудия; *4*, *7* — выемчатые орудия; *5*, *8*, *9*, *11* — зубчатые орудия; *6* — ядрище; *12* — резец; *13* — отщеп с резцовым сколом.

В абсолютном выражении это выглядит так: на 200 орудий верхнего слоя приходится 23 скребла, а из последних около 12% таких, которые следует перевести в выемчатые или зубчатые орудия. Зубчатых и выемчатых орудий 33 экз. К ним нужно прибавить девять изделий с усеченным концом и семь клювовидных, обычно неотъемлемых от зубчатых и выемчатых орудий. Перевес, таким образом, за совокупностью орудий, свойственных комплексам с преобладанием зубчатой техники (то, что называется памятниками зубчатого пути развития). Техника же раскалывания — леваллуазская. Но особенность такой техники — возможность получения пластин — здесь в полную меру не использована, носители данной нубийской мустьерской культуры предпочитали обходиться чаще отщепами, скалываемыми с тех же самых леваллуазских ядрищ. При общей однородности зубчатого мустье, особенно его нубийских памятников, следует сказать о находке клювовидных изделий, получаемых чаcтичной ретушью с одной поверхности (например, с брюшка) и резцовым сколом вдоль другого края, с другой поверхности, например со спинки. Относительно мало нуклевидных скребков, острий тейякского типа, скребков с носиком. Приметно относительное обилие скребков наряду с изделиями с резцовым сколом (например, упомянутые нами клювовидные изделия).

Перейдем теперь к рассмотрению хормусийской культуры. Эта группа памятников вряд ли может быть отделена от массива памятников среднего каменного века, хотя в терминологии Э. Маркса (Marks, 1968b, p. 315—391) — это начало новой ступени — культур верхнего плейстоцена. Хормусийские памятники объединяет с последующими лишь степень сохранности: наличие культурного слоя, костей животных, терочников для растирания гематита, редких костяных изделий, связанных именно с лучшей сохранностью культурного слоя. Кроме того, для такого рода памятников есть ряд определений абсолютного возраста радиоуглеродным методом: между 14 и 20 тыс. лет назад. Впервые отмечается внутренняя эволюция памятников внутри одной культуры — черта, действительно свойственная культурам верхнего палеолита в Европе.

Что это не верхний палеолит, достаточно ясно свидетельствует хотя бы техника раскалывания — тоже леваллуазская, свойственная всем предшествующим памятникам (рис. 53, *б*); большинство же орудий хормусийских памятников изготовлено при помощи зубчатой ретуши — вот две основные характерные черты хормусийской культуры, указывающие на то, что она ориентирована в прошлое и тщательно, в полном объеме, хранит традиции зубчатого мустье, ранее засвидетельствованного на этой территории. Но она содержит в себе и нечто новое: например, более широкое применение техники резцового скола, однако опять-таки в старом виде — скорее и чаще всего для приострения продольного края, чем для создания резца с его основным технологическим признаком — гранью, образованной двумя резцовыми сколами. Действительно, памятники этой культуры разнолики. Среди них есть такие, которые более близки к последующим, с более развитой морфологией и с обилием верхнепалеолитических черт. Они и по размерам заготовок близки к более поздним памятникам, так что неясно, не следует ли их отделить от хормусийской культуры. Э. Маркс полагает, что при наличии дат в 20 тыс. лет период их существования следует растянуть до 25 тыс. лет, явно подтягивая их к хронологии верхнего палеолита Европы (ведь в этом случае остается лишь 5 тыс. лет разницы между началом верхнего палеолита в Европе и хормусийской культуры в Африке). На деле же с равным правом можно принимать за нижнюю границу и 17 тыс. лет.

Судя по фаунистическим остаткам, в окрестностях стоянки существовали животные, типичные в настоящее время для саванны: гиппопотамы, антилопы, быки, но есть и остатки лошадей. Исследование многочисленных остатков рыб показало, что температура вод Нила была примерно той же, что и теперь. Но уровень их был выше. Орудия на всех стоянках этой культуры одинаковы. Предположение Э. Маркса, будто хормусийцы жили небольшими группами, притом бродячими, ничем не может быть подтверждено.

Более ранние памятники хормусийской культуры залегают под отложениями формации дибейра-джер, датированными около 20 тыс. лет назад. Есть памятники, синхронные этой формации и даже более молодые, относящиеся к периоду эрозии и более сухого климата, последовавшему за формацией дибейра-джер. Наиболее поздние памятники относятся к следующему периоду — увлажнения и накопления илистых отложений, который кончается 10 тыс. лет назад. Может быть, конец культуры хормуса относится к самому началу формации сахаба — 10 тыс. лет назад. Таким образом, памятники этой культуры существовали довольно долгое время.

Хормусийская культура отличается от предшествующих уже тем, что здесь около трети каменных изделий изготовлено не из ожелезненного песчаника, а из кремнистого сланца, кварца и докембрийских пород. Далее эта особенность усиливается: к концу существования культуры песчаник играет уже незначительную роль — порой менее 20%.

Хормусийские стоянки приурочены либо к аллювиальным отложениям Нила, либо к дюнам. Нельзя не связать такое расположение стоянок с занятием их обитателей рыболовством. Территория, на которой можно собирать орудия хормусийского типа, велика и вытянута вдоль Нила. Полагают, что это результат неоднократных возвращений на одно и то же место бродячих групп охотников и рыболовов. Однако такие утверждения основываются не на раскопках, а на сборах подъемного материала в тех районах, где производились раскопки. Одновременно было отмечено, что количество орудий на хормусийских стоянках заметно меньше, чем на мустьерских стоянках предшествующего периода. Раскопаны же описываемые стоянки в весьма значительных масштабах. Одна из них, например, вскрыта на площади 250 м². Наименьшая площадь раскопок — 30 м². По пропорциям отщепов, пластин и орудий стоянки не обнаруживают значительных вариаций; размах вариаций больше в типологическом облике и в количестве леваллуазских заготовок. Оказывается, что доля леваллуазских заготовок со временем падала. Доля пластин по отношению к остальным заготовкам оставалась постоянной. Размеры же орудий безусловно уменьшались. Но эти изменения невелики. На наиболее ранних стоянках длина большинства орудий 3—5 см и более. На самых поздних стоянках очень мало орудий, превосходящих в длину 5 см, а многие меньше 3 см. По леваллуазским заготовкам памятники хормусийской культуры в самое раннее время отчетливо примыкают к предшествующим — к мустьерским, а затем приближаются к следующим за ними хальфанским (индекс леваллуа падает до 18%, а на стоянках культуры хальфа он менее 1%).

С точки зрения распределения остатков культуры по территории поселения, примечательна стоянка 34а. На площади 4 м² плотность орудий от 40 до 288 экз. на 1 м². На одном из участков обнаружены остатки кострища с обожженными костями и песком. Около очага остатков орудий особенно много.

Для типологии хормусийской культуры показательны материалы стоянок 34а и 2004. В первой стоянке, одной из самых ранних, преобладающие категории орудий — зубчатые и

скребла. Большим количеством представлены также неретушированные леваллуазские отщепы. Это последнее обстоятельство не вызывает сомнений, поскольку из 120 ядрищ 80 приходится на неопределенные, а 27 на леваллуазские. Если учесть одноплощадочный характер ядрищ из отщепов, то нужно и их присоединить к леваллуазским; во всяком случае они позволяли получать отщепы и пластины, неотличимые от леваллуазских. Дисковидных ядрищ 8 экз. Из 340 изделий более 200 приходится на леваллуазские заготовки без вторичной ретуши. Среди оставшихся 140 предметов резцов (точнее, предметов с резцовым сколом) 15 экз. Примечательно, что большинство резцов — это типичные именно для хормусийской культуры срединные или поперечные, т. е. тоже двугранные (рис. 53, *12, 13*), а поперечно- или косоретушных нет. Но и изделий с одним резцовым сколом мало. Скребки единичны. Что еще интересно, так это первое появление настоящих скребел — отделанных приостряющей ретушью, с прямым или выпуклым рабочим краем, но с ровным, а не зубчатым, как это характерно для тех изделий, которые относили к скреблам в мустьерских нубийских памятниках. Скребла составляют четверть всей массы изделий (включая леваллуазские заготовки). Зубчатые орудия имеют по преимуществу одно продольное лезвие. Близки к ним (или скорее к выемчатым орудиям, которых также весьма много) пластины с перехватом (удушенные пластины; рис. 53, *7*). Они отретушированы правильной приостряющей ретушью.

Стоянка 2004 относится к самым поздним в пределах хормусийской культуры. Но техника раскалывания здесь главным образом та же, леваллуазская. Скребков менее 5%, резцов 12%, зубчатых орудий около 30%, скребел только 5%. Пропорция этих основных категорий увеличивается, если из числа орудий откинуть 45% леваллуазских заготовок. Резцы есть срединные и угловые — их большинство, но появились уже резцы на ретушированном конце пластины — поперечноретушные (рис. 53, *12*), правда очень атипичные (есть основания сомневаться в бесспорности опубликованных определений). Размеры орудий заметно меньшие по сравнению с более ранними памятниками той же хормусийской культуры. Зубчатые орудия изменили свой облик с уменьшением размеров заготовок. Сама зубчатая ретушь стала более мелкой, часто прилагается к пластинам (рис. 53, *8, 9*), хотя есть и зубчатые орудия из отщепов. На этом позднем памятнике скребки уже преобладают над скреблами, хотя обе категории уступают зубчатым орудиям и для данного типа памятников более показательно обилие зубчатых и выемчатых орудий. Их 40 экз. разного рода, а скребков только восемь (рис. 53, *2*) против пяти скребел. И этот памятник — не пластинчатый, хотя и очень поздний. Пластины среди прочих типов заготовок составляют только 11%, остальное — отщепы. Поскольку резцовый скол теперь часто приурочен к слому, есть основания относить изделия с резцовым сколом к резцам — орудиям верхнепалеолитического типа. Напротив, в памятниках, занимающих среднее положение (среднего этапа хормусийской культуры), резцовые сколы бывают приурочены к выемчатому краю, обработанному зубчатой ретушью. По-видимому, эти орудия являются прямым продолжением старых, традиционных орудий, у которых скол применяется для продольной обработки края. Таким приемом и здесь получают клюв — один край обработан ретушью, другой — резцовым сколом, они сходятся под углом, близким к прямому. Скребки, хотя и заслуживают это название, поскольку имеют правильное овальное лезвие, изготавливаются все же из отщепов, часто первичных. Некоторые же имеют лезвие, обработанное зубчатой ретушью.

Назовем еще одну хормусийскую стоянку — ANW-3, примечательной чертой которой является находка изделий из кости. Это всего лишь простое острие (обломок стенки трубчатой кости, приостренный на конце) и предмет типа лощила. Видимо, сохранность костяных изделий обусловлена залеганием материала в дюнных образованиях, перекрытых песком и илом. Это древнейшие костяные орудия в Нубии. Остатки угля из дюнных отложений имеют абсолютный возраст 15 850±500 лет назад. Были найдены также и кусочки гематита со следами скобления.

Хормусийская культура в Нубии сменяется культурой хальфа, имеющей то же направление — в сторону верхнего палеолита (Marks, 1968c, p. 392—461). В общем виде ее облик можно определить так: это культура, каменная индустрия которой основана, как и на всех предшествующих памятниках, на леваллуазской технике раскалывания (рис. 54, *8, 9*). Однако на ранних памятниках отщепов больше, чем пластин, а на поздних — пластин больше, чем отщепов. Примечательно сохранение микроотщепов — заготовок старого рода — для изготовления нового сорта изделий — микропластинок с ретушью (рис. 54, *1*). Именно последние и составляют основное новшество культуры хальфа, обозначая ее как первую в данном районе культуру с микропластинками (54, *1—3*). Скребки и резцы относительно немногочисленны (правда, на поздних стоянках число скребков порой достигает 20%; рис. 54, *10, 11*), но заметную роль играют зубчатые и

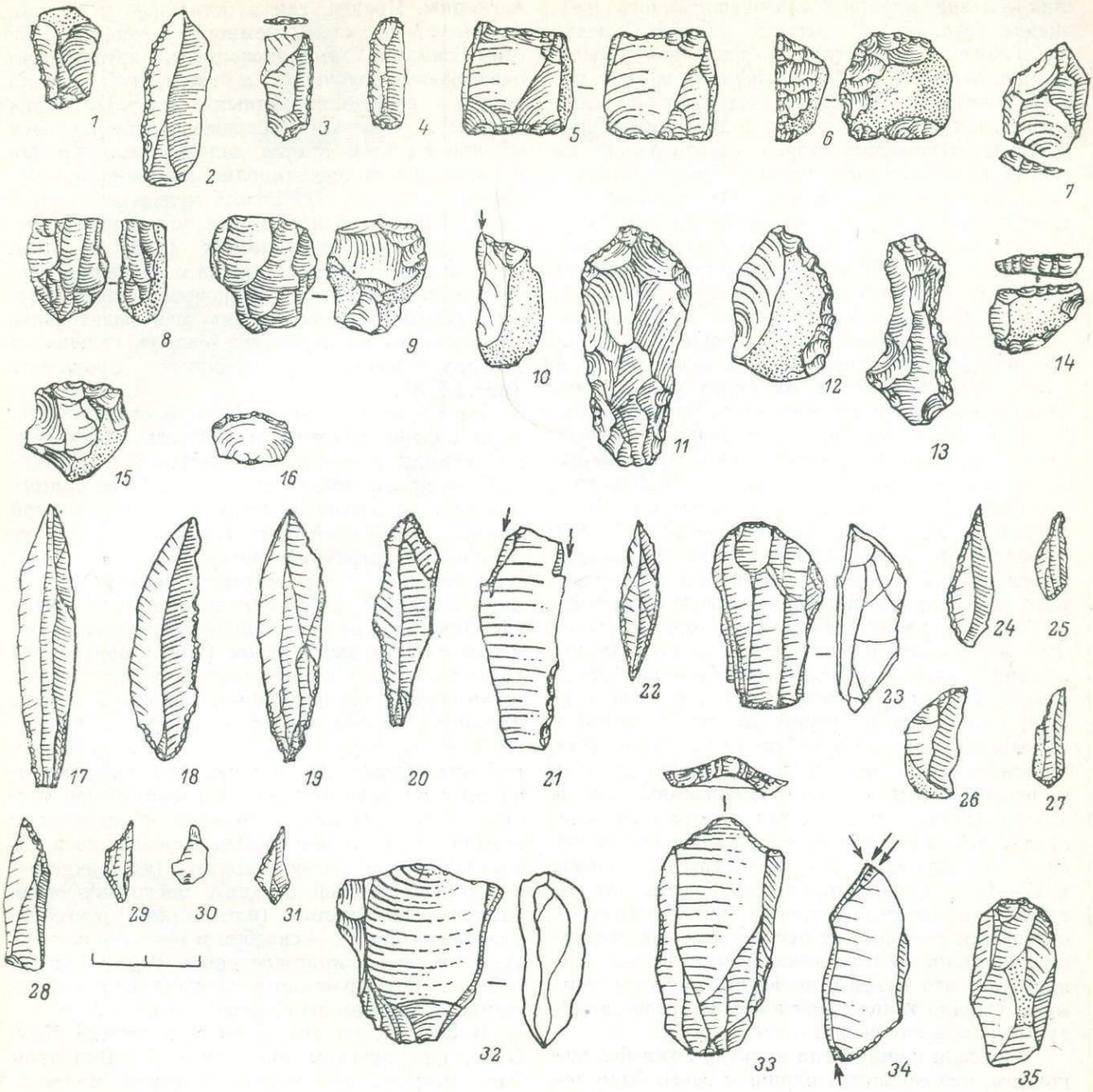

Рис. 54. Культуры долины Нила. По Э. Марксу и Ф. Смиту.

Хальфа: *1—4* — пластинки с притупленным краем; *5* — долотовидное орудие; *6, 11* — скребки; *7* — леваллуазский отщеп; *8, 9* — ядрища; *10* — резец; *12, 14* — скребла; *13, 15* — выемчатые орудия; *16* — скреблышко. Себек: *17—20, 22* — острия; *21* — резец; *23* — ядрище. Сильсиль: *24—29, 31* — микролиты; *30* — микрорезец; *32, 33, 35* — ядрища; *34* — резец.

выемчатые орудия. Таким образом, и здесь мы имеем дело с группой памятников, в высшей степени обремененных разновидностями каменных изделий прошлого. Скачка или ускорения процесса изменения каменных орудий не происходит. Все идет в одном направлении, правда, чрезвычайно постепенно и медленно. Основа — техника раскалывания — сохраняется в неприкосновенности, даже требование типологии — иметь микропластинки — выполняется при помощи старой технологии (леваллуазской). Американские археологи, раскапывающие памятники этой культуры, выделяют особо хальфанские ядрища и отщепы, но, судя по иллюстрациям, это не более чем разновидности двухплощадочных леваллуазских ядрищ и заготовок. В частности, хальфанские ядрища — это ядрища для отщепов, только подправленные с основа-

ния — конца ядрища, противоположного площадке (рис. 54, *9*). Отщепы хальфа — опять-таки обычные леваллуазские отщепы с негативами скалывания в двух направлениях (рис. 54, *7*). Возможно, эти негативы действительно представляют собой остатки подправки ядрища с одной из коротких сторон, но это далеко не всегда так. Во всяком случае перед нами мелкие леваллуазские отщепы. Их размеры кажутся абсолютно устойчивым признаком, более устойчивым, чем непременная подправка с поперечного края. Кроме того, ядрища и отщепы хальфа не исчерпывают всего набора заготовок. Есть и обыкновенные острия и пластины леваллуазской техники, двухплощадочные и одноплощадочные леваллуазские ядрища. Они опять-таки отличаются от более ранних малыми размерами и укороченными пропорциями.

Всего известно шесть стоянок, относимых к культуре хальфа, из них четыре раскопаны, а две шурфовались. Лишь стоянка 443 сохранила какие-то строительные остатки, интерпретируемые автором раскопок (Marks, 1968c) в качестве развалин земляной печи. Неполнота документации лишает нас возможности проверить это утверждение. Можно определенно говорить лишь о наличии здесь скопления обожженных материалов и камней. На некоторых же стоянках культуры хальфа вообще не сохранилось культурного слоя. Судя по стратиграфии, памятники культуры хальфа синхронны с памятниками хормусийской культуры. Они относятся к той же формации дибейра-джер и к последующим стадиям накопления ила и эрозии (верх и средняя часть формации баллана). По абсолютным датам, существование среднего отрезка этой культуры относится к 17—19 тыс. лет тому назад. Правда, это не вполне согласуется с относительным возрастом отдельных стоянок (разбег в 3 тыс. лет между синхронными по типологии памятниками). Получается, что хальфа ненамного моложе хормуса. Однако типологическое своеобразие культуры хальфа вне всякого сомнения.

Переходя к типологии культуры хальфа, напомним, что основным ядрищем здесь было леваллуазское. Но, видимо, уже и с подобных ядрищ носители этой культуры умели получать такие заготовки, которые могли использоваться для изготовления микропластинок. На более ранних памятниках культуры хальфа микропластинки типологически однородны. Это исключительно пластинки с притупленным мелкой ретушью краем, как правило прямым, очень редко выпуклым. И верх, и низ их не обработаны (рис. 54, *1, 2*). Лишь на некоторых заметны обработка мелкой зубчатой ретушью (рис. 54, *3, 4*) и выемки. В менее полных коллекциях такого рода изделия малочисленны. Правда, там и остальные категории орудий представлены немногими вещами. При этом самыми многочисленными категориями оказываются зубчатые и выемчатые орудия (после неретушированных отщепов типа хальфа). Отметим впервые появляющиеся именно на этой стадии долотовидные орудия с подтеской концов (вполне верхнепалеолитические; рис. 54, *5*). Резцы культуры хальфа не знаменуют собой решительного сдвига в сторону верхнепалеолитических (рис. 54, *10*). Это по преимуществу ядрища с резцовым сколом, микропластинки с резцовым сколом, угловые резцы. Скребки очень невыразительны. Они сделаны из первичных сколов, отщепов и поэтому имеют укороченные пропорции (рис. 54, *6*).

Из признаков самой поздней стадии культуры хальфа отметим выпуклость притупленной спинки у некоторых пластинок с притупленным краем, тогда как на всех более ранних памятниках подобные пластины имеют прямой притупленный край. Есть даже одна пластинка с такой симметричной изогнутостью обоих концов, что она может считаться сегментом. Налицо и скребла, но на мелких отщепах и порой в количестве, не уступающем скребкам. Пластины с усеченным концом (т. е. с поперечной ретушью конца) и проколки — вот те разновидности орудий, которые нужно упомянуть, чтобы исчерпать список орудий культуры хальфа.

Итак, культура хальфа — это культура смешанного облика, где при наличии полно выраженных архаических черт (леваллуазская техника раскалывания, зубчатые и выемчатые орудия, скребла) несомненна и эволюция в направлении к верхнему палеолиту (или точнее — к микролитической стадии), поскольку столь типичные для чистого (или раннего) верхнего палеолита орудия — скребки и резцы — как раз относительно немногочисленны. Они по крайней мере не возрастают в количественном отношении по сравнению со скреблами.

В 20-х гг. на юге Египта, в долине Ком-Омбо, французским археологом Э. Виньяром была открыта себильская культура, подтвержденная в 60-е гг. исследованиями Э. Маркса в Судане. Виньяром были выделены три стадии существования культуры, весьма отличные друг от друга. Суть развития себильской культуры заключается в том, что она начинается как культура бесспорно леваллуазская, а в конце приобретает вполне верхнепалеолитический облик.

Уже Э. Виньяру было известно около 40 местонахождений себильской культуры (Vignard, 1928). Исследования Ф. Смита (Smith, 1966, 1968) увеличили число стоянок. При этом ему снова удалось обнаружить одно из местонахож-

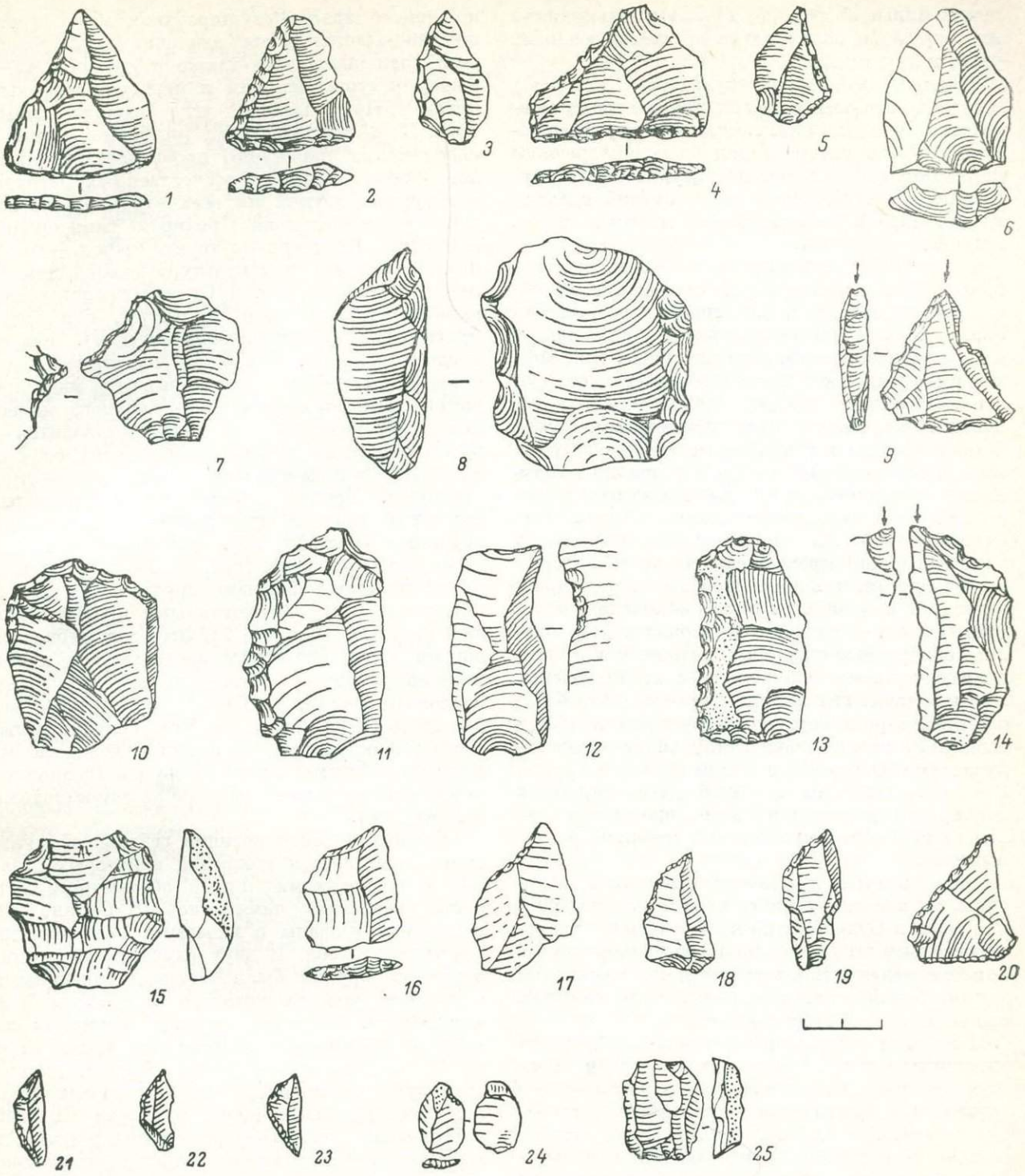

Рис. 55. Себильская культура. По Э. Марксу.

1, 2, 4, 5, 9, 17—20 — острия себильского типа; *3* — острие с притупленным краем; *6* — леваллуазское острие; *7* — клювовидное орудие; *8, 15, 25* — ядрища; *10* — скребок; *11, 13, 14* — зубчатые орудия; *12* — выемчатое орудие; *16* — отщеп; *21 — 23* — микролиты; *24* — микрорезец.

дений Виньяра (рис. 55, *15—25*); большинство их разрушено во время сельскохозяйственных работ и ирригации.

Орудия себильской культуры (рис. 55) в отличие от более ранних изготовлены из ожелезненного песчаника, местного материала, который был в употреблении у людей среднего каменного века Нубии, но уступил место другим породам. Меньшая часть орудий сделана из кварцита и докембрийских местных пород, например из дацита.

По технике раскалывания себильская культура также демонстрирует отклонение от общей линии эволюции каменной индустрии Нубии. Основной тип ядрища здесь — не леваллуазские разновидности, а дисковидные. При этом к термину «дисковидные» добавляется определение «плоские» (Marks, 1968d, p. 475); это наводит на мысль, что дисковидными были главным образом сработанные ядрища. Кроме того, нужно учитывать, что ядрища на памятниках себильской культуры немногочисленны и, как полагают, раскалывание породы (несмотря на то что она — местная, собиралась возле останцов) происходило не на территории исследованных стоянок. Причем часть ядрищ относится к знакомым типам — леваллуазским (рис. 55, *8*). В качестве заготовок использовались однородные сколы, которые не могут быть подразделены на полученные с леваллуазских и нелеваллуазских ядрищ. Возможно, что большинство ядрищ первоначально были леваллуазскими, а при переделке становились нелеваллуазскими. Основные размеры сколов и орудий 3—5 см. Пластины в общей массе заготовок редки, они представлены в пропорции, обычной для памятников с мустьерской техникой раскалывания.

Что касается типологии себильской культуры, то, поскольку все ее памятники, по крайней мере в Судане, относятся к одному хронологическому подразделению (во всяком случае они более едины типологически, чем памятники хормусийской культуры или культуры хальфа), возможно описание ее в целом.

Наиболее специфичное изделие себильской культуры — нож с затупленным краем, косо поставленным по отношению к длинной оси орудия, и с круто отретушированным основанием (рис. 55, *1*, *2*). Ретуширование основания не обязательно, есть изделия с притупленным краем, у которых основание не обработано. С другой стороны, найдены изделия, у которых обработано только основание. Более 80% орудий такого рода отретушированы по правому краю. Изделий с ретушированным основанием 1—2%. Перед ретушированием основания его обламывали. Разнообразие в эти орудия вносилось разным наклоном ретушируемого края. Ретуширование обоих краев не наблюдается. Угол наклона ретушированного края определяет также и другой угол — между ретушированным и неретушированным краем. При малом угле между ними (рис. 55, *4*) такие изделия (особенно, если они укороченных пропорций) производят впечатление «малого транше» отечественных авторов. Эта группа орудий на всех стоянках бывает самой многочисленной. Прочие же типы орудий единичны. Несмотря на то что себиль — более позднее явление, чем культура хальфа, тем не менее, учитывая, что в Судане представлены ранние ступени этой культуры, она более мустьерская (среднепалеолитическая), чем ее предшественники. Так, здесь практически отсутствуют скребки и резцы, развитие идет, кажется, помимо выраженного верхнего палеолита, непосредственно к стадии микролитов — путем эволюции острий (или ножей) себильского типа в геометрические микролиты — типа «транше». Прочие весьма немногочисленные категории изделий представлены выемчатыми орудиями (рис. 55, *12*), зубчатыми, продольными и поперечными (рис. 55, *11*, *13*), а также клювовидными зубчатыми орудиями со сходящимися краями, обработанными противолежащей ретушью (рис. 55, *7*). Этот тип зубчатого орудия (хотя он может изготовляться и без помощи ретуши) встречен только в среднем палеолите Нубии, на более поздних памятниках здесь он не попадался. Есть еще так называемые микрорезцы, но и они похожи на отходы производства каких-то орудий (возможно, ножей себильского типа), а не на самостоятельные изделия.

Хронологическая позиция себильской культуры определяется геологией некоторых стоянок и несколькими датами абсолютного возраста себильских памятников. В Судане эти памятники связаны с илистыми отложениями формации сахаба. В двух случаях себильские каменные орудия были найдены связанными с пляжем, уровень которого над Нилом равнялся 20 м. Это и есть уровень формации сахаба. В абсолютных цифрах это время от 9 до 15 тыс. лет назад. Таким образом, себильская культура является одной из самых поздних культур плейстоцена, несмотря на свой архаический облик — отсутствие резцов и скребков, леваллуазскую технику раскалывания и технику дисковидного ядрища. Но она заключала в себе также и прогрессивные моменты, к числу которых следует прежде всего отнести применение притупленной ретуши для изготовления ножей себильского типа, при дальнейшей эволюции превратившихся в изделия геометрической формы. Прежние представления о себиле как культуре, синхронной всему

верхнему палеолиту Европы, оказались неправильными. Они исходили из неверного допущения, будто мустье в разных странах за пределами Европы длится то же самое время, что и в Европе, после чего одновременно и независимо начинается верхний палеолит.

По публикациям Объединенной экспедиции (Marks, 1968d) можно предполагать, что в Судане представлены разные ступени себильской культуры, притом с рядом местных особенностей — это не позволяет точно сопоставить себиль Судана с первой или второй ступенью по Э. Виньяру, как они были установлены им в долине Ком-Омбо в Египте. Проверка данных о себильской культуре и представлений о ее развитии, проведенная Ф. Смитом (Smith, 1966), показала, что заключения Виньяра в основном правильные. Кроме того, Смиту удалось установить стратиграфическое положение себиля по отношению к илистым отложениям Нила (фазам накопления и эрозии) и получить определения абсолютного возраста себильских стоянок. Оказалось, по Смиту, что возраст себиля не столь древний, как это представлялось Виньяру, — не более 13 тыс. лет до н. э. Правда, сами определения расходятся от 13 до 16 тыс. лет.

Э. Виньяр так описывал три стадии развития себильской культуры (Vignard, 1928).

Первая стадия, или себиль I. Преимущественное сырье для изготовления орудий — диорит; кремень и кремнистый сланец редки. Техника раскалывания — леваллуазская. Ядрища — леваллуазские и дисковидные. Много неретушированных леваллуазских отщепов мелких размеров. Пластины редки. Налицо типичные орудия себильского типа, скребки и скребла. Микрорезцы еще не появились.

Вторая стадия, или себиль II (рис. 55, *1—6*). Орудия изготовлены из кремнистого сланца или из кремня. Ядрища — леваллуазские, двухплощадочные (приближающиеся к призматическим) и дисковидные. Леваллуазские заготовки стали более редкими. Количество скребков возросло по сравнению с предшествующей стадией. Наряду с обычными, теперь широко распространенными остриями себильского типа появляются неравносторонние треугольники и некоторое количество сегментов. И сами себильские острия постепенно становятся все более похожими на геометрические микролиты (пока они еще весьма крупные), хотя по форме они, как известно, мало отличаются от «малого транше». Представлены также терочники и растиральные камни.

Третья стадия, или себиль III (рис. 55, *7—25*). Сырье то же самое, что и ранее. Техника раскалывания изменилась — почти нет леваллуазских ядрищ, зато преобладают ядрища с двумя площадками. Количество леваллуазских отщепов очень сократилось. Просто отщепы с отретушированным основанием уже не преобладают. Себильские острия стали редкими. Зато многочисленны треугольники, трапеции, сегменты, проколки, зубчатые орудия, скребки и скребла. Налицо серия острий, обработанных с одной стороны. Поскольку все забивавшие ранее себильские острия почти исчезли, то перечисленные орудия оказались преобладающими. Есть песты-терочники и растиральные плиты.

Следует пояснить некоторые вопросы, связанные с ядрищами. Они к концу развития себильской культуры в итоге примерно пятитысячелетней эволюции становятся двухплощадочными. Но в действительности — это лишь более тщательно оформленные леваллуазские двухплощадочные ядрища, с которых можно скалывать правильные пластинки, поскольку основной принцип леваллуазского ядрища — скалывание с одной плоскости — сохраняется, плоскость раскалывания не становится выпуклой и тем более не обходит вокруг все возможное пространство.

По мнению Ф. Смита, еще предстоит выяснить некоторые особенности набора орудий на себильских стоянках, которые можно будет отнести не только за счет временных вариаций, но и за счет особого назначения или использования стоянок. Однако пока такая работа ни Смитом, ни кем-либо другим не произведена. Опубликованы только предварительные сообщения о раскопках памятников и их геологии. Выводы исследователей таковы: более древние стадии себиля найдены погребенными в илистых отложениях Нила, более поздние — на поверхности отложений, видимо, потому, что их существование совпало с периодом эрозии, а не аккумуляции. Допустимо, что наиболее поздние стадии себиля уже относятся к раннему голоцену.

Большое внимание Ф. Смита (Smith, 1972) привлекло то обстоятельство, что, помимо давно известной себильской культуры, ему удалось найти по меньшей мере пять археологических культур, в том числе и таких, которые могли по причине своей близости с культурами Северной Африки позволить поставить вопрос о культурных контактах. Эти вновь открытые памятники обнаружены в определенных геологических условиях. На них сохранились некоторые указания на образ жизни, если не жилые остатки в обычном смысле слова.

Из этих культур остановимся на себекской и сильсильской.

Для себекской культуры характерно использование в качестве сырья главным образом местного серого кремня (в других культурах употребляли иной кремень). Техника раскалыва-

ния здесь несравнима с техникой раскалывания себильской культуры: налицо двойные косоплощадочные ядрища (рис. 54, *23*) типа корбиакских или тех, что хорошо нам знакомы по имеретинской культуре. Плоскость раскалывания таких ядрищ более или менее выпуклая, как можно понять из описаний. Но двойные косоплощадочные ядрища все-таки несколько уплощены, что напоминает леваллуазские принципы раскалывания. Есть и одноплощадочные ядрища. Орудия сделаны по преимуществу из правильных пластин. Признаков леваллуазских заготовок на пластинах нет; возможно, таковым является лишь ретуширование ударной площадки. Техника микрорезца совершенно отсутствует. Не найдено пластинок с притупленным краем и настоящих микролитов. Большинство разновидностей орудий этой однообразной культуры — ретушированные пластины. Примечательно, что ретушь нанесена преимущественно в нижней половине, притом она мелкая, «обгрызающая», называемая по магрибским памятникам ретушью типа ухтата. Иногда такая ретушь создает нечто вроде черешка (рис. 54, *17—20*). Имеются немногочисленные пластиночки с прямо притупленным краем. Скребки и скребла редки. Среди резцов, также немногочисленных и простых по формам, есть угловатые (рис. 54, *21*) и поперечноретушные.

На том же местонахождении, где найдены орудия себекской культуры, но на несколько сантиметров глубже, были встречены орудия иного типа, отнесенные Ф. Смитом к сильсильской индустрии (рис. 54, *24—35*). Это местонахождение Джебел-Сильсиле. На него обратил внимание еще Э. Виньяр. В отличие от себекской сильсильская культура представлена еще на одном памятнике, более богатом материалом. Каменные орудия этой культуры изготовлялись из многоцветного кремня. Ядрища почти все призматические, хотя есть и леваллуазские. Сделаны они из маленьких галек, отчего все каменные орудия и имеют незначительные размеры. Для оценки истинно африканского характера каменной индустрии показательно уже одно то, что при всем изобилии таких бесспорно верхнепалеолитических разновидностей, как резцы и микропластинки, здесь нет скребков, но зато имеются скребла (правда, в незначительном количестве). Есть еще проколки и выемчатые орудия (пластинки с выемками). Резцы немногочисленны и представлены срединными (рис. 54, *34*) и косоретушными. Микролиты геометрической формы отсутствуют, хотя обнаружен один треугольник. У пластинок с притупленным краем, как правило, выпуклая спинка и частичная ретушь, например обработаны верхний конец или и верх, и основание, а последнее либо заострено, либо закруглено (рис. 54, *24, 25*). Примечательны формы с противолежащей ретушью; у них скошено основание с правого края и конец с левого, но ретушь нанесена в обоих случаях со спинки. При изготовлении микропластинок применялась техника микрорезца. Значительную часть инвентаря составляют пластинки с затупленным краем. Есть (по крайней мере изображены на иллюстрациях) пластинки с суженным основанием, которые типичны для набора орудий себекской культуры. Смитом они объединяются с пластинками с притупленным краем, что вряд ли верно. Для отделки пластин с притупленным краем применяется либо притупливающая, либо мелкая притупливающая ретушь (ухтата). Возраст одного из памятников сильсильской культуры 15 400 лет до наших дней. Как свидетельствует стратиграфия, эта культура — более древняя, чем себекская. Вместе с каменными орудиями сильсильского типа отмечены также находки костей быков, газелей и рыб.

Кроме себиля, сильсиля и себека, в ограниченном районе Ком-Омбо есть еще памятники ориньякоидного типа.

Итак, район Ком-Омбо был заселен группами населения с различной материальной культурой. Ф. Смит объясняет это связями населения Верхнего Египта с населением Северной Африки, в частности связями с маврусийской и другими культурами, весьма удаленными от Египта, а также взаимными влияниями. Однако на юге Египта и в Судане, кроме индустрий без признаков леваллуазской техники раскалывания, уже описанных нами, были встречены и памятники с леваллуазской техникой раскалывания, как и в себиле, и притом не отличающиеся от других культур по степени своей близости к верхнему палеолиту. Есть здесь скребки, резцы, впервые отмеченные для Египта долотовидные каменные орудия, а также многочисленные костяные иглы и шилья, чего нет на прочих стоянках с более развитой техникой раскалывания. Имеются также песты-терочники и плиты. Поэтому Смит видит в данном районе зону взаимодействий (cotradition area), как это определяется по американской терминологии. Нам же кажется, что это обычное для каменного века сосуществование нескольких культур на одной территории. Укажем на множество культур, распространенных в верхнем палеолите (точнее — в конце верхнего палеолита) в Восточном Средиземноморье. Много культур отмечено в Судане исследователями последних лет. Но, нам кажется, Смит преувеличивает сходство сильсиля с иберо-маврусийской культурой; это видно из того, что он усматривает сходство еще и с Хагфет-эт-Терой, памятником Ливии, равно непохожим и на маврусийскую культуру, и на сильсиль. Смит при-

нимает некоторые общие черты всех трех перечисленных культур за признаки их культурного единства. По сведениям Смита, стоянки с каменными орудиями типа сильсиль были найдены возле Каира. Это расширяет ареал сильсиля.

Особый интерес представляют высказывания Ф. Смита по общим проблемам развития палеолита в долине Нила. Подобно большинству американских ученых, он скептически относится к предположению Х. Мовиуса и других археологов, будто долина Нила запаздывала в культурном развитии по сравнению с остальными районами ойкумены. Но в отличие от американских исследователей он не утверждает, основываясь только на находках пестов-терочников, и обратное, что обитатели долины Нила опередили всех своих современников и в палеолите уже начали заниматься примитивным земледелием. Смит скромно говорит, что пока нет оснований отвергать предположение о запаздывании при всем желании сделать это. Культуры типа верхнего палеолита Европы, притом со множеством элементов леваллуа, появляются здесь много позже, чем в Европе, не ранее 20 тыс. лет назад, но если сравнить развитие культуры в долине Нила и в остальных частях Африки, то по отношению к ним культуры Нила не запаздывают. Нам такая точка зрения и такой подход к вопросу представляются верными. Смит считает нужным выделить нильскую провинцию в палеолите и очерчивает в первом приближении свойства этой провинции. Сочетание техники раскалывания, свойственной в чистом и более архаичном виде среднему палеолиту, и разновидностей орудий, свойственных лишь верхнему палеолиту в Европе, накладывает особый отпечаток на палеолит Нила. Однако сейчас нет еще оснований считать такую особенность ограниченной именно бассейном Нила. Отметим стремление американских исследователей найти параллели этому (правда, не слишком близкие) в палеолите Восточной Африки. Если останавливаться на столь общих признаках, как леваллуазская техника раскалывания, то долина Нила не может быть отделена от остальной Африки. Необходимы более точные и более узкие признаки. При этом встает вопрос об оценке раннего верхнего палеолита Ливии. Ч. Мак-Бёрни утверждает, что, согласно данным раскопок пещеры Хауа-Фтеа, верхний палеолит в Ливии начинается по европейским нормам и притом неожиданно, поскольку он сменяет мустье резко, без промежуточных форм и слоев, и в то же самое время, что в Европе или даже несколько раньше (McBurney, 1967). Естественно, такого рода факты порождают надежды, что и нильская провинция может содержать столь же древние памятники верхнего палеолита и притом так же освобожденные от среднепалеолитического наследства, как и культуры дабба в пещере Хауа-Фтеа. Но сейчас контуры африканского палеолита уже наметились и можно говорить достаточно уверенно, что вся Африка — материк запоздавшего мустье, так что на этом фоне материалы Хауа-Фтеа выглядят как исключение, подтверждающее правило, и не должны порождать надежд на то, что скоро все исправится и Африка станет похожей на Европу.

Мустье и верхний палеолит (постмустье) в Киренаике

Если о палеолите всей Африки можно говорить как о чем-то в известной степени едином, объединенном общими признаками, несмотря на разнокультурность огромного материка, и противопоставлять его в целом палеолиту Европы и Передней Азии, то палеолит Киренаики — сравнительно небольшой области Ливии, расположенной между Магрибом и Египтом и не отличающейся в нынешнее время по климату от остальных частей Средиземноморья, ближе к европейскому и переднеазиатскому, чем к палеолиту остальной Африки. При этом опять-таки имеется в виду не однокультурность памятников Киренаики и палеолита Ближнего Востока, как это склонен, например, понимать Ч. Мак-Бёрни — исследователь большей части памятников Киренаики, а последовательность и хронологическая позиция основных подразделений палеолита Киренаики. По его мнению, в отличие от остальной территории Африки и в полном соответствии с ходом развития культуры в Европе верхний палеолит сменяет в Киренаике памятники, основанные на дисковидном ядрище около 35 тыс. лет тому назад. Происходило это весьма быстро и переживания мустьерских элементов не было; резцы не встречаются здесь в одних слоях с леваллуазскими ядрищами, как в долине Нила или в Марокко.

Хотя в Киренаике в результате работ итальянских и английских археологов исследовано довольно много памятников палеолита, достаточно остановиться на одном, чтобы составить представление обо всем палеолите этой области. Рассмотрим многослойное пещерное обиталище Хауа-Фтеа, поскольку именно там есть основания для установления стратиграфии, последовательности культурных ступеней, хронологии и антропологии, хотя скелетные остатки человека пока представлены только двумя неполными нижними челюстями. Исследования здесь проводились экспедицией Кембриджского университета (Англия) в 50-х гг. под руководством Ч. Мак-Бёрни (McBurney, 1967).

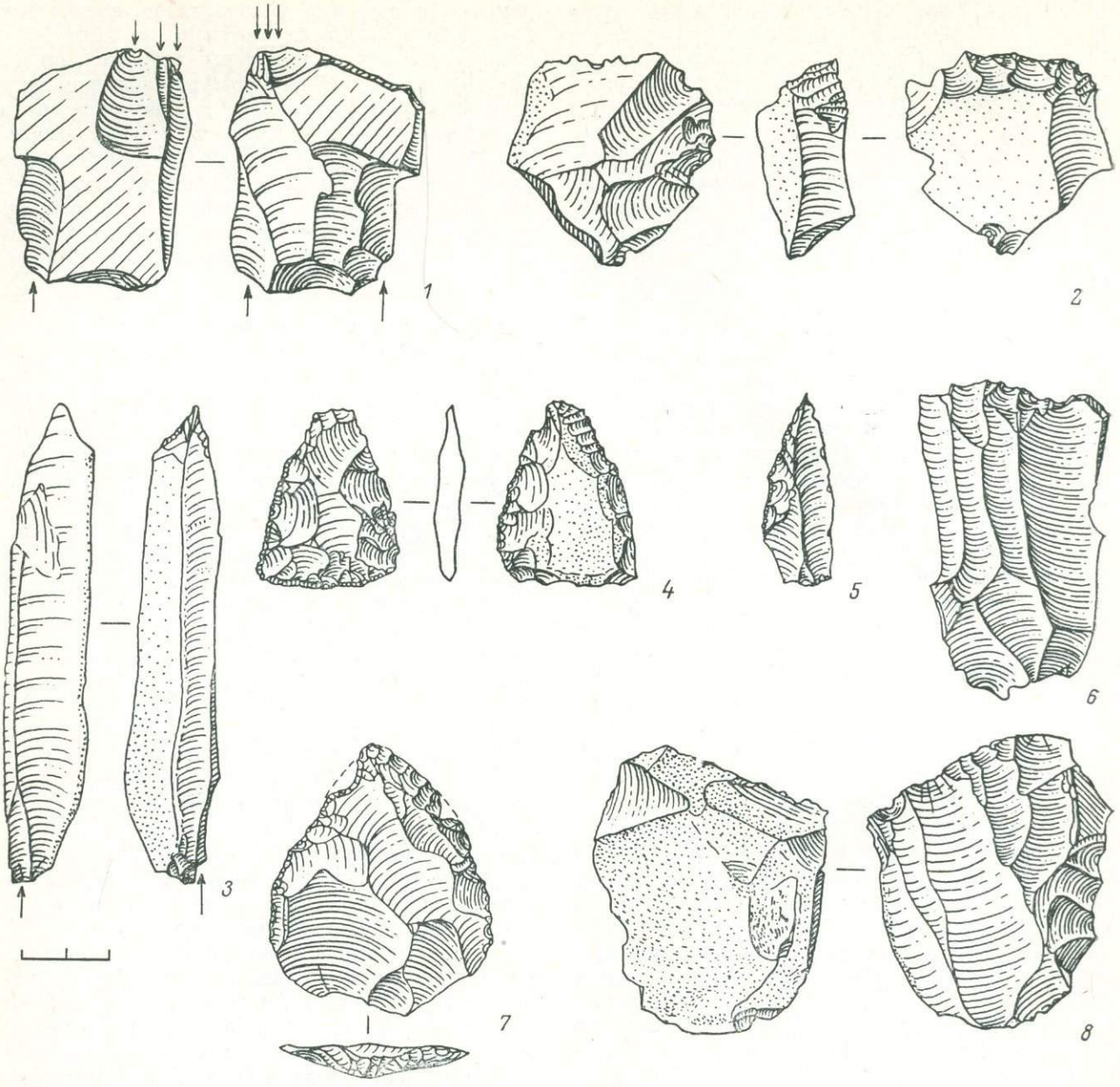

Рис. 56. Хауа-Фтеа. Мустье (преориньяк). По Ч. Мак-Бёрни.

1, 3 — изделия с резцовым сколом; *2* — чоппер; *4* — бифас; *5* — пластина с притупленным краем; *6, 8* — ядрища; *7* — скребло.

Хауа-Фтеа — огромная пещера 20 м высоты и втрое большей ширины, открытая на юг. Она расположена в холмистой местности, находящейся хотя и совсем близко от пустыни, но в настоящее время сильно отличающейся от нее густой растительностью. Площадь раскопок сравнительно небольшая, поскольку велика глубина раскопа — до 8 м на всей площади и до 14 м в шурфе, поставленном с целью исследования наиболее глубоких слоев. Именно в этом шурфе обнаружены самые ранние культурные остатки такого рода, которые были обозначены исследователем в подражание переднеазиатской терминологии (не без влияния терминологии Д. Гаррод — из Оксфорда) как преориньяк (рис. 56). Это не один слой, а множество; самый верхний из них отделен от низа леваллуа-мустьерских слоев примерно 0.5 м. Ч. Мак-Бёрни отмечает три уровня концентрации культурных остатков преориньяка. Заметим с самого начала, что термин этот не подходит для определения природы материала, добытого в Хауа-Фтеа, но его пока нечем заменить.

Верхняя прослойка отделена от следующей почти стерильной породой мощностью 1.3 м. Наиболее значительной является самая нижняя концентрация материала, где группа находок № 176 подстилается уже стерильной породой. Если более молодые слои обозначены римскими цифрами сверху вниз от I до XXXV, то так называемые преориньякские находки лежат вне этой нумерации. Материал в монографии Ч. Мак-Бёрни не соединен, а описан именно по совокупностям из отдельных прослоев.

Сам термин «преориньяк», казалось бы, предполагает, что интересующая нас индустрия представляет собой набор орудий с призматическими ядрищами и пластинами. Для другого преориньяка — на Ближнем Востоке — известны многочисленные пластины, хотя и отличные от верхнепалеолитических, и ядрища, с которых они были сколоты. В Хауа-Фтеа же мы имеем дело с индустрией, основанной на леваллуазской технике раскалывания, и естественно, что вместе с обычными орудиями из отщепов встречены и пластины. В северофранцузских леваллуазских памятниках пластины играют важную роль, но это никогда и никому не служило основанием для отделения леваллуазских памятников от мустьерского комплекса. Напротив, общепризнано, что некоторое количество пластин, то большее, то меньшее,— обязательная черта именно памятников мустьерской эпохи.

В Хауа-Фтеа представлено несколько вполне типичных леваллуазских ядрищ. Поскольку они — ядрища для пластин и поэтому имеют вытянутые пропорции, то Ч. Мак-Бёрни с некоторым основанием считает их призматическими. Однако они все плоские, с одной плоскостью раскалывания (рис. 56, *6*, *8*), что отличает леваллуазские ядрища для пластин от призматических. К последним автор исследования относит и плоские резцы, характерные для многих памятников доверхнепалеолитического возраста (рис. 56, *1*). Но считаться призматическими ядрищами они ни в коем случае не могут. Поскольку долгое время стремились лишь отделить призматические ядрища от дисковидных, то выяснением отличий призматических ядрищ от леваллуазских ядрищ для пластин не занимались. Отсюда частые ошибки при проведении такого процесса, когда он становился практически необходимым, в частности и у Мак-Бёрни. Представление о пластинчатости заготовок также сильно преувеличено. Графики количественного соотношения разного рода заготовок (с разным процентом ширины по отношению к длине) в очень малой степени отличают преориньяк от последующих слоев — леваллуа-мустьерских.

Коллекция орудий из преориньякских слоев не слишком многочисленна. По подсчетам Ч. Мак-Бёрни, найдено всего около 80 орудий. Складывается впечатление столь разнообразного набора орудий, что допустима различная культурная принадлежность отдельных подразделений. Так, все обломки от рубил и сколы с них (сколы особого рода — результат попытки переработать рубила) происходят из одного стратиграфического подразделения, а большинство плоских резцов — из другого. Однако малое количество орудий из каждого подразделения делает вывод о разной культурной принадлежности этих слоев не обязательным, а только возможным. Несомненно присутствие ручных рубил в слоях, объединяемых под названием преориньякских. Правда, они представлены лишь сколами подправки. Теперь такого рода подправка рубил установлена внимательными к типологии исследователями на территории Африки. Впервые такая подправка описана для английских рубил с поперечным лезвием.

Полного представления о форме рубил времени преориньяка у нас нет. Но есть двусторонне обработанные орудия. Ч. Мак-Бёрни трактует как бифасы и два треугольных предмета, которые скорее напоминают (судя по рисунку) треугольные ядрища леваллуазской группы (рис. 56, *4*). Они оба имеют очень характерный признак — корку (если это действительно ядрище) тыльной плоскости, противоположной плоскости раскалывания. Выразителен чоппер с прямым лезвием (рис. 56, *2*). Кажется, наиболее обильная категория орудий в преориньякском слое — предметы, которые сам исследователь называет резцами. Они несомненно имеют резцовый скол, но их отличает от резцов — орудий верхнепалеолитического времени — плоское положение резцовой грани. Неверно было бы считать этот признак свойством только мустьерских изделий, он представлен и в верхнем палеолите. Разница между эпохами выражается в том, что в верхнем палеолите есть и резцы, и плоские резцы, а в мустье — только плоские резцы (и, как правило, в небольшом количестве). Особенностью именно плоских резцов (рис. 56, *1*) — независимо, будь то верхний палеолит или мустье — является то, что либо резцовые сколы формируют грань, лежащую в одной плоскости с брюшком и спинкой, либо резцовый скол имеет совсем другое назначение — не создавать грань, а утончать продольный край орудий. У верхнепалеолитических резцов образуется резцовая грань, которая лежит в плоскости, перпендикулярной плоскости брюшка и спинки. То, что определяется в Хауа-Фтеа как резцы, есть как раз изделия с продольным краем, приостренным при помощи резцового скола, нанесенного вдоль него (рис. 56, *3*). При этом вполне достаточно одного резцового скола, а не

двух смежных. Особый тип изделий мустьерского времени с резцовым сколом составляют изделия с режущей кромкой. У них на верхнем конце пластины или отщепа при помощи короткого скола или крупной ретуши приготовляется площадка, с нее скалывается поперечный скол. Судя по рисункам, такого рода предметы найдены в Хауа-Фтеа. Здесь в составе находок из так называемого преориньяка есть и зубчатые орудия; но поскольку они оформлены (по крайней мере в некоторых случаях) крупной ретушью, то лишь часть из них была определена правильно, а многие были ошибочно отнесены к скребкам. На самом же деле среди рисунков, опубликованных Ч. Мак-Бёрни, нет скребков. Немногочисленными экземплярами представлены двойные симметричные скребла (рис. 56, 7), обломок листовидного острия, проколки и нож с обушком (рис. 56, 5).

Таким образом, анализ публикации материалов Хауа-Фтеа убеждает, во-первых, в том, что этот набор каменных орудий не дает оснований для предположений об однокультурности Хауа-Фтеа и амудийской культуры (преориньяка) Ближнего Востока, а во-вторых, что верхнепалеолитический элемент здесь сильно преувеличен. В действительности эта индустрия не заслуживает (в отличие от амудийской культуры) названия «преориньяк». Малочисленность (и, может быть, смешанность) материала не дает возможности более точно выяснить ее характер и принадлежность к определенному пути развития.

Люди, оставившие вышеназванные каменные орудия, были охотниками. И среди костного материала, который дошел до нас, есть остатки диких овец, быков и газелей. 36% остатков принадлежит быкам, а 39% — газелям. Эти сведения рассматриваются как указание на более теплый климат, чем тот, который соответствовал всей остальной стратиграфической колонке Хауа-Фтеа. Но существенно — слои, обнаруженные в самой нижней части шурфа, не отличаются от наиболее ранних леваллуа-мустьерских слоев, следующих непосредственно за преориньяком. Там тоже много костей быков. Можно допустить, что климат во времена преориньяка был весьма близок, если не тождествен, климату слоя XXXV. Изменения начинаются только в XXXII слое (видимо, похолодание). Предположения о хронологическом значении отмеченных изменений в составе фауны основываются не на прямых сопоставлениях хотя бы с морскими террасами или с разрезами, где есть стратиграфические реперы, а на косвенных увязках с данными по колебанию состава глубоководных моллюсков Средиземноморья. Очевидно, это сопоставимо с концом последнего межледниковья и с началом последнего оледенения в Европе, которое характеризовалось, по данным погребенных почв, а также по данным палинологии в Южной Франции, мягким климатом.

Термин «леваллуа — мустье», как и «преориньяк», вызывает возражения, но приходится им пользоваться, поскольку он был применен исследователем Хауа-Фтеа. Под этим термином объединяются многие слои, отвечающие мустьерской эпохе, видимо разнокультурные, помещающиеся между преориньяком и верхним палеолитом. Соединение материала в определенные единицы (стратиграфические и культурные) вызывает критику (Smith, 1972). Из 14 м отложений в Хауа-Фтеа на мустьерские слои приходится около 4 м, и слои эти (в отличие от преориньякских) обозначены римскими цифрами с XXV по XXXV (притом только самые ранние подразделения XXV слоя представляют собой мустье, а горизонты начиная с «с» — это уже верхний палеолит). С точки зрения культурной принадлежности, они объединяются автором как бесспорно леваллуазские в единое целое и подразделяются далее на «гибридное мустье» (слой XXXIV; рис. 57), типичное леваллуа—мустье (слои XXXIII—XXXII), атерийскую культуру (XXXI—XXX), позднее мустье (XXIX—XXVII), леваллуа—мустье (XXVI—XXV).

Подразделения эти отмечают существенные особенности материала, хотя термины, выбранные для обозначения, не определяют их особенностей. Кроме того, их леваллуазская природа сомнительна. Нужно также принимать во внимание, что толща с находками была условно разделена на горизонты взятия и чистота выделенных совокупностей орудий, их однородность, однокультурность также сомнительна.

Начнем характеристику данной группы слоев с самых нижних. Поскольку слои были выделены в известной степени искусственно, то в общей совокупности оказались и остатки, которые представляют собой преориньяк. Они расположены в основании XXXV слоя (вместе с тем — верх глубокого шурфа). В действительности это набор орудий, свойственный зубчатому мустье, — высокие скребки, выемчатые орудия, в том числе с симметричными выемками, орудия с подтеской концов.

Вышележащий слой XXXIV весьма интересен. Хотя орудия и были собраны раздельно, по горизонтам взятия, но ввиду их малочисленности в иллюстрациях они не различаются. Более того, материалы XXXIV и XXXV слоев даны как одно целое. Первое, что бросается в глаза, — это значительное количество скребков верхнепалеолитического типа (рис. 57, 7—10). Столь типичных скребков нет в преориньякском слое, а здесь их отмечено 20 экз. На-

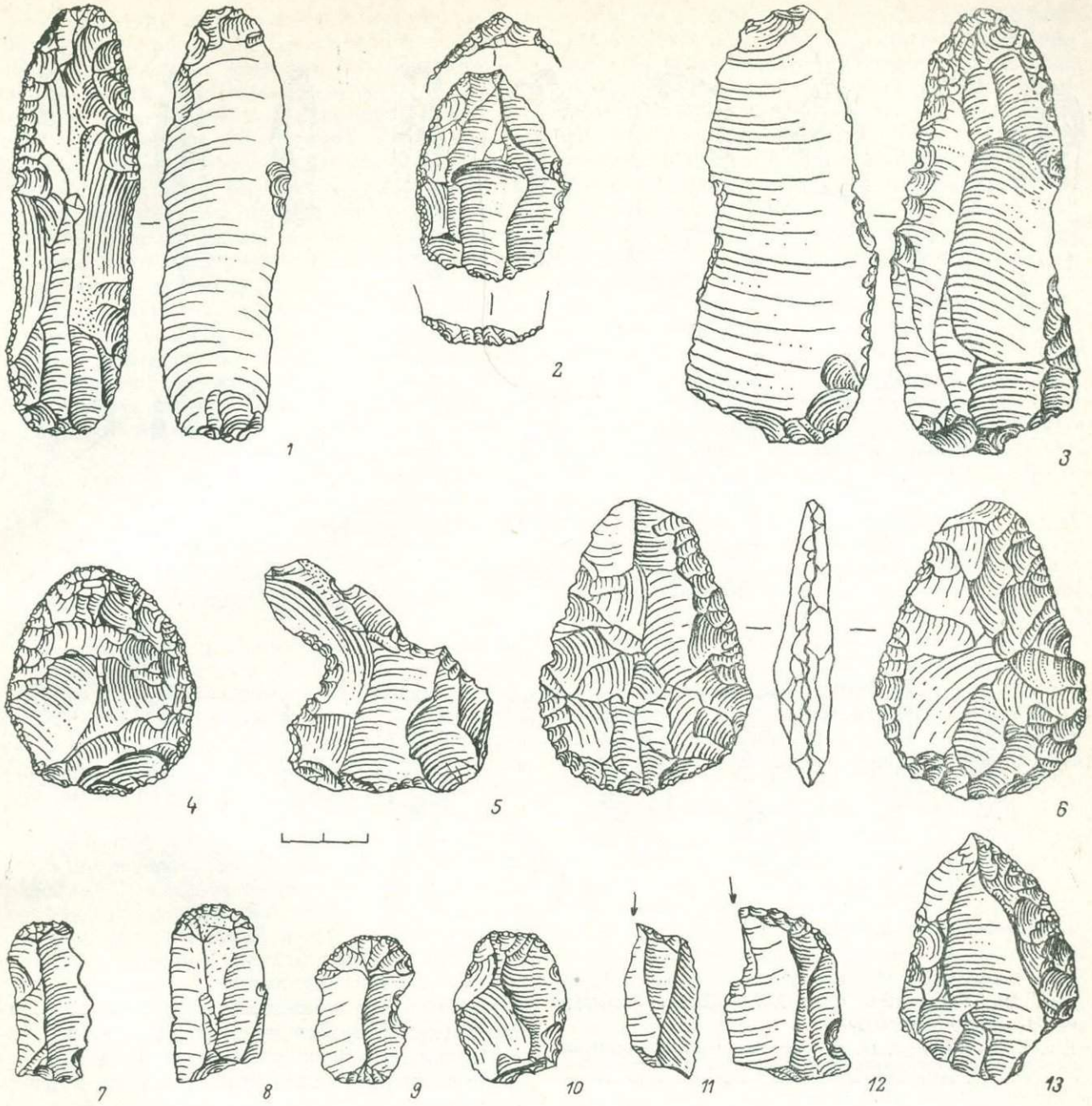

Рис. 57. Хауа-Фтеа. Слой XXXIV. Мустье. По Ч. Мак-Бёрни.

1, 3 — пластины с ретушью; *2, 4, 13* — скребла; *5* — выемчатое орудие; *6* — бифас; *7—10* — скребки; *11, 12* — резцы

сколько об этом можно судить, они изготовлены из пластин. Но по рисункам видно, что в число скребков попали, например, мелкие диски и отщепы с поперечной ретушью. Таким образом, в действительности скребков меньше 20 экз. Тем не менее присутствие типичных скребков поражает с первого взгляда. Вряд ли это механическая примесь из более поздних слоев, так как и в верхнем палеолите Хауа-Фтеа нет столь определенных скребков, да и велика толща мустьерских слоев, отделяющих XXXIV слой от верхнепалеолитических. Часть орудий, которые следует отнести к пластинам с подтеской в комбинации с зубчатой обработкой продольных концов, Ч. Мак-Бёрни зачислил в атипичные скребки. Еще больше насчитывается резцов — 26 экз. (рис. 57, *11*, *12*),

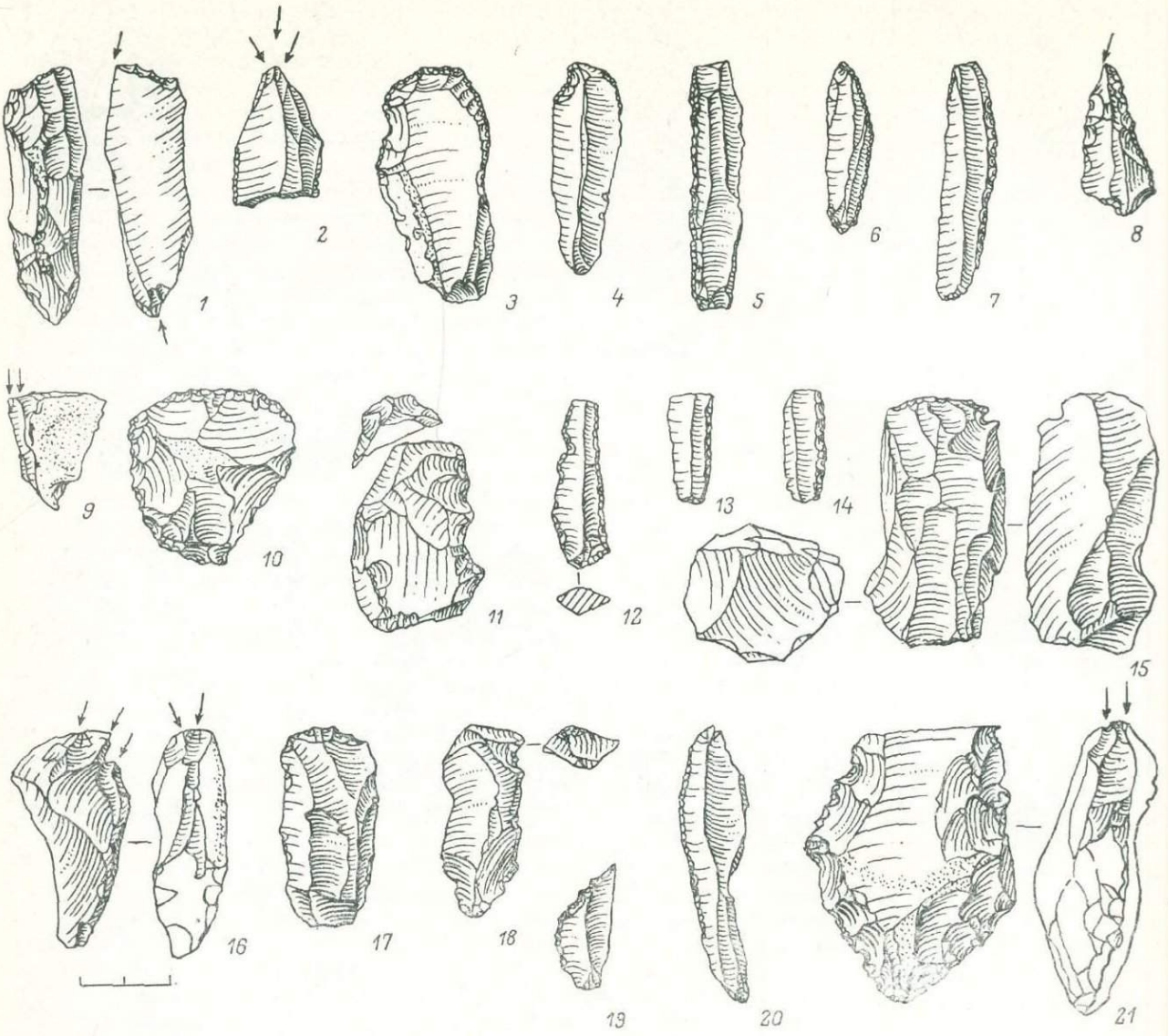

Рис. 58. Хауа-Фтеа. Слои XX—XXIII. Культура дабба. По Ч. Мак-Бёрни.

1, 2, 9, 16 — резцы; *3, 10, 17* — скребки; *4, 11, 18* — пластины с поперечным резцовым сколом; *5—7, 12—14, 19, 20* — пластины с притупленным краем; *8* — острие; *15, 21* — ядрища.

если, правда, основываться на всех определениях Мак-Бёрни. Анализ иллюстраций наводит на мысль, что это зубчатые (и прочие) орудия вполне мустьерского облика, имеющие на конце или на углу мелкий скол, принимаемый исследователем за резец. Все эти крохотные сколы не дают оснований называть изделия резцами. Их (по крайней мере большинство) следует считать пластинами с поперечной ретушью концов. При всем том изобилии резцов и скребков (по собственным определениям Мак-Бёрни) непонятно, почему именно этот слой он отнес к леваллуа—мустье, а не к верхнему палеолиту, хотя здесь нет и признака леваллуазской техники (кроме одного ядрища). Неудачные рисунки не позволяют установить, имеем ли мы дело с листовидными остриями или с очень совершенными по выделке рубилами (рис. 57, *6*). Во всяком случае техника двусторонней отделки широко применялась ко многим изделиям данного слоя (или совокупности слоев). По пропорциям часть изделий может быть отнесена к рубилам, хотя тонкость их профиля противоречит этому. Типичных же и законченных листовидных острий на иллюстрациях нет. Пожалуй, часть предметов с двусторонней обработкой, особенно овальных и подквадратных очертаний, может быть сопоставлена с двусторонне обработанными скреблами (рис. 57, *4*). Для двусторонней отделки их краев применялся и плоский резцовый скол. Вывод — скорее всего

здесь памятник двойственной природы: зубчатого и типичного пути развития. Что он не имеет отношения к леваллуа, это засвидетельствовал и сам Мак-Бёрни, отметив, что все ядрища — дисковидные и лишь одно — леваллуазское для острия. Обнаружено частое применение резцового скола. Видимо, это традиционное явление для Киренаики. Что касается фаунистических остатков, то среди них преобладают остатки быков, а овец относительно немного. В этом отношении XXXIV слой близок к слоям глубокого шурфа.

В последующих слоях XXXIII—XXXII отмечено преобладание той же техники раскалывания — мустьерской, основанной на дисковидном ядрище. Ядрища эти в конечном виде овальны или даже подпрямоугольны, обработаны с двух сторон, что и естественно для сработанных экземпляров; негативы на них в некоторых случаях делают их сходными с леваллуазскими. Но характер заготовок (пластин и отщепов) исключает леваллуазский характер всей техники раскалывания.

В слое XXXIII на контакте с XXXIV найдены две челюсти ископаемого человека. Каменные изделия из этого слоя немногочисленны, но все-таки можно сказать, что они похожи на материал из XXXIV слоя. Здесь та же техника раскалывания (дисковидные ядрища), те же зубчатые орудия и орудия с выемками, есть некоторое количество острий и пластин с подтесанными концами. Столь же скромны и материалы из слоев XXXI—XXX. Определение их как атерийских — следствие недоразумения: пластины и отщепы с выемками принимаются здесь исследователем за обломки острий с черешком. И идущие выше слои не изменяют общего впечатления о мустье Хауа-Фтеа как о соединении типичных и зубчатых элементов, притом (вспомним высокое качество раскопок) не механическом соединении. В более поздних слоях определенно выступают такие элементы типичного пути развития, как двойные скребла со сходящимися лезвиями в асимметричном варианте, поперечные скребла. Присутствуют и какие-то острия, но их основание чаще обломано; возможно, оно было овальным. Основой техники раскалывания остается дисковидное ядрище. Верхнепалеолитических элементов не отмечается. В этом смысле в типологии каменных орудий Хауа-Фтеа трудно увидеть свидетельства постепенного вызревания верхнепалеолитических элементов. Вспомним, что вполне вероятно разное «наполнение» верхнепалеолитическими элементами различных вариантов мустьерской культуры и даже памятников одной археологической культуры. Это засвидетельствовано на примере мустьерской культуры Юго-Западной Франции.

Где-то в середине XXV слоя появляется верхний палеолит (рис. 58). Автор исследования — Ч. Мак-Бёрни — настаивает на том, что этот верхний палеолит — самый ранний в мире. Естественно, к такому явлению следует отнестись с особенным вниманием. Если его предположения верны, то в Киренаике верхний палеолит начинается на 7 тыс. лет раньше, чем в Европе и на Ближнем Востоке, и причины этого остаются неустановленными. В качестве основания для такого утверждения Мак-Бёрни выставляет не определение абсолютного возраста при помощи радиокарбонового метода, а всего лишь интерполяцию радиокарбоновых дат для слоя XX (GRN=2550 : 31 150±400 лет до н. э.) и для мустьерского слоя XXVIII (41 тыс. лет до н. э.), из которых он и вывел дату в 38 тыс. лет. Можно согласиться с утверждением Мак-Бёрни, что верхний палеолит Киренаики не похож на так называемый верхний палеолит остальной Африки. Это следует из опубликованных рисунков и подсчетов — самые ранние верхнепалеолитические слои (рис. 58, *16—21*) не содержат признаков леваллуазской техники раскалывания, нет здесь и целых типологических групп орудий мустьерского облика, как это характерно, например, для памятников возраста 10—14 тыс. лет в долине Нила, т. е. совсем неподалеку от Киренаики, в пределах, казалось бы, того же самого региона развития палеолита. Тем не менее здесь действительно есть резкий переход от среднего палеолита к верхнему.

Фаунистические остатки в слое XXV таковы же, как и в предшествующих слоях — мустьерских. Преобладают кости быков. Прочие — кости коз, лошадей, газелей. Культурные остатки распределены на 60 см по глубине, и сам этот слой разделяется на прослойки, обозначенные латинскими буквами. А отдельные горизонты взятия обозначены арабскими цифрами. Горизонты взятия 2, 99 и 101 1955 г., как и горизонты 37 и 24 предшествующих лет раскопок, содержали материал мустьерского облика. Напротив, горизонты взятия 35 и 98 содержали пластины, которые Ч. Мак-Бёрни казались основанием для отнесения этих культурных остатков уже к верхнему палеолиту. Причем в данном случае слой XXV рассматривается как нечто единое, не подразделенное на прослойки «a»—«d». Автор считает возможным утверждать, что прослойки «c»—«e» представляют собой еще мустьерские остатки (это подразделения 37 и 99). Низ прослойки «c» и верх «d» стерильны. Верх «c», прослойки «a» и «b» — это верхний палеолит (11 предметов).

Слой XXV, по всей вероятности, относится к верхнему палеолиту. Культурная же принадлежность его не может быть определена из-за

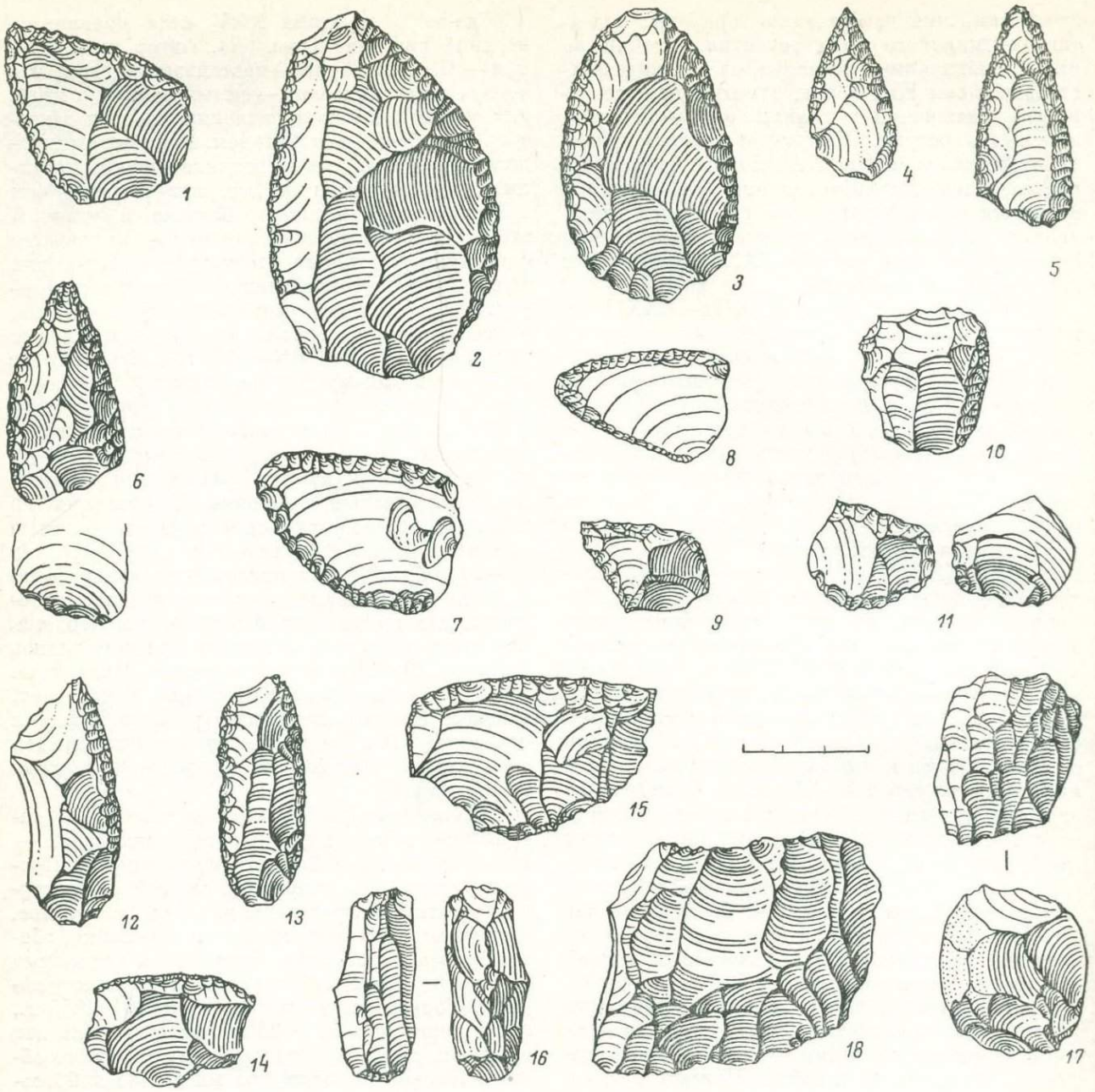

Рис. 59. Хай-Крейем. Мустье. По Ч. Мак-Бёрни.
1—3, 7—15 — скребла; *4—6* — остроконечники; *16—18* — ядрища.

скудости материала. Рассмотрение своеобразия верхнего палеолита Киренаики можно начать только с XXIV слоя (рис. 58, *16—21*). В сумме получается следующий набор орудий — пластинка с притупленным краем, поперечноретушный резец, скребок на отщепе и вместе со всем этим листовидное острие с плоской сплошной ретушью.

Наиболее полной коллекцией (выделенной, правда, после окончания полевого исследования, в кабинете) является группа, определенная как залегавшая на грани XX и XXI слоев в Хауа-Фтеа (рис. 58, *1—8*). Именно благодаря ей мы получаем обстоятельные и точные сведения о количественном соотношении групп орудий культуры дабба. Оказывается, что здесь было найдено 120 пластинок с притупленным краем, дающих представление о всем разнообразии их форм. На основании этой богатой коллекции Ч. Мак-Бёрни исправляет не-

которые свои полевые наблюдения в пещере Хагфет-эд-Дабба, предполагая там механическую примесь в виде мелких острий с выпуклой спинкой. Его предположения были бы более обоснованными, если бы он не допускал примеси и в Хауа-Фтеа (а он это делает).

Типологический облик леваллуа—мустье Киренаики лучше можно понять на примере памятника под открытым небом — Хай-Крейем, расположенного в 6 км от побережья в пределах того же микрорайона Джебел-Акдар (McBurney, Hey, 1955). Отложения, содержащие каменные орудия мустьерского типа, приурочены к высокой террасе Вади-Дерна. Всего раскопано около 40 м^2, поскольку перекрывающие отложения были относительно мощными; сами же культурные остатки залегали в слое толщиной не более 0.5 м. Извлечены 1400 каменных изделий и кости животных. Культурные остатки приурочены к илистым и мергелистым образованиям, переходящим ниже по течению в туфы. Техника раскалывания основана на дисковидном ядрище, некоторые образцы напоминают леваллуазские ядрища для отщепов (рис. 59, *17*, *18*). Облик заготовок, сколотых с таких ядрищ, подтверждает соображения о нелеваллуазской природе памятника. Заготовки обнаруживают негативы, расположенные наискось по отношению к длинной оси орудия. Изготовлявшему орудие приходилось чаще всего игнорировать форму отщепа, в отличие от леваллуазской техники, где форма изделия определялась формой заготовки. Присутствуют основные разновидности орудий типичного пути развития: остроконечники (рис. 59, *4—6*), поперечные скребла (рис. 59, *14*, *15*), двойные скребла с параллельными или сходящимися краями (рис. 59, *1*, *7*, *8*). Лимасы, кажется, отсутствуют. Интересно, что часть остроконечников изготовлена так, что именно острого конца они и не имеют — эта часть либо оставлена нересушированной (рис, 59, *5*), либо скруглена: изготовители орудий не ставили цели обязательно иметь прокалывающее острие на конце, главное было получение двух сходящихся лезвий. В этом можно усмотреть доказательство правоты Ф. Борда, предполагавшего режущую функцию за асимметричными изделиями с двумя краями. Некоторые изделия подработаны с брюшка плоскими сколами.

Большинство костных остатков принадлежат диким овцам, далее следуют остатки зебр, быков, мелких черепах. Аналогичные материалы были собраны в нескольких пунктах уже на поверхности и без отчетливой стратиграфии. Среди таких находок есть и типичные изделия с черешком атерийского облика.

О начале верхнего палеолита вернее можно судить не по скудным находкам в Хауа-Фтеа (хотя там есть стратиграфическая основа для оценки памятников этого рода), а по другому однослойному пещерному памятнику — Хагфет-эд-Дабба (рис. 60), который и дал название всей культуре — дабба. Эта многослойная пещера содержала только остатки верхнепалеолитического времени — отсутствие мустьерских слоев не позволяет оценить, сколь близок к мустье этот верхний палеолит. Ч. Мак-Бёрни выделил в пещере семь слоев. Слой 7, самый нижний, содержит мало культурных остатков, слои 4—6 — много каменных орудий и костей животных, а также остатков очагов. Эти три слоя рассматриваются автором исследования как древнейший этап заселения пещеры. Два других слоя — 2 и 3 — составляют более позднюю группу культурных остатков пещеры. Богаче культурными остатками и кострищами слой 3. Культурный облик верхнего подразделения как будто действительно отличается от того, что известно для более ранних слоев. С геологической точки зрения, слой 7 с культурными остатками мощностью 0.45 м представляет собой рыхлое заполнение пещеры красноватого цвета, с малым количеством угловатого щебня; порой этот слой залегает непосредственно на скальном дне. Темная окраска слоя 6, видимо, зависит от большого количества угля в нем. Слой 5 состоит преимущественно из золы, смешанной с рыхлым заполнением пещеры, пропитан карбонатом кальция и достигает максимальной толщины 0.3 м. Он содержит относительно мало кремня и много костей животных. Слой 4 с трудом отделяется от вышележащего и от более раннего слоя. Здесь оказалось много каменных орудий, но нет кострищ; слой не окрашен углем, имеет тот же красноватый оттенок, что и слой 7. Слой 3 сплошь окрашен в черный цвет углем и имеет мощность 0.6 м. Слой 2 похож на слой 4 — красноватого оттенка и пропитан известью. Местами выделяются прослои конкреции. Верх слоя уже содержит проникшие из слоя 1 послепалеолитические остатки.

В соответствии с публикацией Ч. Мак-Бёрни (McBurney, Hey, 1955) приходится рассматривать материал слоев 4—6 как единое целое. Техника раскалывания лучше известна нам для верхней свиты слоев. И, судя по описанию, здесь часто встречается разновидность плоского одноплощадочного ядрища с параллельными негативами. Мак-Бёрни называет такие ядрища призматическими. Но на самом деле они относятся к поздним верхнепалеолитическим дериватам леваллуазской группы. Верхнепалеолитический облик этой свите слоев придают многочисленные пластинки с притупленным краем (рис. 60, *7—12*, *18—23*, *26*). Они весьма крупные, с параллельной огранкой и прямым при-

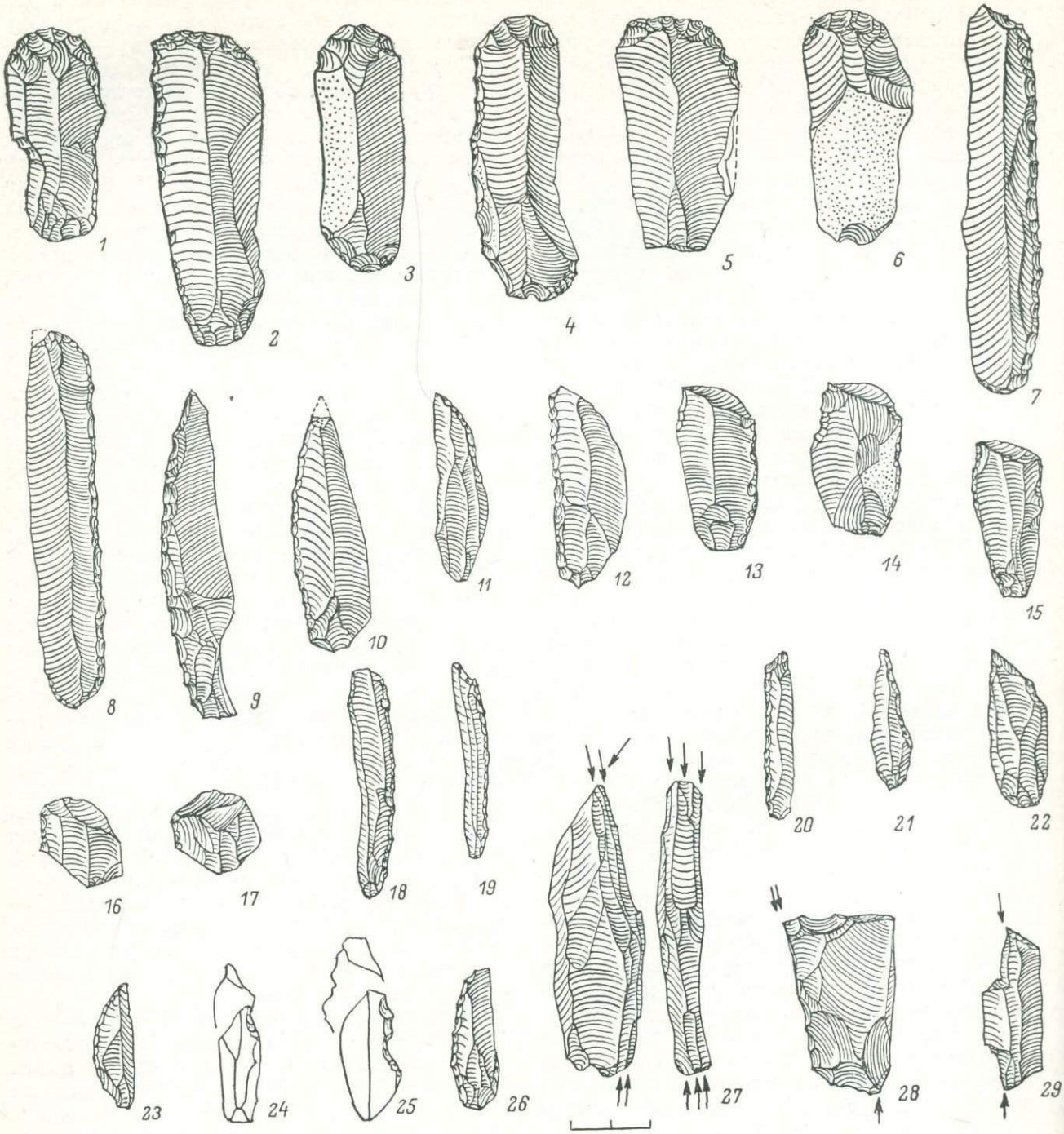

Рис. 60. Хагфет-эд-Дабба. Культура дабба. По Ч. Мак-Бёрни.

1—6 — скребки; *7—12, 18—23, 26* — пластинки с притупленным краем; *13—15* — пластины с поперечным резцовым сколом; *16, 17* — сколы с них; *24, 25* — микрорезцы; *27—29* — резцы.

тупленным краем. Концы пластинок либо не обработаны (рис. 60, *18*), либо отретушированы и имеют слабо выпуклые очертания (рис. 60, *7*). Есть несколько острий с выпуклым притупленным краем (рис. 60, *23*, *26*). Для ранних этапов культуры дабба характерно отсутствие скребков. На 4000 орудий из слоя 6 приходится только три типичных скребка (они не воспроизведены на иллюстрациях и, возможно, вовсе не так типичны, как полагает автор). Напомним, что в слоях этой же культуры в Хауа-Фтеа есть тоже лишь один типичный скребок. Зато резцы многочисленны (рис. 60, *27—29*). Они относятся к поперечноретушным и вполне типичны, но по количеству уступают пластинкам с притупленным краем: на 200 пластинок приходится меньше 40 резцов. На втором месте — пластины с поперечным резцовым сколом (lames à chanfrein), не имеющие аналогий в верхнем палеолите Европы; резцовый скол всегда образует дугу, как лезвие скребка, а наносится он от ретушированного края (рис. 60, *13—15*). Технически такие орудия напоминают поперечные резцы супоневского типа. Возможно, что данные изделия замещают концевые скребки, которые в коллекции практически отсутствуют. Этим, судя по описанию, и исчерпываются все разновидности каменных орудий нижней группы слоев Хагфет-эд-Даббы. Костяных изделий не найдено. В слое 3 происходят заметные изменения в составе инвентаря. Резцов с поперечным резцовым сколом мало; вероятно, они являются даже механической примесью. Пластинки с притупленным краем становятся более крупными (рис. 60, *7—9*). Есть вполне типичные концевые скребки из длинных пластин (их 16 на 60 пластин с притупленным краем — вполне достаточная пропорция; рис. 60, *5*, *6*). Слой 2 местами удавалось разделить на низ, более цементированный, и верх, менее цементированный или даже вовсе не цементированный. В этом слое есть превосходные образцы ядрищ леваллуазского типа. Однако весь состав орудий — типичный для верхнего палеолита. Многочисленны пластины с притупленным краем, преобладающие, как и раньше, над прочими видами орудий. Имеются скребки (опять из длинных пластин), резцы, но очень мало резцов с поперечным лезвием. Весьма много пластинок с изогнутой спинкой. Большинство костей животных в древних слоях принадлежит овцам, на втором месте кости быков.

Естественно встает вопрос об однокультурности Хагфет-эд-Даббы и относящихся к началу верхнего палеолита соответствующих слоев Хауа-Фтеа. Скудость материалов из последнего делает любое решение этого вопроса предположительным. Но отметим тождественность техники раскалывания на всем протяжении существования культуры дабба в Хауа-Фтеа. Характерно и преобладание на обеих стоянках над прочими группами орудий пластинок с притупленным краем. Другая общая черта — наличие пластин с поперечным резцовым сколом. Добавим и негативную особенность — отсутствие скребков. Листовидное острие, отсутствующее в Хагфет-эд-Даббе, нельзя считать свидетельством существования различий между Хагфет-эд-Даббой и Хауа-Фтеа, поскольку это единичная вещь. Другое дело — мелкие острия с притупленным краем, представленные в Хауа-Фтеа (правда, они есть в более поздних слоях). Присутствие скребел на обоих памятниках — еще одно свидетельство в пользу их однокультурности. Пластинки с притупленным краем по своим формам не обнаруживают достаточного сходства; например, среди пластинок в Хауа-Фтеа нет ни одной с поперечной ретушью конца или с овальным концом, обработанным ретушью.

Приняв с известными оговорками культурное тождество обоих памятников, постараемся определить их хронологическое соответствие (или место Хагфет-эд-Даббы в колонке Хауа-Фтеа). Пожалуй, единственным основанием для установления соответствия могли бы быть скребки (в Хагфет-эд-Даббе они появляются в верхних слоях) и пластинки с выпуклой спинкой, поскольку они в Хагфет-эд-Даббе тоже отмечают относительно более поздний этап обитания пещеры. Но это лишь основания для установления соответствия нижних слоев Хагфет-эд-Даббы раннему периоду культуры дабба в Хауа-Фтеа.

Пока что мы располагаем не детальной информацией по слоям, а суммарным представлением о раннем этапе верхнего палеолита в Киренаике, который и Ч. Мак-Бёрни обозначает как ранний и поздний этапы культуры дабба. Эта культура длилась несколько тысяч лет: от 33—31 тыс. лет до 14 тыс. лет до наших дней. Если раннее выражение этой культуры — слои XX—XXV в Хауа-Фтеа и слои 4—7 в пещере Хагфет-эд-Дабба, то поздний этап культуры дабба представлен пещерой Хагфет-эт-Тера. Интересно сравнить эти памятники под углом установления их однокультурности. Техника раскалывания основана на плоском ядрище, столь типичном для всех культур Африки, которые развились непосредственно из леваллуазских памятников. Эти ядрища, как и собственно леваллуазские, могут быть двухплощадочными, одноплощадочными, с двумя плоскостями раскалывания (одна из них помещается на тыльной части), причем некоторые имеют разные оси раскалывания. С них скалывались пластинки для изготовления изделий

с притупленным краем. Последние имеют численное превосходство над прочими группами орудий (так, в слое XX Хауа-Фтеа их 31 экз. на 20 резцов и 12 скребков). Размеры пластин и острий с притупленным краем больше, чем обычно, и в Хагфет-эд-Даббе, и в Хауа-Фтеа. Они даже выходят за эмпирически определенные Ж. Тиксье пределы для пластин с притупленным краем (12 мм). Притупленные края чаще бывают прямыми, но встречаются и плавно изогнутые. Концы необработаны или прямо обрезаны ретушью. Острия редки, и заострение достигается поворотом притупленного края. На втором месте — резцы. Они представлены обычными разновидностями — поперечноретушными, срединными, на углу сломанной пластинки. Значительно количество плоских резцов. Немногочисленны пластины с поперечным резцовым сколом. Скребков, по словам Мак-Бёрни, 12 экз., но среди них настоящих, видимо, очень немного: сюда причислены, например, даже обыкновенные ядрища и пластины с поперечной ретушью. Однако присутствие настоящих скребков из пластин средних пропорций вне всякого сомнения. Отметим, что в Хагфет-эд-Даббе такие скребки чаще сделаны из длинных пластин и имеют иногда ретушь по краям. Достаточно выразительными образцами представлены также зубчатые орудия.

Теперь есть все основания для того, чтобы коснуться происхождения культуры дабба. Ч. Мак-Бёрни убежден в ее передневосточном происхождении — он сопоставляет ее с эмирейской культурой, распространенной в Сирии, Палестине и Ливане. Нельзя согласиться с его выводами, поскольку они основаны на спорных методических основаниях, и главное возражение — неиспользование типологии каменных орудий. Его сопоставление основывается лишь на пропорциях (отношения ширины и длины) внутри важнейших групп орудий. Но количественное соотношение основных групп орудий (процент скребков, процент резцов к общей массе орудий) остается в большинстве случаев различным. Так, если в культуре дабба, как правило, пластинки с притупленным краем составляют большинство и преобладают над другими типами и группами орудий, то в культуре эмире большинство принадлежит скребкам в совокупности со скреблами. Примечательно также, что среди мустьерских пережитков в культуре эмире ведущее место у мустьерских остроконечников, тогда как в культуре дабба остроконечники, кажется, вовсе не представлены. Различно и количество резцов относительно общей массы орудий.

Если обратиться к типологии тех групп, которые анализируются Ч. Мак-Бёрни, то различия окажутся очень большими (и он сам это признает). Возьмем скребки. Известно, что скребки эмирейской культуры делятся на две группы — широкие из отщепов и узкие из пластин, причем последние довольно скоро приобретают ретушь на продольных краях. Они всегда выражены многочисленными сериями. В культуре же дабба если и появляются скребки, то весьма поздно, отнюдь не в самом начале (это хорошо видно по Хауа-Фтеа и по Хагфет-эд-Даббе), при этом они всегда из пластин, а не из широких отщепов, что свойственно эмирейской культуре. Точно так же различны и пластины с притупленным краем: в эмире это по преимуществу острия, а в культуре дабба — пластины с притупленным лезвием. Другими словами, при всей своей относительной развитости по сравнению с культурами долины Нила культура дабба все-таки остается культурой Африканского материка, а эмирейская — культурой Переднего Востока с признаками зрелого верхнего палеолита, который не распространяется за пределы Европы и Переднего Востока, что было проверено неоднократно. В известной степени культура дабба (с точки зрения стадиальности) напоминает сибирские верхнепалеолитические культуры, где пережиточно сохраняется леваллуазская техника, но налицо многие формы верхнего палеолита, хотя и выраженные по-разному. Например, есть скребки и даже ядрища для скалывания микропластинок, но порой почти совсем нет резцов (в дабба нет скребков, хотя резцы хорошо представлены), в то же время есть такие бесспорно мустьерские формы, как скребла.

Иногда Ч. Мак-Бёрни признает архаичность культуры дабба, проявляющуюся, в частности, в дисковидных (леваллуазских) ядрищах, но трактует это не как устойчивое свойство культуры, связанное с ее происхождением и обусловленное африканским характером индустрии, а как временное ухудшение техники.

Итак, палеолит Киренаики представляется бесспорно своеобразным явлением на фоне палеолита соседних областей, но тем не менее помещающимся в пределах вариаций африканского палеолита. За основную особенность палеолита Африки мы принимаем отсутствие верхнего палеолита в чистом виде и позднее его появление в особом виде, свойственном только Африке (и Азии без Ближнего Востока): на основе изменившейся леваллуазской техники, с сохранением разных мустьерских форм. Так дело обстоит в большей части Африки, например в долине Нила. Однако в применении к Киренаике эта двойная формула требует некоторого уточнения — справедлива только одна ее половина. Здесь действительно возникает верхний палеолит «сибирского типа» — с леваллуазской техникой, с переживанием скребел.

Но это происходит не 15 тыс. лет тому назад, а в начале верхнего палеолита по европейским масштабам — около 33—35 тыс. лет тому назад. Поскольку превращение мустье в верхний палеолит столь рано для Африканского континента произошло только в Киренаике, то следует предполагать местное происхождение культуры дабба. Говорить же о приходе этой культуры из Азии нет оснований, ибо там все культуры имели призматическое ядрище в самом начале своего существования. Все-таки культура дабба — африканская, хотя и раньше обычного (по африканским масштабам) возникшая.

Со слоя XV Хауа-Фтеа начинается, по терминологии Ч. Мак-Бёрни, так называемая восточная оранская культура, хотя опубликованные им материалы позволяют и другую интерпретацию. Он предполагает с этого момента заселение грота Хауа-Фтеа новыми обитателями, однокультурными с носителями иберо-маврусийской (оранской) культуры в Тунисе и Марокко. В отличие от материалов по культуре дабба публикации позднейших горизонтов Хауа-Фтеа содержат очень немного рисунков, что затрудняет суждение об оранской культуре. Однако нельзя не отметить, что с пластинами, имеющими притупленный край, существенных изменений не происходит. Всем им свойствен прямой притупленный край, а некоторым и срезанный верхний конец, как это характерно для одной из групп пластин культуры дабба. Группа пластинок с выпуклой спинкой также представлена здесь. У пластин с притупленным краем весьма значительные размеры, что типично для любой серии этих изделий в культуре дабба. Правда, опубликованные пластинки слишком малочисленны, чтобы решительно утверждать их прямое происхождение от культуры дабба, к тому же Мак-Бёрни не удалось привести серьезных аргументов в пользу своей гипотезы. Отметим, что эта серия пластин в малой степени похожа на пластины с притупленным краем из Хагфет-эт-Теры — там пластины, более короткие, с выпуклой спинкой или со скошенным верхним концом, могут быть развитием пластин со скошенным верхним концом из верхних слоев Хауа-Фтеа. Для слоя XIV есть определения абсолютного возраста радиоуглеродным методом: 12 тыс. лет. Примерно таков и возраст оранской (иберо-маврусийской) культуры.

Остальные элементы восточной оранской культуры сходны с дабба: техника раскалывания, средних пропорций скребки без ретуши по краям. Упоминаются, но не изображены на иллюстрациях пластины с поперечным резцовым сколом (в малых количествах по сравнению с более ранними слоями). Скребки из верхних слоев Хагфет-эд-Даббы имеют гораздо более вытянутые пропорции, если основываться на рисунках Ч. Мак-Бёрни. Одно изделие из крупной пластины следует отнести к скреблам. Остается лишь повторить сожаления, что опубликованных рисунков и описаний недостаточно, чтобы всесторонне оценить выводы автора исследования. Кроме того, Мак-Бёрни порой допускает механическую примесь или ошибки в раскопках, поэтому можно предположить наличие ошибок и при исследовании Хауа-Фтеа.

Предположения же о сходстве с оранской культурой кажутся вовсе не обоснованными, поскольку пластины с притупленным краем в ней имеют иные пропорции и иначе оформлены, а у скребков совершенно другой облик (см. ниже, с. 129—132).

Самые же верхние слои пещеры Хауа-Фтеа содержат слои с геометрическими микролитами. Но опубликованы эти вещи весьма неполно для монографического издания.

Итак, в Киренаике существуют стоянки и слои, которые по своему материалу в большей степени, чем прочие африканские памятники, напоминают палеолит Европы. Это не случайно, и потому более или менее европейский облик имеют не только мустьерские памятники, но и те, что Ч. Мак-Бёрни называет верхнепалеолитическими (по нашему мнению, это все-таки постмустье, хотя и насыщенное верхнепалеолитическими элементами, но не больше, чем поздние памятники постмустье в Нубии). В Киренаике, в единственном месте Африки, существует бесспорное мустье, и оно, без сомнения, отделено от ашеля; во всяком случае в мустьерских памятниках Киренаики нет ашельских элементов. Но вместе с тем в мустье Киренаики нет и элементов верхнего палеолита, как и в атерийской культуре Магриба. Культура дабба — это не чистая верхнепалеолитическая культура: как и все памятники того времени, она соединяет элементы, свойственные верхнему палеолиту Европы, с элементами, характерными для мустье Европы и Ближнего Востока.

Постмустье в Эфиопии

На территории Эфиопии развитие каменного века шло своим, особенным путем. Здесь наиболее яркий памятник среднего каменного века — пещера Дикобраза, раскопанная не лучшим образом, но интересная тем, что это многослойный памятник; здесь были найдены и скелетные остатки человека (Breuil e. a., 1951). Грот расположен возле Дире-Дауа, отчего скелетные остатки часто определяют именно по этому пункту. Грот был исследован в два при-

ема разными французскими археологами. Заполнение мощностью 1.6 м рыхлое, золистое; прослойки отмечаются только там, где оно более насыщено фосфатом или пропитано известью.

Материал брался условными горизонтами, но публикуется как целое. Каменный инвентарь признается однородным, но лишь потому, что его не удалось расчленить стратиграфически. Основная масса орудий изготовлена из обсидиана и кремня, остальные породы представлены единичными экземплярами. Техника раскалывания леваллуазская. Никаких стратиграфических наблюдений, фиксирующих изменения в технике раскалывания, не было сделано, хотя отмечено появление в одном из стратиграфических горизонтов микролитов. Преобладающие размеры заготовок — средние и малые. Это типичный памятник леваллуазского пути развития. Как отмечает А. Брейль, описавший археологический материал, кроме острий, почти нет других определенных категорий орудий. Основная масса изделий — продольные орудия, острия и пластины с ретушированными краями. Они очень разнообразны. Встречены мустьерские остроконечники (рис. 61, *1—6*, *11—13*) как укороченных, так и вытянутых пропорций. Есть и остроконечники с суженным основанием (рис. 61, *10*). Скребел почти нет, кроме 1 экз. с продольным (скорее диагональным), частично отретушированным лезвием. К остроконечникам типологически примыкают многочисленные острия с двусторонней обработкой, частичной или полной; ретушь у них иногда занимает всю поверхность (рис. 61, *7—9, 18*). По контуру они не отличаются от остроконечников; правда, у них чаще обработано основание и его контур изменен (как правило, оно овальное). И вытянутые, и укороченные разновидности имеют обычно максимальную ширину в нижней четверти.

Двусторонне ретушированные острия в своем большинстве (47 экз.) приурочены к глубине 0.45—0.6 м. В меньшем количестве они встречаются во всех слоях. В них же найдены и острия иных типов, обработанные со спинки.

Характерный мустьерский инвентарь сочетается здесь с находками, которые, с европейской точки зрения, нужно отнести к верхнему палеолиту. Однако распределить этот материал по слоям, доказать, что леваллуазский инвентарь залегал в основании, а верхнепалеолитический — в верхних слоях, не удается. Острия встречались на всех уровнях. Напротив, скребки более частыми становятся в верхней половине отложений. Они сделаны в основном из отщепов, но есть и такие, которые могли быть изготовлены и из пластин; по мнению А. Брейля, они встречаются только в верхней части отложений. Скребки, как правило, правильных очертаний, технически бесспорно верхнепалеолитические (рис. 61, *22*, *23*, *26*). Укороченных нет, но есть короткие и средних пропорций. Один из изображенных скребков с зауженным основанием имеет ретушь по краям, другой — высокую форму (рис. 61, *26*).

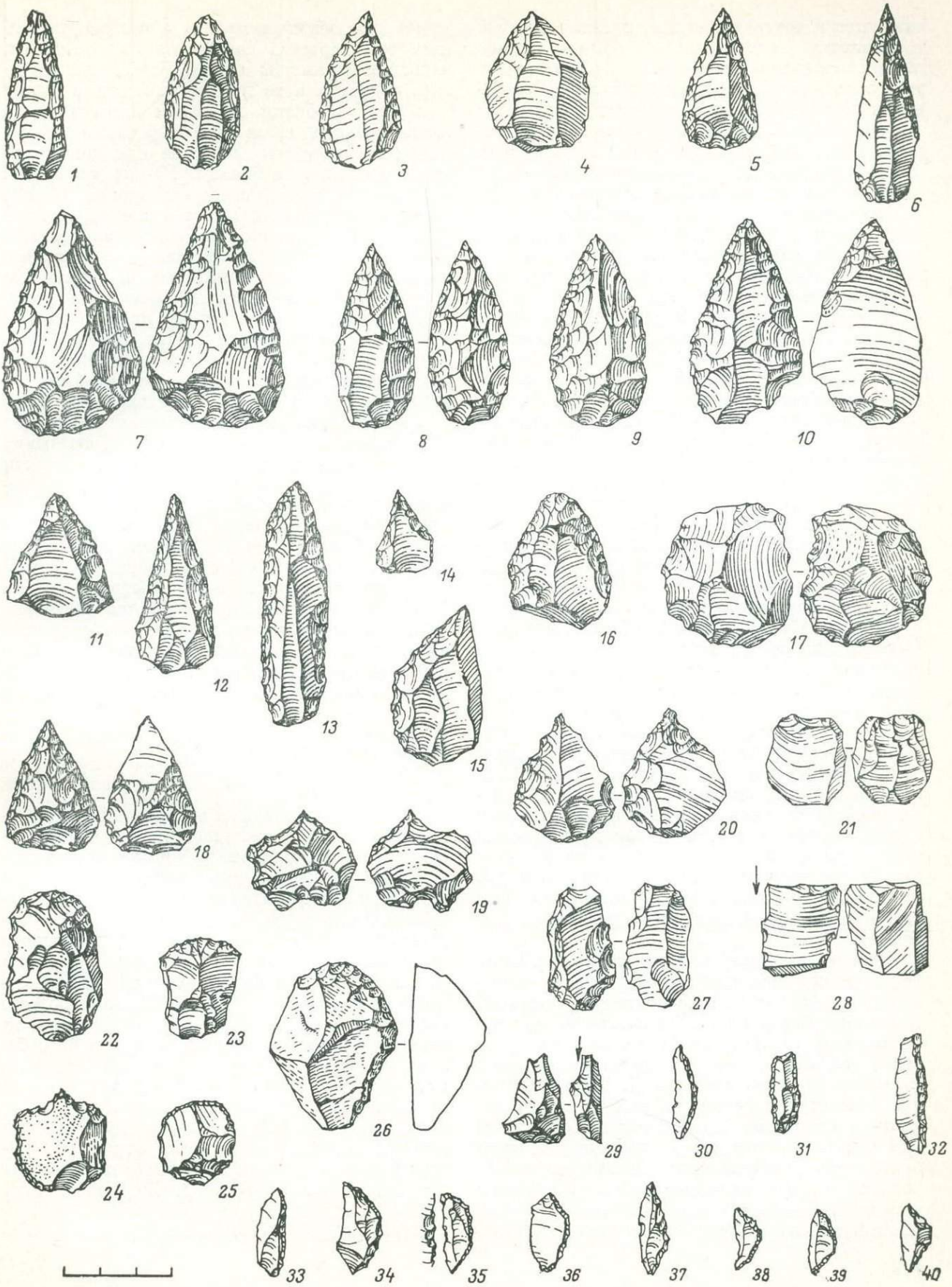
Геометрические микролиты встречены не в самой верхней части разреза, как это было бы логично предположить, а между глубинами 0.45 и 0.75 м, да и там они редки. Так, условный горизонт глубиной 0.45—0.65 м дал два треугольника, три сегмента и одну трапецию (рис. 61, *30—40*). С ними естественно связать один микрорезец, найденный на том же уровне. Острие граветт с притупленным краем в единственном экземпляре обнаружено на глубине 0.25—0.3 м. Пластины с притупленным краем встречены на разных глубинах, но в основании отложений и в самой верхней части их нет. Отмечается присутствие долотовидных, зубчатых орудий, проколок, одного поперечноретушного резца (вообще резцы редки и нетипичны; рис. 61, *27—29*). Изделия из кости отсутствуют. Есть скорлупа яйца страуса. Фрагменты глиняной посуды, видимо, случайно попали в слой по норам роющих животных.

Исключительна важна находка в гроте Дикобраза фрагмента нижней челюсти человека. Ее принадлежность к среднему каменному веку засвидетельствована весьма надежно: она была найдена включенной в фосфатную корку в слое с находками. По мнению А. Брейля, эта челюсть связывается с древнейшими отложениями в гроте. Ею занимался А. Валлуа. Он отмечает, что челюсть явно отличается от соответствующих костных остатков современного человека и имеет неандерталоидные особенности (Vallois, 1951). Чтобы говорить о ее бесспорной принадлежности палеоантропу, нужен больший фрагмент. Во всяком случае эта находка дает серьезные основания думать, что носителями культуры среднего каменного века были не люди современного физического типа, а палеоантропы. В том же направлении ведет нас и материал из Мугарет-эль-Алия в Магрибе. Итак, африканскими современниками носителей культуры верхнего палеолита в Европе, принадлежавших к современному физическому типу, были палеоантропы.

Общее заключение А. Брейля по гроту Дикобраза довольно лаконично: материал из грота

Рис. 61. Дире-Дауа (Эфиопия). Средний каменный век. По А. Брейлю.

1—6, *10—13* — остроконечники; *7—9*, *18* — листовидные острия; *14* — острие; *15*, *16* — скребла; *17*, *21* — ядрища; *19*, *20*, *24* — клювовидные орудия; *22*, *23*, *26* — скребки; *25* — скреблышко; *27—29* — резцы; *30—40* — микролиты.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

относится к среднему каменному веку, притом к развитому. Более точно определить возраст этого памятника и сейчас нельзя. Он обладает типичным для среднего каменного века Восточной и Южной Африки смешением черт мустье (по европейским масштабам) и верхнего палеолита. После работ Д. Кларка в годы второй мировой войны можно лишь представить облик более ранних памятников того же этапа, той же эпохи — среднего каменного века Эфиопии — и более поздних (Clark, 1954). При этом заранее скажем, что работы Кларка подтверждают определение Брейлем грота Дикобраза как памятника развитого среднего каменного века. В местности Харгейза Кларку удалось найти в аллювиальном песке, перекрывающем гравий, чистый комплекс каменных орудий, примерно соответствующих нижней части заполнения грота Дикобраза. Это набор каменных орудий, основывающихся на леваллуазской технике раскалывания. Наиболее выразительные орудия — острия с округлым основанием, обработанные с двух сторон плоской ретушью. Есть и мустьерские остроконечники. Скребла, как это и характерно для памятников леваллуазского пути развития, продольные выпуклые, прямые двойные. Скребков нет. Налицо типичная для грота Дикобраза проколка из треугольного отщепа со слабо выделенным жальцем. К сожалению, в таблицах Кларка сведены материалы с разных памятников, что теперь считается уже недопустимым. Представить набор орудий по материалам одного памятника он не смог. Другими словами, ему не удалось получить полузамкнутый комплекс. Кларк называет этот материал стилбеем, но он не тождествен стилбею из эпонимных местонахождений Южной Африки, а схож с ним лишь по применению леваллуазской техники и двусторонней обработки к листовидным остриям. Кларк предложил и иной термин, основанный на топонимике Эфиопии, — культура харгейза (по пункту 7 около Харгейзы, где были собраны многочисленные орудия и установлена их стратиграфическая позиция).

Находки из Харгейзы были разделены. Нижнее подразделение стилбея (или точнее — культуры харгейза) составили предметы с патиной серого или белого цвета, без окатанности, с натеками извести. Находки с поверхности того же самого аллювия — верхнее подразделение этой культуры. По соображениям Д. Кларка, аллювий относится к сухому периоду в конце последнего плювиала. Если это так, то более поздние стадии той же самой культуры должны быть очень незначительно удалены от ее начала, поскольку они располагались во влажном периоде конца гембльского плювиала (второй промежуточный период по терминологии, недавно еще общепринятой). В поздней стадии культуры харгейза изменений не отмечается, типология примерно та же. Нет здесь, например, скребков, а те предметы, которые Кларк называет скребками, на самом деле являются лишь мелкими овальными скреблами из типично леваллуазских отщепов или диагональными мелкими скреблами. Резцов тоже нет, есть лишь острие со сколом на конце. В более поздних памятниках на этой же территории Кларк не отмечает геометрических микролитов, хотя ему известны памятники с пластинами, имеющими притупленный край, и такими же остриями. Но эти изделия встречены совместно с орудиями, сделанными из призматических пластин, а не из леваллуазских отщепов. Они сопровождаются скребками, но иной типологии, чем скребки грота Дикобраза, где они были изготовлены из отщепов. Генетическую связь с предшествующими памятниками позволяет предполагать наличие здесь же мустьерских остроконечников, но в их принадлежности нельзя быть уверенным, поскольку они составляют часть подъемного материала. Таким образом, сведения Кларка подтверждают датировку, предложенную А. Брейлем, и его общее определение места грота Дикобраза в общей эволюции каменного века Африки (Clark, 1954). Но, согласно им, получается несколько иная картина перехода к призматической технике. Следует подождать итогов работы экспедиций, ныне занимающихся изучением памятников каменного века Эфиопии.

Постмустье в Экваториальной и Восточной Африке

Культура, сменившая ашель в Экваториальной, Восточной и частично Южной Африке, — санго. Правда, применять термин «культура» к многочисленным памятникам, которые тем или иным исследователем определяются как относящиеся к санго, следует с известной осторожностью. Эти памятники распространены очень широко, и их тождественность не была доказана, хотя бесспорно, что они повсюду обладают некоторым сходством. Но само по себе сходство не дает основания для отнесения всех этих памятников к одной культуре, а не к более широкой классификационной единице. Возможно, что памятники, столь широко распространенные, составляют несколько родственных культур. Многими высказывается предположение, что стоянки санго отражают приспособление к условиям тропического леса и что сами формы орудий, свойственные этой культуре, порождены необходимостью бороться с лесом, вырубать его. Действительно, некото-

рые здешние формы орудий напоминают рубящие, а некоторые памятники санго найдены именно в лесной зоне (Конго, Западная Африка). Но все же большинство стоянок этого типа исследовано в Восточной Африке, где колебания климата были незначительны и преобладала растительность типа саванн и степей. Они открыты и на территории Южной Родезии и Замбии (рис. 62). Здесь также всегда существовали степные растительные сообщества. Назначение же орудий санго было определено лишь приблизительно, строгих доказательств употребления их именно в качестве топоров до сих пор нет. Поэтому выводить существование санго из необходимости приспособления к лесным условиям нам кажется упрощением вопроса.

Памятники типа санго были выделены впервые на территории, пограничной между Угандой и Танзанией. Правда, эпонимные памятники не могут считаться опорой при выяснении облика культуры санго, поскольку неизвестно, основывались ли исследователи на материале одного памятника или многих, ведь в начале нашего века казалось, что чем больше памятников приведено для установления какой-то единицы анализа, тем лучше. В качестве опорных были выбраны стоянки на холмах Санго в Южной Уганде, возле оз. Виктория. Материал собран с поверхности. В последнее время были получены новые данные — наборы орудий, происходящих из раскопок, в частности с памятника Каламбо-Фоллз (Замбия), где орудия санго залегали поверх слоев с ашелем (Clark, 1969). Такая же ситуация наблюдалась и на стоянке Нзонгези в Уганде. Был поставлен вопрос соотношения ашеля (конечно, в его позднем выражении) и санго. Кроме того, были получены определения абсолютного возраста санго радиоуглеродным методом в условиях, которые позволяют контролировать их данными геологии и стратиграфии. В районе Нзонгези установлены соотношения культуры санго с колебаниями оз. Виктория. Все колебания, с которыми связаны остатки времени санго (и позднего ашеля), датируются последним плювиалом Африки. Самые ранние из них в абсолютных цифрах датируются временем после 75 тыс. лет назад. Санго начинается около 50 тыс. лет назад, а кончается либо 25—20 тыс. лет, либо даже позднее. По данным разрезов Каламбо-Фоллза, лишь самый конец плейстоцена занят иными культурами, по крайней мере так обстоит дело в районе оз. Танганьика. Там культура санго датируется 41—38 тыс. лет назад. Несколько интересных стоянок культуры санго уже давно известно в Замбии. Культурные остатки санго связаны здесь, как правило, с ожелезненными горизонтами, располагающимися поверх галечников. Изделия типа санго залегают либо непосредственно в этих образованиях, либо поверх них. Такова стратиграфическая позиция санго в долине р. Луангвы. Орудия типа санго находятся также в глинистых отложениях, перекрывающих галечники. Санго объединяет с ашелем продолжающееся употребление рубил, колунов и чопперов. Однако давно замечено, что рубилам санго свойственна большая массивность: они и толще, и короче, чем рубила ашеля. Обработаны такие рубила более широкими сколами и кажутся весьма архаичными. В сечении они иногда плоско-выпуклые. Среди рубил санго встречаются формы, переходные к пикам, типичные рубила и рубила типа микок — длинные, с вогнутыми краями. Из описания Кларком орудий, свойственных санго, ясно, что он различает две категории, особенно характерные для санго: двойные орудия с овальными концами, длинные симметричные, которые он называет core-axe (рис. 63, *2*), и плоско-выпуклые орудия с одним концом, оформленным в виде рыльца или носика (museau), с широким основанием (они называются Кларком пиками; рис. 63, *6*). К типичным орудиям санго следует отнести также острия, хотя они и более редки. Отметим овальные скребла (core-scrapers; рис. 63, *4*) и чопперы (рис. 64, *7*). Техника раскалывания, по-видимому, основывалась на дисковидных ядрищах, но очень широко использовалась оббивка кусков породы (core-tools, core-axes, core-scrapers). По некоторым изделиям видно, что носители культуры санго знали и леваллуазскую технику раскалывания, хотя в качестве исходного материала для изготовле-

Рис. 62. Культура санго в Африке. По Д. Кларку.

ния орудия предпочитали дисковидные ядрища или гальки. Есть немного леваллуазских ядрищ и леваллуазских пластин. Аналогичная ситуация наблюдается, собственно, и в культуре кина в Западной Европе. И там имеются ядрища леваллуа и леваллуазские заготовки, но основная масса орудий делается из толстых нелеваллуазских отщепов. Заметное место в наборе инвентаря занимают зубчатые и выемчатые орудия, классификация которых в Европе детально разработана. Американские и английские археологи описывают их суммарно — как мелкие орудия, хотя таких мелких скребел, например, в одном из слоев Каламбо-Фоллза более 60% (рис. 63, *1, 5, 8, 9*). А среди иллюстраций можно видеть острия тейяк, зубчатые орудия с одним лезвием и другие типичные формы. К сожалению, картина санго, полученная в конце 40-х—начале 50-х гг., целиком основывалась на соединении орудий, собранных с поверхности во множестве пунктов. Геологическая и геоморфологическая привязка, как правило, была очень широкой. Тем не менее сейчас утвердилось мнение, что санго синхронно мустьерской эпохе Европы, причем скорее всего не раннему, а позднему ее отрезку. Типологический облик санго на основе столь несовершенных данных был все же определен в основном правильно.

В последние годы группой археологов под руководством Д. Кларка было исследовано очень важное многослойное поселение (точнее — комплекс поселений) Каламбо-Фоллз в Замбии (см. выше, с. 105). Особенностью этого поселения является не только присутствие нескольких культурных слоев, но и богатство их как каменными орудиями, так и ископаемой пыльцой, костями животных и даже ископаемой древесиной (Clark, 1969). Благодаря особой тщательности раскопок были обнаружены и остатки растений, которые собирались обитателями стоянок. Здесь же найдены деревянные орудия, но главным образом обломки дерева. Раскопки велись на высоком методическом уровне. Было выяснено, что отдельные части памятника содержат разные наборы орудий. Особенно тщательно разделялись слои Каламбо-Фоллза. Этот памятник расположен на краю плато, примыкающем к юго-восточному углу оз. Танганьика; р. Каламбо здесь прорезает Рифтовую долину, образуя водопады. Совокупность стоянок расположена выше по течению реки, там, где она превращается в бассейн с медленным течением воды. Здесь на площади около 5 км^2 в холмах река неоднократно меняла свое течение, фазы эрозии сменялись фазами накопления, отдельные обжитые человеком поверхности быстро заносились илом или другим мелкоземным материалом. Видимо, значительная часть стоянок была разрушена, но те, что дошли до нас, являют достаточно разнообразную картину.

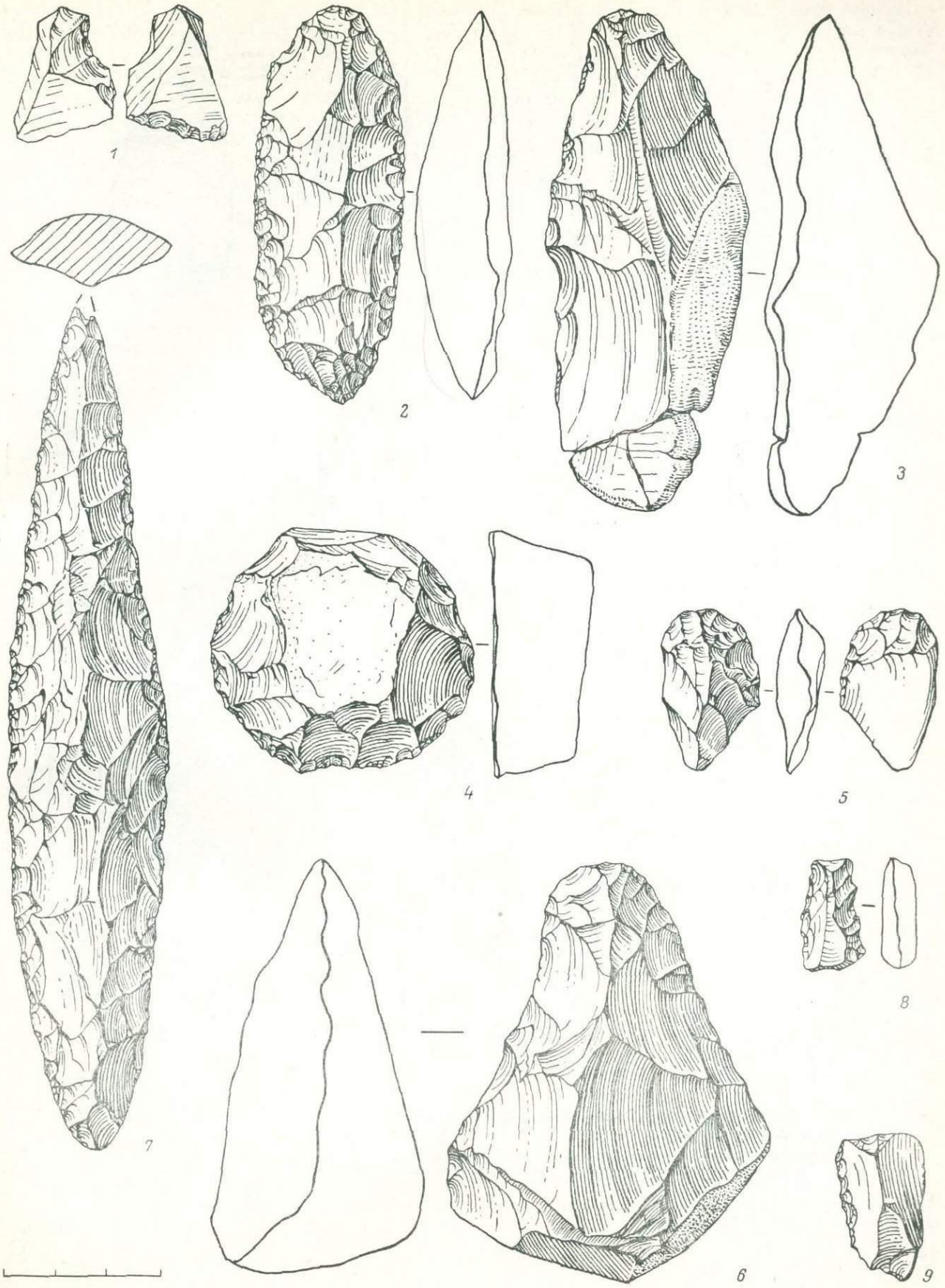
Уже издана первая часть монографии (Clark, 1969), где приводятся данные, полученные специалистами по естественным наукам, но публикация археологического материала, более древнего, чем конец плейстоцена, ожидается. Ашельские находки захоронены в неслоистых отложениях — в тонких песках. Отложения рассечены промоинами, заполненными уже слоистыми породами, содержащими материалы, относящиеся к культуре санго.

В настоящее время имеются только подсчеты орудий с одного из пунктов с остатками санго, по весьма приблизительной схеме, принятой работающими в Африке американскими и английскими археологами. Однако материал из Каламбо-Фоллза (Clark, 1964) брался целиком и поэтому коллекция является представительной. На рубила приходится 7% орудий (разумеется, нужно помнить, что они уже дегенерировавшие, утолщенные, грубо оббитые). На колуны (кливеры) падает 3%, тогда как наибольшая группа — это скребла, двусторонне оббитые, изготовленные не из отщепов, а из кусков кремня или кварцита (core-scrapers). Пикообразных орудий только 2%, чопперов в коллекции — 2.8%. Очень много изделий, которые мы бы назвали пуклевидными бифасами, — 18%. Немало и мелких скребел. Обилие небольших орудий — особенность именно санго Каламбо-Фоллза. Их намного меньше в коллекциях, происходящих с холмов Санго, но, возможно, это связано отчасти с тем, что в 20—30-х гг. часть материала не бралась, как несущественная.

Примечательно, что так называемые крупные скребла образуют значительную группу. Это отличает санго от предшествующей ступени эволюции каменных орудий — от ашеля, где данная категория не представлена вовсе. Остается неясным присутствие леваллуазской техники раскалывания в описываемых коллекциях. Видимо, леваллуазская техника была известна носителям культуры санго, но использовалась ими редко. Во всяком случае на стоянках санго найдено несколько бесспорно леваллуазских заготовок. Техника леваллуа была противопоказана санго, поскольку в основе набора орудий этой культуры лежат как раз изделия из кусков породы (пикообразные орудия, рубила, чопперы, массивные скребла), а изделия из отще-

Рис. 63. Культуры санго (Каламбо-Фоллз) и лупемба (Мусолекси). По Д. Кларку.

Каламбо-Фоллз: *1* — скребок с рыльцем; *2* — долотовидное орудие; *3, 6* — пики; *5* — скребок; *8, 9* — усеченные отщепы. Мусолекси: *4* — овальное скребло; *7* — листовидное острие.

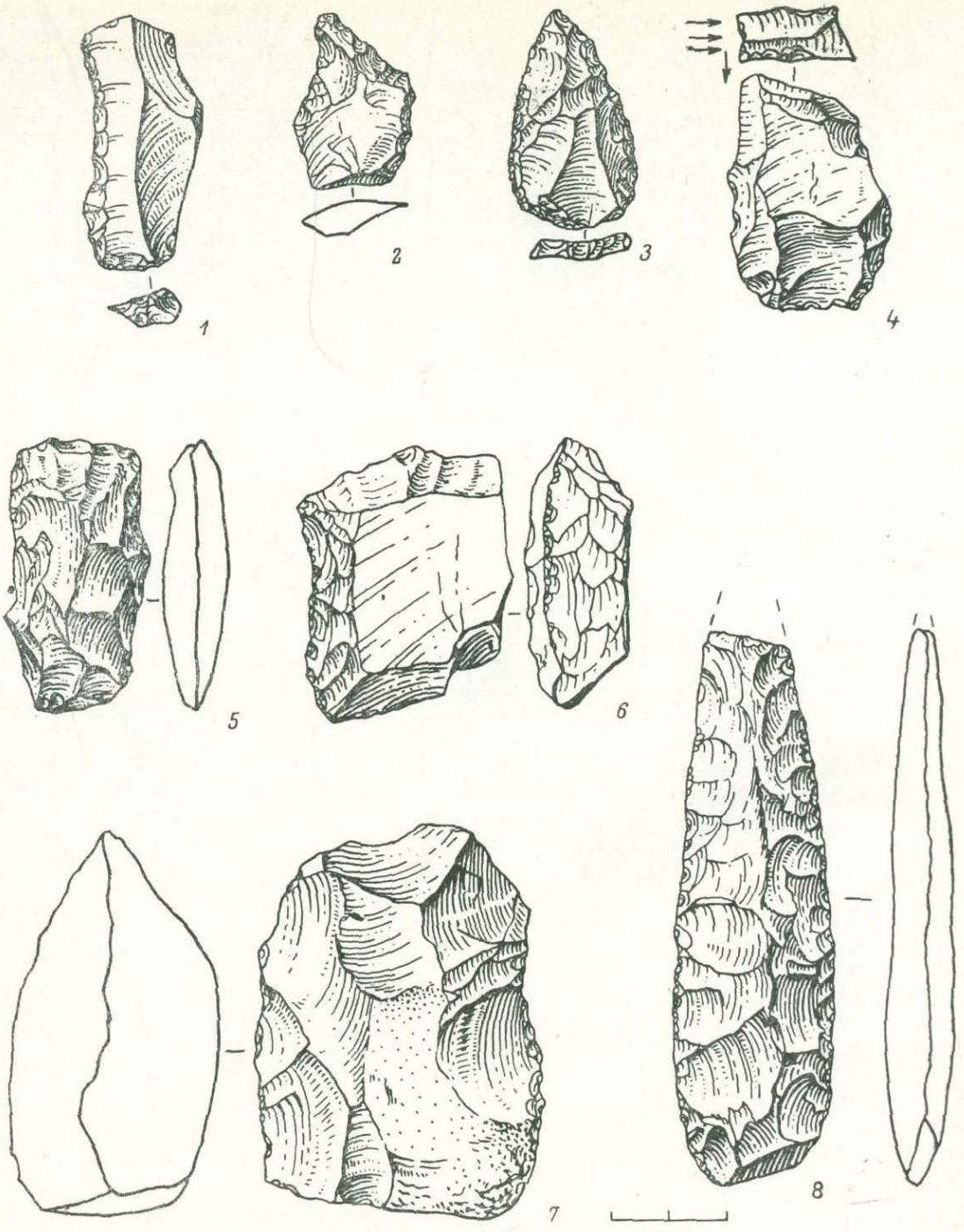

Рис. 64. Каламбо-Фоллз. Культура лупемба, средний этап. По Д. Кларку.

1, 6 — скребла; *2* — скребок с рыльцем; *3* — остроконечник; *4* — резец; *5* — долотовидное орудие; *7* — чоппер; *8* — листовидное острие.

пов играют подчиненную роль. Мало встречается и пластинчатых изделий удлиненных пропорций. В Каламбо-Фоллзе есть большая серия зубчатых орудий, изготовленных из массивных осколков камня. Среди этих орудий (а они составляют большинство по сравнению с немногочисленными рубилами и кливерами) выделяются килевидные скребки с носиком, зубчатые и выемчатые орудия, скребла мелких размеров с неправильной зубчатой ретушью. Коллекции орудий со стоянок Заира и Анголы (Clark, 1964) отличаются в некоторой степени от материала из Замбии и Танзании. Но надо иметь в виду, что на этих территориях до сих пор не удалось выявить хорошо стратифицированный памятник. Приходится иметь дело с материалами, где санго смешано с более поздней стадией развития, по-видимому, продолжением стадии санго — с культурой лупемба. Показателем присутствия поздней стадии служат копьевидные изделия — наконечники листовидной формы (правда, немногочисленные). Возможно, однако, что эти изделия лишь предвосхищают развитие подобного типа орудий; в таком качестве они вполне допустимы и в наборе орудий санго. Стоянок со смешанным материалом несколько: Мусолекси, Камафуфо, Катонгула. На всех этих стоянках, расположенных в Северо-Восточной Анголе, орудия были рассеяны в толще песка и не образовывали культурного слоя. И лишь в одном случае — в Мусолекси — был найден культурный слой, представляющий, по мнению Д. Кларка, отбросы на месте изготовления орудий (древнюю мастерскую). Предполагается, что синхронными с песками, содержащими орудия санго и лупемба, являются аллювиальные отложения террасы высотой 4 м. Они содержат не только пыльцу, но и древесину, благодаря чему их удалось датировать радиоуглеродным методом. Полученная дата — 38 тыс. лет назад — совпадает с определением абсолютного возраста санго в Каламбо-Фоллзе. Оказалось, что, по данным пыльцевого анализа, климат во времена санго отличался от современного, более влажного, способствующего росту лесов галерейного типа. Тогда здесь были открытые пространства. 38% пыльцы приходится на древесные виды; из них 8% — на три вида: Syzygium, Brachystegia, Podocarpus. Признаков влажности климата нет, но он был более холодным (по данным из Стэнли-Пула, Конго, — на 5°). Растительность того периода теперь встречается лишь на высоте 800—1000 м.

Памятники, относимые к культуре санго на территории Западной и Восточной Африки, опубликованы не полностью, и их мало. Тождество их доказывается главным образом немногими «руководящими ископаемыми», свойственными санго. Таковы изделия из кусков породы — пики, рубила, долотовидные орудия, к которым должны быть добавлены широко распространенные чопперы (Clark, 1964). Именно эти изделия позволяют соединять под одним названием весьма удаленные друг от друга памятники Танзании, Уганды, Замбии, Анголы и Заира. Впрочем, исследователи разных лет называли эти культурные единицы по-разному. Так, памятники на территории Заира, именуемые здесь санго, назывались калин, а памятники, синхронные и типологически близкие лупемба, — джокос. Разным у различных авторов является и переход от санго к лупемба (см. схему; Clark, 1964).

КАСАИ	ЮЖНЫЙ ЗАИР	ВОСТОЧНЫЙ ЗАИР
Читоль	Читоль	Читоль Лупемба/читоль
Лупемба	Лупемба	Лупемба
Джокос	Джокос	
Калин	Калин	Лупемба Санго

Вслед за культурой санго следует лупемба — культура, которая, по-видимому, составляет прямое ее продолжение. Основной ареал этой культуры — бассейн р. Конго. На востоке она доходит до озер Виктория и Танганьика, вплоть до территории Уганды и Танзании. Известна она в Замбии, Анголе, Западной Африке. Район распространения — сплошной. На территории Замбии во времена, синхронные лупемба, развиваются культуры протостилбей и стилбей, хотя и не аналогичные стилбею Южной Африки, но тем не менее не тождественные и лупемба. В Каламбо-Фоллзе поверх санго залегает лупемба, представленная несколькими горизонтами и пунктами. На стоянке Исимила (Танзания), пока не опубликованной полностью, но известной по сводным статьям (Howell, 1960, 1961), поверх санго найден только вариант культуры магози. Для Каламбо-Фоллза получена и дата лупемба: 25—27 тыс. лет тому назад. Однако не следует думать, что в Африке в это время, как и в Европе или в Передней Азии, начинается верхний палеолит и в технике раскалывания от дисковидных ядрищ переходят к призматическим. Напротив, здесь население сохраняет прежние традиции, и в раскалывании камня не происходит никаких перемен. Сами формы орудий изменяются, но в пределах того, что мы бы назвали, с европейской точки зрения, средним палеолитом. Пикообраз-

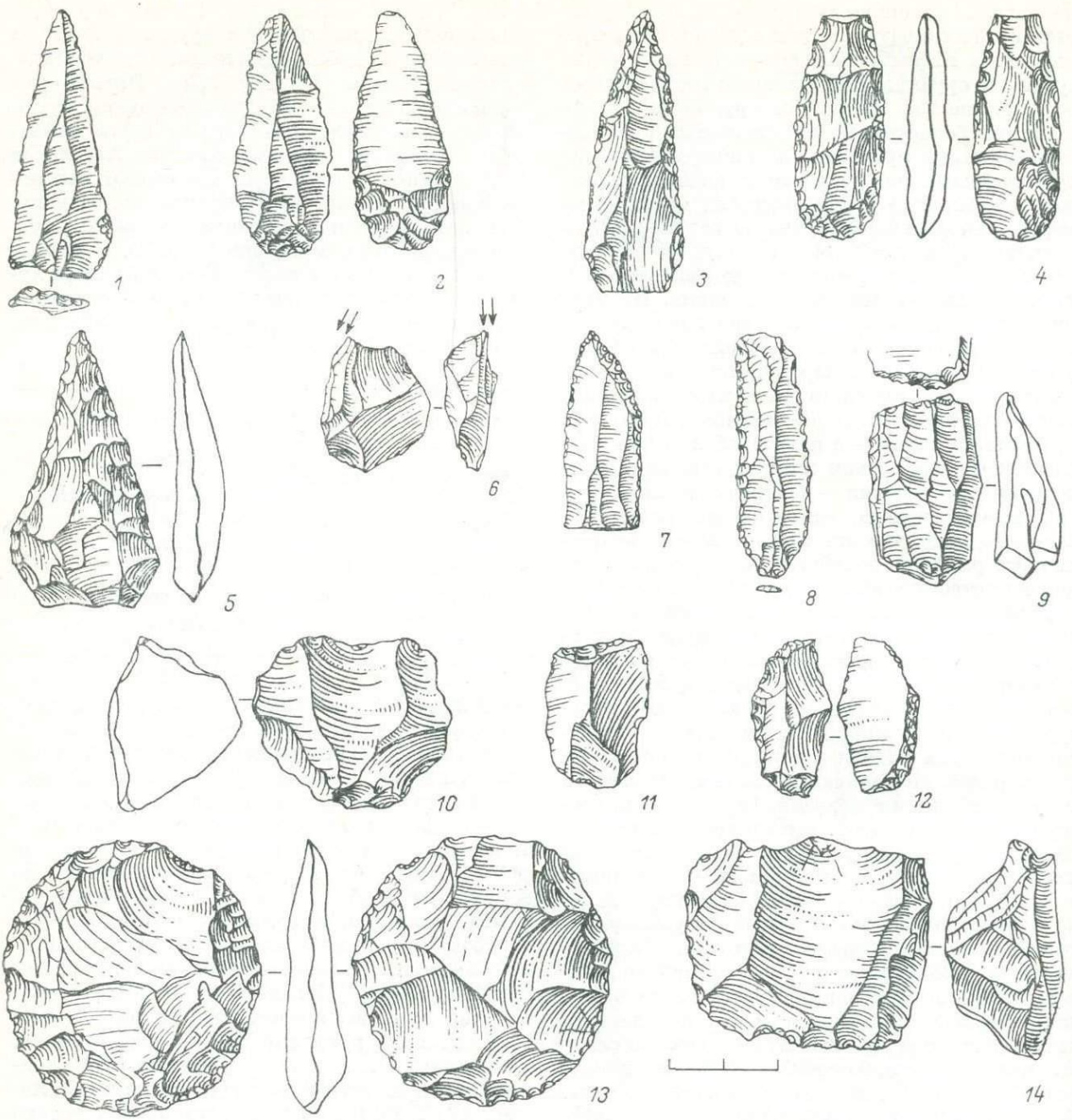

Рис. 65. Каламбо-Фоллз. Культура полунгу. По Д. Кларку.

1 — леваллуазское острие; *2—5* — острия; *6* — резец; *7*, *8*, *12* — орудия с притупленным краем; *9*, *10*, *14* — ядрища; *11* — усеченный отщеп; *13* — диск.

ные орудия, чопперы и грубые скребла продолжают существовать и определять собой морфологический облик этого отрезка эволюции каменных орудий на территории Африки. В данном отношении бассейн Конго принципиально не отличается от остальных районов Африки. Вспомним хотя бы Магриб с его атерийской культурой, существовавшей в то же самое время, где тоже были в употреблении леваллуазская техника раскалывания и мустьерские орудия.

На территории Анголы Д. Кларк отмечает также переходные или смешанные санго-лупембские памятники. К их числу относятся и уже упоминавшиеся стоянки в районе горных разработок Мусолекси на севере Лунды (рис. 63,

4, *7*). Каменные орудия залегают в песках, покрывающих водораздельные пространства. Рубила и чопперы составляют около 16.4%. 28% приходится на пикообразные орудия, 20% — на скребла и всего 3% — на листовидные острия. Пикообразные орудия вытянутых пропорций с параллельными краями пока редки. На территории Анголы вслед за упомянутыми стоянками со смешанным инвентарем *верхнего санго—нижней лупемба следуют стоянки* верхней лупемба (Clark, 1970). Это, по терминологии археологов, работающих в Африке, — время среднего каменного века. Техника раскалывания по сравнению с предшествующим периодом не изменилась. Сохраняется техника bloc-en-bloc (если она и не была очень примитивной, то во всяком случае это еще не техника дисковидного ядрища). Но одновременно существует (и только с этого момента в заметном количестве) техника приготовленного ядрища, т. е. леваллуазская. К сожалению, опубликованных и достоверных коллекций чистой лупемба до сих пор нет. Кларк, желая в сводном труде по доистории Африки проиллюстрировать этот период, пользуется старыми материалами из Анголы. В его собственных работах есть только рисунки к смешанным индустриям и к переходным, промежуточным между лупемба и читолем. Но и в этих смешанных памятниках отчетливо прослеживается наследие культуры санго. Архаичными элементами здесь являются долотообразные орудия. Существуют и листовидные острия с максимальной шириной в нижней четверти. Продолжают встречаться пикообразные изделия и даже рубила.

К данному кругу памятников относятся соответствующие слои и памятники у водопадов Каламбо. В последние годы Д. Кларк обособил их в качестве подразделения магози — культуры полунгу (Clark, 1974). Этот материал (рис. 65) интересен по целому ряду обстоятельств. Во-первых, он добыт при раскопках, которые можно относить к методически совершенным по масштабам 50-х гг. Во-вторых, это орудия из относительно хорошо сохранившегося слоя, хотя существует примесь более древних орудий. В-третьих, интересно утверждение автора исследования, будто данные памятники составляют некое подразделение внутри культуры магози. Разные слои этого времени, которые Кларк относит к полунгу, залегали на поверхности щебня, накапливавшегося в течение какого-то отрезка времени. Во всяком случае сам генезис вмещающей породы предполагает, что орудия не долго находились на поверхности, а были быстро захоронены новыми слоями щебня. Датировка слоев этой культуры возможна только сравнительным методом: памятники примерно того же типологического облика располагаются между XV и XX тысячелетиями. Орудия происходят с четырех памятников, или четырех пунктов (A—D). Кроме совокупностей орудий, которые относятся к полунгу, в тех же слоях щебня, но более глубоких, залегают орудия, относимые к разным ступеням лупемба. Группы орудий, извлеченных из разных слоев, немногочисленны. Так, на памятнике B-2 найдено только 400 *изделий, из них 60 — орудия.*

Техника раскалывания полунгу — мустьерская, т. е. основанная на леваллуазских и дисковидных ядрищах (рис. 65, *9*, *10*, *14*). Ядрища (как и отщепы) обычно средних и мелких размеров. Наиболее распространенная длина заготовок — 6 см. Среди заготовок встречаются и пластины, и треугольные отщепы (рис. 65, *1*), поскольку одни орудия могли изготовляться из отщепов треугольной формы, другие — из пластин, притом с наименьшим расходом материала, когда при ретушировании и оформлении отламывается, удаляется наименьшая часть заготовки. Д. Кларк уверяет нас, что наибольшее количество ядрищ — дисковидные, но кажется, что он относит к дисковидным ядрищам, с нашей точки зрения, бесспорно леваллуазские. Часть ядрищ своей правильной огранкой, параллельностью негативов и удлиненностью напоминает плоские ядрища, что свойственны памятникам среднего каменного века на Ниле — культурам хальфа и сильсиль. В качестве традиционных форм каменных орудий, восходящих к предшествующим памятникам (лупемба), Кларк отмечает резцы (рис. 65, *6*), изделия с притупленным краем (рис. 65, *7*, *8*, *12*), чопперы, скребла и особо подчеркивает, что нет типичных для лупемба и санго долотовидных орудий (точнее, они кажутся ему составляющими примесь к основному набору орудий). Если рассмотреть состав орудий полунгу под углом зрения европейского верхнего палеолита, то окажется, что здесь нет типичных только для этой эпохи орудий, кроме немногочисленных резцов. Но среди резцов еще нужно вычленить и отделить нехарактерные для верхнего палеолита, но свойственные мустьерской эпохе изделия с одним резцовым сколом и отметить, что здесь нет ни срединных, ни резцов с поперек отретушированным концом. С другой стороны, здесь встречаются элементы, намекающие на скорое появление микролитических изделий геометрических очертаний. Среди 16 орудий с притупленным краем есть и такие, которые относятся к сегментам (рис. 65, *12*). Но вместе с тем они обычно сделаны из отщепов. Как известно, именно в Африке геометрические микролиты и вообще пластинки с притупленным краем изготовлялись часто из отщепов и пластин, снятых с леваллуазских плоских

односторонних ядрищ. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает отсутствие нормального, с точки зрения европейского палеолита, перехода от мустьерского набора орудий и мустьерской техники раскалывания к верхнему палеолиту и только потом — к мезолиту. Здесь этап верхнего палеолита выпадает. Отметим немногочисленные острия разного вида, двусторонне и односторонне обработанные; их столько же, сколько пластин и отщепов с притупленным краем. Эти острия имеют обычные пропорции, т. е. относятся к равносторонним, чаще равнобедренным треугольникам, и их основание может быть необработанным (рис. 65, *3*, *5*). Если же оно обработано, то имеет овальную форму (рис. 65, *4*). Некоторые острия обработаны сплошь двусторонне, но по контурам в плане они не отличаются от тех, которые обработаны односторонне или только подправлены с брюшка. Одно из острий необычным образом обработано с брюшка только в основании, тогда как со спинки вовсе не обработано (рис. 65, *2*). Похожие острия встречаются только в эмирейской культуре на Ближнем Востоке, но там у них не выпуклое основание, как в полунгу, а прямое. Интересны крупные сверла с двусторонней обработкой конца (жала). Настоящих скребел по существу нет, хотя есть пластины с ретушью по краям, которые, с точки зрения мустьерской морфологии, должны считаться скреблами. Имеются также пластины или отщепы с ретушью верхнего конца. У орудий с притупленным краем последний, как привило, сильно выпуклый, ретушь крутая, подправка с брюшка отсутствует. Изделия эти чаще двухконечные. Таким образом, культуру полунгу, как бы ни определять ее таксономический уровень — считать ли ее особой культурой или вариантом магози, следует принимать за типичный образец африканского постмустье. Основанием для этого является присутствие леваллуазской техники раскалывания и дисковидных ядрищ, мустьерских элементов — острий разного рода — в сочетании с изделиями с притупленным краем, некоторые из которых напоминают микролиты геометрических очертаний, с ретушированными пластинами и немногочисленными резцами. Хотя культура полунгу и не относится к началу среднего каменного века (или постмустье — по нашей терминологии), она не обладает той полнотой верхнепалеолитических элементов, которая свойственна другим культурам постмустье, например культурам долины Нила. Здесь, например, вовсе нет скребков, нет настоящих микропластинок. Это доказывает лишний раз, что развитие культуры в постмустьерскую эпоху в Африке шло неравномерно, что в одном случае верхнепалеолитические элементы были выражены полно, представлены многими разновидностями, в других — представлены ограниченным числом разновидностей. Однако тем не менее они присутствуют везде, в любой культуре, подтверждая этим, что речь идет не о чистом мустье (имея в виду европейский образец мустьерской эпохи), а о постмустье, о эпохе, характеризуемой и настоящими леваллуазскими, и плоскими односторонними ядрищами, и скребками, и пластинами с притупленным краем, и остроконечниками, и скреблами.

Памятники, соответствующие мустье—постмустье, на территории Кении до сих пор слабо изучены. Это, как правило, сборы с поверхности, классифицированные согласно эволюционистским представлениям о каменном веке. Наряду с этапом стилбея (памятники с листовидными остриями на леваллуазской основе; рис. 66) выделяются леваллуа (рис. 67) и ашель—леваллуа, где соединены вместе и рубила, и леваллуазская техника раскалывания (рис. 68).

Возможно, что в Кении удастся выделить памятники с листовидными остриями, отличные от памятников с такой же техникой раскалывания, но с иными орудиями. Однако требуется подтверждение — раскопанные памятники, а не сборы с поверхности.

Преимущественно сборы с поверхности характеризуют и средний каменный век Южной Родезии (рис. 69). И здесь есть памятники, которые обозначаются как стилбей, но это не значит, что они похожи на стилбей Кении, просто они содержат листовидные острия (рис. 69, *4*, *7*) наряду со скреблами разного рода (рис. 69, *2*, *5*). Отождествление другого типа памятников Южной Родезии с культурой санго более обоснованно — здесь встречены и пики (рис. 69, *10*), и скребки из куска породы (рис. 69, *8*), и долотовидные орудия (рис. 69, *6*, *9*). Техника раскалывания основана на дисковидном ядрище (рис. 69, *14*). Типичные для санго орудия сопровождаются чопперами, остроконечниками, скреблами (рис. 69, *3*, *12*, *13*).

Особое место среди культур постмустье занимают материалы из пещеры Бамбата в Южной Родезии. Они, по стратиграфическим данным, были распределены следующим образом. Под золистым слоем с остатками позднего каменного века (голоцен) залегали культурные остатки стилбея, связанные с верхней пещерной глиной. Мощность слоя 2.8 м. Здесь встречены примитивные сегменты и скребки, которые придают развитый облик всему набору орудий. Здесь же найдены треугольные острия с двусторонней обработкой, скребла, орудия с рыльцем и зубчатые орудия. Перечисленные орудия сопровождаются резцами. Таким обра-

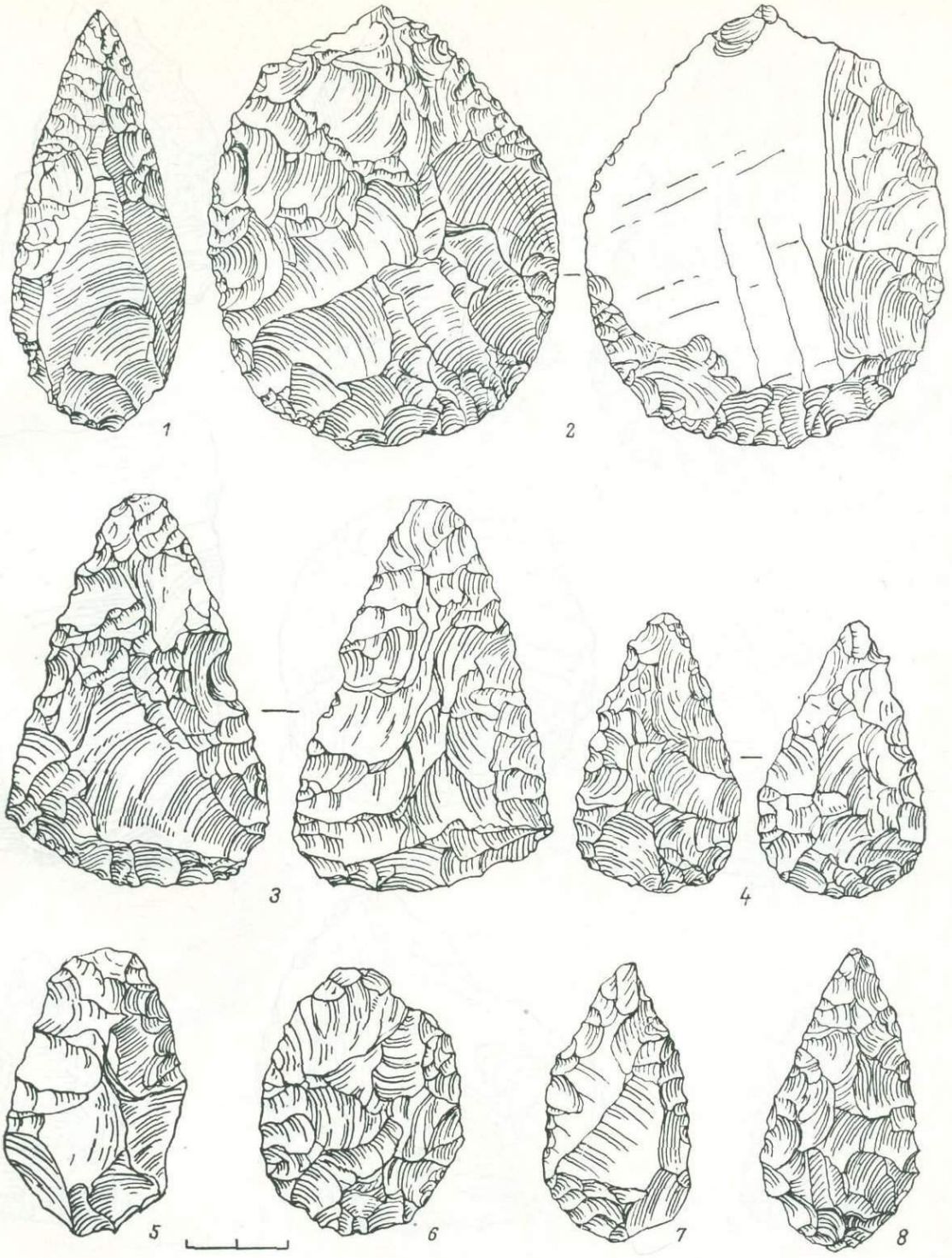

Рис. 66. Кения. Культура стилбей. По Л. Лики.
1, 3—8 — острия; *2* — диск.

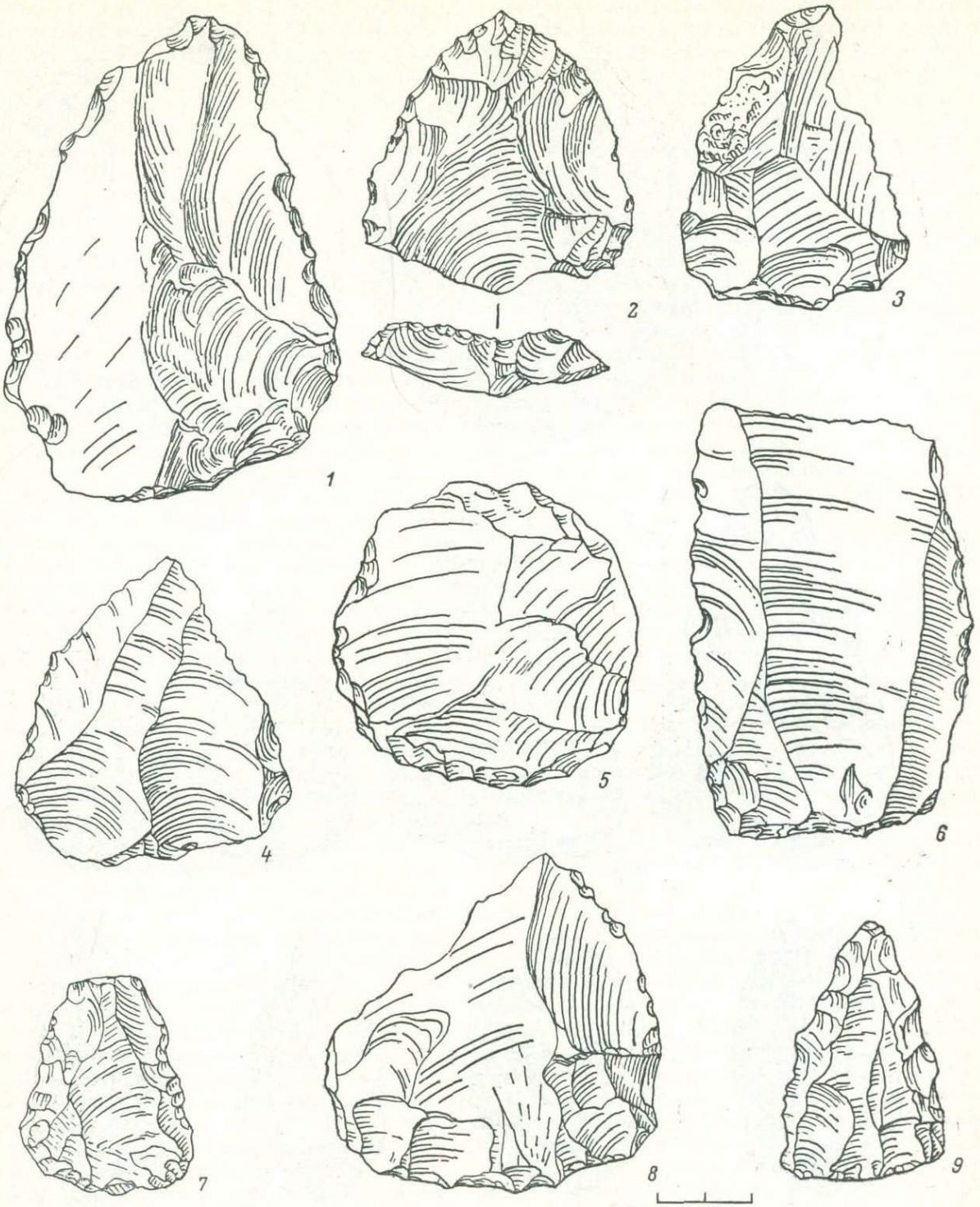

Рис. 67. Кения. Леваллуа. По Л. Лики.

1, 7 — зубчатые орудия; 2, 9 — острия; 3—6, 8 — отщепы.

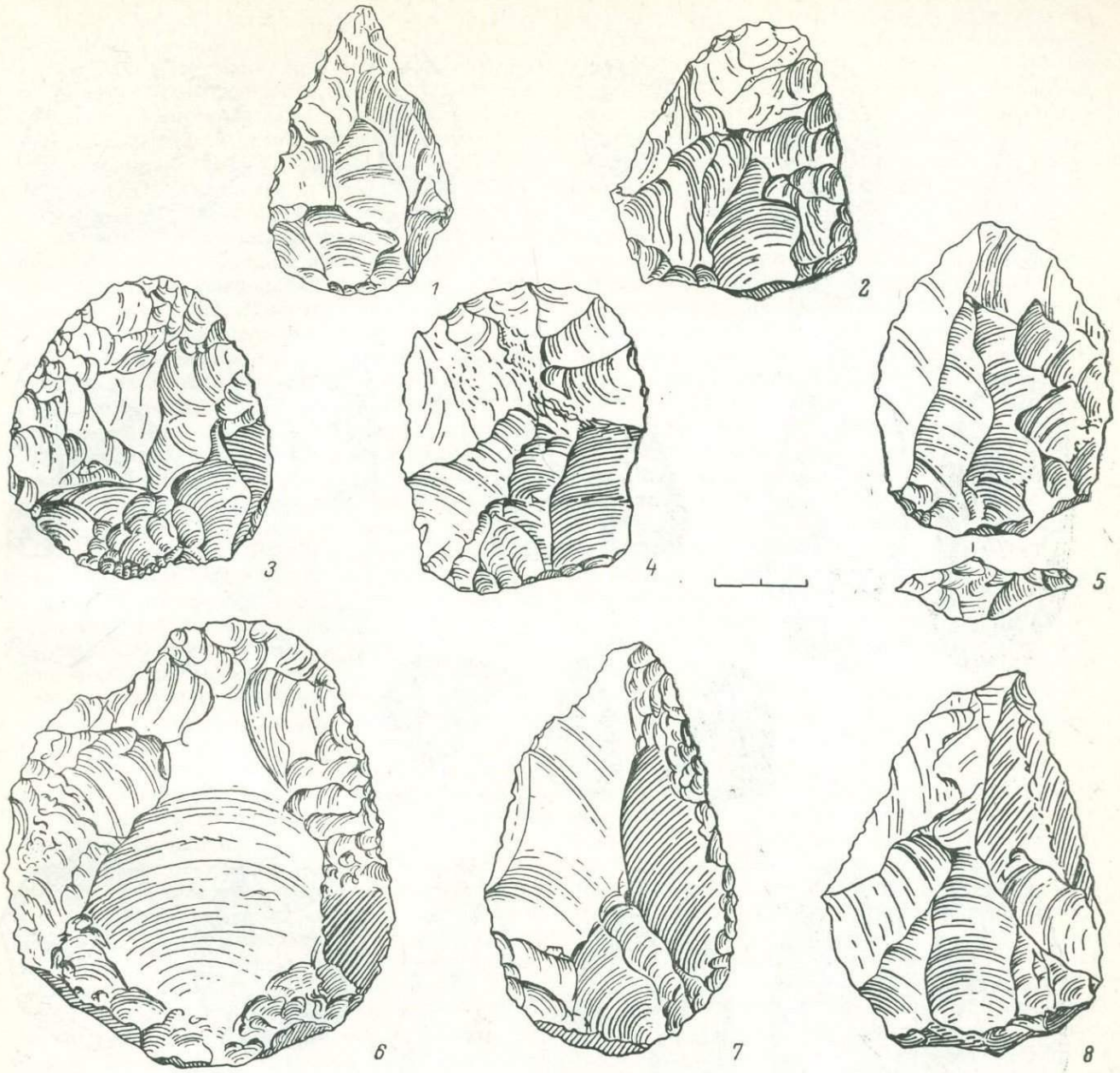

Рис. 68. Кения. Ашель—леваллуа. По Л. Лики.
1, 8 — острия; *2, 4, 5* — отщепы; *3, 6, 7* — скребла.

зом, в Бамбате наблюдается типичное соединение мустьерских и верхнепалеолитических форм, свойственное постмустье Африки. Нижняя пещерная глина — другое подразделение пещерного заполнения. Оно несогласно перекрывается верхней пещерной глиной, более темной по сравнению со светло-коричневой или желтой нижней пещерной глиной. Орудия из нижнего слоя пещеры более грубы, изготовлены из массивных, часто неправильных отщепов, обработанных крутой ретушью. Описание позволяет считать этот комплекс либо относящимся к зубчатому пути развития, либо имеющим сильные элементы зубчатости. Но и здесь встречены характерные треугольные острия с двусторонней или односторонней обработкой.

Н. Джонс откинул все рубила и пики, найденные в нижнем слое пещеры Бамбата, поскольку посчитал их привнесением в совокупность стилбейского материала, предметами, собранными обитателями пещеры на соседнем ашельском памятнике и захороненными вместе с теми орудиями, которые они изготовляли.

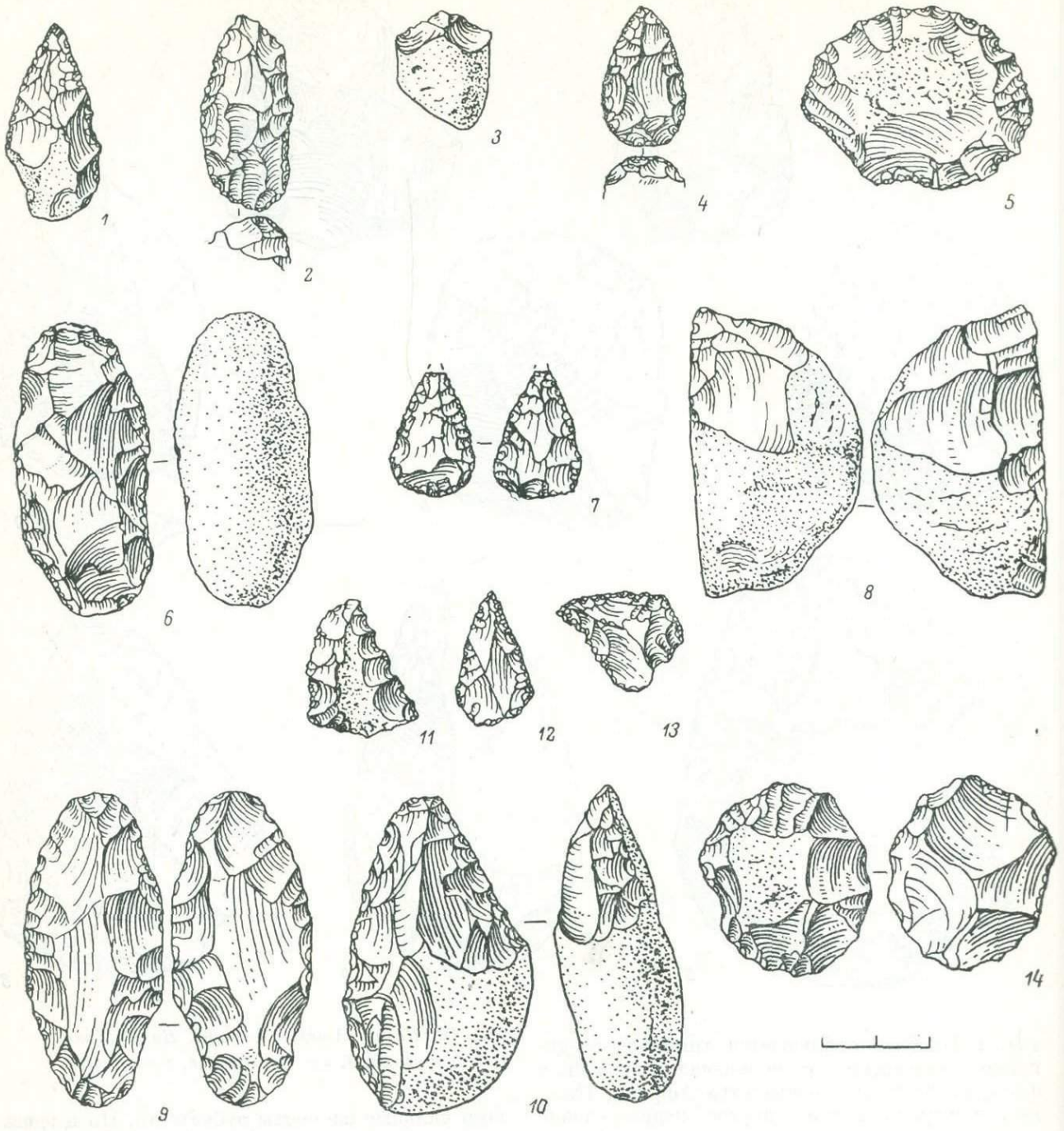

Рис. 69. Южная Родезия. Культуры стилбей (1—5) и санго (6—14). По Н. Джонсу.

1, 4, 7, 12 — острия; *2, 5, 13* — скребла; *3* — чоппер; *6, 9* — долотовидные орудия; *8* — скребок; *10* — пик; *11* — зубчатое орудие; *14* — ядрище.

Набор острий с двусторонней обработкой дал повод к тому, чтобы назвать оба слоя Бамбаты стилбейскими.

В Южной Родезии, как и в долине Нила, за культурами ашельской эпохи следуют памятники с листовидными или треугольными остриями, в той или иной степени двусторонне обработанными. Но при рассмотрении материала Бамбаты бросается в глаза иная техническая основа таких изделий. Они изготовлены не из тонких в сечении и треугольных в плане леваллуазских заготовок, а из массивных сколов, снятых с дисковидных ядрищ. Это меняет весь облик острий. Многие острия из пещеры Бамбата — равносторонние треугольники; их массивное основание всегда утончено с брюшка. Острия из грота Дикобраза, например, тоже были утончены, обработаны в основании, но ради придания им овальной формы в плане. Здесь же, в Бамбате, острия имеют прямое основание. Сопровождающий инвентарь включает резцы, которых почти не найдено в гроте Дикобраза. Есть и скребки на отщепе. Особенность индустрии из Бамбаты — наличие скребков с рыльцем, а они влекут за собой зубчатые и выемчатые орудия или комбинирование на одном орудии рыльца (à museau) и зубчато обработанного края. Появляются здесь и первые, еще очень грубые сегменты из таких же массивных заготовок, как и прочие орудия. Таким образом, в Бамбате налицо индустрия иного рода, чем культура харгейза в Эфиопии (что и понятно, если не допускать прямой миграции из Эфиопии, за тысячи километров), непохожая на нее, хотя и содержащая двусторонне обработанные наконечники.

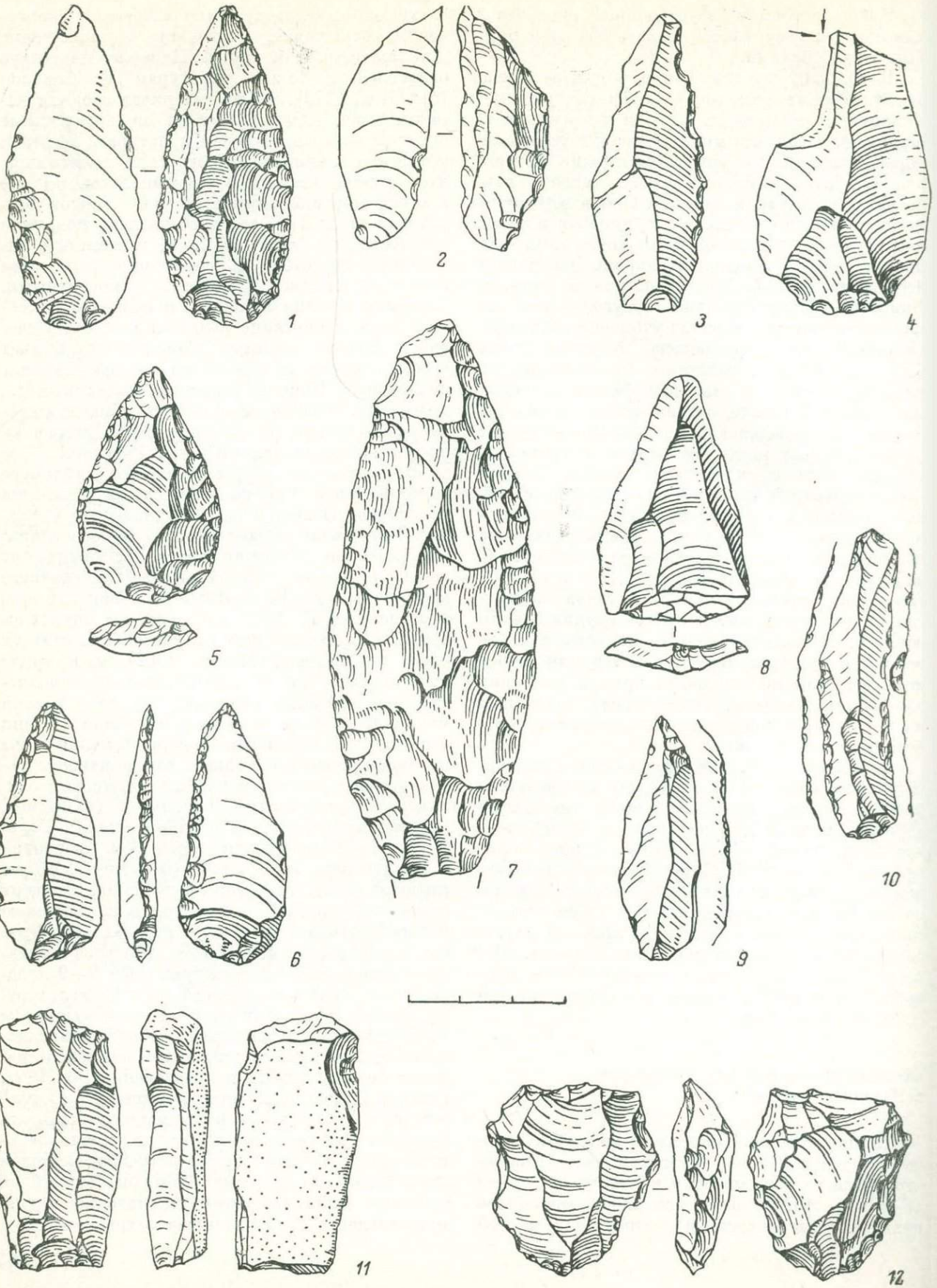
Д. Кларк предлагает в виде основы для определения бамбатской культуры пользоваться новыми материалами из седьмого слоя Кхами (Южная Родезия); возраст слоя от 15 до 22 тыс. лет тому назад (Clark, 1970). Теперь нижний слой пещеры Бамбата обозначается Кларком и другими как особая культура чараман, но неясно, в какой степени она отличается от санго. Эпонимный памятник этой культуры расположен в Замбии на плато Чарама. Известно, что здесь много пиков (15%), есть рубила, чопперы, половину же набора орудий составляют скребла.

Средний каменный век (постмустье) в Южной Африке

Термин «средний каменный век» был впервые введен в Южной Африке и далее распространился на весь материк к северу от Сахары (Goodwin, 1929). Там появилось множество культур (или индустрий), относимых к этой эпохе, которые заслуженно встречали скептическое отношение, поскольку несущественно отличались одна от другой. Наиболее негативно относился к таким культурам Г. Сэмпсон (Sampson, 1972). Он рассматривал средний каменный век Южной Африки, не вводя нигде понятия «археологическая культура», не ставя вопроса о границах данного типа памятников. Это кажется излишним скептицизмом. Однако в своей критике ранних сборов Сэмпсон безусловно прав. Так, все пользовались понятием «стилбей», но, как оказалось, эпонимный памятник — это отбор из смешанной коллекции каменных орудий, собранных с поверхности, где были остатки и ашеля, и позднего каменного века, а описание коллекции не было сделано. Вместо культур Сэмпсон предлагает ввести ступени (с первой по пятую) для всех памятников Южной Африки, основанных на пластинах. В число их он, естественно, не включает памятников, родственных санго, встречающихся на территории Южной Родезии.

Примером культуры среднего каменного века в Южной Африке могут служить находки из пещеры Очагов. Она расположена в Северном Трансваале и дает одну из наиболее полных колонок эволюции каменных орудий от ашеля до самых поздних выражений среднего каменного века. Результаты раскопок пещеры, проведенных Р. Мэйсоном, еще не опубликованы, но о них говорится в нескольких статьях этого же автора (Mason, 1962) и в труде Г. Сэмпсона (Sampson, 1972). Рыхлые заполнения пещеры были разделены на слои разной мощности (30 см и более), но были ли они выделены по литологии пещерной толщи — мы не знаем, известно только, что в каждом горизонте находился однородный материал, с одинаковыми каменными орудиями (например, ранний питерсбург или поздний ашель). Горизонты 1—3 содержали ашельский материал в его позднем выражении (форсмит?). Выше следовал стерильный горизонт щебня, а поверх него — то, что Мэйсон определил как раннюю питерсбургскую культуру, — слой 4. Слой 5 лежал на слое 4 без перерыва и относился к среднему этапу этой же культуры. Слои 6—9 представляют позднюю питерсбургскую культуру.

Материалы из пещеры Очагов пересмотрены Г. Сэмпсоном, на выводах которого мы главным образом и остановимся. Исследователь пещеры делил слои на подразделения по 30 см каждое. Общее количество материала в отдельном слое невелико, и бóльшую его часть составляют пластины, либо вовсе не ретушированные, либо с неравномерной ретушью. Ведущие типы (как их определяет Сэмпсон) орудий не слишком многочисленны: достаточно полно представлены подправленные острия, скребла,

долотовидные орудия с подтеской, не везде — скребки, а прочих категорий единицы. Основная масса длинных острий и пластин с ретушью в питерсбургской культуре изготовлена из заготовок, сколотых с ядрищ, которые определяются автором исследования как одноплощадочные, но имеется и другая разновидность ядрищ — дисковидные. В верхних горизонтах ядрища становятся мелкими, не более 2.5 см длины, что составляет особенность техники раскалывания поздних подразделений питерсбургской культуры. Ясного представления о технике раскалывания по имеющимся публикациям составить нельзя. Лучше техника раскалывания описана и проиллюстрирована на памятниках другого типа (Оренджия и Зеекогат, среднее течение р. Оранжевой; рис. 70, *11, 12*). Можно полагать, что и в данном случае одноплощадочные ядрища Сэмпсона в действительности являются плоскими (леваллуазскими) ядрищами. Между слоями, сходными, поскольку они принадлежат одной культуре, существует и заметная разница. Так, типичные, бросающиеся в глаза треугольные острия с подправленным основанием есть только в верхних слоях пещеры (рис. 71, *16—18*).

Г. Сэмпсон разделил верхние слои пещеры (слои 6—9) на два подразделения: нижнее — 2.5—4 м и верхнее — 1.5—2.5 м. Более позднее подразделение отличается от нижнего тем, что в нем есть крупные сегменты (рис. 71, *21*), пластины с притупленным краем, увеличивается количество мелких ядрищ, больше и мелких дисковидных ядрищ, изготовленных из галек. Оба этих подразделения содержат резцы (в отличие от слоев 4 и 5) и проколки. В слоях 4 и 5 имеются крупные продольные скребла (рис. 71, *4*), скребла с выпуклым лезвием, пластины с краевой нерегулярной ретушью (рис. 71, *3*). Часто ретушь носит зубчатый характер. Другая типичная разновидность орудий из длинных пластин — это скошенные острия (пластины, у которых крутая ретушь наискось срезает верхний конец; рис. 71, *8*). Такого рода изделия в Европе представлены в Италии, в пещерах Сан-Франческо и Турналь (ножи типа сан-ремо). Среди образцов изделий из слоя 5 обращают на себя внимание настоящие леваллуазские острия, что указывает на близкое родство техники раскалывания пещеры Очагов с леваллуазской. Здесь найдены орудия с притупленным краем и пластины с неровной краевой ретушью, т. е. те же изделия, что и в более раннем слое. Кроме них, есть скребки (кажется, впервые в стратиграфической колонке пещеры Очагов). Они типичны для всякого рода ранних скребков: с неровным, часто асимметричным рабочим краем. По крайней мере один скребок изготовлен из леваллуазского острия (ср. скребки из пещеры Эмирех на Ближнем Востоке). Другие изделия, весьма к ним близкие, — просто пластины или острия с усеченным концом. В слоях 6—8 появляются леваллуазские треугольные ядрища. Как особенность техники раскалывания в слое 5 Сэмпсон отмечает двухплощадочные ядрища (плоские и леваллуазские).

Остается только описать острия питерсбургской культуры. Они встречаются в слоях 6—9. Здесь есть остроконечники средних пропорций (рис. 71, *19*), остроконечники с ретушью с брюшка (рис. 71, *16*) и самые интересные из них и специфические для Африки — острия средних пропорций с овальным основанием и плоской ретушью с брюшка (рис. 71, *17*). Отчетливо видно намеренное утончение основания. Оно достигается ретушированием с брюшка, что применяется как для односторонне обработанных по краям острий, так и для двусторонних. Есть специальные приемы утончения узкими сколами, наподобие резцовых сколов поперек основания, или снятием треугольных негативов с ретушированной спинки как с леваллуазского ядрища. Такого рода утончение отмечено в СССР в Ереванской пещере.

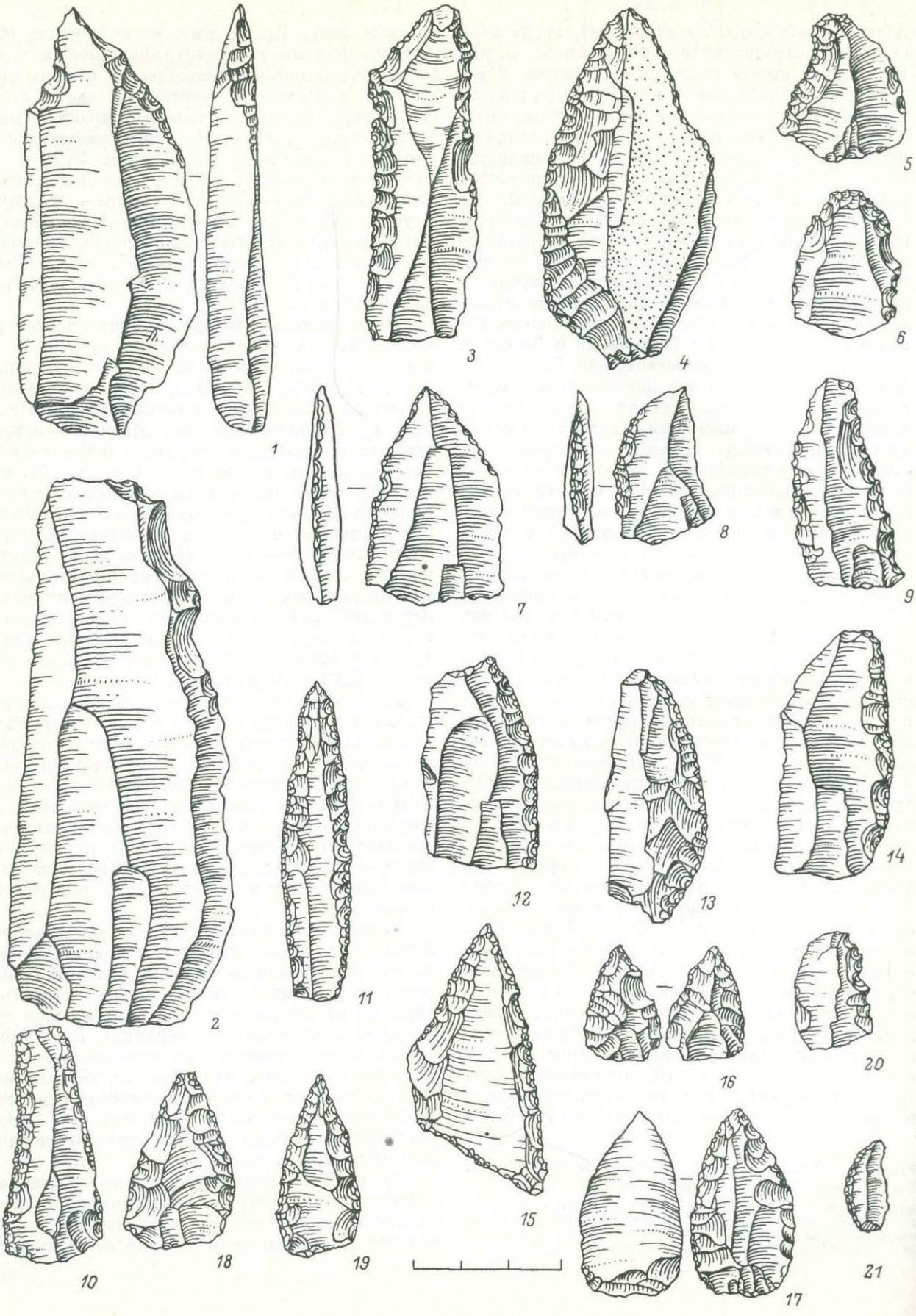
Примечательно увеличение скребел в верхних слоях, в частности в слое 9. Это совершенно однообразные скребла — из пластин, продольные, с выпуклым лезвием, обработанным плоской ретушью. В слое 9 появляются и такие элементы, которые указывают на относительно поздний возраст памятника, — сегменты, что сочетается с увеличением мелких ядрищ. Эти изделия из мелких заготовок (из пластин) встречены вместе с пластинами с притупленным краем.

Неясно, представляют ли нижние слои пещеры Очагов питерсбургскую культуру. Проделанные Г. Сэмпсоном анализы методом Стьюдента и Х-квадрата не убеждают полностью (правда, по его результатам, нижние слои существенно отличаются от верхних). Его стремлением было показать существенные хронологические изменения, правильность деления материала на слои. Типология Сэмпсона слишком обобщена: для удобства действия ему порой приходится соединять в подсчетах совершенно разные группы изделий.

Во всяком случае питерсбург — типичная африканская культура среднего каменного века на леваллуазской основе (из пластин). Она соединяет элементы, свойственные европейскому

Рис. 70. Южная Африка. Средний каменный век. По Д. Кларку и Г. Сэмпсону.

Мосселбэй: 1, 7 — листовидные острия; 2 — нож с обушком; 3 — зубчатое орудие; 4 — резец; 5 — остроконечник; 8 — леваллуазское острие. Оренджия: 6 — острие; 9 — нож с обушком; 10 — пластина с ретушью; 11, 12 — ядрища.

и ближневосточному верхнему палеолиту и мустьерской эпохе тех же районов. К первым принадлежат скребки, листовидные острия (впрочем, их можно с равным правом относить и ко второй группе), пластины с притупленным краем, сегменты. Вторая группа представлена ножами с притупленным краем, скреблами, остроконечниками, некоторыми остриями, в частности с подправленным основанием. Ретушированные пластины могут быть включены в любую из групп.

Вряд ли прав Г. Сэмпсон, сводя все разнообразие памятников Южной Африки к обобщенному типу: «Различия между Бамбатой и поздним питерсбургом, между мосселбэй и средним питерсбургом столь поверхностны, что встает вопрос, нужны ли разные термины для их обозначения» (Sampson, 1972). Он сам отвечает на свой вопрос отрицательно. Его же собственные находки на р. Оранжевой, в непосредственной близости от пещеры Очагов, на стоянках открытого типа Оренджия и Зеекогат (его третья ступень среднего каменного века) указывают на значительные отличия от третьей ступени, как она представлена в пещере Очагов (слои 6—9), да и вообще от питерсбурга, поскольку почти ни в одном из памятников нет тех треугольных острий, что так разнообразны в питерсбургской культуре. Нет там, как кажется, и типичных ножей с обушком или скребел. Зато памятник открытого типа из Наталя (ЮАР), возле Утреха, обнаруживает гораздо большую близость к памятникам питерсбургской культуры. Это сборы возле обнажения. Находки, как полагают, приурочены к пропитанному известняком песку, налегающему на гравий. Техника раскалывания — леваллуазская. Заготовки отличаются значительными размерами. Они из того же глинистого сланца, что и на многих других стоянках. Это позволяло получать длинные леваллуазские острия, ретушированные пластины из леваллуазских заготовок и скребла. Здесь есть и столь характерный для пещеры Очагов нож с обушком, и пластины с ретушью удлиненных пропорций. В отличие от Оренджии найдены типичные острия — с овальным основанием, с ретушью с брюшка на конце и в основании. Встречены и предметы с резцовым сколом. Видимо, питерсбургская культура действительно существовала и сильно отличалась от памятников типа Оренджии. Правда, для справедливости этого предположения нужно доказать родство нижнего (четвертого) слоя пещеры Очагов с остальными слоями, поскольку там нет острий.

В 60-х гг. был опубликован ряд определений абсолютного возраста радиоуглеродным методом для стоянок позднего каменного века, содержащих фауну без всяких пережиточных реликтов и являющихся голоценовыми по стратиграфии. В пещере Бордер (ЮАР, пров. Наталь) для слоя, перекрытого остатками железного века, близкими к современности, с каменными изделиями, свойственными позднему каменному веку, получена дата 35 000±9 тыс. лет назад. Эта дата не единственная. В нескольких выпусках журнала «Радиокарбон» (например: Radiocarbon, 1967, № 9) есть серия дат для стоянок голоценового времени (позднего каменного века) — примерно 30 тыс. лет тому назад. Таков памятник «Коттедж Розы» на р. Оранжевой, где слой, перекрытый уилтонскими изделиями времени развитого позднего каменного века, с геометрическими микролитами, имеет дату 27 480±520 лет. Как полагают некоторые исследователи, здесь скорее ошибка археолога (неверное определение принадлежности культурных слоев), чем ошибка в определении абсолютного возраста. Пока совершенно неясно, что стоит за такими противоречиями в показаниях разных методов. Видимо, нельзя исключать ни ошибок археологов (неверное определение магозийским возрастом явно более древнего слоя в «Коттедже Розы»), ни ошибок в определении абсолютного возраста радиоуглеродным методом.

Примером значительных отличий от питерсбургской культуры может служить набор каменных орудий из пещеры Помонгве (Южная Родезия). Это памятник, нижние слои которого относятся, как кажется, к культуре чараман, последующие — к стилбею и далее — к культурам позднего каменного века (магози и уилтон). Самые нижние слои содержат рубила, чопперы, а вместе с ними скребки, зубчатые и выемчатые орудия, острия — все то, что характерно для Бамбаты в ее нижнем отделе. Хотя орудия изготовлены из коротких отщепов, тем не менее среди ядрищ выделяется крупное леваллуазское, овальной формы. Размеры орудий незначительны по сравнению с орудиями питерсбургской культуры. Имеется определение абсолютного возраста радиоуглеродным методом для этого слоя: 42 тыс. лет до наших дней.

Рис. 71. Пещера Очагов. Питерсбургская культура. По Г. Сэмпсону.

Слои 4 и 5: *1* — нож с обушком; *2* — зубчатое орудие; *3*, *4* — скребла. Слои 6—9: *5* — выемчатое орудие; *6* — скребок; *7* — леваллуазское острие; *8* — нож с обушком; *9*, *20* — зубчатые орудия; *10—15* — скребла; *16—18* — острия; *19* — остроконечник; *21* — острие с притупленным краем.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА АФРИКИ

Изучение палеолита Африки позволяет сделать обоснованные предположения о месте и времени возникновения человека и человеческого общества. На этой основе возможны дальнейшие выводы, предполагающие происхождение всего остального населения тогдашней ойкумены с Африканского материка как единственного места возникновения рода человеческого.

Африка предоставила исследователям полноценные свидетельства возникновения человеческой культуры в виде археологических памятников — охотничьих стоянок олдувайского времени, а не геологических обнажений с находками отдельных каменных орудий. В Африке же были найдены и многочисленные скелетные остатки человека, порой в одном слое (на одном археологическом памятнике) с древнейшими каменными орудиями (антропологические источники).

Новые материалы, относящиеся к олдувайской эпохе, — каменные орудия и комплексы, в пределах которых они были найдены, остатки поселений и жилищ, впервые открытые для столь древнего времени, ставят новые проблемы. Например, проблема возникновения тех категорий, при помощи которых принято описывать изменчивость и развитие археологического материала (признак, тип, культура, эпоха, зона развития). Для последующего за олдуваем времени важно количество эпох и их соотношение с соответствующего ранга подразделениями на других материках. Благодаря этому возможна постановка вопроса самостоятельности палеолита Африки.

Древнейшие памятники палеолита были найдены во всей Африке, и ни одной из ее частей нельзя отдать предпочтение. Здесь же зачастую вместе с каменными орудиями в пределах одной стратиграфической единицы или даже в культурном слое одной стоянки были обнаружены скелетные остатки гоминид. Их можно истолковать как принадлежавшие творцам этих каменных орудий или во всяком случае современные им. Но есть исследователи, которые думают, что процесс возникновения человека происходил на более широких пространствах. По их мнению, к территории Африки надо добавить по крайней мере Азию. Другие же, напротив, сужают очаг возникновения человека до Восточной Африки.

Если несколько десятилетий тому назад каменные орудия древнейшей эпохи рисовались весьма проблематично как галечные орудия, порой собранные на поверхности, то теперь именно в Африке (Танзания, Эфиопия, Кения) найдено несколько стоянок с выраженным культурным слоем, со множеством каменных орудий, залегающих на том месте, где ими пользовались древние люди, вместе с отходами производства, с костями животных.

Начало человеческой культуры по археологическим источникам рисуется как появление многих групп каменных орудий, а затем и костяных, видимо дополняемых деревянными. Одновременно появляются и поселки, судя по культурным слоям стоянок олдувайского времени, особенно мощным и насыщенным там, где находились когда-то жилища. Человек того времени питался (в той или иной степени) мясом животных, на которых он скорее всего охотился.

Существенные изменения претерпела и постановка вопроса: как выглядел древнейший изготовитель каменных орудий. Еще недавно материал для ответа поставляли доломитовые полости Южной Африки с их многочисленными остатками австралопитековых, в которых чаще всего видели не прямых предков архантропов (людей типа питекантропа, синантропа), а боковую ветвь. Далее оказалось, что на стоянках, где находят древнейшие каменные орудия, есть остатки австралопитеков, что усилило их претензии на роль действительных предков человека. Ожесточенный спор на эту тему оказался ненужным, когда выяснились сразу два обстоятельства.

Во-первых, остатки гоминид конца плио-

цена — начала плейстоцена обладают огромной морфологической изменчивостью, большей, чем допускалось раньше внутри одного вида. И так называемые массивные австралопитеки и грацильные австралопитеки равно принадлежат к одному виду, и потому для тех и для других нужно в одинаковой степени допускать возможность трудовой деятельности.

Спор о мозговом рубиконе также завершился довольно неожиданно: среди существ олдувайского возраста оказался субъект с объемом мозга, очень близким к объему мозга у питекантропов и синантропов. Процесс вызревания новых качеств длился много дольше, чем предполагалось ранее, — несколько миллионов лет. Более вероятно, что это время ушло в основном на выработку новых форм поведения, связанных с оседлостью, с появлением семьи, с охотой — новым способом получения главного источника питания — мяса. Все эти формы поведения неотделимы от изготовления и применения орудий, от создания жилых сооружений.

Морфологические изменения человека олдувайской эпохи пока не установлены, но не исключено, что они будут прослежены в будущем.

Примерно 5, а может быть, 10 млн лет назад возникают первые гоминиды — существа, отличавшиеся от понгид прямохождением, относительно развитым мозгом, отсутствием клыков, выступающих из зубного ряда, и, видимо, совершенной кистью. В какой-то момент эти существа изменяют свой образ жизни — он целиком зависит от орудий труда. Одновременно происходят связанные с этим перемены в физиологии размножения и в их поведении (охота, оседлость). Археология фиксирует момент таких перемен в поведении, отмечая возникновение первых лагерей охотников, ведущих (сравнительно с обезьянами) оседлый образ жизни. Эти существа очень разнообразны морфологически и кажутся нам одни более, другие менее приспособленными к новому образу жизни, к сознательным действиям. Они определяются по-разному: и Homo habilis, и Homo 1470, и австралопитеки. Переходный характер этих существ осложняет их номенклатуру.

Поскольку процесс возникновения человека — процесс возникновения нового вида и, стало быть, процесс биологический, то ему придется отвести ограниченную территорию. Такой территорией была Африка. И все обитатели остальных материков должны признаваться потомками африканских гоминид олдувайской или ашельской эпохи. Данное положение следует принять в качестве аксиомы, даже если археологический материал Северной Европы не подтверждает этого. Видимо, обитатели Северной Франции и Англии столь сильно изменили формы каменных орудий, принесенные из Африки, что мы лишены возможности указать на признаки, соединяющие их с африканскими (в то время как это легко можно сделать для орудий Южной Европы).

Африканские материалы позволяют по-новому посмотреть на вопросы возникновения человеческой культуры. Ранее казалось на основании данных археологии (неполных, как мы теперь хорошо знаем), что многие стороны человеческой культуры возникали постепенно, а сам процесс представлялся медленным накапливанием отдельных свойств, наращиванием их над одним признаком (сознательным трудом) пирамидой, опрокинутой, поставленной на свою вершину. Этот процесс занимал несколько археологических эпох, которые соединялись в одно целое — нижний палеолит (или нижний и средний палеолит). Такая большая классификационная единица отвечала периоду становления человека и общества. В конце нижнего, с началом верхнего (позднего) палеолита начинается «готовое общество». Теперь очевидно, что те стороны человеческой культуры, которые ранее казались возникающими в последовательные эпохи палеолита, на самом деле появились одновременно, в пределах одной археологической эпохи — олдувайской. Таковы охота, жилища, охотничьи поселки и более широко — оседлость, связанная с охотничьим образом жизни.

Далее, столь же новым заключением, проистекающим из новых материалов по африканскому палеолиту, является представление, что каменные орудия были изобретены не в виде одного универсального орудия, как думали раньше, а сразу в виде множества групп орудий, впоследствии продолживших существование в виде морфологических групп (зубчатые и выемчатые орудия, чопперы, орудия высокой формы, скребла).

Основы африканской археологии применительно к олдувайской ступени каменного века можно сформулировать так. Главные археологические компоненты появляются одновременно. Начало олдувайской эпохи представлено полузамкнутыми комплексами — совокупностями орудий из камня с одного поселения, из одного слоя. Представляется, что для олдувайского времени поселение не является фракцией. Превращение совокупности орудий, побывавших в руках человека, в археологический источник происходит одним единственно возможным путем — путем образования культурного слоя поселения. Еще нет иных источников: могил, могильников, кладов. С самого начала существовали артефакты, совокупность которых может образовывать замкнутый или полузамкнутый комплекс. Распознание их, выделение среди натуральных предметов лежит в

основе археологии, является ее главной предпосылкой.

Точно так же весьма рано появляются компоненты археологического универсума — категории обобщающего характера: признак, тип, культура. Так, простейший элемент, при помощи которого можно описывать любой индивидуальный предмет и тем самым подниматься на какой-то уровень обобщения, — признак — уже существует, как только появляется артефакт. Хотя надо сказать, что в описаниях М. Лики (Leakey M., 1971) нет строго выдержанной категории признака, с его элементарностью в качестве непременного условия. Но возможность определения устанавливается по ее описаниям при более строгом анализе.

Из существования повторяющихся у разных форм орудий признаков вытекает возможность выведения типов. Например, для изделий такого рода, как орудия высокой формы, прямые скребла, чопперы, типы могут быть выведены, поскольку им может быть дана обобщенная характеристика: тип — это совокупность постоянно встречающихся признаков. Допустимо, что категории, которые пока, до более строгого рассмотрения, принимаются нами за типы, в некоторых случаях могут оказаться не типами, а надтипами — категориями, пригодными не для построения культур, а для построения путей развития и иных категорий, но часть их, как кажется, будет типами. Для установления этого обстоятельства необходимы представления о пространственном распространении типов, что подлежит проверке после публикации новых материалов с территорий, удаленных от Олдувайского ущелья (Эфиопия, Кения), с территорий, где соответствующие памятники уже известны, но сведения о них предварительны.

Первая ступень человеческой культуры (а для нас — археологической периодизации) — олдувайская эпоха. Она представлена жилыми остатками, скелетными остатками человека и разнообразным набором каменных, а немного позже и костяных орудий. Ашельская эпоха отделяется от нее по новым формам двусторонне обработанных массивных орудий (колуны, рубила). Здесь, в Африке, эта эпоха обладает большей длительностью, чем в Европе. Ее достаточно плавно сменяет мустье—постмустье. Далее каменный век Африки (поздний каменный век) нами не рассматривается, хотя он и не отделен резкой границей от предшествующей эпохи (постмустье). Для олдувайской эпохи нет возможности (ввиду состояния источников) указать археологические культуры. Точно так же представляется, что ашель на территории Африки, хотя и различается, но малоизвестен для столь огромной территории, чтобы говорить об археологических культурах ашельского времени. Но кажется, что для эпохи мустье—постмустье археологические культуры обрисованы вполне определенно.

Африка вместе с Азией (без Ближнего Востока) составляет в палеолите единое целое — единую афро-азиатскую зону развития. Эта мысль не разделяется нынешними исследователями. Большинство из них неосознанно стремится выделить те же эпохи на территории Африки, что и в Европе, и тем самым лишить палеолит Африки своеобразия или свести это своеобразие до уровня более низкого, чем тот, на котором мы предполагаем описывать его. Своеобразием афро-азиатской зоны развития является отсутствие резких границ между ашелем и последующей эпохой — мустье—постмустье. Далее, в палеолите Африки нет подразделения, которое бы соответствовало верхнему палеолиту в Европе. В то же самое время имеются памятники, совмещающие признаки, которые в Европе и на Ближнем Востоке свойственны верхнему палеолиту и мустье. При этом развитие идет скорее к мезолиту с его орудиями геометрических очертаний, чем к «чистому» верхнему палеолиту, как мы его знаем в иной зоне развития культуры — на Ближнем Востоке и в Европе. Поскольку и в мезолитических памятниках не исчезают черты, характерные для верхнего палеолита, то, конечно, и в африканских памятниках рядом с признаками, свойственными мезолиту, есть признаки верхнего палеолита. Таковы памятники Нубии, характер которых, типология, время существования и отношение к предшествующим памятникам яснее всего. Таковы и культуры харга на Ниле и лупемба в Восточной Африке. В Африке нет четких границ между культурами каменного века плейстоцена и начала голоцена, что свойственно Европе.

Все сказанное относится ко времени после ашеля. В ашельскую эпоху нет деления на две зоны развития — европейскую и африканскую, напротив, в Европе и в Азии есть разновидности ашеля, которые явственно имеют африканский облик, и рядом — разновидности, несвойственные Африке, — без рубил и колунов. Это отражение первоначального расселения из одного центра и первоначальной дифференциации ашеля и олдувая для памятников ашельского времени без рубил в Европе и Азии.

Олдувайская эпоха как самая первая в археологической периодизации едина в том смысле, что в ней не выделяется особых зон развития; разделение, культурная дифференциация, по-видимому, реализуется только на уровне археологических культур, о чем свидетельствует основательная разница между памятниками Олдувайского ущелья. Но она может быть приписана и другим причинам. Во

всяком случае в ашельское время уже бесспорно существуют археологические культуры, правда, пока установленные не в Африке, а в Европе (бассейн Темзы). Поскольку множественность каменных орудий свойственна уже олдуваю, то нельзя не допустить, что и в нем могли быть разные археологические культуры. В начале ашеля мы застаем такую картину: в Европе и в Азии, в тех частях этих материков, которые ближе всего к Африке, есть памятники ашеля африканского типа, или «южного ашеля». И лишь позднее (самое позднее — в риссе — на уровне среднего ашеля) происходит разделение ашеля (но только ашеля) на два разных направления. Параллельно с ашелем из олдувая развивается группа европейских памятников, кажется, разнокультурных, не тождественных олдуваю, но тоже без рубил, колунов и с чопперами. При этом лишь в ашеле можно наметить разницу общего порядка между Африкой и Европой: в Европе — и ашель, и культуры типа буда или клектон, а в Африке — только ашель. Но поскольку ашель сменяет олдувай и в Африке, и в Европе, стоит начинать различать Африку и Европу только с мустьерского времени. В мустьерское время (по европейской шкале) в Африке начинается асинхронное развитие, обнаруживается отставание. Здесь развивается не мустье, а особая эпоха: мустье—постмустье. И ашель Африки в его позднем выражении синхронен мустье Европы или Ближнего Востока. С появлением различий такого масштаба можно говорить о возникновении независимых зон развития культуры, независимых потому, что эпохи разновременны и разнокачественны. Но различия иного масштаба (см. выше) относятся к более раннему времени — еще к ашелю.

Таким образом, развитие человеческой культуры началось на Африканском континенте. Всю олдувайскую эпоху человек жил только там. В ашеле люди заняли весь Старый Свет, а во время, соответствующее (по европейской шкале) мустьерской эпохе, происходит разделение ойкумены на две зоны развития культуры: европейско-ближневосточную и афроазиатскую. Последняя сейчас лучше всего представлена материалами Африки.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. В поисках предков. М., *1972а.*

Алексеев В. П. Антропологические аспекты проблемы происхождения и становления человеческого общества. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., *1972б.*

Аликан А. Доисторическая Африка. М., *1960.*

Бадер Н. О. Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье. Автореф. канд. дис. М., *1965.*

Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., *1950.*

Борисковский П. И. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., *1970.*

Борисковский П. И., Соловьев В. В. Новые материалы по каменному веку Гвинеи. — В кн.: Из культурного наследия народов Америки и Африки. Л., *1975.* (Сб. Музея антропол. и этногр. Т. 31).

Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М., *1959.*

Бунак В. В. Краткий обзор таксономических и филетических схем гоминид. — В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., *1966.* (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 92).

Величко А. А. Природный процесс в плейстоцене. М., *1973.*

Виноградов А. В. Себильская культура в районе Дакки. — В кн.: Древняя Нубия. Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.—Л., *1964.*

Дебец Г. Ф. Территория СССР и проблема родины человека. — «Кратк. сообщ. Ин-та этногр. АН СССР», *1952*, т. 17.

Дебец Г. Ф. Новые данные о соотношении галечной индустрии, австралопитековых обезьян и древнейших людей. — «Сов. этногр.», *1964*, № 5.

Долуханов П. М. Хронология палеолитических культур. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., *1972.*

Ефименко П. П. Первобытное общество. Изд. 3-е. Киев, *1953.*

Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. — В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., *1951.* (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 16).

Зубов А. А. Систематические критерии рода Homo и его эволюция. — «Вопр. антропол.», *1973*, вып. 43.

Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека. М., *1965.*

Кочеткова В. И. Сравнительная характеристика эндокранов гоминид в палеоневрологическом аспекте. — В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., *1966.* (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 92).

Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., *1973.*

Кригер Н. И. Четвертичные отложения Африки и Передней Азии. М., *1962.*

Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. М.—Л., *1960.* (МИА. № 79).

Любин В. П. Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны. — В кн.: Древняя Нубия. Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.—Л., *1964.*

Любин В. П. Нижний палеолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., *1970.*

Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., *1968.*

Марков К. К., Величко А. А. Четвертичный период (ледниковый период—антропогеновый период). Т. 3. М., *1967.*

Марков К. К., Величко А. А., Лазуков Г. И. Плейстоцен. М., *1968.*

Марков К. К., Лазуков Г. И., Николаев В. А. Четвертичный период (ледниковый период—антропоген). Т. 1, 2. М., *1965.*

Нестурх М. Ф. Приматология и антропогенез (обезьяны, полуобезьяны и происхождение человека). М., *1960.*

Нестурх М. Ф. Проблема первоначальной прародины человечества. — В кн.: У истоков человечества. М., *1964.*

Нестурх М. Ф. Происхождение человека. Изд. 2-е. М., *1970.*

Ранов В. А., Буданов В. И. Коллекция каменного века из Аравийской пустыни (АРЕ). М., *1973.*

Рогинский Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. — В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., *1951.* (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 16).

Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., *1969.*

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., *1963.*

Северцов А. Н. Морфологические закономерности эволюции. — Собр. соч. Т. 5. М.—Л., *1948.*

Семенов С. А. О каменных орудиях австралопитеков. — «Сов. археол.», *1958*, № 3.

Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., *1966.*

Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., *1974.*

Серебряный Р. Л. Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии. М., *1965.*

Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, *1972.*

Тих Н. А. Предыстория общества. Л., *1970.*

Урысон М. И. Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе. — «Вопр. антропол.», *1965*, вып. 19.

Урысон М. И. Питекантропы, синантропы и близкие им формы гоминид. — В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., *1966а*. (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 92).

Урысон М. И. Ископаемый гоминид из Республики Чад и проблема пограничных форм между австралопитеками и древнейшими людьми. — «Вопр. антропол.», *1966б*, вып. 22.

Урысон М. И. Некоторые проблемы антропогенеза в свете новых палеоантропологических открытий. — В кн.: Итоги науки. Антропология. М., *1970*.

Флинт Р. Ледники и палеогеография плейстоцена. М., *1963*.

Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., *1959*.

Цейнер Ф. Плейстоцен. М., *1963*.

Черниш О. П. Дослідження найнижчих мустьерських шарів стоянки Молодове V в 1962, 1964 рр. — «Археологія», Київ, *1971*, т. 1.

Шаллер Д. Б. Год под знаком гориллы. М., *1971*.

Шевченко Ю. Г. Эволюция коры мозга приматов и человека. М., *1971*.

Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза. — В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., *1951*. (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 16).

Якимов В. П. Основные направления адаптивной радиации высших обезьян в конце третичного и начале четвертичного периода. — «Бюл. Моск. об-ва испытателей природы», *1964*, т. 14.

Якимов В. П. Австралопитековые. — В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., *1966*. (Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. 92).

Якимов В. П. Стадии и внутристадиальная дифференциация в эволюции человека. М., *1967*.

Якимов В. П. Проблема грани между животным и человеком. Вступительное слово. — Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Симпозиум. Т. 3. М., *1968*.

Якимов В. П. Антропогенез. — БСЭ. Изд. 3-е. Т. 2. *1970*.

Якимов В. П. Черты прерывности в эволюции человека. М., *1973*.

Adrian W. Die Frage der norddeutschen Eolithen. Paderborn, *1948*.

Alimen H. The Quaternary era in the North-West Sahara. Algerie, *1965*.

Allchin B. The stone-tipped arrow. Late Stone Age hunters of the tropical Old World. London, *1966*.

Arambourg C. Les faunes mammalogiques du Pléistocène circumméditerranéen. — «Quaternaria», *1962*, t. 6.

Arambourg C. Le gisement moustérien et l'Homme du Gebel Irchoud (Maroc.) — «Quaternaria», *1965*, t. 7.

Arambourg C., Chavaillon J., Coppens I. Résultats de la nouvelle mission de l'Omo (2e campagne 1968). — «Compt. rend. Acad. sci.», *1969*, t. 268, ser. D.

Arambourg C., Coppens I. Sur la découverte dans le pléistocène inférieur de la vallée de l'Omo (Ethiopie) d'une mandibule d'Australopithecien. — «Compt. rend. Acad. sci.», *1968*, t. 265, ser. D.

Arambourg C., Hofstetter R. Le gisement de Ternifine. — «Arch. Inst. de Paléontol. Humaine», *1963*, mem. 31.

Balout L. Préhistoire de l'Afrique du Nord. Paris, *1955*.

Balout L., Biberson P., Tixier J. L'Acheulèen de Ternifine (Algerie), gisement d'Atlanthrope. — «L'Anthropologie», *1967*, t. 71, N 3—4.

Biberson P. Le cadre paléogéographique de la préhistoire du Maroc atlantique. — «Publ. du Service des Antiquités du Maroc», Rabat, *1961*, mem. 16.

Biberson P. Human evolution in Morocco in the framework of the paleoclimatic variations of the Atlantic pleistocene. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, *1963*.

Biberson P. Some aspects of the Lower Palaeolithic of North-West Africa. — In: Background to evolution in Africa. Ed. by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, *1967*.

Binford L. R., Binford S. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies. — «Amer. Anthropologist», *1966*, vol. 68, N 2.

Bishop W. W. The late Cenozoic history of East Africa in relation to hominoid evolution. — In: The late Cenozoic Glacial Age. New Haven—London, *1971*.

Bishop W. W., Clark J. D. [Eds.]. Background to evolution in Africa. Chicago, *1967*.

Bordes F. Essai de classification des industries «moustériennes». — «Bull. Soc. préhist. franç.», *1953*, t. 50, N 7—8.

Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. *1968*, Paris.

Brain C. K. Procedures and some results in the study of Quaternary cave fillings. — In: Background to evolution in Africa. Ed by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, *1967*.

Brain C. K. Who killed the Swartkrans Ape-Man? — «Bull. South African Museum Assoc.», *1969*, vol. 9.

Breuil H. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. — Congr. intern. d'anthropol. et d'archéol. préhist. XIV sess. T. 1. Genève, *1912*.

Breuil H., Teilhard de Chardin P., Wernert P. Le Paléolithique du Harrar. — «L'Anthropologie», *1951*, t. 55, N 3—4.

Butzer K. W. Climatic-geomorphologic interpretation of Pleistocene sediments in subtropics. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and K. Bourlière. Chicago, *1963*.

Butzer K. W. Environment and archaelogy. Chicago, *1971*.

Butzer K., Brown F., Thurber D. Horisontal sediments of the Lower Omo valley. The kibish formation. — «Quaternaria», *1969*, t. 11.

Butzer K. W., Isaac G. L. Radiocarbon dating of East African lake levels. — «Science», *1972*, vol. 175.

Camps C., Delibrias I., Thommeret J. Chronologie absolue et succession des civilisations préhistoriques dans le Nord de l'Afrique. — «Lybica», Alger, *1968*, vol. 16.

Caton-Thomson G. The Kharga Oasis in Prehistory. London, *1952*.

Chavaillon J. Les formations quaternaires du Sahara nordoccidental. Paris, *1964*.

Chavaillon J., Taieb M. Stratigraphie du Quaternaire de Melka Kontouré (vallée de l'Aouache, Ethiopie: premiers resultats). — «Compt. rend. Acad. sci.», *1968*, t. 266.

Clark J. D. The Stone Age cultures of Northern Rhodesia. The South African Archaeological Society Handbook N 4. Cape Town, *1950*.

Clark J. D. The prehistoric cultures of the Horn of Africa. Cambridge, *1954*.

Clark J. D. The Sangoan culture of Equatoria. The implication of its stone equipment. — In: Miscelanea en Homenaje al Abate H. Breuil. Vol. 1. Barcelona, *1964*.

Clark J. D. Kalambo-Falls prehistoric site. Vol. 1. Cambridge, *1969*.

Clark J. D. The Prehistory of Africa. New York—Washington, *1970*.

Clark J. D. Kalambo-Falls prehistoric site. Vol. 2. Cambridge, *1974*.

Clark J. D., Cole C. N., Isaac G. L., Kleindienst M. R. Precisions and definitions in African Archaeology. — «South African Archaeol. Bull.», Cape Town, *1966*, vol. 27.

Clarke R. I., Howell F. C., Brain C. K. More evidence of an advanced hominid as Swartkrans. — «Nature», *1970*, vol. 225.

Cooke H. B. S. Pleistocene Mammal faunas of Africa with particular reference to Southern Africa. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, *1963*.

Dart R. A. The osteodontokeratic culture of «Australopithecus prometheus». — «Transvaal Museum Mem.», Cape Town, *1957*, N 10.

Davies O. The Quaternary in the coastland of Guinea. Glasgow, *1964*.

Davies O. West Africa before the Europeans. Archaeology and Prehistory. London, *1967*.

Descamps C. Récherches sur l'ancienneté de la présence humaine dans l'Extrême-Ouest Africain. — Proc. VIII Intern. congr. Anthropol. and Ethnol. Sci. Vol. 3. Ethnol. and Archaeol. Tokyo, *1970*.

Ferembach D. La necropole épipaléolithique de Taforalt (Mároc oriental). Rabat, *1962*.

Flint R. F. Glacial and Pleistocene geology. New York, *1957*.

Goodwin A. J. H. The Middle Stone Age. — «Ann. of the South African Museum», *1929*, vol. 27.

Grahmann R., Müller-Beck H. Urgeschichte der Menschheit. Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz, *1967*.

Gruet M. Le gisement d'El-Guettar et sa flore. — «Lybica», Alger, *1958—1959*, vol. *6—7*.

Hall K. R. L. Tool-using perfomances as indicators of behavioural adaptability. — «Current Anthropol.», Chicago, *1963*, vol. 4, N 5.

Hay R. L. Stratigraphy of Beds I through IV, Olduvai Gorge. — «Science», *1963*, vol. 139.

Hay R. L. Revised stratigraphy of Olduvai Gorge. — In: Background to evolution in Africa. Ed. by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago—London, *1967*.

Hewes G. W. A new ecological model for hominization. — Proc. VIII Intern. congr. Anthropol. and Ethnol. Sci. Vol. 3. Ethnol. and Archaeol. Tokyo, *1970*.

Holloway R. Australopithecine endocast. (Taung specimen 1924). A new volume determination. — «Science», *1970*, vol. 168.

Howe B. The Palaeolithic of Tangier, Morocco. Excavations at Cape Ashakar, 1939—1947. — «Amer. School of Prehist. Research. Peabody Museum, Harvard Univ.», Cambridge. Mass., 1967, N 22.

Howell F. C. The Villafranchian and Human origins. — «Science», *1959*, vol. 130.

Howell F. C. Excavations of the Acheulian Occupation site of Isimila. American Philosophical Society Yearbook. New York, *1960*.

Howell F. C. Isimila: A Paleolithic site in Africa. — «Scientific Amer.», New York, *1961*, vol. 205, N 4.

Howell F. C. Early Man. New York, *1965*.

Howell F. C. Omo research expedition. — «Nature», *1968*, vol. 219.

Howell F. C. Remains of hominidae from Pliocene-Pleistocene formations in the lower Omo basin. — «Nature», *1969*, vol. 223.

Howell F. C., Clark J. D. Acheulian hunter-gatherers of Sub-Saharan Africa. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, *1963*.

Howells W. Evolution of the Genus Homo. Reading. Mass., *1973*.

Inskeep R. R. Earlier Stone Age occupation at Amanzi: a preliminary investigation. — «South African J. of Sci.», *1965*, vol. 61.

Inskeep R. R. Some problems relating to the Early Stone Age in South Africa. — «South African Archaeol. Bull.», Cape Town, *1969*, vol. 24.

Isaac G. L. The stratigraphy of the Peninj Beds and the provenance of the Natron Australopithecine mandible. — «Quaternaria», *1965*, t. 7.

Isaac G. L. Studies of early culture in East Africa. — «World Archaeol.», London, *1969*, vol. 1, N 1.

Isaac G. L. Chronology and the tempo of cultural change during the Pleistocene. — In: Calibration of hominoid evolution. Ed by. W. W. Bishop, J. A. Miller. Glasgow, *1972*.

Jacob Teuku. The problem of head-hunting and brain-eating among pleistocene men in Indonesia. — «Archaeol. and Physical Anthropol. in Oceania», Sydney, *1972*, vol. 7, N 2.

Jacob Teuku. Morphology and palaeoecology of early man in Java. — Proc. IX Intern. congr. Anthropol. and Ethnol. Sci. Chicago, *1973*.

Jones N. The Prehistory of Southern Rhodesia. Cambridge, *1949*.

Klein R. G. Problems in the study of the Middle Stone Age of South Africa. — «South African Archaeol. Bull.», Cape Town, *1970*, vol. 25.

Koenigswald G. H. R. Asia and the evolution of man. — In: Studies in Prehistory. Robert Bruce Foote Memorial Volume. Calcutta, *1966*.

Kurten B. Not from the apes. London, *1972*.

Lavocat R. Les microfaunes du Quaternaire ancien d'Afrique orientale et australe. — In: Background to evolution in Africa. Ed. by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, *1967*.

Lawick-Goodall J. The behaviour of free-living chimpanzees in the Gombe Stream Reserve. Animal Behaviour Monographs. Vol. 1, pt 3. London, *1968*.

Leakey L. S. B. Olduvai Gorge. Cambridge, *1951*.

Leakey L. S. B. The Olorgesailie Prehistoric site. — Proc. I Pan-African congr. of Prehist. Oxford, *1952*.

Leakey L. S. B. The Olduvai Gorge, 1951—1961. Vol. 1. Cambridge, *1965a*.

Leakey L. S. B. Facts instead of dogmas on man's origin. — In: Origin of Man. New York, *1965b*.

Leakey L. S. B., Leakey M. D. Recent discoveries of fossil hominids in Tanganyika. At Olduvai and near Lake Natron. — «Nature», *1964*, vol. 202.

Leakey M. D. Preliminary survey of the cultural material from Beds I and II, Olduvai Gorge, Tanzania. — In: Background to evolution in Africa. Ed. by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, *1967*.

Leakey M. D. Early artefacts from Koobi Fora area. — «Nature», *1970a*, vol. 226.

Leakey M. D. Stone artefacts from Swartkrans. — «Nature», *1970b*, vol. 225.

Leakey M. D. Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Beds I and II, 1960—1963. Cambridge, *1971*.

Leakey M. a. R., Martin J. E., Tobias P. V. An Acheulean industry and the discovery of a hominid mandible, lake Baringo, Kenya. — «Proc. Prehist. Soc.», *1969*, vol. 35.

Leakey R. E. F. New hominid remains and early artefacts from Northern Kenya. — «Nature», *1970*, vol. 226.

Leakey R. E. F. Further evidence of Lower Pleistocene hominids from East Rudolf, North Kenya. — «Nature», *1971*, vol. 231.

Leakey R. E. F. Evidence for an advanced Plio-Pleistocene hominid from East Rudolf, Kenya. — «Nature», *1973*, vol. 242.

Leakey R. E. F., Behrensmeyer A. K., Fitch F. J., Miller J. A., Leakey M. D. Fauna and artefacts from a new Plio-Pleistocene locality near lake Rudolf in Kenya. — «Nature», *1970*, vol. 223.

Leroi-Gourhan A., Bailloud G., Chavaillon J., Laming-Emperaire A. La Préhistoire. Paris, *1966*.
Lumley H. de. Les civilisations préhistoriques en France. Correlations avec la chronologie quaternaire. — In: Études françaises sur le Quaternaire presentées à l'occasion du VIII-e Congrès International de l'INQUA. Paris, *1969*.
Maglio V. J. Early Elephantidae of Africa and a tentative correlation of African Plio-Pleistocene deposits. — «Nature», *1970*, vol. 225.
Marks A. E. The Mousterian industries of Nubia. — In: The Prehistory of Nubia. Dallas, *1968a*.
Marks A. E. The Khormusan: An upper Pleistocene industry in Sudanese Nubia. — In: The Prehistory of Nubia. Dallas, *1968b*.
Marks A. E. The Halfan industry. — In: The Prehistory of Nubia. Dallas, *1968c*.
Marks A. E. The Sebilian industry of the second cataract. — In: The Prehistory of Nubia. Dallas, *1968d*.
Mason R. Prehistory of the Transvaal. 2d ed. Johannesburg, *1962*.
McBurney C. B. M. The Stone Age of Northern Africa. London, *1960*.
McBurney C. B. M. The Haua Fteah (Cyrenaica). Cambridge, *1967*.
McBurney C. B. M., Hey R. W. Prehistory and Pleistocene geology in Cyrenaican Lybia. Cambridge, *1955*.
Miller J. A., Fitch F. J. Radioisotopic age determination of lake Rudolf artefact site. — «Nature», *1970*, vol. 226.
Müller-Beck H. Pleistozäne Stratigraphie und Sequenz der Hominiden-Funde. — «Anthropologie», Praha, *1965*, vol. 3, N 3.
Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. 1. Altsteinzeit. München, *1966*.
Oakley K. P. Man the tool-maker. 5d ed. London, *1961*.
Oakley K. P. Frameworks for dating fossil man. 3d ed. London, *1969*.
Patterson B., Behrensmeyer A. K., Sill W. D. Geology and fauna of a new Pliocene locality in North-Western Kenya. — «Nature», *1970*, vol. 226.
Pilbeam D. The ascent of man. New York, *1972*.
Riet van Lowe C. The Pleistocene geology and Prehistory of Uganda. Pt 2. Prehistory. — «Geological survey of Uganda», Colchester, *1952*, mem. 6.
Robinson J. T. Australopithecines and artefacts at Sterkfontein. — «South African Archaeol. Bull.», Cape Town, *1962*, vol. 17.
Robinson J. T. Adaptive radiation in the Australopithecines and the origin of Man. — In: African ecology and human evolution. Chicago, *1963*.
Sampson C. G. The Middle Stone Age industries of the Orange scheme area. — «National Museum Bloemfontain», *1969*, mem. 4.
Sampson C. G. The Stone Age Industries of the Orange River scheme and Southern Africa. — «National Museum Bloemfontain», *1972*, mem. 6.
Sartono S. Implications arising from Pithecanthropus VIII. — Proc. IX Intern. congr. Anthropol. and Ethnol. Sci. Chicago, *1973*.
Shaller G. B., Emlen J. T. Observations on the ecology and social behaviour of the mountain gorilla. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, *1963*.
Singer R., Wymer J. Archaeological investigations at the Saldanha skull site in South Africa. — «South African Archaeol. Bull.», *1968*, vol. 23.
Smith Ph. E. L. The Late Palaeolithic of North-East Africa in the light of recent research. — «Amer. Anthropologist», *1966*, vol. 68, N 2, pt 2.
Smith Ph. E. L. A revised view of the Later Palaeolithic of Egypt. — In: La Préhistoire, problèmes et tendances. Paris, *1968*.
Smith Ph. E. L. Remarks on the Sebilian of Egypt. — Actes du VI Congr. Panafricain de Préhist. et Géologie du Quaternaire. Dakar, *1972*.
Soehnge P. G., Wisser D. J. L., Riet van Lowe C. The geology and archaeology of the Vaal river basin. — «Union of South Africa. Geological Survey», *1937*, mem. 35.
Tixier J. Les industries lithiques d'ain Fritissa (Maroc oriental). — «Bull. d'Archéol. Marocain», *1958—1959*, t. 3.
Tobias P. V., Hughes A. R. The new Witwatersrand University excavation at Sterkfontein. — «South African Archaeol. Bull.», Cape Town, *1970*, vol. 24.
Vallois H. V. La mandibule humaine fossile de la Grotte du Porc-Epic près Diré-Daoua (Abyssinie). — «L'Anthropologie», *1951*, t. 55, N 3—4.
Vallois H. V. Neandertals and Praesapiens. — «J. of Royal Anthropol. Inst.», *1958*, vol. 84.
Vallois H. V. La grotte Fontéchevade. Deuxiéme partie: Anthropologie. — «Arch. Inst. de Paléontol. Humaine», *1959*, mem. 29.
Van Campo M., Coque R. Palynologie et géomorphologie dans le Sud Tunisien. — «Pollen et Spores», Paris, *1960*, t. 7, N 2.
Van Campo M., Cohen I., Quinet P. Contribution à l'étude du peuplement végétal quaternaire des montagnes sahariennes. — «Pollen et Spores», Paris, *1965*, t. 7, N 2.
Vaufrey R. Stratigraphie capsienne. — «Swiatowit», Warszawa, *1936*, t. 16.
Vaufrey R. Préhistoire de l'Afrique. T. 1. Le Maghreb. Paris, *1955*.
Vignard E. Une nouvelle industrie lithique, le Sébilien. — «Bull. Soc. préhist. franç.», *1928*, t. 25.
Vore I. de, Washburn S. L. Baboon ecology and human evolution. — In: African ecology and human evolution. Ed. by F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, *1963*.
Wells L. H. Antelopes in the Pleistocene of Southern Africa. — In: Background to evolution in Africa. Ed. by W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, *1967*.
Wendorf F. [Ed.]. The Prehistory of Nubia. Dallas, *1968*.
Wymer J. Lower Palaeolithic archaeology in Britain as represented by Thames valley. London, *1968*.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

г. — город
деп. — департамент
дол. — долина
ист. пров. — историческая провинция
мест. — местонахождение
о-в. — остров
оз. — озеро
пещ. — пещера
пров. — провинция
р. — река
р-н. — район
ст. — стоянка

Аваш (Aouache), р. (Эфиопия) 83
Австрия (Österreich) 18
Адисс-Абеба (Addis-Ababa), г. (Эфиопия) 83
Айн-Метерхем (Ain Metherchem), ст. (Тунис) 50, 51, 122, 127
Айн-Ханеш (Ain Hanech), ст. (Алжир) 46, 107, 108
Айн-Фритисса (Ain Fritissa), ст. 19—122, 124
Алжир (Algérie) 34, 46
Аливал-Норт (Alival North), г. (ЮАР) 62
Аманзи (Amanzi), ст. (ЮАР) 117
Амброна (Ambrona), ст. (Испания) 48
Англия (England) 190
Ангола (Angola) 174
Анды (Andes), горы (Юж. Америка) 14
Арабская Республика Египет (Arab Republic of Egypt) 6, 7, 132
Аравийская пустыня (Arab Desert) 47
Асокрохона (Asokrochona), ст. (Гана) 118
Атлас (Atlas), горы 14
Афалу-бу-Руммель (Afalou Bou Rhummel), пещ. (Алжир) 129
Ашакар (Achakar), пещ. (Марокко) 129

Бамбата (Bambata), пещ. (Юж. Родезия) 56, 180, 183, 185, 189
Баринго (Baringo), оз. (Кения) 63, 102, 103
Бенин (Benin) 118
Бени-Сегуаль (Beni Segoual) *см.* Афалу-бу-Руммель
Бени-Снассен (Beni Snassen), горы 122
Берар (Bérard), мест. (Алжир) 122
Бетули (Bethule), г. (ЮАР) 62
Бир-эль-Атер (Bir-el-Ater), ст. (Алжир) 122
Блаубанк (Blaubank), р. (ЮАР) 85
Бордер (Border cave), пещ. (ЮАР) 189
Британские острова (British Islands) 14
Брянск, г. (СССР) 122
Буджулешти (Bugiuleşti), мест. (Румыния) 31
Булак (Bulak), проход (АРЕ) 140
Булавайо (Bulavaio), г. (Юж. Родезия) 107
Буреть, ст. (СССР) 41

Вааль (Vaal), р. (ЮАР) 114
Вади-Дерна (Derna Wadi), мест. (Ливия) 165
Валлоне (Vallonet), пещ. (Франция) 22, 31
Венгрия (Hungary) 22, 33
Вертешсёллёш (Vertesszöllös), ст. (Венгрия) 22, 34, 48
Вондербом (Wonderboom), ст. (ЮАР) 114

Гагарино, ст. (СССР) 41
Гана (Ghana), 58, 118
Гейдельберг (Heidelberg), г. (ФРГ) 33, 34
Герчиф (Guercif), г. (Марокко) 111, 120
Гималаи (Himalaya), горы (Юж. Азия) 14
Гомборе (Gombore), ст. (Эфиопия) 83
Грегори (Gregory Rift), дол. (Кения) 100, 105

Дар-эс-Солтан (Dar-es-Soltan), пещ. (Марокко) 127
Джеббана (Djebbana), ст. (Алжир) 122
Джебел-Акдар (Gebel Akhdar), местность (Ливия) 165
Джебел-Ирхуд (Djebel Irhoud), ст. (Марокко) 51, 128
Джебел-Сильсиль (Gebel Silsileh), ст. (АРЕ) 156
Дикобраза пещера (Porc-Epic) (Эфиопия) 56, 172, 185
Дире-Дауа (Dire Daua), пещ. (Эфиопия) 55
Джос (Ios), мест. (Нигерия) 118
Джуф (Djouf), дол. (Алжир) 122
Дольни-Вестонице (Dolní Véstonice), ст. (Чехословакия) 41
Доорнлагте (Doornlagte), мест. (ЮАР) 114

Египет (Egypt) *см.* Арабская Республика Египет
Ереванская пещера (СССР) 187

Заир (Zair) 58
Замбия (Zambia) 56, 105, 173
Зеекогат (Zeekoegat), ст. (ЮАР) 57, 187, 189

Индия (India) 5, 17, 18, 22, 48, 52
Индонезия (Indonesia) 22, 32
Исимила (Isimila), ст. (Танзания) 59, 103—106
Италия (Italy) 51, 186

Кайзо (Kaiso), мест. (Уганда) 64, 87
Каламбо (Kalambo Falls), водопад (Замбия) 174
Каламбо-Фоллз (Kalambo Falls), ст. (Замбия) 61, 105, 106, 174
Калахари (Kalahari), пустыня (Юж. Африка) 61, 65
Камафуфо (Camafufo), ст. (Ангола) 177
Канам (Kanam), мест. (Кения) 79
Канапои (Kanapoi), мест. (Кения) 20, 63, 79
Канталуэт (Cantalouette), мест. (Франция) 103

Кап-Тенес (Tenés Cap), пещ. (Алжир) 129
Касабланка (Casablanca), г. (Марокко) 34, 108, 121
Катонгула (Catongula), ст. (Ангола) 177
Кейптаун (Cape Town), г. (ЮАР) 117
Кения (Kenya) 5, 8, 18, 20, 22, 32, 56, 81, 91, 105, 190
Кинангоп (Kinangop), мест. (Кения) 65
Киренаика (Cyrenaica), ист. пров. (Ливия) 50—52, 119, 157
Китай (China) 17, 18, 22, 24, 33
Кларендон (Clarendon), р. (ЮАР) 114
Кларенс (Clarens), р. (ЮАР) 114
Класиес-Ривер (Klasies River Mouth), пещ. (ЮАР) 84
Клектон (Clacton), ст. (Англия) 48
Клипплаатдриф (Klipplaatdrift), мест. (ЮАР) 114, 117
Коммона мастерская (Atelier Commont), мест. (Франция) 76
Ком-Омбо (Kom Ombo), ст. (APE) 155, 156
Конго (Congo), р. (Заир и Конго) 7, 103, 118, 173
Константина (Constantine), г. (Алжир) 107, 122
Константина (Constantine dép.), деп. (Алжир) 107, 122
Кооби-Фора (Koobi Fora), ст. (Кения) 22, 32, 64, 81, 82, 88, 90
Корреш (Correch), ст. (Франция) 31
Костенки, ст. (СССР) 41
Коттедж Розы (Rose Cottage), ст. (ЮАР) 189
Краков (Kraków), г. (Польша) 105
Кромдрай (Kromdraai), мест. (ЮАР) 18, 31, 85, 87—89
Кхами (Khami), ст. (Юж. Родезия) 185

Ла-Лабанер (La Labaner), ст. (Франция) 31
Ла-Муйла (La Mouillah), пещ. (Алжир) 129
Ланьтянь (Lantian), мест. (Китай) 33—35
Лаэтолил (Laetolil), мест. (Кения) 64, 79
Лесото (Lesoto) 62
Ливан (Lebanon) 168
Ливийская пустыня (Libyan Desert) 132
Ливия (Libya) 7, 140
Лотегем (Lothagam), мест. (Кения) 20, 63, 64, 79
Луангва (Luangwa), р. (Замбия) 173
Лунда (Lunda), плато (Заир и Ангола) 178

Магриб (Maghreb), ист. пров. (Сев. Африка) 5, 52, 119, 120, 140
Мазаган (Mazagan), мест. (Марокко) 123
Макапан (Makapan), дол. (ЮАР) 87, 89
Макапансгат (Makapansgat), мест. (ЮАР) 18, 31, 87, 89
Мальта, ст. (СССР) 41
Марамба (Maramba), мест. (Замбия) 107
Марокко (Morocco) 22, 34, 36, 46, 76, 121, 128, 169
Мас-Ферреоль (Mas Ferreol), ст. (Франция) 31
Матана (Matana), проход (APE) 138
Матана (Matana), ст. (APE) 138, 140
Мауэр (Mauer), мест. (ФРГ) 33
Мвулу (Mvulu's cave), пещ. (ЮАР) 84
Межиричи, ст. (СССР) 41
Мезин, ст. (СССР) 41
Мелка-Контуре (Melka Konturé), ст. (Эфиопия) 82
Моджокерто (Modjokerto), мест. (Ява, Индонезия) 22, 32, 34
Моно (Mono), р. (Того) 118
Монте-Палья (Monte Paglia), ст. (Италия) 31
Монтьер (Montières), ст. (Франция) 31
Мосселбэй (Mosselbay), ст. (ЮАР) 187
Мостаганем (Mostaganem), мест. (Алжир) 122
Мугарет-эль-Алия (Mougharet-el-Aliya), пещ. (Марокко) 128
Мурси (Mursi), мест. (Эфиопия) 79
Мусолекси (Musolexi), ст. (Ангола) 177
Муфо (Mufo), ст. (Ангола) 177

Наталь (Natal), пров. (ЮАР) 189
Натрон (Natron), оз. (Танзания) 67, 100
Нгоронгоро (Ngorongoro), вулкан (Танзания) 66
Нджамена (Njamena), г. (Респ. Чад) 31
Неменшас (Nemenchas), горы (Алжир) 123
Нзонгези (Nsongezi), ст. (Уганда) 173
Нигерия (Nigeria) 118
Нил (Nile), р. 50, 193
Нкалабонг (Nkalabong), мест. (Эфиопия) 80
Нубия (Nubia), ист. пров. 7, 142, 143
Нубии мустьерские стоянки (Nubian Mousterian)
— — — ANW-3 150
— — — 6 146
— — — 34a 149
— — — 1000 146
— — — 1010-8 143
— — — 1033 143
— — — 2004 149, 150

Олдувай, Олдовай (Olduvai), ущелье (Танзания) 6, 18, 28—30, 33, 34, 36, 38, 45, 46, 59, 63, 79, 106, 107, 192
Олдувай (Olduvai), стоянки (Танзания) 66, 90, 93
— BK II 30, 94
— DK 68, 69
— DK I 30, 69
— EF-HR 68, 94
— FC II 94
— FC II-West 94
— FLK 68, 69
— FLK I 69
— FLK-N I 30, 76
— FLK-NN 69
— FLK-NN I 30, 69
— HWK-east 93, 94
— HWK-east II 93
— MHK 68, 94, 99
— MK 94
— MK II 94, 99
— TK II 94, 100
Олоргезайли (Olorgesailie), ст. (Кения) 105
Омо (Omo), р. (Эфиопия) 18, 30, 45, 46, 60, 80, 89
Омо 71 (Omo 71), ст. (Эфиопия) 64, 81
Оранжевая (Orange Free State), пров. (ЮАР) 57, 189
Оранжевая (Orange River), р. (ЮАР) 57, 189
Ориджия (Orangia), ст. (ЮАР) 57, 187, 189
Очагов пещера (Cave of Hearths) (ЮАР) 185, 189

Пакистан (Pakistan) 17, 22
Палестина (Palestine), ист. пров. 168
Паликао (Palicao) (Алжир) *см.* Тернифин
Пекин (Peking) 33
Петржковице (Petřkovice), ст. (Чехословакия) 41
Поднестровье Среднее (СССР) 120
Помонгве (Pomongwe), пещ. (Юж. Родезия) 189
Прага (Praha) 34
Пржезлетице (Přezletice), ст. (Чехословакия) 31, 34
Пушкари I, ст. (СССР) 41

Рабат (Rabat), г. (Марокко) 114
Рефуф (Refuf), проход (APE) 133, 136
Рефуф (Refuf), стоянки (APE) 133, 134
— I 134, 136, 138
— II 134, 136
— III 134, 136
— V 134
— VI 136
— VIIa 134, 136, 138
— VIII 136
Рифтовая долина (Rift valley) (Кения) 65, 66, 102, 174
Рудольф (Rudolf), оз. (Кения) 18, 32, 45, 58, 60, 79

Салданья (Saldanha), залив (ЮАР) 117
Салданья (Saldanha), ст. (ЮАР) 117
Сангиран (Sangiran), мест. (Ява, Индонезия) 18
Санго (Sango), холмы (Уганда) 173
Санго (Sango), ст. (Уганда) 173
Сан-Франческо (San Francesko), пещ. (Италия) 187
Сахаби (Sahabi), мест. (Ливия) 63
Сахара (Sahara), пустыня 50, 53, 59, 60
Сванскомб (Swanscombe), ст. (Англия) 89
Сварткранс (Swartkrans), пещ. (ЮАР) 31, 34, 83, 85, 87—89
Сендвелд (Sandweld), плато (ЮАР) 117
Сенегал (Senegal) 7
Сент-Арно (Saint Arnaud), мест. (Алжир) 107
Сетиф (Setif), г. (Алжир) 107
Сиваликские холмы (Siwalik Hills) (Пакистан и Индия) 18, 22
Сиди-Абдеррахман (Sidi Abderrahmane), пещеры (Марокко) 34, 108, 109, 114
— Медведя грот 109, 108
— Литторины грот 109, 108, 110
— STIC, ст. 109
Сиди-Зин (Sidi Zin), ст. (Тунис) 114, 119
Сиди-Мансур (Sidi Mansour), ст. (Тунис) 129
Синга (Singa), мест. (Эфиопия) 55
Сирия (Syrie) 168
Сокоде (Sokode), мест. (Того) 118
Сомали (Somalie) 56
Сосруко, пещ. (СССР) 132
Стеркфонтейн (Sterkfontein), мест. (ЮАР) 18, 31, 64, 85
Странска-Скала (Stranská Skála), мест. (Чехословакия) 31
Стэнли-Пул (Stanley Pool), г. (Конго) 177
Судан (Sudan) 154, 156

Танганьика (Tanganyika), оз. (Вост. Африка) 173
Танжер (Tangier), г. (Марокко) 128
Танзания (Tanzania) 7, 18, 21, 22, 29, 32, 173, 190
Таунг (Taung), мест. (АР) 18, 31, 64, 65
Тафоральт (Taforalt), пещ. (Марокко) 121, 128
Тебесса (Tébessa), г. (Алжир) 122
Тельманская стоянка (СССР) 41, 132
Темара (Temara), пещ. (Марокко) 114
Темза (Thames), р. (Англия) 193
Тенерифе (Tenerife), о-в (Испания) 45
Терра-Амата (Terra Amata), ст. (Франция) 41, 48
Тернифин (Ternifine), ст. (Алжир) 34, 54, 98, 110—112, 114
Тит-Мелиль (Tit Mellil), ст. (Марокко) 121, 129
Того (Togo) 118
Торральба (Torralba), ст. (Испания) 48
Трансвааль (Transvaal), пров. (ЮАР) 80
Три Реки (Three Rivers), мест. (ЮАР) 114
Тунис (Tunisia) 115, 122, 169
Турналь (Turnal), пещ. (Италия) 187

Уганда (Uganda) 5, 173
Уед-Акарит (Oued Akarit), ст. (Тунис) 61, 129
Уед-Бушерит (Oued Boucherit), мест. (Алжир) 108
Утрех (Utrecht), г. (ЮАР) 189
Ухтата (Ouchtata), ст. (Тунис) 130

Ферраси (La Ferrassie), пещ. (Франция) 124, 127
Флорисбад (Florisbad), г. (ЮАР) 55, 62
Фонтешвад (Fontéchevade), пещ. (Франция) 89
Франция (France) 22, 36, 51, 104, 122, 190
ФРГ 23, 33
Фута-Джаллон (Foutah-Djallon), плато (Респ. Гвинея) 47

Хагфет-эд-Дабба (Hagfet-ed-Dabba), пещ. (Ливия) 165, 167
Хагфет-эт-Тера (Hagfet-et-Tera), плато (Респ. Гвинея) 47
Хай-Крейем (Hajj Creiem), ст. (Ливия) 51, 165
Харга оазис (Kharga), стоянки (АРЕ) 50, 58, 132, 140
— — 6, 137, 138
— — 6е 138
— — 8а 138
— — 10 138
— — 10а 133
— — 10с 134
Харгейза (Hargeisa), ст. (Эфиопия) 172
Хауа-Фтеа (Haua Fteah), пещ. (Ливия) 50, 51, 119, 127, 157—161, 163, 164, 167, 168
Хоггар (Hoggar), р-н Сахары 60
Хотылево, ст. (СССР) 122
Хоупфилд (Hopefield) *см.* Салданья
Хоуп-Фоунтейн (Hope Fountain), ст. (Юж. Родезия) 106, 107

Чад (Chad), оз. (Респ. Чад) 22, 31, 59, 60
Чарама (Charama), плато (Замбия) 185
Чарама (Charama), ст. (Замбия) 185
Чемерон (Chemeron), мест. (Кения) 79
Чехословакия (Czechoslowakia) 34, 41
Чжоукоудянь (Choukoutien), пещ. (Китай) 33—35
Чивондо (Chivondo), мест. (Малави) 63

Экора (Ekora), мест. (Кения) 79
Эландсфонтейн (Elandsfontein) *см.* Салданья
Эль-Геттар (El-Guettar), ст. (Тунис) 127, 129
Эль-Мекта (El-Mekta), ст. (Тунис) 132
Эль-Кензира (El-Khenzira), пещ. (Марокко) 123, 129
Эмирех (Emireh), ст. (Палестина) 187
Эфиопия (Ethiopia) 18, 30, 32, 60, 91, 190
Эйяси (Eyasi), мест. (Танзания) 128

Южная Родезия (South Rhodesia) 107, 173, 180
Южно-Африканская Республика (South Africa) 34, 185

Ява (Java), о-в (Индонезия) 18, 22, 24
Япония (Japan), 5, 14, 17

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адриан В. 26
Айзек Г. 23, 56, 59—61, 81—83, 102, 105
Алексеев В. П. 8, 18
Алимен А. (Алиман А.) 60, 127
Антони Ж. 28
Арамбур К. 34, 79, 81, 108, 110, 111, 113, 121, 128

Бадер Н. О. 46, 131
Балу Л. 51, 54, 111, 129
Беренсмейер К. 79, 81
Биберсон П. 34, 36, 45, 48, 54, 59, 76, 108, 110, 111, 119
Бинфорд Л. 104
Бишоп Б. 45, 65, 79, 82
Блэк Д. 33
Борд Ф. 5, 22, 23, 48, 54, 57, 76, 104, 122, 143
Борисковский П. И. 6, 7, 39, 84
Брейль А. 45, 53, 169, 170, 172
Брум Р. 85
Брэйн Ч. 64, 87, 88
Брэйс Л. 80, 88
Буданов В. И. 47
Бунак В. В. 34, 37
Бутцер К. 60, 61—63, 65, 85, 101

Ваймер Д. 117
Валлуа А. 89, 113, 170
Ван Кампо М. 62
Вацуро Э. Г. 21
Величко А. А. 11
Вендорф Ф. 51, 57
Вертеш Л. 33
Виноградов А. В. 47
Виньяр Э. 152, 154—156
Войтонис Н. Ю. 21
Вор И. де 21
Вофрей Р. 108, 112, 113, 121—124, 129, 131, 132

Гаррод Д. 158
Геер Г. де 16
Герасимов М. М. 34
Городцов В. А. 5
Григорьев Г. П. 7, 29
Грю М. 127
Гудвин А. 53, 55

Дарвин Ч. 18, 22
Дарт Р. 85, 89
Дебец Г. Ф. 22
Джонс Н. 107, 183
Долуханов П. М. 15
Дэвис О. 117, 118
Дюбуа Е. 32

Ефименко П. П. 5, 7, 23, 26, 46, 84, 131

Замятнин С. Н. 7, 45, 46, 84, 131
Зубов А. А. 28, 89, 92

Иванова И. К. 11, 13, 19, 29
Инскип Р. 117

Йеркс Р. 21

Кан Г. 127
Келер В. 21
Келлер Ч. 84
Кенигсвальд Г. 22, 23, 32
Клайндинст М. 70, 103—105
Кларк Д. Д. 23, 45, 46, 54—56, 59, 61, 69, 70, 78, 84, 104—107, 117, 119, 172—174, 177, 179, 185, 187
Клейн Р. 54, 55, 84
Коул Г. 104
Кочеткова В. И. 28, 30, 34, 35, 37, 90, 92
Кригер Н. И. 15
Кук Б. 87
Кэтон-Томпсон Г. 132—141

Лавока Р. 64
Лавров П. Л. 35
Ладыгина-Котс Н. Н. 21
Лазуков Г. И. 11
Лауик-Гудол Д. ван 21
Ле Гро Кларк 19, 35
Ленин В. И. 20
Леруа-Гуран Арлетта 62
Лики Л. 28, 29, 36, 45, 63, 66, 67, 79, 83, 85, 89, 91, 93, 96, 105, 112,183
Лики М. 32, 36, 56, 67, 69, 70, 72—74, 76—79, 82, 87, 88, 94, 96, 98, 99, 102, 103, 192
Лики Р. 58, 79, 81—83, 88, 90, 102, 103
Любин В. П. 23, 40, 47
Люмлей А. де 31

Маглио В. 63, 64
Майр Э. 28
Мак-Бёрни Ч. 50, 51, 119, 157—165, 167—169
Марков К. К. 11—13
Маркс К. 35, 36, 38
Маркс Э. 143—153
Мартин Д. 103
Мэйсон Р. 86, 113, 116, 117, 185
Миланкович М. 15
Мовиус Х. Л. 77, 157
Морган Л. Г. 40
Мортилье Г. де 17
Мюллер-Карпе Г. 5, 50

Невилль Р. 109
Нестурх М. Ф. 18
Николаев В. А. 11

Окладников А. П. 5
Окли К. П. 13, 26, 33, 37
Олчин Б. 52
Ольдерогге Д. А. 7

Павлов И. П. 21
Паркингтон Д. 84
Пейрони Д. 127
Петерсон Б. 79
Пилбим Д. 67, 80, 88
Пиотровский Б. Б. 47
Познанский М. 105
Пфейфер Д. 70
Пэй Вень-чжун 33

Ранов В. А. 46
Рит ван Лоу К. 48, 53, 113
Робинсон Д. 91
Рогинский Г. З. 21
Рогинский Я. Я. 18, 28, 39, 89
Рульман А. 109

Северцов А. Н. 90
Семенов С. А. 84
Семенов Ю. И. 39
Серебряный Р. Л. 15
Силл У. 79
Синджер Р. 84, 117

Смит Ф. 54, 57, 129, 154—156, 160
Солецкий Р. 142
Соловьев В. В. 47
Сосновский Г. П. 7
Сулейманов Р. Х. 49
Сэмпсон Г. 62, 84, 185, 187, 189

Тейяр де Шарден П. 195
Тиксье Ж. 54, 111, 112, 119, 120, 168
Тих Н. А. 21
Тобайэс Ф. 30, 84, 85, 103

Урысон М. И. 8, 22, 28—31, 34, 90—92
Уошбарн Ш. 21, 38
Уэллс Л. 64

Формозов А. А. 46, 131
Франклин Б. 24

Хауэлл Ф. К. 34, 45, 48, 79, 80, 89, 103—106
Хей Р. Л. 63, 66, 67
Холл К. 21
Холлоуэй Р. 88, 91
Хьюз Г. 23
Хьюз Э. 85

Цзя Лань-по 33
Цейнер Ф. 15

Чернышг А. П. 40

Шавайон Ж. 60, 81, 85
Шаллер Д. 21
Шевченко Ю. Г. 35, 37

Энгельс Ф. 24, 35—37, 40

Ян Чжун-цзян 33
Якимов В. П. 18—20, 23, 28, 30, 34, 39, 84, 89—92

Adrian W. 26
Alimen H. 60, 127
Allchin B. 52
Arambourg C. 79, 81, 107, 108, 110, 111, 113, 121, 128

Balout L. 50, 51, 54, 111, 127, 129
Behrensmeier A. 79, 81
Biberson P. 45, 48, 54, 59, 76, 108—112, 119
Binford L. 104
Bishop W. 45, 65, 79, 82
Bordes F. 17, 22, 23, 48, 54, 57, 76, 104, 122, 143
Brain C. K. 64, 87, 88
Breuil H. 45, 53, 169, 170, 172
Brown F. 60
Butzer K. W. 11, 60—62, 65, 85, 101

Camps G. 127, 129
Caton-Thompson G. 132—141
Chavaillon J. 60, 81, 85, 127
Clark J. D. 23, 29, 33, 45, 46, 49, 54—56, 59, 61, 69, 70, 78, 84, 88, 104—107, 117—119, 172—174, 177—179, 185
Cooke H. B. S. 87
Coppens Y. 81

Dart R. A. 85, 89
Davies O. 118
Descamps C. 54

Emlen J. T. 21

Ferembach D. 128
Fitch F. J. 82
Flint R. F. 59

Goodwin A. J. H. 53, 55, 185
Grahmann R. 17
Gruet M. 127

Hall K. R. L. 21
Hay R. L. 63, 66, 67, 165
Hewes G. W. 23
Hey R. W. 165
Hofstetter R. 111, 114
Holloway R. 88, 91
Howe B. 128
Howell F. C. 45, 48, 79, 80, 89, 103, 105
Howells W. 31, 33, 34
Hughes A. R. 85

Inskeep R. 113, 117
Isaac G. 23, 56, 60, 61, 81—83, 102, 105

Jacob Teuku 32
Jones N. 107

Klein R. 54, 55
Kleindienst M. 70, 103—105
Koenigswald G. H. R. 22, 23, 32
Kurten B. 89

Lavocat R. 64
Lawick-Goodall J. van 21
Leakey L. S. B. 29, 45, 63, 66, 67, 79, 83, 85, 89, 91, 93, 96, 105, 112, 183
Leakey M. D. 29, 56, 67, 69, 70, 72—74, 76—79, 82, 85, 87, 88, 94, 96, 98, 99, 102, 103
Leakey R. E. F. 58, 79, 81—83, 88, 90, 102, 103
Leroi-Gourhan André 17
Leroi-Gourhan Arlette 62
Lumley H. de 31

Maglio V. J. 63, 64
Marks A. 143—152, 154, 155
Mason R. 86, 113, 116, 117, 185
McBurney C. B. M. 50, 51, 119, 157—165, 167—169
Miller J. A. 82
Müller-Beck H. 17
Müller-Karpe H. 50

Oakley K. P. 13, 15, 19, 25—27, 37

Patterson B. 79
Pfeiffer D. 70
Pilbeam D. 31, 34, 67, 80, 88, 89, 91

Riet van Lowe C. 48, 53, 113
Robinson J. T. 89, 91

Sampson G. G. 62, 185, 189
Sartono S. 32
Shaller G. B. 21
Singer R. 84, 117
Smith P. E. L. 54, 57, 129, 152, 154—156, 160

Taieb M. 83
Thurber D. L. 60
Tixier J. 54, 111, 112, 119, 120, 168
Tobias P. V. 84, 85, 103

Vallois H. 89, 113, 170
Van Campo M. 62
Vaufrey R. 108, 113, 121—124, 129, 131, 132
Vignard E. 152, 154—156
Vore I. de 21

Washburn S. L. 21
Wells L. 64
Wendorf F. 51, 57, 142
Wymer J. 48, 117

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббевильская эпоха *см.* Эпохи археологические
Австралопитек восточноафриканский 18, 19, 30, 87
— грацильный 91
— южноафриканский 18, 19, 31, 88. *См. также* Обезьяны ископаемые
Австралопитековые 7, 18—22
— морфологическая характеристика 18, 19, 83, 84, 88—91
— морфологическое разнообразие 88, 92, 93
— морфологическое различие между человеком и австралопитеком 18, 19, 83, 91—93
Айдьенский цикл *см.* Циклы эрозионные
Альпийская схема. Гюнц 11, 13, 15, 30. *См. также* Оледенение
— — миндель 11, 13, 15
— — рисс 11, 13, 15
— — вюрм 11, 13, 15
Амудийская культура 160
Антропоген *см.* Четвертичный период
Антропогенез 7. *См. также* Очеловечение обезьян
— расхождение понгид и гоминид 24, 91
— скорость морфологических изменений у гоминид 90—91
— две линии эволюции гоминид 83, 90, 93
— тупиковые формы в антропогенезе 24, 90, 91, 93
— боковая ветвь 24, 90
Антропоиды *см.* Обезьяны ископаемые, Обезьяны современные
Ароморфоз 90, 91
Архантропы 22, 31, 34, 35, 38
— мозг *см.* Мозг
— отличие от антропоидов 35
— представители 34, 35, 101, 112
— различие между архантропами и Homo habilis 35, 93
Атер (атерийская), культура 7, 119—128, 141
— время существования, возраст 60, 120
— духовная культура атерийцев 127
— отличие от мустье Европы 50, 51, 122, 123
— особенность набора орудий 120
Атерийский человек 128
Атлантроп (тернифинский человек) 112, 113
Ашель (ашельская эпоха, ашельское время) 66, 67
— ранний 66, 67, 88, 106—112
— средний 102—105
— поздний 54, 67, 68, 109, 110, 114, 115, 117, 136, 137
— набор орудий 48
— жилые остатки *см.* Жилища
— переход ашель—мустье—постмустье 54, 56, 119
Ашель африканский 93—118
— — возраст 54, 67, 68, 100, 101
— — критерий отделения от мустьерской эпохи 55—57, 119
— — особенности 48
— — продолжительность 67, 68
Ашельских памятников типы. Африканский (южный) 48—50
— — — европейский (северный) 48
— — — клектонский 48

Бамбата (бамбатская), культура 185
— тип памятников 185

Верхнепалеолитическая группа орудий 52—57
— — — соединение с мустье 52—57
Верхнеплейстоценовые культуры 55
Верхнеплейстоценовый набор орудий 55
Верхний палеолит Киренаики *см.* Дабба
— — сибирского типа 57, 168
Виллафранк 11, 13, 30, 60, 67, 68, 95, 107, 108
— нижний 11, 13, 30
— верхний 11, 13, 19, 30
— время 30, 67, 68
— отложения 31, 67, 68, 93
— фауна 60, 67, 68, 81, 87. *См. также* Фауна
Восточная оранская культура 169
Вулканическая деятельность 19, 22, 66
Вюрм *см.* Оледенение

Галечная культура 31
Гембльский плювиальный период *см.* Плювиальные периоды
Голоцен 11, 13, 14, 132
Гольштинская межледниковая эпоха *см.* Межледниковые периоды
Гюнц *см.* Оледенение
Гюнц—миндель *см.* Межледниковые периоды

Дабба, культура 160—167
— происхождение 163, 164, 168
Двуногая локомоция 28, 35, 36, 63, 91
Депрессия *см. геоморфологические понятия*
Джокос, культура 137
Дибейра-джер, формация *см.* Формации геологические

Жилища в олдувае 69—72
— в ашеле 40, 102, 103, 105
— в позднем палеолите 40, 41

Запаздывание палеолита Африки 55—57, 128
Зинджантроп 69
Зоны развития палеолитической культуры. Афро-азиатская 192, 193
— — — — европейско-ближневосточная 192, 193
Зубчатое мустье Нубии, культура 146, 147

Иберо-маврусийская культура 129—131
Имеретинская культура 156
Интерстадиал 13
Иссушение 60, 62, 66, 67, 84
— гипотеза появления австралопитеков 60, 65

Кагерский плювиальный период *см.* Плювиальные периоды
Калин, культура 177
Камасский плювиальный период *см.* Плювиальные периоды
Канжерский плювиальный период *см.* Плювиальные периоды
Капсий, культура 131, 132
Каптурин, формация *см.* Формации геологические
Категории групповые 45—47
— — ашельские 48
— — мустьерские 49
— — верхнепалеолитические 51
Кафу, эпоха *см.* Эпохи археологические
Клаузеннише, тип памятников 47, 51
Клектонский тип памятников 48. *См. также* Ашельских памятников типы
Колебания морских уровней *см.* Трансгрессия, Регрессия
Колебания уровня озер 60
Коллювиальные отложения 146, 147
Комплекс мустьерский 50—52. *См. также* Комплекс скребла и остроконечника
Комплекс полузамкнутый 103
Комплекс скребла и остроконечника 50—52
Контекст археологический 104
— геологический 104
Корнелия-вааль *см.* Фауны этапы развития
Критерии искусственной обработки кремня 25—27
Культура археологическая 50, 172, 192, 193

Леваллуа 52, 53, 102, 109, 120, 121, 123, 127, 129, 132, 134, 136—138, 146—152, 154—157, 159, 167—169, 172, 174, 179, 180, 186, 188
Леваллуа—мустье, культура 136—138, 160, 165
— слои 136—138, 160, 165
Леваллуазские традиции 52—53
Лупемба, культура 177—178
Люди ископаемые. Homo erectus 19, 20, 30, 31, 34, 35
— — — habilis 6, 8, 20, 28—36, 92, 93
— — — sapiens fossilis 23, 35, 55, 89
— — архантроп 22, 31, 34, 35, 38
— — атлантроп (тернифинский человек) 34, 112
— — гейдельбергский человек 22, 23, 31, 33
— — нгандонгец 20
— — неандерталец 20, 33, 34, 128, 163, 170
— — палеоантроп 34
— — питекантроп 18, 22, 29, 32—35
— — родезиец 20
— — синантроп 18, 22, 33—35
— — телантроп 34, 88
— — чадантроп 31, 32

Магози (магозийская), культура 179
Мадлен, культура 45
Мазерийский цикл 59. *См. также* Циклы эрозионные
Малакофауна 108—110
Материнская родовая община 39—41
Межледниковые периоды 13—15
— — гольштинский 14
— — гюнц-миндельский 13, 16, 33
— — миндель-рисский 13, 16, 33, 34
— — рисс-вюрмский 13, 14, 16, 17, 55
— — эемский 14
Межплювиальные периоды 14, 15, 60, 65
Методы абсолютного датирования 15—17
— — — по ленточным глинам 16, 17
— — — калий-аргоновый 16, 19, 22, 29, 32
— — — кривая Миланковича 15
— — — радиоуглеродный 15, 16
Микрофауна *см.* Фауна
Миндель *см.* Оледенение
Миндель—рисс *см.* Межледниковые периоды
Могильники оранской культуры 129
Мозг 28
— австралопитековых 18, 83, 88, 91
— архантропов 18, 35
— современного человека 18
— современных человекообразных обезьян 18
— мозговой рубикон 28, 29, 191
Морфологическая грань между человеком и животным 27—29, 37, 92, 93
Морфологических изменений скорость у гоминид *см.* Антропогенез
Мосселбэй, культура 189
Мурси, формация *см.* Формации геологические
Мустье, эпоха 51. *См. также* Эпохи археологические
— время 51
— набор орудий 51
— соединение с верхнепалеолитическими орудиями 48
— погребения 127
— запаздывание в Африке 48, 54, 55, 57
— переход в постмустье 55
— в Магрибе 123—127, 128, 129
— с ашельской традицией 47, 51
— с ножами типа клаузен 47, 51
Мустье—постмустье, эпоха 54—56
— основания для выделения 54, 55, 57, 192
Мустье типа кина—ферраси, культура 51
Мустье типичное 51

Неандерталец *см.* Люди ископаемые
Нубийское мустье А, культура 143
— — В, культура 146

Оббитых галек культура *см.* Галечная культура
Обезьяны ископаемые. Австралопитековые 8, 18—22, 24, 28—31, 34, 35
— — гигантопитеки 18, 22, 24
— — дриопитеки 18, 22, 24
— — зинджантропы 28, 29
— — мегантропы 22, 24
— — павианы 24
— — парантропы 29—31, 34
— — рамапитеки 18, 22, 24
— — удабнопитеки 24
Обезьяны современные. Гиббоны 24
— — гориллы 18, 19, 21, 24
— — орангутаны 24
— — павианы 24
— — шимпанзе 18, 19, 21, 22, 24
Огонь в палеолите 36, 37, 105. *См. также* Очаг
Олдувайская эпоха 16, 17
— — время 67, 68
— — жилища 69—72
— — набор орудий 73—77, 78
— — охота 68, 69
— — развитый олдувай 94
— — переход к ашелю 93—99
— — традиции внутри олдувая 97, 98, 192
— — фауна 67, 68
Оледенение 12, 13—16
— балтийское 13
— валдайское 13, 14
— висконсинское 14

— вислинское 13, 14
— вюрмское 13, 14, 16
— гюнцское 11, 13, 16, 30
— *днепровское 13, 14*
— дунайское 11, 13, 16, 30
— заальское 13, 14
— иллинойское 14
— канзасское 13
— краковское 13
— миндельское 13, 14, 16, 33, 34
— небрасское 13
— окское 13
— рисское 13, 14, 16, 34, 107, 110
— *самаровское 14*
— среднепольское 13
— эльстерское 13
Оран (оранская культура) 129—131
Ориньяк 53
Охота. Изначальность 37, 38, 68
— на крупных животных 37, 38, 68
— на павианов 21, 84, 105
— у архантропов 33, 105
Очаг 36, 37, 105
Очеловечение обезьян 35—37. См. также Антропогенез

Палеогеография южноафриканских пещер 85, 65
Первобытное стадо 36—40
Переход к верхнему палеолиту 39—41
Периодизация палеолита 15
Периодизация палеолита Африки. Ранний каменный век 53
— — — средний каменный век 53—55
— — — поздний каменный век 54
Питерсбург, культура 185—189
Пища 20—22
— мясная 20—22, 38
— растительная 20—22, 38
— всеядность у гоминид 38
— гипотеза об использовании в пищу падали 21, 22
Плейстоцен 11, 13, 14
— нижний 11, 13, 19
— средний 11, 13
— верхний 11, 13
Плювиальные периоды 14, 65, 66
— — общая характеристика 14
— — *синхронность с оледенениями* 15
— — кагерский 15, 19
— — камасский 15, 65, 103, 107
— — канжерский 15, 65
— — гембльский 15, 65
Подразделения стратиграфические плейстоцена *см.* Плювиальные периоды, Регрессия, Трансгрессия, Формации геологические, Циклы эрозионные
Подразделения территориальные палеолита Африки 50—53
Половой диморфизм 80, 83, 91
Поселения 38, 40, 41
Поселки охотничьи 70—72, 85, 190
Послеледниковое время *см.* Голоцен
Постмустье, эпоха 7
— специфика 54, 55
— проблема соответствия памятникам Европы 52, 53, 56, 163
Прародина человечества 22, 23, 192, 193
Преориньяк 158—160
Приматология 21, 22
Природное окружение. Роль в запаздывании палеолита Африки 58
Причина климатических колебаний в Африке 59
Прондницкая культура 51
Прямохождение 18—20
— переход к прямохождению 18—20, 30, 35, 36, 91
Псевдоорудия 25—27
Путь развития. Зубчатый 51
— — леваллуазский 138, 141, 169
— — типичный 47

Радиация адаптивная 89
Развитие руки в процессе трудовой деятельности 24, 35, 36
Раковинные кучи в капсии — тип памятников 132
Растительность. Влажные тропические леса 60
— приречного типа 61
— типа вельдов 62
— типа карру 62
— *типа саванн 60—62, 68*
Регрессия тенсифтская 114
Рисс *см.* Оледенение
Рисс—вюрм *см.* Межледниковые периоды

Санго, культура 48, 57, 52, 172—177
Сахаба, формация *см.* Формации геологические
Саурийский цикл *см.* Циклы эрозионные
Сбайкиа, культура (тип памятников) 129
Сварткранс-кромдрай *см.* Фауны этапы развития
Себек (себекская), культура 155, 156
Себиль (себильская), культура 7, 152—156
— *типология 154, 155*
— хронологическая позиция 154, 157
Сильсиль (сильсильская), культура 156
Синантроп *см.* Люди ископаемые
Смитфилд (смитфилдская), культура 53
Солифлюкция 14
Солютре, культура 53
Стадо обезьян 20—22, 38
Стадо первобытное *см.* Первобытное стадо
Стелленбош, культура 53
Стеркфонтейн *см.* Фауны этапы развития
Стилбей (стилбейская), культура 53, 180, 185
Стрелецкая культура 120

Тауриртийский цикл *см.* Циклы эрозионные
Телантроп *см.* Люди ископаемые
Теория двух скачков 39—40
Техника раскалывания. Олдувайская 73, 74
— — ашельская 102
— — леваллуазская 53, 52, 51, 179
— — мустьерская, на дисковидном ядрище 53, 179
— — оранской культуры 129
— — постмустье Африки 53, 151, 152, 156
— — переход к призматической 179, 187
Трансгрессия. Калабрийская 11, 14, 30
— монастирская 14, 122
— сицилийская 14, 30, 109
— тирренская 14, 109
— ульжийская 120
— фландрская 122
Третичный период 11

Угартийский цикл *см.* Циклы эрозионные
Уилтон, культура 188

Фауна. Виллафранкская 13, 60, 63, 64
— *джетис* 32
— лесная 13
— мамонтовая 14
— микрофауна 64
— моллюсков 109, 110
— мосбахская 13
— олдувая 64
— пещер Южной Африки 84—88

— степная 13
— тринильская 32
— холодолюбивая 14
Фауны этапы развития 64
— — — корнелия-вааль 64, 65
— — — сварткранс-кромдрай 64
— — — стеркфонтейн 64, 87, 88
— — — флорисбад-влакрааль 64
Флювиальные отложения 84, 103, 105
Формации геологические. Баллана 152
— — дибейра-джер 149
— — каптурин 102
— — *мурси* 79
— — нгорора 79, 80
— — сахаба 149
— — хумбу *100*, *101*
— — чемерон 63, 65, 102
— — шунгура 63, 80
Форсмит, культура *50*, *53*, *117*

Хальфа (хальфанская), культура 151, 152
— микролитизация 152, 179, 180
Харга (харгинская), культура 141, 142
Харгейза, культура 172
Хангенштадт, культура 53
Хозяйственной деятельности гипотеза (Бинфорда) 104
Хормуса (хормусийская), культура 148—151
— возраст 149
— поселения 149, 150
— типология 149, 150
Хоуп-фоунтейн, культура 106, 107
Хронология палеолита 15. *См. также* Методы абсолютного датирования
— — *абсолютная* 15
— — относительная 15
Хумбу, формация *см.* Формации геологические

Циклы эрозионные. Айдьенский 59
— — мазерийский 59
— — саурийский 59, 127
— — тауриртийский 59
— — угартийский 59

Чадантроп *см.* Люди ископаемые
Чарама (чарамская), культура 185
Чемерон, формация *см.* Формации геологические
Череп 1470 7, 82, 83, 88, 90—93
Четвертичный период 11, 13, 15. *См. также* Эоплейстоцен
— — начальный этап 13
— — периодизация 11, 13
Читоль, культура 179

Шелль 17. *См. также* Эпохи археологические
Шунгура, формация *см.* Формации геологические

Эволюции линии гоминид *см.* Антропогенез
Эемская межледниковая эпоха *см.* Межледниковые периоды
Эмире (эмирейская), культура 168, 180
Эоплейстоцен 11, 13, 19, 20, 22
Эпипалеолит Марокко *см.* Иберо-маврусийская культура
Эпохи археологические. Аббевильская 16, 17, 37
— — ашельская 16, 17, 30, 34, 56, 93—106, 108—117
— — дошелльская 16, 17
— — *кафу 53*
— — мустьерская 16, 17
— — мустьерско-постмустьерская 52, 54—57, 177—179, *185—188*
— — олдувайская 16, 17, 26, 30, 32, 34, 36, 38
— — шелльская 16, 17, 30, 37

ДОПОЛНЕНИЕ[1]

В последнее время (начиная с 1972 г.) Эфиопия стала местом сенсационных, даже на фоне находок Р. Лики, открытий. Речь идет прежде всего о находках ископаемого человека на р. Аваш, в местонахождении Хадар (северо-восток Эфиопии); другое название этого района — Афар (по имени обитающего здесь племени). Руководитель работ — Д. Йохансон из Кливлендского университета (США). Место работы экспедиции исключительно благоприятно для поисков ископаемых остатков — в стенках оврагов и каньонов вскрываются древнейшие озерные отложения (до 3—4 млн лет).[2] Озерные отложения чередуются с потоками лавы, которые дают возможность определить абсолютный возраст отложений калий-аргоновым методом.

На участке 288 был найден скелет, сохранившийся на 40%: обломки черепа, нижняя челюсть, несколько позвонков, обломок ключицы, ребра, обе плечевые кости, обе лучевые и локтевые, крестец, таз, левая бедренная кость, правая большая и малая берцовые кости. До сих пор столь полно сохранившегося скелета австралопитека не встречалось. Рост этого существа (его назвали Люси) меньше 130 см. Оно было прямоходящим. Отношение длины руки к длине нижних конечностей больше, чем у человека, но не достигло той величины, что свойственна обезьянам. Объем мозга Люси пока не установлен из-за малой величины сохранившихся фрагментов черепа. Никаких орудий вместе со скелетом не было найдено. Возраст скелета — взрослый — был установлен на основании прорезавшегося зуба мудрости в нижней челюсти. Пол — женский. Древность отложений, содержавших скелет, примерно 3 млн лет. Последующее изучение геологии участка 288 показало, что скелет был найден неподалеку от края древнего озера. Судя по сопровождавшей фауне, природная обстановка может быть определена как саванна или степь с сочной растительностью. Были найдены кости ископаемой черепахи, яйца крокодила и даже фоссилизованная клешня краба.

Изучение скелетных остатков показало наличие многих особенностей, не встреченных у других австралопитеков. В частности, автор отмечает примитивизм в строении нижней челюсти, зубов, таза и других частей скелета. Возможно, причина этого — большая древность новой находки сравнительно с южноафриканскими австралопитеками.

Еще большей неожиданностью была находка той же экспедицией остатков примерно шестерых или семерых индивидуумов в пункте 333. Пока существует только описание обстоятельств находки. И можно сомневаться в том толковании, какое ей дает автор: он полагает, что это результат мгновенной гибели семьи или какого-то другого коллектива. Но самое важное — наличие остатков семи особей: ребенка, подростка и примерно пяти взрослых субъектов. Вряд ли семь индивидуумов оказались захороненными в одном месте по случайности. Среди найденных костей больше всего целых челюстей и их обломков. По ним и был произведен подсчет особей, а равно и определение возраста. Две челюсти явно принадлежали детям разного возраста. Кроме челюстей, были найдены кости верхних и нижних конечностей, ребра, позвонки. В процессе работы был обнаружен и череп ребенка с двумя сохранившимися зубами. Йохансон отнес эти скелетные остатки к роду Homo, в отличие от скелета из пункта 288. Кости конечностей очень сходны с костями конечностей современного человека. Найденные челюсти имеют в плане форму буквы U, что отличает их от челюстей австралопитеков, у которых нижняя челюсть V-образна. Йохансон отмечает сходство челюсти AL-333 с челюстью человека 1470. Зубы также имеют весьма сходную с зубами современного чело-

[1] В «Дополнении» приводятся сведения об открытиях в Африке, появившиеся в научной литературе после того, как рукопись настоящего тома была сдана в издательство.

[2] *Johanson D. C.* Ethiopia yields first «family» of early man. — «National Geographic», 1976, vol. 156, N 6, p. 790—811.

века форму и отличаются от зубов австралопитека. Эти существа, судя по костям конечностей, были более рослыми, чем Люси. Геологу экспедиции М. Тайебу принадлежит заключение об одновременном захоронении всех шестерых или семерых индивидуумов. Они приурочены к слоям прибрежных озерных или речных отложений. Древность скелетных остатков в пункте 333 определяется Йохансоном примерно в 3 млн лет, как и в пункте 288.

Важно то, что впервые в руки антропологов поступит материал действительно одновременный, во всяком случае представляющий если и не одну семью, то близких родственников. И это вне зависимости от того, предполагать ли наличие семьи в столь отдаленное время, осуществление браков внутри ограниченного коллектива охотников или, напротив, действие норм экзогамии. В той или иной степени круг брачащихся был узок ввиду ограниченности встреч и знакомств в первобытном обществе (в пределах двух-трех соседних поселков). Кроме того, скелет AL-288 дает возможность представить, как выглядели австралопитеки более ранние, чем классические австралопитеки Южной Африки.

Вместе с находками Р. Лики новые находки должны составить солидную базу для суждения о том, сколь велика разница между австралопитеками и существами типа Homo habilis и человека 1470.

Если 10 лет назад общей тенденцией было допускать возможность употребления орудий австралопитеками, сближать их с человеком и смотреть на антропологический материал плиоплейстоценового возраста как на нечто целое, единое на уровне рода, то теперь намечается уже противоположная тенденция — в массе накопленного, но пока малоизученного материала выделять отдельные находки, видеть в них настоящего человека и ему, а отнюдь не всей массе австралопитековых, приписывать орудийную деятельность. Как и следовало ожидать, находки каменных изделий, обильные в последние годы, не привлекаются для решения вопроса о сущности гоминид. Все суждения основываются только на морфологии скелетных остатков. Одним из представителей такого нового направления является исследователь из Чикаго С. Окснард.[3] Его мнение об австралопитеках основывается на посткраниальном скелете. Посткраниальный скелет гоминид заинтересовал многих специалистов, что тоже в какой-то степени реакция на существовавшее в прошлом исключительное внимание только к строению черепа и главным образом — к объему мозга. Специально посткраниальным скелетом занимаются Г. Мак-Генри,[4] Д. Робинсон[5] и многие другие исследователи. В результате появились самые разные точки зрения. Так, Окснард полагает, что прямохождение австралопитеков было одним из возможных вариантов прямохождения и не имело прямого отношения к прямохождению истинных гоминид. По его мнению, особенности скелета конечностей австралопитеков разделяются на две группы: те, которые делают австралопитеков уникальными по отношению к обезьянам и человеку, и те, что позволяют сближать их с орангутаном (строение лопатки, ключицы, фаланг и таранной кости). Тем самым все остатки австралопитеков исключаются из числа возможных предшественников человека. В поисках других предшественников человека Окснард переходит от оперирования группами находок к оперированию отдельными находками. Такова новая находка Р. Лики — таранная кость, которая имеет больше сходства с таранной костью человека.[6] Новая находка датируется 1.5—2.6 млн лет и не моложе находок в Олдувайском ущелье. Другая важная для него находка — кость руки из Канапои, которая по морфологии очень близка костям конечности современного человека. Далее он ссылается на череп 1470 как на доказательство существования истинных гоминид уже 3 млн лет назад. Теперь есть и новые определения абсолютного возраста этого черепа. В одном случае это 1.8 млн лет, в другом — 1.6 млн лет. Отчасти, видимо, новая дата — результат иного метода — новые определения сделаны калий-аргоновым методом, а прежние — методом A_{40}/A_{39}.[7] Если принять новые определения, то череп 1470 можно считать не древнее находок из слоев первой пачки Олдувайского ущелья, а примерно того же возраста. Окснард делает далеко идущие выводы. Он предполагает, что австралопитеки — это тупиковая ветвь, но обладавшая развитым мозгом, прямохождением, умевшая изготовлять орудия. Не касаясь вопросов филогенеза приматов, можно только сказать, что и каменные орудия могут быть привлечены для их решения. Каменные орудия ввиду их мас-

[3] *Oxnard C. E.* The place of the australopithecines in human evolution: grounds for doubt. — «Nature», 1975, vol. 258, p. 389—397.

[4] *McHenry H.* Fossils and the mosaic nature of human evolution. — «Science», 1975, vol. 190, p. 425—430.

[5] *Robinson J. T.* Early hominid posture and locomotion. Chicago, 1972.

[6] *Leakey R. E. F., Wood B. A.* Evidence vor an advanced Plio-Pleistocene hominid from East Rudolf, Kenya. — «Amer. J. of Phys. Anthrop.», 1973, vol. 39, N 355.

[7] *Curtis G. H., Hampel T. C.* Age of KBS tuff in Koobi Fora formation, East Rudolf, Kenya. — «Nature», 1975, vol. 258, p. 395—397.

совости и статистической природы основанных на них заключений более надежны. На основании их морфологии можно думать, что в истории человеческой культуры, как она может быть представлена по данным развития каменных орудий, не было тупиков. Все известные разновидности ашельских памятников выводятся из каменных орудий олдувайской эпохи. Такова прежде всего основная масса орудий — орудия из отщепов. Сами отщепы получались одними и теми же способами на протяжении очень долгого времени — от олдувая до мустье. Это относится и к дисковидному ядрищу, и к одноплощадочному. Чопперы, переживая олдувай и существуя вплоть до мустье, а местами и позже, тоже указывают на постепенность и непрерывность развития орудий в масштабе всей ойкумены. Другое дело, что мы не знаем, изготовлялись ли орудия австралопитеками, хотя это теперь с легкостью допускается исследователями самых разных направлений.[8] Действительно, для столь раннего периода нет оснований приписывать орудийную деятельность всем гоминидам, найденным вместе с орудиями в культурном слое стоянки. Например, остатки массивного австралопитека, найденные в одном из слоев Олдувайского ущелья, не являются основанием для приписывания австралопитекам умения изготовлять орудия. Еще более осложняет дело нерешенность вопроса, кого из многочисленных гоминид считать австралопитеками. Поэтому новые данные сами по себе, без выработки новых подходов к многочисленным вопросам, связанным с антропогенезом и началом орудийной деятельности, не позволяют изменить картину, изложенную нами в настоящем издании.

---

[8] *Campbell B.* A new taxonomy of fossil man. — «Yearbook of Phys. Anthropol.», 1973, vol. 17, p. 194—201.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

П. И. Борисковский

Глава 1. Природная среда эпохи эоплейстоцена и плейстоцена. Проблема датировок и археологической периодизации 11

Глава 2. Ископаемые человекообразные обезьяны на пути превращения в людей 18

Глава 3. Первые люди. Древнейшие орудия. Общие вопросы происхождения человека и становления человеческого общества 24

Грань, отделяющая человека от обезьяны. Археологические и антропологические критерии 24
Первые люди 29
Движущие силы процесса очеловечения обезьян 35
Начальные этапы первобытного общества 37

II. ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ

Г. П. Григорьев

Глава 1. Основные категории палеолита Африки 45

Особенности палеолита 47
Географическое деление 50
Периодизация палеолита 53

Глава 2. Природное окружение в плейстоцене 59

Глава 3. Олдувайская эпоха в Африке 66

Памятники Олдувайского ущелья 66
Находки остатков человека и каменных изделий олдувайского времени в Кении и Эфиопии 79
Палеоантропология австралопитековых и ашельские находки в Южной Африке 83
Некоторые общие вопросы антропогенеза 89
Ашель в Восточной Африке 93
Олдувай и ашель в Магрибе 107
Ашель в Южной Африке 114
Древний каменный век в Экваториальной и Западной Африке 117

Глава 4. Мустье и постмустье в Африке 119

Атерийская культура в Магрибе 119
Эпипалеолит в Марокко (иберо-маврусийская культура) 129
Памятники мустье и постмустье в оазисе Харга 132
Мустье и постмустье в Нубии 142
Мустье и верхний палеолит (постмустье) в Киренаике . . 157

Постмустье в Эфиопии 169
Постмустье в Экваториальной и Восточной Африке . . . 172
Средний каменный век (постмустье) в Южной Африке 185

Глава 5. Некоторые проблемы палеолита Африки 190

Литература 194

Указатель географических названий 198

Указатель имен 201

Предметный указатель 203

Дополнение 207

CONTENTS

Preface 5

I. THE ORIGIN OF SOCIETY BY P. I. BORISKOVSKY

1. The environment of man in the Pleistocene. Problems of dating. Archaeological periods 11

2. The fossil ape in the process of transformation into man 18

3. The earliest men. The first tools. General problems of the origin of man and rise of human society . . 24

Boundary between man and ape. Archaeological and palaeoanthropological criteria 24
The most ancient men 29
The motive power of hominisation 35
Initial stages in the evolution of primeval society 37

II. THE PALAEOLITHIC OF AFRICA BY G. P. GRIGOR'EV

1. The principal categories of African Palaeolithic cultures 45

The principal features of the Palaeolithic in Africa . . . 47
Geographical subdivisions 50
Stages of development 53

2. The environment of man in the Pleistocene epoch 59

3. The Oldowan in Africa 66
The sites of the Olduvai Gorge 66
Discoveries of Human remains and Oldowan artefacts in Kenya and Ethiopia 79
The Australopithecines and the Acheulian in South Africa 83
Some general questions of hominisation 89
The Acheulian of East Africa 93
The Oldowan and the Acheulian in Maghreb 107
The Acheulian of South Africa 114
The Old Stone Age in Equatorial and West Africa 117

4. The Mousterian and Postmousterian in Africa . . 119
The Aterian in Maghreb 119
The Epipalaeolithic in Morocco (Ibero-Maurusian) 129
Mousterian and Postmousterian sites at Kharga oasis . . . 132
The Mousterian and Postmousterian of Nubia 142
The Mousterian and Postmousterian (the Upper Palaeolithic) of Cyrenaica 157
The Postmousterian of Ethiopia 169
The Postmousterian of Equatorial and East Africa 172
The Middle Stone Age of South Africa 185

5. Main problems of Africa's Palaeolithic 190

References 194

Geographical index 198

Name index 201

Subject index 203

Appendix 207

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.
ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *С. В. Добрянская*
и Е. В. Шестакова

Сдано в набор 5/X 1976 г.
Подписано к печати 18/II 1977 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага № 1.
Печ. л. 13 1/4 + 1 вкл. (1/4 печ. л.) =
= 22,68 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 24,35.
Изд. № 6177. Тип. зак. 1575.
М-16725. Тираж 3750. Цена 2 р. 96 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

2009

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

